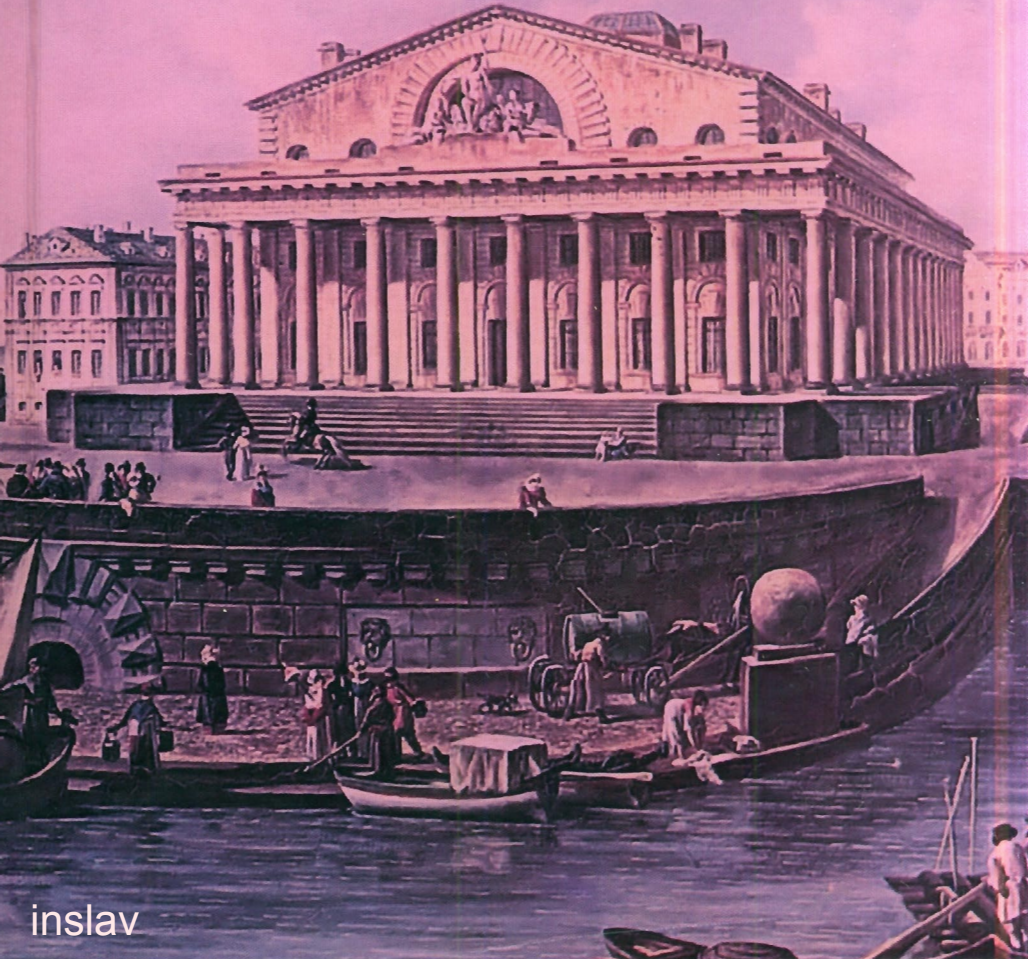

Л.П. МАРНЕЙ

Д.А. Гурьев

и ФИНАНСОВАЯ
ПОЛИТИКА РОССИИ
В НАЧАЛЕ XIX в.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Л.П. МАРНЕЙ

Д.А. ГУРЬЕВ

и ФИНАНСОВАЯ
ПОЛИТИКА РОССИИ
В НАЧАЛЕ XIX В.

МОСКВА «ИНДРИК» 2009

УДК 94 (47)
ББК 63.3 (2) 47
М 28

*Работа выполнена при финансовой поддержке
Программы фундаментальных исследований Президиума РАН
«Адаптация народов и культур к изменениям природной среды,
социальным и техногенным трансформациям».*

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (проект № 08-01-16066д)*

Ответственный редактор: д.и.н. Б.В. Носов
Рецензенты: д.и.н. И.И. Костюшко, д.и.н. Ю.А. Петров

Марней Л.П.

Д.А. Гурьев и финансовая политика России в начале XIX в. — М.: Индрик, 2009. — 272 с., ил.

Монография посвящена исследованию стратегии финансовой политики России первой четверти XIX в., в период становления министерской системы. На основе широкого круга источников, значительная часть которых впервые вводится в научный оборот, рассмотрены финансовые планы и проекты М.М. Сперанского, Д.А. Гурьева и других государственных деятелей, направленные на стабилизацию финансовой системы России, ликвидацию бюджетного дефицита и создание кредитных учреждений. Проанализированы приоритетные направления финансовой политики первых министров финансов России и их практическая деятельность, направленная, в частности, на подчинение финансовому ведомству учреждений, от которых зависело поступление государственных доходов. Исследованы основные направления политики, выработанной Министерством финансов под руководством Д.А. Гурьева, состоявшие в поддержке эффективной финансовой системы в годы наполеоновских войн и в период ее восстановления после их окончания, стимулировании внутренней торговли и промышленности.

© Марней Л.П., Текст, 2009

© Институт славяноведения РАН, 2009

© Издательство «Индрик», 2009

ISBN 978-5-91674-023-3

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
Глава I. Особенности экономического развития и проблемы финансовой политики России в первой четверти XIX в.	31
Глава II. Министерская реформа и создание Министерства финансов	43
Глава III. Д.А. Гурьев на пути к должности министра финансов	67
Глава IV. Задачи стабилизации финансовой системы в первой четверти XIX в. Обоснование финансовой программы М.М. Сперанским в плане 1810 г.	95
Глава V. Вопросы экономической политики в проектах Д.А. Гурьева	133
Заключение. Финансовые планы Д.А. Гурьева и денежная реформа Е.Ф. Канкрин.....	209
Приложения.....	226
Использованные архивные фонды	266
Именной указатель	267

ВВЕДЕНИЕ

I

Обращение к истории российских финансов начала XIX в. обусловлено тем, что именно в этот период происходило становление важнейших элементов финансовой системы государства, которая является одним из главных регуляторов взаимоотношений власти и общества. Складывающаяся на рубеже XVIII–XIX вв. империя требовала модернизации хозяйственной жизни, в том числе и финансовой политики. Необходимо было отказаться от раздробленного финансового управления, специализации доходов. Всячески приветствовались попытки упорядочения отчетности, ежегодного составления и исполнения государственного бюджета, создание эффективной системы расходования государственных средств. В прошлое должна была уйти секретность, которая окутывала финансовую политику вообще и деятельность финансовых ведомств в частности. Финансы призваны были стать тем рычагом, который активно использовался государством для мобилизации ресурсов и их централизованного распределения в интересах активно расширяющейся империи, а также обеспечения чрезвычайных военных расходов.

Правительство понимало необходимость создания централизованного финансового управления, которое должно было быть самым тесным образом связано с местными финансовыми органами, требующими реформирования и укрепления.

Однако, несмотря на то, что на протяжении XVIII в., в процессе роста и укрепления российской государственности, происходит централизация средств, направляемых на преодоление экономической отсталости, Россия столкнулась и с серьезными проблемами: плохо контролируемой эмиссией, ростом государственного долга, расстройством денежного обращения. Инфляция, которая затронула страны Западной Европы в XVI–XVII вв., пришла и в Россию.

Другую важную особенность экономического развития России составляло то обстоятельство, что даже в начале XIX в. не суще-

ствовало различия между доменом и государственной землей, что, с одной стороны, создавало известную неразбериху в доходных статьях, с другой — благоприятствовало покрытию верховной властью собственных нужд за счет государства¹.

Кроме того, необходимо отметить, что в XVIII в. финансовая система России была замкнута на внутренних потребностях страны. Со второй половины XVIII в. происходил процесс постепенного преодоления ее замкнутости, который к началу XIX столетия привел к тому, что Российская империя довольно успешно интегрировалась в финансовую систему европейских стран, завоевывая там достаточно прочные позиции.

Конец XVIII и первая четверть XIX в. — это период, когда формировались важнейшие элементы современной финансовой системы и закладывались основы отечественной финансовой науки. Время, когда наступает осознание, что старые методы финансовой политики должны уйти в прошлое, что перед финансовой сферой государства стоят другие задачи, что финансы должны способствовать развитию народного хозяйства, внутренней и внешней торговле, коммерческому и промышленному кредиту, что финансовыми методами можно разрешить сложнейшие социальные проблемы, в частности крестьянский вопрос. Сферой финансовой политики государства является не только сбор податей, но и расходование государственных средств. При этом, несмотря на необходимость, практически без изменений оставалась налоговая система, основу которой составляли подушная подать и откупа. Недоборы по прямым налогам привели к увеличению косвенного налогообложения, что не повлияло существенным образом на еще одну характерную особенность российских финансов — бюджетный дефицит, который скрывали выпусками бумажных денег, чеканкой монеты, заключением иностранных займов.

Становление экономической политики вообще и финансовой политики в частности в эпоху реформ, проводимых Александром I, позволяет на новом этапе рассмотреть особенности формирования российской государственности и, в определенной степени, использовать опыт стабилизации экономики, модернизации денежной и кредитной систем, в результате которых обновленная финансовая система более

¹ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 558; Кизеветтер А.А. Россия на рубеже XVIII и XIX столетий // Вступительные лекции профессоров Московского императорского университета. М., 1909. С. 18–19; Григорьев С.И. Канцелярия Министерства императорского двора как государственный институт // История повседневности. Сборник научных работ. Серия «Источник. Историк. История». СПб., 2003. Вып. 3. С. 150–151.

соответствует потребностям экономики, повышается ее роль и значение в обеспечении функционирования всего государственного механизма. Эпоха реформ всегда выдвигает своих лидеров, тех, кто создают, а затем и реализуют намеченные планы, при этом, в большинстве случаев, их деятельность негативно оценивается современниками. Огромное значение имеет исследование финансовой политики государства в этот период, потому что именно финансовое ведомство в конечном итоге обеспечивает реализацию намеченных преобразований. Не последнюю роль в этом процессе играют главы созданных в 1802 г. министерств, от компетенции которых зависела судьба реформаторских планов. Поэтому необходимо обратиться к истокам складывания министерской системы, особенностям становления Министерства финансов, а также планам и проектам главы финансового ведомства.

II

Отсутствие личных архивов, отрывочные биографические сведения о жизни и государственной службе А.И. Васильева, Ф.А. Голубцова и Д.А. Гурьева привели к тому, что деятельность первых министров финансов и ее значение для становления и развития как министерства, так и всей финансовой системы Российской империи рассматривались, в основном, в исследованиях, посвященных либо истории Министерства финансов в целом², либо различным аспектам финансовой политики. В результате Дмитрий Александрович Гурьев более известен своими кулинарными рецептами³, а не тем, что являлся предшественником Е.Ф. Канкрин и немало сделал для того, чтобы были реализованы реформы, задуманные последним.

История правительственной экономической и финансовой политики России в первой четверти XIX в. обладает обширной историографией.

² Дзгоев В., Тимошенко В. Российскому Министерству финансов 200 лет. М., 2002; Петишкина С.Н. Министры финансов России XIX в. (краткие очерки о государственной деятельности). М., 1995; Семенов А.В. Министры финансов России (от Васильева до Витте) // Министерству финансов России 190 лет. М., 1993; Федоров Б.Г. Все министры финансов России и СССР. 1802–2004. М., 2004; Шилов Д.Н. Министры финансов царской России: краткий обзор // История финансовой политики в России: Сб. статей. СПб., 2000; Шитов В.Н., Каптемиров Р.Ф. Двухвековая история российского Министерства финансов в лицах его руководителей. Ульяновск, 2003.

³ Записки Филиппа Филипповича Вигеля (далее — Записки Ф.Ф. Вигеля). М., 1892. Ч. 3. С. 86; Записки графа Федора Петровича Толстого. М., 2001. С. 151–152; Скальковский К.А. Наши государственные и общественные деятели. СПб., 1891. С. 410.

Изучение и обсуждение указанных проблем в русской общественной мысли было начато еще современниками. Однако литература первой половины XIX в. (до 1860-х гг.) может быть отнесена к историографии лишь условно, хотя она охватывала сочинения, созданные в том числе и сотрудниками Министерства финансов, которые были посвящены достаточно широкому кругу вопросов экономической и финансовой политики⁴.

Научная историография поставленных вопросов формируется во второй половине XIX — начале XX в., в период, когда в исторической науке история XIX века становится предметом самостоятельного монографического изучения.

В российской историографии интерес к периоду первой четверти XIX в. был обусловлен крестьянским вопросом, проблемой предыстории либеральных реформ 1860–1870-х гг. и дискуссионными вопросами о характере экономической и социально-политической эволюции российского общества и государства. Начиная с 1860-х гг. и до 1917 г. проблемам экономической и финансовой политики России первой четверти XIX в. уделялось большое внимание как в сочинениях, посвященных царствованиям Павла I и Александра I, так и в исследованиях, рассматривающих различные аспекты экономической,

⁴ *Шлецер Х.А.* Начальные основания государственного хозяйства, или науки о народном богатстве. М., 1805–1806. Ч. 1–2; *Вирст Ф.Г.* Об учреждении Ассигнационного и Заемного банка для споспешествования народному богатству... СПб., 1808; *Он же.* Рассуждения о некоторых предметах законодательства и управления финансами и коммерциею Российской империи... СПб., 1807; *Он же.* Собрание превосходных сочинений, до законодательства и управления государственного хозяйства, особливо же финансов и коммерции касающихся. СПб., 1808. Ч. 1.; *Якоб Л.Г.* Народное хозяйство. СПб., 1817; *Он же.* О деньгах. СПб., 1810; *Он же.* Политическая экономия, или наука о средствах умножить народное богатство. СПб., 1811; *Арнольд К.И.* Расчисление о достоинстве и весе всех иностранных ходячих денег и сравнение оных с российскою серебряною монетою, следуя высочайшему манифесту от 20 июня 1810 года. СПб., 1811; *Сартorius Г.Ф.* Начальные основания народного богатства и государственное хозяйство, следуя теории Адама Смита. Казань, 1812; *Деллидов Н.П.* О бумажных деньгах. СПб., 1829; *Он же.* Некоторые замечания на опыт теории налогов, изданный г. Тургеневым. СПб., 1830; *Он же.* Рассуждение о лаже. М., 1839; *Буниш Н.А.* Мысли о русском хозяйстве и о некоторых причинах дешевизны сельских произведений, бедного состояния хлебопашцев и медленного усовершенствования нашего земледелия с учетом земледельческих работ при возделывании разных хлебов на черноземной почве. М., 1832; *Гегенмейстер Ю.А.* Розыскания о финансах древней России. СПб., 1833; *Орлов М.Ф.* О государственном кредите. М., 1833.

в том числе и финансовой политики указанного периода. Историки «охранительного» направления анализировали экономическую политику верховной власти исходя из концепций государственной и историко-юридической школы. В их работах проводилась мысль о соответствии политики самодержавия общественным потребностям.

Исследования правительственной политики историками либерального направления отличало представление о противоречивом характере взаимоотношений государства и общества, с одной стороны, и критическое отношение к политике государственной власти — с другой. В указанный период формируется народническое направление в историографии, а также предпринимаются первые попытки рассмотрения экономических и социальных проблем с позиций марксизма.

В период между революцией 1917 г. в России и Второй мировой войной основные проблемы историографии экономической истории России XIX в. были сосредоточены вокруг формирования марксистской концепции русской истории XIX в.

В целом общепринятая в советской историографии концепция социально-экономической истории, экономической и финансовой политики России в XIX в. сложилась во второй половине 40-х — первой половине 50-х гг. XX в. Основное внимание уделялось изучению ключевых проблем финансов дореволюционной России. Подобный подход давал возможность детально рассмотреть социальные основы финансовой политики, проводимой царским правительством. Была определена периодизация этой политики, охарактеризовано содержание основных этапов.

Критическое переосмысление господствовавшей в советской историографии концепции было связано с работами историков, пришедших в науку в период «оттепели» второй половины 1950-х гг. Новый период развития историографии социально-экономической истории России XIX в. охватывает время со второй половины 1950-х до второй половины 1980-х гг. В эти годы на развитие исторической науки кардинально повлияли дискуссии о генезисе капитализма в России⁵, об этапах и особенностях формирования всероссийского рынка, о социальной природе и политических формах абсолютизма, о связях социальных и общественных движений с правительственным реформаторским курсом. На рубеже 1960–1970-х гг. советские историки вновь обратились к проблемам истории господствующих классов и сословий в России XIX в. — дворянства и буржуазии, ко-

⁵ Вопросы генезиса капитализма в России. Л., 1960; Генезис капитализма в России в отечественной историографии. Ярославль, 1982.

торые оказывали определяющее влияние на состояние финансов и финансовую политику русского правительства.

Со второй половины 1980-х гг. историческая наука в Советском Союзе пережила время кардинальных перемен. Формальное единство методологии исторических исследований на основе марксизма сменилось методологическим плюрализмом. Перемены в методологии и в социально-политическом устройстве страны решительно повлияли на изменение парадигмы исторических исследований, на их проблематику. Переход к рыночной экономике обусловил особый интерес ученых к историческому опыту развития товарно-денежных отношений, функционированию методов финансового регулирования экономического развития и социальных процессов, к особенностям правительственной финансовой политики XIX в., в том числе и времени царствования Александра I.

В историографии выделяются четыре группы научных трудов, в зависимости от исследуемой проблематики и характера научных публикаций по истории социально-экономического развития, экономической и финансовой политики российских властей первой четверти XIX в. Во-первых, к ней относятся обобщающие монографии, посвященные внутренней политике России в царствование Александра I. Во-вторых, это исследования по истории создания и первых лет деятельности Министерства финансов. В-третьих, это работы по истории финансов в России и относящиеся к ним статистические материалы. В-четвертых — исследования, посвященные отдельным направлениям развития финансовой системы и финансовой политики: вопросам денежного обращения, формирования государственного бюджета, проблемам внутреннего и внешнего долга, истории банков и правительственной политике в отношении банковских учреждений (государственных и частных), вопросам внешней торговли и истории бирж в России. К историографии отдельных направлений финансовой политики относится обширный круг работ по истории государственного контроля.

В обобщающих трудах ⁶ рассмотрен широкий круг социально-

⁶ *Богданович М.И.* История царствования императора Александра I и России в его время. СПб., 1869–1871. Т. 1–6; *Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I. Опыт исторического исследования. СПб., 1912. Т. 1–2; *Соловьев С.М.* Император Александр I. Политика. Дипломатия. М., 2003; *Шильдер Н.К.* Император Александр Первый, его жизнь и царствование. СПб., 1897–1898. Т. 1–4; *Он же.* Император Павел Первый. Историко-биографический очерк. СПб., 1901; *Корнилов А.А.* Курс истории России XIX века. М., 1993; *Клочков М.В.* Очерки правительственной деятельности времени Павла I. Пг., 1916; *Пресняков А.Е.* Александр I. Пб., 1924;

экономических и политических проблем истории внутренней и внешней политики России первой четверти XIX в., в частности история реформ времени Александра I в административной, социальной и экономической областях ⁷.

Исследуя поставленные проблемы, авторы указанных работ анализировали влияние континентальной блокады ⁸, Отечественной войны 1812 г. и наполеоновских войн в целом на состояние народного хозяйства, финансов России ⁹. Более десятилетия практически непрерывных войн, в течение которых происходило титаническое противостояние с наполеоновской Великой армией, подорвали государственный бюджет и систему денежного обращения, привели к формированию непомерной внешней и внутренней государствен-

Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.; Л., 1957.

⁷ *Минаева Н.В.* Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX века. Саратов, 1982; *Сафонов М.М.* Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988; *Мироненко С.В.* Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989; *Горин М.М.* О некоторых проблемах отечественной истории периодов преобразований // Реформы второй половины XVII–XX в: подготовка, проведение, результаты. М., 1989; *Власть и реформы. От самодержавной к советской России.* М., 2006; *Бурдукова И.И.* Становление и развитие конституционных идей в России. СПб., 1999; *Коршунова Н.В.* «Либеральная диктатура» Александра I: Реформы в России в первой четверти XIX века. М., 2002.

⁸ См. также: *Военский К.А.* Континентальная система // Отечественная война и русское общество. 1812–1912. М., 1911. Т. 1; *Предтеченский А.В.* К вопросу о влиянии континентальной блокады на состояние торговли и промышленности в России // Известия АН СССР. Серия VII. Отделение общественных наук. Л., 1931. № 8; *Тарле Е.В.* Континентальная блокада. Собр. соч. М., 1958. Т. 111; *Злотников М.Ф.* Континентальная блокада и Россия. М.; Л., 1966; *Сироткин В.Г.* Континентальная блокада и «объединение Европы» // Новая и новейшая история. 1964. № 3.

⁹ См. также: *Берлин П.А.* Русское купечество и война 1812 года // Отечественная война и русское общество 1812–1912. М., 1912. Т. 5; *Кожевников А.А.* Армия в 1805–1814 гг. // Там же. Т. 3; *Колокольников П.Н.* Хозяйство России после войны 1812 года // Там же. Т. 7; *Сивков К.В.* Финансы России перед войной 1812 года // Там же. Т. 2; *Он же.* Финансы России после войны с Наполеоном // Там же. Т. 7; *Туган-Барановский М.И.* Война 1812 г. и промышленное развитие России // Там же. Т. 7; *Камень М.Г.* Внутренняя политика русского правительства накануне 1812 г. (1807–1812); Автореф. дисс. ... к.и.н. М., 1987.

ной задолженности, негативно сказались на таможенной и кредитной системе страны.

В связи с этим в обобщающих монографиях подробно исследовались деятельность М.М. Сперанского и Д.А. Гурьева по руководству государственными финансами России, их усилия, направленные на преодоление обострившихся финансовых затруднений¹⁰.

Исследования, характеризующие уровень социально-экономического развития страны, позволяют рассматривать финансовую политику правительства как одну из важнейших сторон экономической системы России в первой половине XIX в. Эффективность податной системы¹¹, по утверждению экономистов, зависит от состояния главных отраслей производства¹², численности народонаселе-

¹⁰ *Миллюков П.Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905; *Боголепов М.И.* Государственное хозяйство и финансовая политика правительства // Общественное движение в России в начале XX века. СПб., 1909. Т. I; *Ляхов А.Н.* Основные черты социальных и экономических отношений в России в эпоху императора Александра I. М., 1912; *Рожков Н.А.* Русская история в сравнительно-историческом освещении (Основы социальной динамики). Пг.; М., 1919–1926. 12 т; *Вознесенский С.В.* Разложение крепостного хозяйства и классовая борьба в России в 1800–1860 гг. М., 1932; *Он же.* Экономическое развитие и классовая борьба в России XIX и XX вв. Пг., 1924. Т. 1–2; *Погребинский А.П.* Очерки истории финансов дореволюционной России (XIX–XX вв.). М., 1954; *Полянский Ф.Я.* Первоначальное накопление капитала в России. М., 1958; Очерки экономической истории России первой половины XIX в. Сб. статей. Под ред. М.К. Рожковой. М., 1959; *Струмилин С.Г.* Очерки экономической истории России. М., 1960; *Троицкий С.М.* Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М., 1966; *Хромов П.А.* Экономическое развитие России. Очерки экономики России с древнейших времен до Великой Октябрьской революции. М., 1967; *Яцунский В.К.* Социально-экономическая история России XVIII–XIX вв. М., 1973; *Марней Л.П.* Финансовая политика России в первой четверти XIX в. // Экономическая история. Ежегодник. 2001. М., 2002; *Она же.* Министр и его ведомство. Д.А. Гурьев о финансах России начала XIX в. // Экономическая история. Ежегодник 2003. М., 2004.

¹¹ *Осокин Е.Г.* О понятии промыслового налога и об историческом его развитии в России. Казань, 1856; *Гурьев А.Н.* Прямые и косвенные налоги. Pro и contra. СПб., 1893; *Пушкарева В.М.* История финансовой мысли и политики налогов. М., 1996.

¹² *Вознесенский С.В.* Экономика России XIX–XX вв. в цифрах. Л., 1924. Вып. 1; *Греков Б.Д.* История русского народного хозяйства. Л., 1926; *Лященко П.И.* История народного хозяйства СССР. М., 1947; *Хромов П.А.* Экономическая история СССР. Период промышленного и монополистического капитализма в России. М., 1982.

ния¹³, экономического положения различных социальных групп¹⁴. Поэтому без достаточно ясного представления о том, как развивался в России аграрный рынок¹⁵, каков был уровень промышленного развития, а также какие факторы замедляли или ускоряли его развитие, каким образом правительство стремилось ликвидировать техническое отставание мануфактурного производства¹⁶, что из себя представляло крестьянство¹⁷ и как политика правительства в крестьян-

¹³ *Арсеньев К.И.* Исследования о численном отношении полов в народонаселении России // Журнал Министерства внутренних дел. 1844. Кн. 1. Ч. 5. № 1; *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). М., 1956; *Кабузан В.М.* Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в. (По материалам ревизий). М., 1963; *Он же.* Изменения в размещении населения России в XVIII — первой половине XIX в. (По материалам ревизий). М., 1971; *Нефедов С.А.* Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV — начало XX века. Екатеринбург, 2005.

¹⁴ *Рау К.Г.* Основные начала финансовой науки. СПб., 1868. Т. II. С. 261.

¹⁵ *Ковальченко И.Д., Милов Л.В.* Всероссийский аграрный рынок. XVIII — начало XX в. Опыт количественного анализа. М., 1974; *Лященко П.И.* Очерки аграрной эволюции России. Л., 1925. Т. 1; *Мионов Б.Н.* Внутренний рынок России во второй половине XVIII — первой половине XIX в. Л., 1981; *Он же.* Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.). Л., 1985; *Словцов И.А.* Историческое и статистическое обозрение неурожаев в России // Сборник статистических сведений о России, издаваемый Статистическим отделением императорского Русского географического общества. СПб., 1858. Кн. III; *Струве П.Б.* Крепостное хозяйство: Исследования по экономической истории России в XVIII и XIX вв. М., 1913; *Фомин А.И.* О понижении цен на сельскохозяйственные произведения в России. СПб., 1829; *Фортуатов А.Ф.* Урожай ржи в Европейской России. М., 1893.

¹⁶ *Бурнашев В.П.* Очерк истории мануфактур в России. СПб., 1833; *Вилькинс И.Я.* Мысли и наблюдения о положении земледельческой промышленности. М., 1843; *Герман К.Ф.* Взгляд на состояние мануфактур в России и на законы, к оным относящиеся, с XVI столетия по 1814 г. // Сын отечества. Ч. 82. 1822. № L–LII; *Иванов П.И.* История управления мануфактурной промышленности в России // Журнал Министерства внутренних дел. 1844. Кн. 1–3. Ч. 5. № 1–3; *Любомиров П.Г.* Очерки по истории русской промышленности в XVIII и начале XIX вв. Л., 1930; *Княгиня Н.С.* Политика русского самодержавия в области промышленности (20–50-е годы XIX в.). М., 1968; *Соловьева А.М.* Промышленная революция в России в XIX в. М., 1990.

¹⁷ *Ковальченко И.Д.* Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967; *Федоров В.А.* Помещичьи крестьяне Центрально-промышленного района России конца XVIII — первой половины XIX в. М., 1974.

ском вопросе способствовала втягиванию основной массы населения России во внутренний и внешний рынки, невозможно представить своеобразие финансовой системы России в изучаемый период.

Создание Министерства финансов являлось неотъемлемой частью административной реформы первой четверти XIX в. В исследованиях, посвященных этой проблеме¹⁸, анализируется история орга-

¹⁸ Административные реформы в России XVIII–XIX вв. в сравнительно-исторической перспективе. Научно-аналитический обзор / Автор обзора А.Н. Медушевский. М., 1990; Административные реформы в России: история и современность / Под ред. д.э.н., проф. Р.Н. Байгузина. М., 2006; *Анучин Е.Н.* Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России, с Учреждения о губерниях 1775 г. до последнего времени. СПб., 1872; *Билимович А.Д.* Министерство финансов 1802–1902. Исторический очерк. Киев, 1903; *Блинов И.А.* Губернаторы. Историко-юридический очерк. СПб., 1905; *Варадинов Н.В.* История Министерства внутренних дел. СПб., 1858–1862. Ч. 1–3; *Вицын А.И.* Краткий очерк управления в России от Петра Великого до издания Общего учреждения министерств. Казань, 1855; *Готье Ю.В.* История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. М., 1913–1941. Т. 1–2; *Градовский А.Д.* Высшая администрация России XVIII ст. и генерал-прокуроры. СПб., 1866; *Он же.* История местного управления в России. СПб., 1868. Т. 1; *Довнар-Запольский М.В.* Зарождение министерств в России. М., 1906; *Ермолов А.С.* Комитет министров в царствование императора Александра I. СПб., 1891; *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968; Исторический обзор деятельности Комитета министров. СПб., 1902. Т. 1–5; Исторические очерки о финансах России и Саратовской губернии: 200-летию образованию Министерства финансов России / Отв. за вып. В.И. Куркин. Саратов, 2002; Комитет министров в царствование императора Александра I. СПб., 1888; Краткий исторический очерк столетней деятельности Министерства финансов. 1802–1902. СПб., 1902; *Марней Л.П.* Министерская реформа 1802–1811 гг. в оценках современников // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2000. № 1; *Она же.* Формирование структуры Министерства финансов в России в первой четверти XIX в. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1998. № 6; *Парусов А.И.* Административные реформы в России I четверти XIX в. в связи с экономической и социально-политической обстановкой: Автореф. дисс. ... д.и.н. Л., 1967; *Покровский С.П.* Министерская власть в России. Ярославль, 1906. Ч. 1–3; *Романовский В.Е.* Государственные учреждения древней и новой России. М., 1911; *Соловьев Я.В.* Бюрократизация аппарата Министерства финансов Российской империи в правление Николая I // Эхо: Сб. статей по новой и новейшей истории Отечества. М., 1999. Вып. 2; *Сорокина Ю.В.* Система финансовых государственных органов России XIX столетия. Воронеж, 1998; *Строев В.Н.* Столетие собственной Его Императорского Величества канцелярии. СПб., 1912; *Тельберг Г.Г.*

низации новых ведомств, их структура, взаимоотношения с органами государственной власти и местного управления, прослеживается формирование принципа единоначалия в административной системе России. Распределение и дублирование функций между высшими исполнительными и законодательными учреждениями позволяет исследовать механизм принятия решений в первой четверти XIX в. и, в конечном счете, продемонстрировать, что, несмотря на созданную по европейскому образцу министерскую структуру, личные связи, приближенность ко двору и самому императору определяли в конечном итоге тот узкий круг лиц, позиции которых учитывались при выработке основных направлений внутренней политики и внешнеполитического курса страны.

Экономическая и финансовая политика во многом определялась влиянием западноевропейской экономической мысли. Собственная российская экономическая наука в первой четверти XIX в. только начинала складываться под влиянием теорий меркантилистов, физиократов и учения Адама Смита, популяризаторами идей которого были не только русские ученые, но и иностранные специалисты, приглашенные на службу к Александру I. Хотя европейский опыт и не всегда был удачным, тем не менее передовые западноевропейские воззрения являлись составной частью представлений виднейших российских государственных деятелей о модели оптимального экономического развития России¹⁹.

Происхождение Комитета министров в России // Журнал Министерства народного просвещения. 1907. Ч. 8. № 3; *Толстой Д.А.* История финансовых учреждений России со времени основания государства до кончины императрицы Екатерины II. СПб., 1848; *Филитов А.Н.* Исторический очерк образования министерств в России // Журнал Министерства юстиции. 1902. № 9–10; *Щеглов В.Г.* Государственный Совет в России, в особенности в царствование императора Александра Первого. Ярославль, 1892–1895. Т. 1–2; *Раскин Д.И.* Система институтов Российской имперской государственности кон. XVIII — нач. XX вв.: Диссертация в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора исторических наук. СПб., 2006.

¹⁹ *Блюмин И.Г.* Очерки экономической мысли в России в первой половине XIX века. М.; Л., 1940; *Бунге Н.Х.* Теория кредита. Киев, 1852; *Горлов И.Я.* Теория финансов. СПб., 1845; *Гурьев А.Н.* Основные понятия политической экономии. СПб., 1902; История русской экономической мысли. М., 1958. Т. 1. Ч. 2; *Каганович Б.С.* В.М. Штейн — экономист и историк // Исторические записки. М., 2002. № 5 (123); *Каратаев Н.К.* Экономические науки в Московском университете (1755–1955). М., 1956; *Каратаев Н.К., Степанов И.Г.* История экономических учений Западной Европы и России (До возникновения марксизма). М., 1959; *Кулишер И.М.* Очерки финансовой науки. Пг., 1919–1920. Вып. 1–2; *Мендельсон Л.А.* Теория и история

Из исследований, которые имеют непосредственное отношение к финансам и финансовой политике, можно выделить монографию И.С. Блюха «Финансы России XIX столетия. История — статистика»²⁰ и юбилейное издание к столетию Министерства финансов. Работа И.С. Блюха посвящена изучению государственных финансов с 30-х до 80-х гг. XIX в. Структурные изменения финансового управления, формирование податной и налоговой политики, усилия правительства и отдельных деятелей по созданию стройной системы администрации, способной обеспечить страну текущими и чрезвычайными налоговыми поступлениями, денежное обращение, дефицит государственного бюджета и изыскание средств на его покрытие — вот далеко не полный перечень вопросов, рассмотренных автором.

Юбилейное издание «Министерство финансов. 1802–1902»²¹, увидевшее свет по инициативе тогдашнего министра финансов С.Ю. Витте, открывается кратким очерком развития финансовых учреждений, предшествовавших манифесту 8 сентября 1802 г. Затем рассматриваются основные мероприятия по формированию структуры министерства, деятельность министров по исправлению в большинстве случаев крайне плачевных экономических ситуаций, влияние министерства на формирование экономической политики

экономических кризисов и циклов. М., 1959. Т. I–II; *Мильгаузен Ф.Б.* Финансовое право. Конспект лекций Ф.Б. Мильгаузена. 1868–1869 г. М., 1868; *Нейман И.Е.* Исследование правил политической экономии по системе Ад. Смита. СПб., 1817; *Сабанти Б.М.* Развитие финансов и финансовой науки в России (Период феодализма). Иркутск, 1986; *Святловский В.В.* История экономических идей в России. Пг., 1923. Т. 1; *Он же.* К истории политической экономии и статистики в России. СПб., 1906; *Он же.* Очерки по истории политической экономии. СПб., 1910; *Он же.* Очерки по истории экономических воззрений на Западе и в России. СПб., 1913. Ч. 1; *Степанов Т.Ф.* Записки о политической экономии. СПб., 1844–1848. Ч. 1–2; *Ходский Л.В.* Основы государственного хозяйства. Курс финансовой науки. СПб., 1913; *Он же.* Элементарное руководство политической экономии в связи с финансами. СПб., 1897; *Штейн В.М.* Адам Смит. Личность и изучение. К двухсотлетию со дня рождения. Пг., 1923; *Он же.* Очерки развития русской общественно-экономической мысли XIX–XX веков. Л., 1948; *Эйдельмант А.Б.* Новейший номинализм и его предшественники. М., 1948; *Янжул И. И.* Основные начала финансовой науки. Учение о государственных доходах. СПб., 1899; *Тёбиев Б.К.* Экономический либерализм в России XIX века и критика социалистических экономических учений. М., 2001.

²⁰ *Блюх И.С.* Финансы России XIX столетия. История — статистика. СПб., 1882. Т. 1–4.

²¹ Министерство финансов. 1802–1902. СПб., 1902. Ч. I.

в целом. Отдельно анализируется деятельность департаментов, входивших в состав министерства. Исследование завершается публикацией сводных ведомостей по доходам и расходам государства, а также о полученных субсидиях и займах.

Большинство представленных в историографии трудов посвящены отдельным отраслям финансовой жизни. Вопросы денежного обращения и денежных реформ привлекали внимание исследователей уже с конца XIX в. В работе П.А. Шторха «Материалы для истории государственных денежных знаков в России с 1653 по 1840 год»²² автор собрал и ввел в научный оборот материал, который активно используют историки. Выводы П.А. Шторха о вексельной и ассигнационной системе не потеряли своей актуальности до сегодняшнего дня. Тому же периоду посвящено исследование Е.И. Ламанского²³. В работах министра финансов Н.Х. Бунге и экономиста А.Н. Гурьева о монетном обращении авторы стремились представить важнейший законодательный и статистический материал о денежном обращении в России²⁴. Большое внимание, как в отдельных статьях, так и в мо-

²² Шторх П.А. Материалы для истории государственных денежных знаков в России с 1653 по 1840 год // Журнал Министерства народного просвещения. 1868. № 3. С. 772–847.

²³ Ламанский Е.И. Исторический очерк денежного обращения в России с 1650 по 1817 год // Сборник статистических сведений о России. СПб., 1854. Кн. II.

²⁴ Бунге Н.Х. О восстановлении металлического обращения в России. Киев, 1877; *Он же*. Заметка о настоящем положении нашей денежной системы и средствах к ее улучшению. СПб., 1880; Гурьев А.Н. Реформа денежного обращения. СПб., 1896. Ч. 1–2; *Он же*. Денежное обращение в России в XIX столетии. Исторический очерк. СПб., 1903. См. также: *Апличеев А.* О монете. СПб., 1855; *Арсеньев К.И.* Историко-статистическое обозрение монетного дела в России // Записки императорского Русского географического общества. СПб., 1849. Кн. I–II; *Боголепов М.И.* Бумажные деньги. Пб.; М., 1922; Бумажные денежные знаки России и СССР (1769–1961). СПб., 1993; *Геринг С.* Рубль. История, причины колебания, средство упрочения бумажного рубля. СПб., 1893; Историческое описание до монетного дела принадлежащее, писанное по 1761 год действительным статским советником Берг-коллегии и Монетного департамента президентом Иваном Шлаттером, а с того по 1778 год продолженное и дополненное, с показанием числа денег, колико оных в царствование каждого монарха из тиснения выходило, статским советником и означенных же присутственных мест начальствующим членом Андреем Нартовым // Горный журнал. 1832. Ч. 3. Кн. 8–10. Ч. 4. Кн. 11–12; *Кауфман И.И.* Сведения о производстве золота и серебра на земном шаре со времени открытия Америки до наших дней (1493–1892). СПб., 1894; *Он же*. Русский вес, его развитие и происхождение в связи с историею русских

нографиях, уделяется механизмам подготовки и проведения денежных реформ, их особенностям и последствиям для общества и всего государственного хозяйства, к которым они могут привести. Авторы этих работ рассматривают денежные реформы не только в контексте изучаемого периода, но и предлагают использовать уже имеющийся опыт борьбы с инфляцией и разрешения кризисов для реализации его на современном этапе ²⁵.

Я.И. Печерин и Т.В. Локоть в своих исследованиях основное внимание уделили особенностям формирования российского бюджета. Авторы обратились к истокам практики государственных смет. Анализ законодательных материалов, распоряжений правительства и собственно росписей государственных доходов позволил исследователям выявить основные источники доходов российского бюджета в первой половине XIX — начале XX в. ²⁶

Неотъемлемой частью финансовой политики России являлись внутренние и внешние долги, одна из главных причин которых, по мнению исследователей, заключалась в активной внешней политике, которую проводила Россия начиная с середины XVIII в. В первой четверти XIX в. правительство для покрытия внешних долгов прибегало к их консолидации, продлению сроков, а на случай вой-

денежных систем с древнейших времен. СПб., 1906; *Он же*. Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX века. СПб., 1910; *Кепенев А.П.* Драгоценные металлы, их потребление и производительность // Горный журнал. 1880. Т. 1. № 2; *Корецкий В.Т.* Банковский монетный двор (Из истории финансовой политики России в конце XVIII — начале XIX в.) // Памятники русского денежного обращения XVIII—XX вв. Нумизматический сборник. Ч. 7. Труды ГИМ. М., 1980. Вып. 53; *Кулишер И.М.* Денежное обращение в прошлом и настоящем. Пг., 1922; *Никольский П.А.* Бумажные деньги в России. Казань, 1892; *Покровский С.* О деньгах. [Б.м. и г.]; *Святловский В.В.* Происхождение денег и денежных знаков. М.; Пг., 1923; *Спаский И.Г.* Русская монетная система. Л., 1970; *Трахтенберг И.А.* Бумажные деньги. Очерки теории денег и денежного обращения. М., 1922; *Он же*. Денежные кризисы (1821–1938 гг.). М., 1963; *Туган-Барановский М.И.* Бумажные деньги и металл. Пг., 1917; *Уздеников В.В.* Монеты России. 1700–1917. М., 1985.

²⁵ *Семенкова Т.Г., Семенов А.В.* Денежные реформы России в XIX веке. СПб., 1992; Денежные реформы в России. М., 1999; *Коломиец А.Г.* Финансовые реформы русских царей. От Ивана Грозного до Александра Освободителя. Очерки. М., 2001; Денежные реформы в России: История и современность. Сборник статей. М., 2004.

²⁶ *Печерин Я.И.* Исторический обзор росписей государственных доходов и расходов с 1803 по 1843 год включительно. СПб., 1896; *Локоть Т.В.* Бюджетная и податная политика России. М., 1908.

ны — к субсидиям, в основном из Англии. Для изъятия из обращения большого количества ассигнаций правительство выпускало внутренние займы, результат которых был не всегда положительным. Противоречивые оценки исследователей проводимых мероприятий (от крайне негативных до весьма одобрительных) свидетельствуют о том, сколь сложны были сами по себе проблемы, обрушившиеся на государство в изучаемый период, и как методом проб и ошибок, используя известные экономические теории и собственный опыт, первые министры финансов России пытались справиться с негативными последствиями внутренней и внешней задолженности и обесцениванием бумажных денег ²⁷.

Одной из особенностей внутреннего долга в России была практика ежегодных заимствований из государственных кредитных учреждений. Поэтому различные аспекты банковской политики нашли отражение в ряде фундаментальных исследований, главной задачей которых было показать, каким образом правительство стремилось, используя опыт Западной Европы, создать оптимальную структуру для функционирования государственного и частного кредита ²⁸.

²⁷ *Гейлер И.К.* Сборник сведений о процентных бумагах России. СПб., 1871; *Бржеский Н.К.* Государственные долги России. Историко-статистическое исследование. СПб., 1884; *Гурьев А.Н.* Очерк развития государственного долга России. СПб., 1903; *Ворожцов В.Н.* Государственный бюджет и государственные долги России. СПб., 1908; *Гольдман В.К.* Русские бумажные деньги. СПб., 1866; *Печерин Я.И.* Наши государственные ассигнации до замены их кредитными билетами // Вестник Европы. 1876. № 8; *Кауфман И.И.* Обзор законодательных и административных мероприятий, вызванных расстройством бумажно-денежного обращения в России. [СПб., 1896]; *Он же.* Кредитные билеты, их упадок и восстановление. СПб., 1888; *Русский рубль. Два века истории. XIX–XX вв.* М., 1994; *Друян А.Д.* Очерки по истории денежного обращения России в XIX веке. М., 1941; *Безобразов В.П.* Наши бумажные деньги // Наблюдатель. 1888. № 3–4; *Он же.* О некоторых явлениях денежного обращения в России в связи с промышленностью, торговлей и кредитом // Русский вестник. 1863. Т. 43. № 1, Т. 45. № 5–6, Т. 48. № 11–12; *Шторх П.А.* О государственном долге // Гражданин. 1873. № 29–33, 38.

²⁸ *Андрюшин С.А.* Банковская система России: особенности эволюции и концепция развития. М., 1998; *Антонович А.Я.* Теория бумажно-денежного обращения и государственные кредитные билеты. Киев, 1883; *Боровой С.Я.* Кредит и банки России. М., 1958; *Бугров А.В.* Очерки по истории казенных банков в России. М., 2003; *Он же.* Первые банки в Москве: 1754–1860 гг. М., 2007; *Евзлин З.П.* Банки и банкирские конторы в России. СПб., 1904; *Кауфман И.И.* Кредит, банки и денежное обращение. СПб., 1873; *Он же.* Статистика городских сберегательных касс. СПб., 1875; *Он же.* Статистика русских банков. СПб., 1872–1875. Ч. 1–2; Кредит и банки в России

Отдельно в литературе рассматривались вопросы внешней торговли и роли таможенной политики как в пополнении государственных доходов, так и в поддержке отечественной промышленности. Исследователи едины в оценке причин принятия тарифов в период с 1811 по 1822 г., объясняя их изменениями внешнеполитической обстановки, международными обязательствами России, что приводило к колебаниям от запретительных мер к свободной торговле, а затем вновь от фритредерства к протекционизму²⁹.

до начала XX века: Санкт-Петербург и Москва. СПб., 2005; *Курсель-Сенель Жан Густав*. Банки, их устройство, операции и управление. Под редакцией, с предисловием и дополнениями, относящимися к России, В.П. Безобразова. СПб., 1862; *Левин А.А.* Банки и внешняя торговля. М., 1926; *Лукашевский В.М., Подшиваленко П.Д.* Прошлое и настоящее банков в России. М., 1991; *Мигулин П.П.* Наша банковая политика (1729–1903). Опыт исследования. Харьков, 1904; *Он же*. Русский государственный кредит (1769–1899). Опыт историко-критического обзора. Харьков, 1899. Т. 1; *Морозан В.В.* История банковского дела в России (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.). СПб., 2004; Петербург. История банков // Б.В. Ананьич, С.Г. Беляев, З.В. Дмитриева, С.К. Лебедев, П.В. Лизунов, В.В. Морозан. СПб., 2001; *Печерин Я.И.* Исторический обзор правительственных, общественных и частных кредитных установлений в России. СПб., 1904; *Попова Е.М.* Эволюция кредитно-банковской системы России (Начало 60-х годов XVIII века — 90-е годы XX века). СПб., 2000; *Саломатина С.А.* Коммерческие банки в России: динамика и структура операций, 1864–1917 гг. М., 2004; *Свиридов Н.С.* Городские общественные банки в России в первой половине XIX века // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1961. № 2; *Он же*. Частный коммерческий (товарный) кредит в России в крепостную эпоху // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1958. № 1; *Шенелёв Л.Е.* Акционерный капитал в России: политика и динамика развития // История финансовой политики в России. СПб., 2000; *Яковлев А.В.* Очерк народного кредита в Западной Европе и в России. СПб., 1869.

²⁹ Государственная внешняя торговля в разных ее видах. — СПб.: При государственной Коммерц-коллегии с 1802 по 1807 г., при Департаменте внешней торговли с 1812 по 1825 г. См. также: *Ариольд К.И.* Мнение о системе тарифа в России. СПб., 1816; *Витческий В.* Торговая таможенная и промышленная политика России со времен Петра Великого до наших дней. СПб., 1909; Внешняя торговля России через Петербургский порт во второй половине XVIII — начале XIX вв. М., 1981; *Гулишамбаров С.И.* Всемирная торговля в XIX в. и участие в ней России. СПб., 1898; *Иванюков И.И.* Свобода внешней торговли и протекционизм // Вестник Европы. 1885. № 1; *Кулишер И.М.* Очерк истории русской торговли. Пб., 1923; *Лодыженский К.Н.* История русского таможенного тарифа. СПб., 1886; *Марней Л.П.* Особенности торговой политики России и Королевства Польского в 20-е годы XIX века // Славяноведение. 2005. № 1; *Она же*. Торговая политика России

Вопросы становления российской биржи были в центре внимания ряда исследований, авторы которых рассматривали ее историю в сравнении с другими европейскими странами, обращая особое внимание на законодательство, регулировавшее их деятельность, и на характер и формы биржевых операций³⁰. Один из новейших ис-

и Королевства Польского после Венского конгресса, 1815–1819 годы // *Славяноведение*. 2001. № 3; *Небольсин Г.П.* Статистические записки о внешней торговле России. СПб., 1835. Ч. 1–2; *Он же*. Статистическое обозрение внешней торговли России. СПб., 1850. Ч. 1–2; *Парусов А.И.* Из истории внутренней торговли России конца XVIII — первой четверти XIX столетий // *Ученые записки Горьковского государственного университета*. Горький, 1960. Серия историческая. Т. 41. Вып. 4; *Покровский В.И.* К вопросу об устойчивости активного баланса русской внешней торговли. [СПб., 1901]; *Он же*. Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли. СПб., 1902. Т. 1; *Покровский С.А.* Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947; *Поляков В.Л.* Влияние таможенной политики русского правительства в первые десятилетия XIX века на развитие отечественной промышленности // *Вопросы всеобщей истории*. Хабаровск, 1972. Т. 1; *Он же*. Таможенная политика начала XIX в. и ее влияние на развитие русской промышленности // *Вопросы истории России XIX — начала XX века*. Межвузовский сборник. Л., 1983; *Он же*. Таможенная политика России в первые десятилетия XIX века // *Вопросы всеобщей истории*. Хабаровск, 1972. Т. 1; *Он же*. Тариф 1810 года и его влияние на дальнейший ход таможенной политики и промышленного развития России // *Ученые записки Хабаровского педагогического института*. Хабаровск, 1970. Серия историческая. Т. 28. Ч. 1; *Потов В.А.* Рассуждение о балансе торговом, о внешней торговле и о вексельном курсе. СПб., 1831; *Предтеченский А.В.* Борьба протекционистов с фритредерами в начале XIX века // *Ученые записки Ленинградского государственного университета*. Л., 1939. Серия исторических наук. Вып. 5; *Прошин Г.Г.* Таможенный тариф 1819 года // *Научные доклады высшей школы*. Исторические науки. 1961. № 4; *Семенов А.В.* Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII-го столетия по 1858 год. СПб., 1859. Ч. 1–3; *Страхова Н.П.* Внешнеторговая политика российского правительства после Венского конгресса. 1815–1822 гг.: Автореф. дисс. ... к.и.н. М., 1983; *Щеткин В.* Ответное письмо, содержащее в себе нечто о ценности товаров и о курсе. СПб., 1812.

³⁰ *Гетц В.А.* С.-Петербургская биржа. [СПб], 1913–1914; *Дмитриев А.* Биржа, биржевые посредники и биржевые операции. СПб., 1863; *История торговли и промышленности в России / Под ред. П.Х. Спасского*. СПб., 1911. Т. 1. Вып. 3; *Найденев Н.А.* Московская биржа. Очерк возникновения и деятельности. 1839–1889. М., 1889; *Невзоров А.С.* Русские биржи. Юрьев, 1897–1900. Вып. 1–4; *Немиров Г.А.* Опыт истории С.-Петербургской биржи в связи с историей С.-Петербурга, как торгового порта. СПб., 1888–1898. Вып. 1–13; *Нисселович Л.Н.* О биржах, биржевых установлениях и мерах ограничения

следователей П.В. Лизунов³¹ полагает, что «изучение организации и функционирования бирж и рынка ценных бумаг в России необходимо для более полного понимания общих основ финансовой и торгово-промышленной политики правительства <...> для осмысления своеобразия социально-экономического развития капиталистической России в целом и роли государства в этом процессе»³².

Не менее важно, по мнению исследователей, ретроспективное изучение государственного контроля и внутриведомственного финансового контроля, чему придается большое значение в отечественной историографии³³. И хотя в первой четверти XIX в. Главное управле-

биржевой игры. Обзорение важнейших законодательств сравнительно с русским правом. СПб., 1879; *Новицкий К.А.* Сборник биржевых узаконений и уставов бирж Российской империи с пояснительными приложениями и статьями Уложения о наказаниях. Настольная книга для биржевого купечества, биржевых маклеров, браковщиков, аукционистов, нотариусов и вообще для лиц, имеющих дела на бирже. СПб., 1877; *Тимофеев А.Г.* История Петербургской биржи. История биржевого законодательства, устройства и деятельности учреждений С.-Петербургской биржи. 1703–1903. СПб., 1903.

³¹ *Лизунов П.В.* Биржи в России и экономическая политика правительства (XVIII — начало XX вв.). Архангельск, 2002; *Он же.* Санкт-Петербургская биржа и российский рынок ценных бумаг (1703–1917 гг.). СПб., 2004; *Он же.* Санкт-Петербургская фондовая биржа (конец XIX в. — 1914 г.) // *Нестор.* 2000. № 2; *Он же.* Учреждение Архангельских контор Государственного Ассигнационного банка (конец XVIII — первая половина XIX в.) // *Проблемы культуры, языка, воспитания.* Архангельск, 2004. Вып. 6; *Он же.* Штиглицы — «некоронованные короли» российских финансов // *Вопросы истории.* 1999. № 10.

³² *Лизунов П.В.* Биржи в России... С. 6.

³³ *Беляевский Ф.Н.* Исторический очерк развития государственного контроля в России. М., 1919; *Бессон Э.* Бюджетный контроль во Франции и за границей. Историческое и критическое исследование финансового контроля первостепенных государств Европы. СПб., 1901; *Блех И.И.* Устройство финансового управления и контроля в России в историческом их развитии. СПб., 1895; *Бочковский Ф.И.* Организация государственного контроля в России сравнительно с государствами Западной Европы. СПб., 1895; *Василевский И.Р.* Государственный контроль как охранитель народных интересов за границей и в России. СПб., 1907; *Вознесенский Э.А.* Финансовый контроль в СССР. М., 1973; *Голополосов А.И.* Роль государственного контроля и основные принципы его деятельности. М., 1918; *Дагаев И.В.* Государственный контроль, его задачи и деятельность. М., 1918; *Евзлин З.П.* Бюджетный контроль и государственная отчетность. Л., 1928; *Коняев А.И.* Финансовый контроль в дореволюционной России. М., 1959; *Кремяновский М.* Государственный контроль в России за сто лет // *Вестник Европы.* 1915. № 7; *Митрофанов В.М.* Государственный финансовый контроль в дореволюционной

ние ревизии государственных счетов (с 1836 г. — Государственного контроля) не смогло в полной мере наладить проведение ревизий, так как на долгие годы утвердилась система генеральной отчетности, тем не менее были сделаны первые важные шаги на пути создания этого ведомства и его «позитивного влияния <...> на формирование механизмов и мер финансово-экономической политики, характер институциональных преобразований»³⁴.

В целом, историками и экономистами проделана большая работа по изучению особенностей финансовой политики российского правительства в первой четверти XIX в. Однако, по нашему мнению, в исследованиях по истории финансов в России наличествует существенный пробел. В историографии отсутствуют работы, в которых была бы рассмотрена история формирования правительственного курса, разработки стратегии финансовой политики и методов и приемов решения конкретных финансовых проблем. А именно в первой четверти XIX в. в правящих кругах России формируется понимание, что государственные финансы не сводятся к сбору налогов и взысканию недоимок. Изучение разработки стратегии финансовой политики позволяет рассмотреть эту сферу как область формирования и творческого применения передовых для своего времени идей в сфере государственного управления, связанной с выдающимися государственными деятелями, такими как М.М. Сперанский, теоретиками и практиками русских финансов, с первыми министрами финансов России, среди которых был и Д.А. Гурьев. Изучение их теоретического наследия, заключенного в целом ряде ранее не изученных финансовых и административных проектов, позволяет, в частности, более детально представить роль и значение первых министров в фор-

России // *Финансы СССР*. 1956. № 11; *Ровинский Н.Н.* Финансовый контроль в СССР. М., 1947; *Сакович В.А.* Государственный контроль в России, его история и современное устройство в связи с изложением сметной системы, кассового порядка и устройства государственной отчетности. СПб., 1896–1897. Ч. 1–2; *Шаромова В.В.* Динамика и предпосылки дефицитов государственного бюджета России в XIX — начале XX веков // *Финансы*. 1996. № 2; *Ялбулганов А.А.* Внутриведомственный финансовый контроль в Российской армии в XIX — начале XX в.: Историко-правовое исследование. М., 1999; *Он же.* Финансовый контроль в Российской армии XIX — начала XX в.: Организационно-правовые реформы. СПб., 1999.

³⁴ *Осминина В.А.* Становление и развитие государственного финансового контроля в России XVII–XIX веков: Историко-экономическое исследование.: Автореф. дисс. ... к.э.н. М., 2004. С. 9. См. также: *Владимирова О.В.* Государственный финансовый контроль России в XVII–XIX вв.: Историко-правовое исследование.: Автореф. дисс. ... к.ю.н. Саратов, 2003.

мировании основных направлений финансовой политики, а также что именно использовали последующие министры при определении своей программы преобразований российских финансов. Иными словами, можно ли говорить о преемственности в деятельности руководителей одного из важнейших российских министерств.

III

Исследования внутренней, в том числе и финансовой, политики Российского государства в первой четверти XIX в. опираются на значительный комплекс источников. В первую очередь это законодательные материалы, помещенные в первом Полном собрании законов Российской империи, изданном в 1830 г.³⁵, среди которых манифесты и постановления по структурному изменению Министерства финансов, таможенные тарифы, уставы банков, сведения о займах, повышении налогов и т. д.

Повседневная работа высших правительственных учреждений нашла отражение в разнообразных как по форме, так и по содержанию официально-документальных материалах. Это журналы Департамента государственной экономии Государственного совета³⁶ и журналы Комитета министров³⁷. В Департаменте государственной экономии Государственного совета обсуждались вопросы введения новых налогов; отчеты по доходам и расходам государства; винные откупа; соляная продажа; банковская и тарифная политика; проблемы обращения ассигнаций и звонкой монеты; структурные изменения по ведомству Министерства финансов, Государственного казначейства; устройство фабричной промышленности и быта государственных крестьян и т. д.

В центре внимания Комитета министров были росписи государственных доходов и расходов до 1806 г. и отчеты по ним; размещение внешних займов; проблемы фальшивых ассигнаций и медной монеты; составление устава о лесах; последствия континентальной блокады; балансы Ассигнационного и Заемного банков; учреждение промышленных (акционерных) компаний и выдача привилегий на изобретения; транзитная торговля — вот далеко не полный перечень

³⁵ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Собрание 1 (далее — ПСЗ-1).

³⁶ Архив Государственного совета. СПб., 1869–1888. Т. 1–4 (далее — АГС).

³⁷ Журналы Комитета министров. Царствование императора Александра I. 1802–1826 гг. СПб., 1888. Т. I (1802–1810); СПб., 1891. Т. II (1810–1812) (далее — ЖКМ).

вопросов народного хозяйства и государственных финансов, которые были в его ведении.

На страницах журналов Государственного совета и Комитета министров нашли отражение как первоначальные представления и проекты по перечисленным вопросам, так и сделанные по их поводу замечания представителей других ведомств и особые мнения. В результате обсуждения, помимо принятого итогового решения, диапазон взглядов по тому или иному вопросу позволяет судить о широте воззрений представителей административной элиты и в конечном итоге об альтернативных вариантах решения поставленных задач.

Особо ценный материал содержится в министерских отчетах, прежде всего в отчетах министра финансов. Во-первых, в них нашли отражение данные о деятельности подведомственных департаментов и отделений, о состоянии дел министерства по доходам и расходам во вверенных ему частях. Во-вторых, главной задачей финансового ведомства являлось также составление росписей доходов и расходов по всему государству, а также сведений об их исполнении. Поэтому в них содержалась информация о финансовом состоянии российского государства. В исследуемый период происходило создание единой формы отчетности. Отсутствие единообразия в годовых росписях и сметах, а также отчетах стало следствием поиска оптимальной структуры доходно-расходной частей государственных смет и попыткой реализовать ее в повседневной работе финансового ведомства. Однако некоторые исследователи полагали, что таким способом фальсифицировался бюджет. С этой целью из общей сметы выделяли крупный расход, для которого составляли отдельную смету, в результате чего общий бюджет имел преуменьшенный дефицит³⁸. Кроме того, не была искоренена практика, при которой Государственное казначейство сдавало годовые отчеты о расходах с большим опозданием³⁹.

Одной из характерных особенностей государственного устройства России в первой половине XIX в., нередко встречавшейся и в

³⁸ *Боголепов М.И.* Государственное хозяйство... С. 151.

³⁹ Отчет за 1809 г. был представлен 5 июля 1816 г., за 1810 г. — 30 июня 1819 г., за 1811 г. — 24 декабря 1821 г., за 1812 г. — 25 апреля 1823 г., за 1813 г. — 10 мая 1824 г., за 1814 г. — 22 апреля 1825 г., за 1815 г. — 13 февраля 1826 г., за 1816 г. — 8 декабря 1826 г., за 1817 г. — 29 декабря 1827 г., за 1818 г. — 13 февраля 1829 г., за 1819 г. — 22 марта 1822 г., за 1820 г. — 10 февраля 1823 г., за 1821 г. — 16 апреля 1824 г., за 1822 г. — 18 марта 1825 г., за 1823 г. — 5 мая 1826 г., за 1824 г. — 30 ноября 1826 г., за 1825 г. — 29 декабря 1827 г. (Сборник Императорского Русского исторического общества (далее — Сб. РИО). СПб., 1885. Т. 45. С. 419–598).

других европейских странах, было создание, наряду с официальными органами высшего государственного управления, секретных комитетов, в которых за закрытыми дверями в узком кругу доверенных лиц происходило обсуждение наиболее острых проблем государственной жизни. Применительно к финансовой политике таковыми были Секретные финансовые комитеты. Каких-то особых видов официально-документальных источников в результате их деятельности не создавалось. Однако работа этих комитетов нашла отражение в росписях о доходах и расходах, в проектах о введении новых налогов, в докладах и отчетах министра финансов, а иногда и государственного казначея.

Особой разновидностью официально-документальных источников являются всеподданнейшие доклады, в том числе и министров финансов, с резолюцией царя. В основном, это были просьбы чиновников министерства, дворян и купцов по частным вопросам. Наряду с этим, среди них можно встретить проекты и предложения, посвященные общегосударственным делам (например, создание Секретных финансовых комитетов, банков и т. д.)⁴⁰.

Отдельной группой источников, имеющих большое значение для понимания внутриполитических проблем Российского государства, составляют записки и проекты, анализирующие главнейшие и второстепенные вопросы внутренней политики⁴¹. Центральное место среди них принадлежит запискам Д.А. Гурьева. Во втором десятилетии XIX в. на первый план вышла проблема организации государственного кредита, поэтому работы Д.А. Гурьева были посвящены

⁴⁰ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 560. Оп. 38; Ф. 583. Оп. 4. См. также: Внешняя политика России в XIX — начале XX века. Документы Российского Министерства иностранных дел. М., 1960–1972. Т. 1–8. Серия 1.; М., 1974–2005. Т. 1 (9) — 9 (17). Серия 2 (далее ВПР).

⁴¹ *Троцкий Д.П.* О неудобствах, происходящих от государственного управления по форме единоличной, введенной закрытием коллегий и отменой коллежского обряда и подтвержденной общим учреждением министерств 1810 и 1811 годов // Сб. РИО. СПб., 1868. Т. 3. Другая его записка опубликована в Сборнике исторических материалов, извлеченных из архива Собственной Е.И.В. канцелярии. СПб., 1895. Вып. 7 (далее — Сборник исторических материалов...). (См. также: Письмо Н.И. Салтыкова государю без числа // Там же); *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России. СПб., 1914; *Кочубей В.П.* Об учреждении министерств // Сб. РИО. СПб., 1894. Т. 90; *Он же.* О положении империи и о мерах к прекращению беспорядков и введению лучшего устройства в разные отрасли, правительство составляющие // Сб. РИО. СПб., 1894. Т. 90.

созданию Совета кредитных установлений, Государственной долговой книги, а также государственного Коммерческого банка ⁴².

Одним из самых важных источников, занимающих в данном исследовании центральное место, являются планы финансов Д.А. Гурьева 1814, 1817 и 1823 гг.

Особая роль при анализе финансовой политики принадлежит статистическим материалам, сбор которых осуществлялся, наряду с государственными органами, также научными обществами и частными лицами. Обширнейшие сведения собраны статистическим отделением при Министерстве внутренних дел о населении, податях, посевах, урожаях хлебов, винокурении, развитии внутренней и внешней торговли, о доходах и расходах как губернского управления, так и всего государства, о монетной системе и т. д. В изучаемый период статистическая наука в России только начинала создаваться. Труды К.Ф. Германа, К.И. Арсеньева, Д.П. Журавского, Е.Ф. Зябловского внесли огромный вклад не только в теорию и историю статистики, но заложили основу для многостороннего и углубленного исследования экономической истории России ⁴³.

Существенной особенностью источниковой базы исследуемого периода в истории России является исключительная роль источников эпистолярного и мемуарного характера. С одной стороны, для первой четверти XIX в. их сохранилось относительно много, а с другой — под влиянием грандиозных событий эпохи их авторы с пристальным вниманием относились к политическим проблемам, позволяя себе в то же время достаточно откровенные высказывания. Разумеется,

⁴² Гурьев Д.А. О Совете государственных кредитных установлений // Сборник сведений и материалов по ведомству Министерства финансов. СПб., 1866. Т. 3. Кн. XI, XII (далее — Сборник сведений и материалов...); *Он же*. О государственных долгах и Комиссии погашения долгов // Там же; *Он же*. Об учреждении государственного Коммерческого банка // Там же.

⁴³ Арсеньев К.И. Начертание статистики Российского государства. СПб., 1818–1819. Ч. 1–2; *Он же*. Историко-статистическое обозрение монетного дела в России // Записки императорского Русского географического общества. СПб., 1849. Кн. 1–2; Герман К.Ф. Статистическое исследование относительно Российской империи. СПб., 1819. Ч. 1; Зябловский Е.Ф. Статистическое описание Российской империи в нынешнем ее состоянии с предварительными понятиями о статистике и о Европе вообще в статистическом виде. СПб., 1808. Кн. 1–2. Ч. 1–5; *Он же*. Российская статистика. СПб., 1832; Андросов В.П. Хозяйственная статистика России. М., 1827; Журавский Д.П. Статистическое обозрение расходов на военные потребности с 1711 по 1825 год. СПб., 1859; *Он же*. Об источниках и употреблении статистических сведений. Киев, 1846.

суждения современников носят субъективный характер, на них наложили отпечаток прошедшие годы и новая политическая ситуация, что требует от исследователя критического отношения к приводимым сведениям. Однако в воспоминаниях современников зафиксированы многие существенные факты, даны характеристики видным государственным деятелям и чиновникам, помещены свидетельства их роли в принятии того или иного решения, отражено отношение в правящих верхах и в обществе к проводимым мероприятиям⁴⁴.

Таким образом, разнообразные источники дают возможность рассмотреть наиболее значимые этапы служебной деятельности одного из первых министров финансов Д.А. Гурьева и охарактеризовать основные направления проводимой им финансовой политики.

⁴⁴ Мои воспоминания об отце моем Михаиле Андреевиче Балугьянском. Записки его дочери, баронессы М.М. Медем // Русский архив. 1885. № 11; Воспоминания Ф.П. Лубяновского // Русский архив. 1872. № 1, 3–4; Записки графа Александра Ивановича Рибоьера // Русский архив. 1877. № 4–5; *Вяземский П.А.* Записные книжки (1813–1848). М., 1963; *Державин Г.Р.* Записки 1743–1812. М., 2000; Записки сенатора К.И. Фишера // Исторический вестник. 1908. № 2; Записки Филиппа Филипповича Вигеля. М., 1891–1893. Ч. 1–7; *Михайловский-Данилевский А.И.* Мемуары 1814–1815. СПб., 2001.

Особенности экономического развития и проблемы финансовой политики России в первой четверти XIX в.

Состояние экономики России в начале XIX в., выразившееся в бюджетном дефиците, обесценивании бумажных денег, расстройстве кредита и других последствиях для финансовой сферы государства, требовало от правительства поиска наиболее оптимальных путей выхода из создавшегося тяжелого положения.

Однако внутренние резервы аграрной России для стабилизации сложившейся ситуации были довольно ограничены. Зависимость сельского хозяйства от переменчивых климатических факторов, отсутствие постоянного и значительного прироста населения, неразвитая инфраструктура не способствовали бесперебойному поступлению доходов.

Основой экономического развития в России было сельское хозяйство¹ с коротким периодом полевых работ в зоне рискованного земледелия, малопродуктивными почвами и незначительной суммой накопленных температур. Как отмечали исследователи, валовой душевой сбор сельскохозяйственной продукции «постоянно балансировал на грани допустимого минимума, иногда опускаясь и ниже его»². Для государственного бюджета эта ситуация была крайне неблагоприятна, поскольку устойчивая тенденция ежегодного недополучения доходов требовала изыскания новых средств для его пополнения. Невозможность постоянно увеличивать прямые налоги заставляла правительство активно прибегать к косвенному обложению.

Традиционализм аграрного производства и консервация проверенных временем форм и методов полевых работ не благоприятствовали сколько-нибудь широкому применению (особенно в крестьянском хозяйстве) более совершенных орудий, новых приемов агрикультуры, машин. Рационализация помещичьих хозяйств осталась на уровне не-

¹ Аграрными по своей сути оставались до середины XIX в. и российские города (*Миронов Б.Н.* Русский город во второй половине XIX века // История СССР. 1988. № 5. С. 167–168; *Ляхов А.Н.* Основные черты социальных и экономических отношений в России... С. 38; *Герман К.Ф.* Статистическое исследование... С. 230–231).

² *Милов Л.В.* Великорусский пахарь... С. 554–555, 566.

скольких экспериментальных имений, а прогресс общественного производства достигался путем совершенствования трудовых навыков и специализации³. Важной вехой в процессе складывания основных районов товарного хлебопашества и скотоводства и, как следствие этого, дальнейшего развития всероссийского аграрного рынка явилась отмена внутренних таможенных пошлин в середине XVIII в., несмотря на то, что это привело к огромным ежегодным недоимкам по окладным сборам⁴. Для бюджета государства специализация сельского хозяйства сыграла важную роль, потому что производство хлебов в Центрально-нечерноземном, Центрально-черноземном, Западном районах привело к тому, что хлебом было обеспечено не только население России, но он стал важной экспортной статьей, приносящей немалый доход государству⁵. В ряде случаев в результате изменившейся внешнеполитической ситуации вывоз хлеба сокращался, что наносило существенный урон доходам как государства, так и его социальной опоры — дворянства. Поэтому в царствование Екатерины II переезд большей его части в свои имения и заведение собственного хозяйства поощрялись правительством предоставлением ряда льгот. Согласно Жалованной грамоте, положения которой были также подтверждены указом от 4 ноября 1802 г., дворяне могли продавать оптом за границу продукцию своих деревенских хозяйств⁶.

Среди внутренних факторов, которые влияли на своевременное и максимально полное поступление доходов, наряду с уровнем развития сельского хозяйства следует отметить численность народонаселения⁷ и развитие системы коммуникаций.

Основными видами транспорта в Российской империи начала XIX в. по-прежнему оставались гужевой и водный. Предпочтение от-

³ Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство... С. 68; Миллов Л.В. Великорусский пахарь... С. 565–566.

⁴ ПСЗ-1. Т. 13. № 10164. С. 947–953; Волков М.Я. Отмена внутренних таможен в России // История СССР. 1957. № 2. С. 87; Он же. Таможенная реформа 1753–1757 гг. // Исторические записки. 1962. № 71. С. 157; Осокин Е. Внутренние таможенные пошлины в России. Казань, 1850. С. 142.

⁵ Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство... С. 68; Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. С. 24.

⁶ ПСЗ-1. Т. 27. № 20493. С. 340.; Романович-Славатинский А.В. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. Киев, 1912. С. 268; Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. С. 29–30; Переход от феодализма к капитализму в России. Материалы Всесоюзной дискуссии. М., 1969. С. 50–51.

⁷ Троицкий С.М. Источники доходов в бюджете России в середине XVIII в. (20–60-е годы) // История СССР. 1957. № 3. С. 179.

давалось последнему как более дешевому, удобному и грузоемкому⁸, тем не менее зависимость гидрологического режима рек от климата, рельефа местности, растительного покрова, геологических особенностей русла и т. д. приводила не только к регламентации весенней и осенней навигации, но и затруднению ее в наиболее удобный для массовых перевозок период, так как дожди могли вызвать подъем уровня воды. Что касалось сухопутных дорог, то до конца XVIII в. в стране не было построено ни одной шоссейной дороги. К середине 30-х гг. XIX в. их протяженность доходила приблизительно до 2747 верст. Зависимость сухопутных дорог, так же как и водного сообщения, от сезонных условий, от рельефа, состава почв, препятствий в виде рек, ручьев и болот ограничивала возможность использования их в полной мере в весенне-осенний период, особенно на болотистых и песчаных участках. Зимой глубокие снега, заносы, гололедица делали их также в большинстве случаев непроходимыми⁹.

Демографическая ситуация, которая была в значительной степени связана со своевременным поступлением податей, зависела от урожайности сельского хозяйства, вспышек эпидемий, военных действий. В период между пятой (1795 г.) и шестой (1811 г.) ревизиями не было сильного голода или эпидемий, а местные неурожаи охватывали в основном южные и западные губернии девять раз (1796, 1799, 1800–1802, 1805, 1807–1809 гг.). Главной причиной снижения прироста населения в этот период были последствия военных действий против Франции, сопровождавшиеся огромными рекрутскими наборами. На прирост населения в период между седьмой (1815 г.) и восьмой (1833 г.) переписями повлияли недороды в 1817–1818, 1822, 1823, 1824 и 1827 гг., голод в 1820–1821 гг., а также эпидемия холеры в 1829–1831 гг., отрицательно сказавшиеся на численности жителей России¹⁰. Кроме того, нужно учитывать тот факт, что реальная

⁸ В России существовало шесть важнейших водных бассейнов: волжский, донской, днепровский, западно-двинский, озерный, северо-двинский, соединенные между собой системами каналов: волжский с озерным и северо-двинским, западно-двинский с днепровским (*Горлов И.Я.* Обзорение экономической статистики России. СПб., 1849. С. 235, 259. См. также: *Марасинова Л.М.* Пути и средства сообщения // *Очерки русской культуры XVIII века.* М., 1985. Ч. I. С. 269).

⁹ *Истомина Э.Г.* Водные пути России во второй половине XVIII — начале XIX века. М., 1982. С. 23–27; *Краткий исторический очерк развития водных и сухопутных сообщений и торговых портов в России.* СПб., 1900. С. 357–358.

¹⁰ *Кабузан В.М.* Изменения в размещении населения России... С. 5–8.

картина прироста населения была плохо известна органам государственного управления¹¹. В «Историческом обозрении финансов с 1801 по 1814 гг.» отмечалось, что численность платящего подушную подать населения составила по пятой ревизии 17 162 998 чел., а по шестой — 19 085 453. Исследования В.М. Кабузана выявили ту же тенденцию, хотя и с несколько иными количественными показателями: 18 707 124 и 21 352 819 душ мужского пола соответственно¹².

Одним из основных источников государственных доходов была внешняя торговля. Забота о бесперебойном поступлении пошлин от ввозимых товаров являлась главнейшей в деятельности сначала министра коммерции, а затем и министра финансов. Сохранение выгодного торгового баланса было не только данью политике меркантилизма, но и отражало стремление правительства сохранить достаточно высоким вексельный курс¹³. Несмотря на все трудности, связанные в первую очередь с континентальной блокадой, Отечественной войной 1812 г. и заграничными походами русской армии, России удавалось сохранять активный баланс внешней торговли, за исключением 1820 и 1821 гг. (время неурожая и голода в стране).

Серьезным испытанием для экономики России явилось предусмотренное Тильзитским миром присоединение к континентальной блокаде. Оборот внешней торговли сократился с 120 млн. в 1806 г. до 83 млн. в 1808 г., был потерян основной торговый пар-

¹¹ *Штурмер М.* Голодная казна — слабое государство. Европейский Ancien Regime // Все началось с десятины: этот многоликий налоговый мир. М., 1992. С. 264–283.

¹² РГИА. Ф. 560. Оп. 10. Д. 71. Л. 6–6 об.; 18–18 об.; *Кабузан В.М.* Изменения в размещении населения России... С. 5.

¹³ *Вирст Ф.Г.* Рассуждения о некоторых предметах законодательства и управления финансами и коммерциею... С. 332; *Поляков В.Л.* Таможенная политика России в первые десятилетия XIX века... С. 77.

М.М. Сперанский в «Записке о монетном обращении» отмечал, что «под именем курса в делах торговых всегда разумели курс вексельный, т. е. цену денег при переводе их, посредством векселей, с одного места на другое. В России, отмечал он далее, «под сим всегда разумели курс заграничный». Кроме того, помимо «вексельного перевода бывал всегда на биржах и во внутренней торговле еще наличный промен одной монеты на другую», а с введением в обращение «ассигнаций явился промен, или ажио, и на сию монету». По его мнению, «аживо употребляется при размене одной монеты на другую», а лаж «при покупке товаров» (Записка о монетном обращении графа Сперанского с замечаниями графа Канкрин. СПб., 1895. С. 21. См. также: *Русский рубль. Два века истории.* С. 316; *Современный финансово-кредитный словарь.* М., 2002. С. 51).

тнер — Англия¹⁴, упал курс рубля¹⁵. Контрабандная торговля, которая преследовалась не особенно строго, а также попытки найти потребителя российских товаров во Франции не компенсировали убытки¹⁶. Большинство исследователей считают, что блокада крайне отрицательно влияла на экономическое, финансовое, промышленное, торговое развитие России¹⁷. Однако некоторые историки отмечали, что «континентальная система разоряла людей, живущих на чистые деньги: высшие классы, чиновничество и тех владельцев имений, которые жили в столицах и проживали доходы с вотчины за границей. Для последних падение рубля равнялось уменьшению доходов более чем на половину»¹⁸. Положительным же моментом континентальной блокады, по мнению Д.А. Гурьева, стало увеличение в 1808 и 1809 гг.

¹⁴ Как отмечал в своем исследовании А.А. Орлов: «Обе страны никогда бы добровольно не отказались от взаимной торговли <...> Великобритания издавна являлась крупнейшим торговым партнером России, поставляя ей фабричные изделия, текстиль, хлопчатобумажную пряжу и колониальные товары (сахар, чай, кофе, пряности, наркотики, хлопок-сырец и т. д.) <...> Британским купцам торговля с Россией была выгодна также и тем, что они могли с успехом перепродавать предметы российского экспорта в Европе, Азии и Америке. Доходы, полученные от этих операций, компенсировали затраты, связанные с закупками Великобританией хлеба в черноморских портах России». Из России Англия получала «необходимое в кораблестроении сырье (лес, лен, пеньку, полотняные изделия, вар, смолу), а также хлеб, льняное и конопляное семя, железо, сало и пр.». По ряду экспортных статей, таких как «лен, пенька, сало, смола и вар Россия фактически имела монополию на британском рынке» (*Орлов А.А. Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М., 2005. С. 33*).

¹⁵ *Военский К.А. Континентальная система. С. 229; Тарле Е.В. Континентальная блокада. С. 350; Сироткин В.Г. Континентальная блокада и «объединение Европы». С. 135.*

¹⁶ ЖКМ. СПб., 1891. Т. II. С. 493–497. См. также: *Предтеченский А.В. К вопросу о влиянии континентальной блокады... С. 895.*

¹⁷ *Злотников М.Ф. Континентальная блокада... С. 227–246; Предтеченский А.В. К вопросу о влиянии континентальной блокады... С. 900–901; Тарле Е.В. Континентальная блокада. С. 350; Обзор французской и советской литературы о том, «была ли блокада стимулятором капиталистического развития и как таковая средством экономического объединения огромной наполеоновской империи и ее союзников», а также «способствовала ли она развитию капитализма в Европе (в частности в России)?», представлен в статье Сироткина В.Г. «Континентальная блокада и русская экономика (Обзор французской и советской литературы) // Вопросы военной истории России. XVIII и первая половина XIX вв. М., 1969. С. 54–77.*

¹⁸ *Военский К.А. Континентальная система. С. 231.*

вкладов в кредитные учреждения. «Иностранные капиталисты, — писал он, — при всеобщем почти прекращении коммерции, обращались со своими капиталами в наш Заемный банк, быв особенно привлекаемы выгодною получением процентов на проценты»¹⁹. Этого нельзя было сказать о российских подданных, которые требовали свои капиталы из банка и ломбарда²⁰.

Успехи внешней торговли напрямую были связаны с проводимой тарифной политикой, которая в первой четверти XIX в. была нестабильной и во многом зависела от внешнеполитических факторов. Так, основные положения протекционистского тарифа 1811 г., составленного после совещания М.М. Сперанского с представителями купечества²¹, должны были нейтрализовать отрицательные экономические последствия континентальной блокады. Для финансового, промышленного и торгового развития страны этот шаг русского правительства, по мнению как современников, так и большинства исследователей, имел большое значение²².

После Венского конгресса условия взаимодействия европейских государств в экономической, особенно в таможенной и тарифной сферах были пересмотрены. В частности, необходимость этих мер была обусловлена стремлением великих держав сохранить торговые связи между землями разделенной Польши. С этой целью в Варшаве в 1817 г. из представителей трех монархий была учреждена комиссия, заседания которой вскоре были перенесены в Петербург, где и завершились подписанием двусторонних конвенций²³. По конвенции от 24 августа 1818 г. между Россией и Австрией разрешался «провоз через Гусятинскую таможенную разную товаров — некоторых с умень-

¹⁹ РГИА. Ф. 560. Оп. 11. Д. 9. Л. 40.

²⁰ ЖКМ. СПб., 1891. Т. II. С. 495.

²¹ Южаков С.Н. М.М. Сперанский. СПб., 1892. С. 46.

²² Арнольд К.И. Мнение о системе тарифа... С. 5–6; Злотников М.Ф. Континентальная блокада... С. 245–246; Нарочницкий А.Л. Об историческом значении континентальной блокады // Новая и новейшая история. 1965. № 6. С. 58–59; Берлин П.А. Русская буржуазия в старое и новое время. М., 1922. С. 50; Туган-Барановский М.И. Война 1812 г. и промышленное развитие России. С. 110; Лодыженский К.Н. История русского таможенного тарифа. С. 148–168. Д.А. Гурьевым в 1813 г. был выработан проект нового умеренно-покровительственного тарифа, который не был принят (История Московского купеческого общества / Под ред. В.Н. Сторожева. М., 1916. Т. 2. Вып. 1. С. 170; Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. С. 103).

²³ ВПР. Т. 1(9). Серия 2. Док. 183. С. 590–591; Струве П.Б. Торговая политика России. СПб., 1913. С. 157–165.

шенною пошлиною». Требования Пруссии в значительной степени были удовлетворены постановлением конвенции от 21 апреля 1819 г., согласно которой были снижены пошлины по некоторым важнейшим статьям привоза и отменены запрещения, установленные тарифом 1816 г., положения которого необходимо было пересмотреть, что и было сделано. Новые таможенные правила для всей Российской империи, изданные 20 ноября 1819 г.²⁴, отменили запретительные статьи прежнего тарифа и разрешили импорт, облагаемый довольно умеренными пошлинами. Фритредерские новации правительства были вызваны не только влиянием внешнеполитической обстановки, но и недовольством дворянства дороговизной продукции отечественной промышленности. Однако идеи свободной торговли неодобрительно были встречены современниками и отрицательно оценены последующими исследователями²⁵. Заявление Е.Ф. Канкринна о том, что тариф 1819 г. убил русскую промышленность, надолго определило столь негативную оценку этого периода таможенной политики²⁶. В 1822 г. Россия, как и многие европейские страны, вновь возвратилась к запретительной системе²⁷. В.И. Штенгель, оценивая тарифную политику российского правительства в первой четверти XIX в., отмечал, что тариф 1810 г., «который издан был при увещательном манифесте, чтобы все обращали капиталы свои не в пищу чужеземной роскоши, но в пользу Отечества», способствовал оживлению коммерции и промышленности. Положения нового тарифа, введенного в 1816 г. «в пользу Австрии, Польши и Пруссии», должны были действовать в течение 12 лет, однако он был изменен в 1819 г. Разрешение, по это-

²⁴ ПСЗ-1. Т. 36. № 27987. С. 382–383; № 27988. С. 383.

²⁵ История Московского купеческого общества... С. 171–172; *Пичета В.И.* Фритредеры и протекционисты в первой четверти XIX века // Книга для чтения по истории нового времени. М., 1912. Т. 3. С. 620–651.

²⁶ *Туган-Барановский М.И.* Война 1812 г. и промышленное развитие России. С. 111–112.

²⁷ *Лодыженский К.Н.* История русского таможенного тарифа. С. 178–196; *Степанов М.С.* Финансовые системы Англии, Франции и России. СПб., 1868. С. 156–157, 185; *Кулишер И.М.* Очерк истории русской торговли. С. 303–306; *Предтеченский А.В.* История основания Мануфактурного совета // Известия АН СССР. Серия VII. Отделение общественных наук. Л., 1932. № 5. С. 388–389; *Прошин Г.Г.* Таможенный тариф 1819 года. С. 114–116; *Сироткин В.Г.* Борьба в лагере консервативного русского дворянства по вопросам внешней политики после войны 1812 года и отставка И. Каподистрии в 1822 г. // Проблемы международных отношений и освободительных движений. М., 1975. С. 27–29. См. также: Архив графов Мордвиновых. СПб., 1902. Т. 6. С. 357–441, 550–562.

му тарифу, «ввоза иностранных товаров» привело к тому, что «многие купцы обанкрутились, фабриканты в конец разорились, а народ чрез то лишился способов к пропитанию и к оплачиванию податей». Далее В.И. Штенгель отмечал, что «вскоре увидели ошибку, исправили ее тарифом 1823 года; но причиненный вред невозвратен. Знатные суммы серебра и золота, вошедшие чрез Одесский порт, при выгодной хлебной торговле 1815–16 и 17-го годов, исчезли мгновенно и не возвращались»²⁸.

Требовалось выделение значительных бюджетных средств на военные расходы (в том числе чрезвычайные) и охрану границ, на формирование системы местного управления, налоговые льготы и т. д. для территорий, которые в начале XIX в. вошли в состав Российской империи. Плата за сохранение постоянно расширяющегося единого экономического пространства была высокой²⁹.

Тяжеловесность медной монеты, затруднения в приеме и выдаче крупных сумм, частые изменения внутреннего достоинства делали медные деньги неудобным средством обращения³⁰. Не лучше обстояло дело и с серебром. Даже в середине 30-х гг. в своем представлении Государственному совету от 29 июля 1837 г. тогдашний министр финансов Е.Ф. Канкрин отмечал, что «все внутренние обороты затрудняются теми неудобствами, с коими сопряжена перевозка серебра, которая посредством почт и дорог и медлительна (ибо вдруг принимается не более 10 тысяч рублей), а посредством вольных транспортов опасна и также дорога, в дальние же места едва ли и возможна, тогда когда переводы векселями между внутренними городами почти вовсе не существуют»³¹.

²⁸ Русский архив. 1895. № 2. С. 164.

²⁹ Чернуха В.Г. Проблемы изучения империи и имперская функция паспорта // Исторические записки. М., 2003. № 6 (124). С. 134–137; Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления // Ответственные редакторы С.Г. Агаджанов, В.В. Трепавлов. М., 1998. С. 383–386; Ремнев А.В., Савельев П.И. Актуальные проблемы изучения региональных процессов в имперской России (вместо введения) // Имперский строй России в региональном изменении (XIX — начало XX века). Сборник научных статей. М., 1997. С. 7–18; Бурбанк Д. Империя и гражданское общество. Имперская конструкция России и Советского Союза // Там же. С. 28; Правилова Е.А. Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах. 1801–1917. М., 2006. С. 9, 164.

³⁰ Шторх П.А. Материалы для истории государственных денежных знаков в России... С. 786.

³¹ Материалы по вопросу об устройстве денежной системы. СПб., 1896. С. 10.

Не в состоянии были обеспечить деньгами и монетные дворы, деятельность которых часто останавливалась из-за отсутствия исходного сырья. Мануфактурное производство в России, развитие которого было существенно замедлено вследствие войн начала XIX в., работало преимущественно над государственными заказами, в том числе и в добывающей промышленности. Государственная монополия на разведку новых месторождений и создание приисков затрудняла добычу драгоценных металлов. Ситуация осложнялась неравномерностью функционирования монетных дворов, использовавших в большинстве случаев примитивную технику. Ограничена была и возможность применения совершенного оборудования, способного ускорить процесс чеканки³². Добывающие мануфактуры не могли удовлетворить все возрастающие потребности государства в благородном металле. Открытие золота в России относится к 1724 г. Добыча его началась лишь с 1752 г. и оставалась монополией казны до указа от 28 мая 1812 г., когда было разрешено всем российским подданным искать и добывать золото и серебро³³. Однако фактически частные лица были допущены «к разработке золотоносных песков, или так называемого рассыпного золота», не ранее 1819 г.³⁴. В достаточном же количестве добыча этого металла началась только с 20-х гг. XIX в.³⁵, когда 9 сентября 1824 г. было принято положение «О распространении открытий и умножения разработки золотистых песков»³⁶.

О ситуации на монетных дворах вспоминал Ф.П. Толстой³⁷: «Спустя очень короткое время после моего определения в Монетный

³² Соловьева А.М. Промышленная революция в России. С. 41–42; Данилевский В.В. Русское золото. История открытия и добычи до середины XIX в. М., 1959. С. 128; Уздеников В.В. Объем чеканки российских монет на отечественных и зарубежных монетных дворах 1700–1917. М., 1995. С. 23–143; Андросов В.П. Хозяйственная статистика России. С. 282; Боголюбовский И.С. Золото, его запасы и добыча в русской золотоносной формации. СПб., 1877; Попов В.А. Рассуждение о вывозе золота и серебра. СПб., 1831.

³³ ПСЗ-1. Т. 32. № 25119. С. 328–329.

³⁴ Кривоногов В.Я. Зарождение и развитие частнокапиталистической золотопромышленности на Урале в середине XIX в. // Генезис капитализма в промышленности. М., 1963. С. 237–238.

³⁵ Вознесенский С.В. Экономика России XIX–XX вв. ... С. 124; Горлов И.Я. Обзорение экономической статистики... С. 91; Кеттен А.П. Драгоценные металлы... С. 263–264; Данилевский В.В. Русское золото... С. 108–112.

³⁶ ПСЗ-1. Т. 39. № 30056. С. 520–522. См. также: Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Собрание 2 (далее — ПСЗ-2). Т. 4. № 3033. С. 531–539.

³⁷ Толстой Федор Петрович — живописец, скульптор, гравер. В 1810 г. поступил медальером на Петербургский монетный двор.

департамент Министерство финансов нашло необходимым заменить существующую <...> медную разменную монету новой. Утвержденный государем проект новой системы медной разменной монеты был немедленно опубликован с назначением времени размена этих монет. Господину министру не пришло в голову заранее, до доклада его величеству, осведомиться, может ли Екатеринбургский монетный двор, где всегда чеканится мелкая медная монета, к назначенному времени размена старой монеты [на] новую заготовить такое количество ее, чтобы не задерживать размена. А теперь, когда уже объявлено о введении в России новой мелкой медной монеты, оказывается, что Екатеринбургский монетный двор в теперешнем его составе никак не в состоянии к назначенному времени изготовить полное количество новой медной монеты, необходимое для размена. Почему министр, для поправления этой важной ошибки, могущей поставить в самое затруднительное положение размен старой монеты на новую, и чтобы ускорить заготовку новой, приказал резчикам передела золотой и серебряной монеты, <...> оставя на время свое дело, заняться приготовлением матошников и штемпелей для грошей. Но как этого пособия оказывается недостаточно, то мы, медальеры, не имеющие никаких сношений с монетными передедами, видя затруднительное положение Монетного двора, предложили и свои труды на резьбу матошников и штемпелей для грошей <...> которых каждый из нас в день prepares по восьми штук»³⁸.

В сложных ситуациях, для финансирования армии за рубежом и поддержания вексельного курса, правительство вынуждено было закупать золото и серебро за границей. В Гамбурге и Амстердаме в 1808 г. было приобретено «409 тыс. голландских червонных, 20 пуд. 37 фунтов золота, 199 пуд. 23 фунта серебра в слитках» и заплачено 3 999 359 руб. 33 коп. В 1809 г. — 500 тыс. голландских червонцев, за которые заплатили «3 860 136 руб. 99 коп. с половиною»³⁹. В конце 1809 — начале 1810 г. 6 тыс. пудов серебра в слитках, для создания запаса серебряной монеты⁴⁰. Известны также случаи покупки полновесных голландских червонных у российских подданных⁴¹.

Для покрытия экстраординарных сумм правительство прибегало к выпуску ассигнаций в зачет налоговых поступлений и еще нена-

³⁸ Записки графа Федора Петровича Толстого. С. 152.

³⁹ ВПР. Т. 5. Серия 1. Док. 46. С. 84; Док. 123. С. 250.

⁴⁰ Там же. Док. 127. С. 256. См. также: РГИА. Ф. 560. Оп. 3. Д. 41. 20 л.; Ф. 583. Оп. 4. Д. 217. Л. 70–70 об., 123; Д. 218. Л. 1; Д. 219. Л. 69.

⁴¹ РГИА. Ф. 557. Оп. 2. Д. 500. 27 л.

чеканенной монеты ⁴². Бумажные деньги, введенные в обращение Екатериной II, вскоре стали, по мнению М.И. Туган-Барановского, «одной из наших национальных особенностей». Правительство должно было постоянно заботиться о том, чтобы поддержать не только достоинство ассигнаций внутри страны по отношению к серебру (промен), но и вексельный курс. И если первый вследствие непрекращающегося выпуска ассигнаций удерживали прекращением размена на серебро (это произошло в 1786 г., а с середины 90-х гг. и на медную монету) ⁴³ и расширением сферы обращения бумажных денег, то последнему — вексельному курсу необходимо было уделять постоянное внимание, «так как высотой курса определялся размер зарубежных платежей Государственного казначейства» ⁴⁴. Вексельный курс российских ассигнаций состоял из двух частей: действительного вексельного курса, зависящего от колебаний международных платежей, и номинального — находящегося в прямой связи с бумажными деньгами. И именно эта вторая часть вексельного курса играла в нем доминирующую роль. Следовательно, все то, что влияло на ценность ассигнаций, оказывало влияние и на курс (количество бумажных денег; состояние международного баланса, международные политические и экономические события, крупные факты внутренней хозяйственной жизни страны, спекуляция) ⁴⁵. Однако, как отмечал М.И. Туган-Барановский, «одним из главных факторов вексельного курса является состояние платежного баланса», поэтому русское правительство постоянно заботилось об его улучшении ⁴⁶. Кроме того, существовал еще и податный курс ассигнаций, который устанавливался при расчетах с казной и регулировался ежегодными указами.

Возможность быстро, за счет выпуска в обращение ассигнаций, удовлетворять экстраординарные потребности вскоре поставила перед российским правительством задачу остановить инфляционный

⁴² Российский государственный архив древних актов (далее — РГА-ДА). Ф. 19. Оп. 1. Д. 15. Ч. 2. Л. 109–110 об.; Д. 18. Л. 2–5.

⁴³ *Троицкий С.М.* Из истории русского рубля // Вопросы истории. 1961. № 1. С. 69.

⁴⁴ *Туган-Барановский М.И.* Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. М., 1938. Т. 1. С. 44.

⁴⁵ *Гурьев А.Н.* Реформа денежного обращения. Ч. 1. С. 24–30. См. также: *Печерин Я.И.* Наши государственные ассигнации... С. 619–621; *Шторх П.А.* Материалы для истории государственных денежных знаков в России... С. 830–831.

⁴⁶ *Туган-Барановский М.И.* Русская фабрика... С. 44–45.

процесс, которую оно пыталось решить на протяжении всей первой половины XIX в. Исправить положение без «потрясений и новых налогов»⁴⁷, по мнению министра финансов Д.А. Гурьева, можно было путем укрепления государственного кредита, совершенствования системы взимания налогов и распределения доходов по расходным статьям, а также улучшения управления финансами⁴⁸.

Эти задачи и призвано было решить созданное в 1802 г., наряду с другими, Министерство финансов, которое, кроме того, еще и обеспечивало финансовую поддержку реформам, продолженным в царствование Александра I.

⁴⁷ РГИА. Ф. 560. Оп. 10. Д. 71. Л. 3–3 об.

⁴⁸ Там же. Л. 67 об.

Министерская реформа и создание Министерства финансов

Манифест от 8 сентября 1802 г. об учреждении министерств разделил государственные дела «на разные части», поручив их «ведению избранных <...> министров», и определил главные правила, которыми они должны были руководствоваться при исполнении возложенных на них обязанностей.

В тех случаях, когда власть министра не позволяла решать стоявшие перед ним задачи, он должен был предложить меры для исправления сложившейся ситуации, обсудить их с другими министрами, а затем обратиться с докладом к императору, который, если был согласен с предложенными мерами, утверждал его, а затем возвращал министру для исполнения.

В соответствии с основными положениями манифеста министры присутствовали в Сенате, через который в конце года каждый из них должен был подавать императору письменный отчет, за исключением дел, составляющих тайну. В Сенате отчет в присутствии министра сравнивался с рапортами с мест, которые также поступали в Сенат, и указами государя, изданными «по части его отделения». После этого доклад министра и мнение Сената представлялись императору. В случае обнаружения злоупотреблений Сенат, не дожидаясь официального отчета, должен был «требовать объяснения от министра», и если ответ его не мог быть признан удовлетворительным, то министр должен был представить о том доклад императору¹.

Новая система в правительстве приживалась с трудом и породила вначале немало затруднений. «Таким образом, — вспоминал Г.Р. Державин, — и пошло кое-как течение дел относительно правления государственных чрез министерский комитет; но как Сенат отменен не был и, по-видимому, оставался не токмо в прежней форме, но и в силе, то и пошла путаница день ото дня более. Например, закон Петра Великого и Екатерины II говорит, что Сенат не имел власти сам собою распоряжаться государственными суммами сверх 10 000 рублей; но тут без всякого уважения какого-либо государственного

¹ ПСЗ-1. Т. 27. № 20406. С. 243–248. См. также: *Шепелёв Л.Е.* Аппарат власти в России. Эпоха Александра I и Николая I. СПб., 2007. С. 23–40.

места или совета и остережения прокуроров подавали сами от себя министры доклады государю о миллионах, который их и конфирмовал, и уже сего исправить невозможно было, а потому и зачали министры тащить казну всякий по своему желанию»².

Структура министерств разработана не была. В манифесте упоминалась лишь должность товарища министра. В первые три месяца министры должны были создать свои канцелярии, определить штаты, выработать порядок производства «имеющих вступить к ним дел». На переходный период каждому из них разрешалось составить временную канцелярию. Наряду с этим каждый министр должен был назначить дни для приема посетителей, причем изменить их можно было только после того, как информация об этом была бы опубликована в ведомостях³.

Департамент министра финансов, созданный 7 января 1803 г., состоял помимо самого министра из директора канцелярии, четырех экспедиторов, семи столоначальников по экспедициям (при которых было восемь старших и семь младших помощников), одного архивариуса с помощником, одного помощника при министре, одного переводчика, одного помощника при секретаре и шести курьеров⁴.

Манифест 1802 г. заложил основы организации финансового управления⁵. Министру финансов были подчинены: Берг-коллегия, Монетный и Лесной департаменты, от Мануфактур-коллегии: Экспедиция о заготовлении и хранении вексельной бумаги, Экспедиция государственного хозяйства, заведовавшая делами «по камеральному столу и печатанию векселей и заемных писем». Кроме того, в его ведении находились: оброчные статьи, хозяйственное управление казенных земель, государственные банки, придворные банкиры и комиссионеры, все казенные палаты по винным подрядам и откупам.

Министр финансов должен был заботиться о сохранении источников государственных доходов и создании условий для того, чтобы они не только «не истощались, но сколь возможно делались обильнее». Кроме того, глава финансового ведомства следил, чтобы распределение доходов было «сообразно с самым точным, ясным и хозяйственному распоряжению соответственным порядком». В конце каждого года министр финансов готовил подробный отчет о государственных расходах и генеральную ведомость о доходах следующего года. После

² *Державин Г.Р.* Записки... С. 237.

³ ПСЗ-1. Т. 27. № 20406. С. 243–248.

⁴ Там же. Т. 27. № 20582. С. 424–425; Т. 44. Ч. II. Отд. IV. № 20582. С. 19.

⁵ *Оболенский Л.Л.* Краткий курс организации финансовых учреждений. Пг., 1920. С. 7.

рассмотрения и утверждения этих документов императором они направлялись к государственному казначею для исполнения ⁶.

Не все финансовые дела оказались в ведении созданного в 1802 г. Министерства финансов. Ряд хозяйственно-финансовых учреждений были включены в состав Министерства внутренних дел, государственного казначея и Министерства коммерции ⁷. Так, Лесной департамент в соответствии с уставом от 11 ноября 1802 г. стал государственной коллегией ⁸. В 1803 г. дела Мануфактур-коллегии, Главной соляной конторы и Экспедиции государственного хозяйства, опекунства иностранных и сельского домоводства были соединены с Департаментом внутренних дел под названием Экспедиции государственного хозяйства ⁹. Вместо Берг-коллегии 13 июля 1806 г. был создан Горный департамент при Министерстве финансов ¹⁰. В 1808 и 1809 гг. экспедиции, находившиеся под началом государственного казначея, получили новое устройство: первая, вторая и четвертая, в ведении которых были доходы, расходы и недоимки, объединялись в одну — Экспедицию о государственных доходах, во главе с управляющим; а третья и пятая — в Государственную экспедицию для ревизии счетов ¹¹.

Д.А. Гурьев в записке от 1 декабря 1815 г. отмечал, что с созданием министерств в 1802 г. «не изменялся еще прежний коллегиальный порядок отправления дел, ибо оным ни одна коллегия не уничтожена, но только разные места под именем коллегий, департаментов и экспедиций по роду их соединены и подчинены одному главному директору с званием министра; сим способом произведена между ими та необходимая связь, которая облегчает ход дел, направляет их к одинакой цели и отвращает те взаимные подрывы общей пользы, которые они производили одна другой, оставаясь разделенными и не находя соединения ни в каком месте, кроме священной особы государя, до которого подробности управления доходить не могут. Учреждением министерств система правления получила значительное усовершенствование, установлением порядка исполнительного на основании, отделяющем его от прочих; сим сделано начало дальнейших исправлений, которых требовала происшедшая со времени государя

⁶ ПСЗ-1. Т. 27. № 20406. С. 245–246.

⁷ *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений... С. 168.

⁸ ПСЗ-1. Т. 27. № 20506. С. 350–356.

⁹ Там же. № 20852. С. 753–781.

¹⁰ ПСЗ-1. Т. 29. № 22208. С. 437–630.

¹¹ Министерство финансов. 1802–1902. С. 36–37

Петра I и после учреждения об управлении губерний перемена в состоянии государства по его просвещению, промышленности, населению и пространству. Проистекающее от сей перемены умножение дел в губерниях, без надлежащего соединения главного их управления в столице, затрудняло их ход ко вреду общего благосостояния, и в сем отношении установление министерств в 1802-м году столько же было полезно и необходимо, как в 1718-м учреждение коллегий, или в 1775-м губерний»¹².

Деятельность министерств выявила слабые стороны манифеста 1802 г. Необходимо было с учетом накопившегося опыта вновь обратиться к преобразованиям государственного аппарата России. Вместе с государем за эту работу принялся М.М. Сперанский¹³. В его планах основное внимание уделялось четкой регламентации сфер деятельности и делопроизводства каждого министерства, а самое важное — личной министерской ответственности¹⁴. Замыслы М.М. Сперанского в той или иной степени нашли отражение в ряде манифестов 1810–1811 гг.¹⁵.

¹² Сб. РИО. СПб., 1894. Т. 90. С. 56. См. также: *Шепелёв Л.Е.* Создание министерской системы государственного управления России 1801–1826 гг. // *Английская набережная*, 4. СПб., 2007. Вып. 5. С. 67–158.

¹³ *Барер И.* Сперанский и его реформы // *Исторический журнал*. 1938. № 8. С. 65–74. См. также: *Кодан С.В.* Божьей милостью Чиновник. М.М. Сперанский и Российское государство. Екатеринбург, 2001; *Лонгинов М.Н.* Граф Сперанский // *Русский вестник*. 1859. Т. 23. Кн. 1–2. № 10. С. 337–378, 527–576; *Морозов В.И.* Государственные взгляды М.М. Сперанского. СПб., 1999; *Он же.* Политические взгляды и конституционные проекты М.М. Сперанского. СПб., 2000; *Романович-Славятинский А.В.* Государственная деятельность графа М.М. Сперанского. Киев, 1873; *Семенова Т.Г., Семенов А.В.* Российский реформатор, мыслитель, финансист М.М. Сперанский // *Банковское дело*. 1994. № 2. С. 35–37; *Томсинов В.А.* Светило российской бюрократии: Исторический портрет М.М. Сперанского. М., 1991; *Чибиряев С.А.* Великий русский реформатор: Жизнь, деятельность, политические взгляды М.М. Сперанского. М., 1989; *Якушкин В.Е.* Сперанский и Аракчеев. СПб., 1905.

¹⁴ *Ивановский В.В.* Русское государственное право. Казань, 1896. Т. 1. Ч. 1. С. 304. См. также: *Градовский А.Д.* Начала русского государственного права. СПб., 1875–1881. Т. 1–3; *Латкин В.Н.* Учебник истории русского права периода империи (XVIII–XIX ст.). СПб., 1899.

¹⁵ *Сперанский М.М.* О государственных установлениях // *План государственного преобразования графа М.М. Сперанского (Введение к Уложению государственных законов 1809 г.)*. М., 1905. С. 279–297. См. также: *Довнар-Запольский М.В.* Политические идеалы М.М. Сперанского. М., 1905.

В манифесте от 25 июля 1810 г. исполнительная власть, согласно концепции М.М. Сперанского, была разделена на: внешние сношения; обеспечение внешней безопасности; государственную экономию; устройство гражданского и уголовного судов; обеспечение внутренней безопасности. Отделение государственной экономии объединяло несколько министерств — внутренних дел, народного просвещения, финансов, а также Государственное казначейство, Ревизию государственных счетов, Главное управление путей сообщения. Управление государственными доходами и расходами было разделено на три части. В ведении Министерства финансов находились: управление государственными имуществами, дела горные, соляные, монетные, сборы и пошлины, управление таможами, городские доходы, земские денежные повинности, банки и прочее. Казначейство, которое должно было следить за движением сумм, поступающих в доход, было разделено на казначейство остаточное или запасное и казначейство текущих расходов. Ревизия государственных счетов как по военным, так и гражданским департаментам осуществлялась в Управлении ревизии государственных счетов¹⁶.

На основании манифеста от 17 августа 1810 г. «О разделении государственных дел по министерствам», к Министерству финансов, помимо того, что находилось в его ведении по манифесту от 8 сентября 1802 г., от Министерства внутренних дел отошли: «все дела по землям казенным о раздаче их, защите противу частных притязаний и т. д.; по спорам о землях в Крыму; прощение или отсрочка поземельных недоимок; случаи, относящиеся к винному откупу; часть соляная, составлявшая особое отделение 1-й экспедиции» Министерства внутренних дел. Кроме того, «все дела по городским и земским повинностям, сборам и доходам; дела о винных откупах по привилегированным губерниям; клеймение и продажа новых весов и мер». От Министерства коммерции — переписка по торговым делам с агентами и консулами¹⁷; сбор сведений «о российских промыслах» за границей, «заграничные торговые предприятия и экспедиции»; создание коммерческих банков; «надзор за нейтральными и ликвидационными комиссиями» по торговым делам учрежденными*; «таможенное управление, ревизия книг и документов; баланс привоза и вывоза товаров; предположения о переменах в тарифе; дела по транзитной торговле вообще; сношения с начальниками портовых городов по предметам внешней торговли и таможен; все коммерческие здания, принадлежащие к таможням, приходу и исходу товаров,

¹⁶ ПСЗ-1. Т. 31. № 24307. С. 278–280.

¹⁷ Часть дела находилась в ведении Министерства иностранных дел.

исключая строения, к внутренней складке относящиеся *)¹⁸. Наряду с этим, Коммерц-коллегия, состоявшая под началом министра финансов, по вопросам внутренней торговли должна была сноситься с Министерством внутренних дел¹⁹.

Кропотливая работа по наведению порядка в исполнительной власти завершилась изданием 25 июня 1811 г. «Общего учреждения министерств», в котором были разграничены функции между министерствами и главными управлениями, введены единые принципы их организации, определены сфера деятельности, компетенция и состав каждого министерства, общий порядок прохождения в них дел²⁰.

Для министерств была установлена единая организационная структура: министр и его товарищ, департаменты министерства, совет министра, общее присутствие отделений, канцелярия министра, «особенные установления» при некоторых министерствах. Управление и аппарат министерств строился по принципу единоначалия. Исключение составляли образованные при министре коллегияльные подразделения — совет министра и общее присутствие департаментов.

Во второй части «Общего учреждения министерств» — «Общий наказ министерствам» — говорилось о степени и пределах власти министров, о том, что они должны были издавать распоряжения, призванные обеспечить своевременное и правильное исполнение государственных законов²¹. Однако в России, где дела верховного (т. е. государственного) и «подчиненного» (т. е. исполнительного) управления смешивались, министры могли испрашивать высочайшего повеления, избегая тем самым всякой ответственности за те или иные действия²².

¹⁸ Пункты, помеченные *, — часть дел в ведении Государственного канцлера.

¹⁹ ПСЗ-1. Т. 31. № 24326. С. 323–328.

²⁰ Там же. № 24686. С. 686–719.

Единство управления провозглашалось одним из главных принципов проведения административных реформ еще в Негласном комитете, однако реформа 1802 г. вследствие своей половинчатости последовательно придерживаться его не смогла (*Сафонов М.М.* Проблема реформ... С. 185). См. также: *Министерская система в Российской империи: К 200-летию министерств в России.* М., 2007. С. 385–412; *Материалы, собранные для высочайше учрежденной Комиссии о преобразовании губернских и уездных учреждений.* Отдел административный. Ч. 1. Материалы исторические и законодательные. Отделения 1 и 2. СПб., 1870. С. 48.

²¹ ПСЗ-1. Т. 31. № 24686. С. 702–719.

²² *Коркунов Н.М.* Русское государственное право. СПб., 1893. Т. 2. С. 190.

В практической деятельности министров часто возникали ситуации, когда необходимо было издать новый закон, возможно даже, создать новое учреждение или же упразднить прежнее. В этом случае официальное отношение направлялось в Государственный совет²³, после утверждения которым постановление приобретало силу закона в форме «высочайше утвержденного мнения Государственного совета». Однако мнения в Совете относительно того или иного постановления не всегда были единодушны. В этом случае оно становилось законом, но в форме «именного указа»²⁴. В реальной жизни, по мнению исследователей, Государственный совет наряду с административными занимался и судебными делами²⁵.

²³ ПСЗ-1. Т. 31. № 24686. С. 703–705.

²⁴ Милоков П.Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1918. Ч. 1. С. 208.

Обошел мнение Совета и министр финансов Д.А. Гурьев, так как члены Департамента государственной экономии подвергали его проекты критике или даже отклоняли. Н.И. Тургенев вспоминал, что «партию, враждебную мерам и системе министра, возглавлял адмирал Мордвинов. Министр же, насколько возможно, избегал присутствовать на дебатах в Совете, ибо сознавал свою неспособность бороться с адмиралом, соединявшим глубокие познания в экономической науке с изумительным красноречием и удивительным талантом излагать свои мысли <...> Однако, несмотря на беспорную поддержку большинства в Государственном совете, а также общественного мнения (насколько влияние последнего вообще возможно в России), адмиралу суждено было пасть в борьбе со своим противником, который в качестве министра финансов имел большое влияние на императора. Главный довод этого министра всегда был один: „Если вы мне откажете в таком-то новом налоге или в принятии такой-то меры, то я не смогу удовлетворить требования Военного министерства для поддержания армии в ее нынешнем состоянии“. Вероятно, он прибегал к тому же средству и в разговоре с императором, для которого подобный аргумент, разумеется, должен был быть решающим. Борьба между Государственным советом и министром финансов могла по причине поддержки императором последнего привести лишь к изъятию из ведения Совета важнейших финансовых дел. Так в конце концов и случилось. Собираясь предложить какое-либо непопулярное новшество, министр представлял его прямо на утверждение государя и вносил в Совет уже получившим монаршее одобрение. Таким образом, функции Государственного совета почти целиком свелись к простой регистрации указов по финансовой части» (Тургенев Н.И. Россия и русские. М., 2001. С. 64–65, 325).

²⁵ Голиков В.М. Место Государственного совета в системе механизма российского абсолютизма в первой половине XIX в.// Проблемы истории абсолютизма. М., 1983. С. 90.

В плане государственных преобразований М.М. Сперанского должного внимания деятельности Комитета министров не уделялось. В соответствии с этим в «Общем учреждении министерств...» о консультациях в Комитете министров говорилось довольно глухо, хотя предусматривалось взаимодействие нескольких министерств²⁶. Однако на практике во взаимоотношениях с Сенатом и министерствами Комитет министров выступал как особое учреждение, так как через него проходили дела по личному составу правительственных органов (назначения, увольнения, награды, пенсионные и др.). Кроме того, Комитет министров мог отменять решения Сената и в какой-то мере контролировал его деятельность (сюда поступали, например, материалы всех сенаторских ревизий)²⁷. Таким образом, министры проводили волю царя и отвечали только перед ним. Коллективной ответственности Кабинета министров не предусматривалось. Так было во всех странах, за исключением Великобритании.

Существенно влияла на деятельность высших административных учреждений Собственная Е.И.В. канцелярия, получившая свое окончательное оформление только в 1818 г. Ее значение особенно возросло после Отечественной войны 1812 г. С этого времени в ней сосредоточились дела, относящиеся практически ко всем частям государственного управления, а глава канцелярии стал единственным докладчиком царя, в том числе и по делам Комитета министров, что тормозило принятие решений и создавало серьезные проблемы исполнительной власти в лице министров²⁸. Именно эти обстоятельства были причиной частых столкновений А.А. Аракчеева с министрами, в том числе и с Д.А. Гурьевым. Последний в частности на заседании Комитета от 28 декабря 1818 г. заметил, что «правительство, установив общего докладчика и уничтожая оным звание министра, пусть уже обяжет его и всюю ответственностью по делам, в Комитет представляемым». Ответ Аракчеева был многословен. Он, безусловно, понял, что это замечание министра финансов относится к нему, счел его оскорбительным и потребовал занести в журнал Комитета, который представлялся императору, его просьбу об отставке. Завершил он свое выступление следующими словами: «Мое звание, мои лета и те правила, кои в служении отечеству я принял и в течение мно-

²⁶ ПСЗ-1. Т. 31. № 24686. С. 704 (§ 224).

²⁷ *Мироенко С.В.* Самодержавие и реформы... С. 41.

²⁸ *Строев В.Н.* Столетие собственной Его Императорского Величества канцелярии... С. 5–15; 91–92. См. также: *Мустонен П.* Собственная Его Императорского Величества канцелярия в механизме власти института самодержца 1812–1858. К типологии основ имперского управления. 1998.

гих лет постоянно сохранял, обязывает меня для пользы оною всем жертвовать и отнюдь не быть помехою в делах государственных»²⁹.

Роль Сената как высшего законодательного, административного и судебного органа империи в XVIII в. на короткие периоды ограничивалась Верховным тайным советом или Кабинетом министров Анны Иоанновны, но в целом оставалась неизменной. Согласно манифесту от 8 сентября 1802 г.³⁰ Сенат сохранил значение высшего административного и судебного органа, что подтвердило и «Общее учреждение министерств»³¹. Однако в большинстве случаев министрам удавалось избавляться и от его опеки. В то же время развитие российской администрации в первой четверти XIX в. оставляло для Сената возможность в большей степени реализоваться как судебное учреждение. Стремление Сената контролировать законотворческую деятельность министерств привело к тому, что министры по каждому отдельному случаю стали испрашивать высочайшего повеления. Административные функции Сената перешли к Комитету министров, а его попытки следить за расходом штатных сумм министерств сделались иллюзорными вследствие учреждения должности государственного контролера³².

Взаимоотношения министерств и губерний строились следующим образом. Согласно Учреждению для управления губерний 1775 г. сбор казенных доходов в губерниях осуществляла казенная палата, а в уездах — уездный казначей³³. Манифест от 8 сентября 1802 г., так же как и «Учреждение Министерства финансов» 1811 г., не изменили роли и значения казенных палат, которые с 1811 г. перешли в ведомство государственного казначея³⁴.

Хотя «Общее учреждение министерств» исходило из принципа единообразной организационной структуры министерского управления в России, каждое ведомство имело свои особенности, а значит, воз-

²⁹ Исторический обзор деятельности Комитета министров. СПб., 1902. Т. 1. С. 43–44; *Томсинов В.А.* Временщик (А.А. Аракчеев). М., 1996. С. 178.

³⁰ ПСЗ-1. Т. 27. № 20406. С. 244.

³¹ Там же. Т. 31. № 24686. С. 705.

³² Там же. № 24686. С. 705.

³³ ПСЗ-1. Т. 20. № 14392. С. 229–304.

³⁴ Там же. Т. 27. № 20406. С. 245–246.; Т. 31. № 24688. С. 728–756. См. также: *Ремнев А.В.* Генерал-губернаторская власть в XIX столетии. К проблеме организации регионального управления Российской империи // Имперский строй России в региональном изменении (XIX — начало XX века). Сборник научных статей. М., 1997. С. 52–66; *Ремнев А.В., Савельев П.И.* Актуальные проблемы изучения региональных процессов в имперской России... С. 16.

никала необходимость в создании «особенных учреждений». В 1811 г., сразу же после издания манифеста от 25 июня, соответствующие указы получили только два министерства — финансов и полиции. Что касалось Министерства финансов, то многие положения, закрепленные в указе, были высказаны М.М. Сперанским в плане финансов 1810 г.: он считал, что все «источники государственных доходов и все расходы должны соединяться в одном управлении», «все приходы и расходы должны быть учреждаемы ежегодною сметою (бюджетом)»³⁵.

В управлении финансов М.М. Сперанский выделял три главные части. Источниками доходов должен был управлять министр финансов, движением средств — министр казначейства или государственный казначей, а ревизией счетов — главный директор государственных счетов или государственный контролер. Вместе эти части составили бы Министерство финансов³⁶.

Министр финансов должен был заботиться об улучшении «управления казенных имуществ и исключительных казенных прав, системы податей и налогов, их установления, распределения и сбора», заниматься подготовкой «ежегодной сметы приходов и расходов», а кроме того, осуществлять управление источниками доходов, а именно: «казенными селениями и лесами», горными и соляными заводами, питейным доходом, «податями и налогами, как-то: оброчным сборам, внутренними пошлинами и проч.», таможняи, «источниками чрезвычайных доходов, как-то: системой кредитной, с принадлежащими к оной установлениями, капиталом погашения» и управляющей им конторой, управление банками, до тех пор, пока они не получают новое устройство³⁷, Горным департаментом, заводами, Соляной экспедицией и др.

Согласно Сперанскому, в ведении Государственного казначейства находились бы «прием и движение сумм, входящих из разных источников», а именно: «ежегодное их распределение по министерствам, согласно утвержденным сметам и соображение сроков и мест вступления с сроками и местами выдачи, состав и движение сумм, на платеж долгов определенных, и соображение их отпуска с выгодами торговли и внешним частным кредитом, состав и движение сумм, определенных на расходы чрезвычайные».

К трем главным частям финансового управления должны были принадлежать оба казначейства и экспедиция о приходах и расходах.

³⁵ Сб. РИО. Т. 45. С. 67.

³⁶ Там же. С. 67–68.

³⁷ После того, как банки получают новое устройство, министр финансов, по мнению М.М. Сперанского, мог бы управлять банками только в качестве главного вкладчика (Сб. РИО. Т. 45. С. 69).

Монетное управление: устройство монетной системы, «передел монеты серебряной банковской, серебряной разменной и монеты медной, распределение монеты по местам и предохранение ее от всякого корыстолюбивого роста, надзор над исправным вступлением доходов в свои места; введение лучшей методы в счетах и охранение их верности». Ведению монетного управления подлежали все существующие и вновь создаваемые монетные заведения.

В задачу главного директора государственных счетов, полагал М.М. Сперанский, входила ревизия государственных, губернских, уездных и волостных приходных и расходных счетов, чтобы «обнаруживать пред правительством разные злоупотребления в сборе доходов и в употреблении их в расход». Кроме того, это управление было «обязано преследовать всех тех, кои или не дают отчетов, или по отчетам сим окажутся под взысканием». М.М. Сперанский считал, что контроль за ведением государственных счетов должен быть независим от министра финансов и Государственного казначейства, так как, по его мнению, «одна ревизия счетов может показать, до какой степени финансовый закон в каждом году был сохранен или нарушен»³⁸.

По плану М.М. Сперанского Министерство финансов состояло из: «министров и главного директора счетов, Совета финансов, разных департаментов, к каждому управлению особенно принадлежащих». Министры и главный директор, полагал он, «управляют каждый вверенными им частями особенно», в том случае, если необходимо было совместное обсуждение вопросов, то его предлагалось рассматривать в Совете финансов, который собирался министром финансов как его председателем. В состав Совета финансов М.М. Сперанский предлагал включить министров финансов и казначейства, главного директора счетов, а также «директоров тех департаментов, к коим наиболее принадлежат дела, в оный поступающие и кои приглашаются по усмотрению министров».

Ведению Совета подлежали все виды деятельности финансовых учреждений, ежегодные сметы доходов и расходов, выделение сумм на непредвидимые расходы и чрезвычайные издержки, годовые отчеты, а также финансовые меры, «требующие тайны» (в этом случае директора департаментов не приглашались). Кроме того, М.М. Сперанский полагал, что Совет должен был заниматься составлением «условий на откупы и подряды» и их проведением, организацией торгов и заключением контрактов, защищать в судах интересы казны от притязания частных лиц. Для решения этих задач в Совет включались: *Комиссия финансовых законов и учреждений*, призван-

³⁸ Сб. РИО. Т. 45. С. 68–70. См. также: Ялбулганов А.А. Финансовый контроль в Российской армии XIX — начала XX в. С. 19–21.

ная рассматривать и составлять предложения, направленные на совершенствование финансовой системы; *Комиссия тяжёбных казенных дел*, представлявшая финансовое ведомство в губернских судах и в Сенате. М.М. Сперанский считал, что «в каждом управлении Министерства финансов» должно было «находиться столько разных департаментов, сколько разные рода дел и совокупность их, при подробнейшем образовании сего министерства, потребовать могут»³⁹.

Ряд положений, высказанных М.М. Сперанским в плане 1810 г., были реализованы в указе от 25 июля 1811 г.⁴⁰ «Учреждение Министерства финансов» состояло из двух частей: «Состав Министерства финансов» и «Наказ Министерству финансов». Согласно указу в Министерство финансов вошли бывший Департамент министра финансов, в том числе и Экспедиция банкирских дел и «установление придворных банкиров и коммиссионеров»; Лесной, Горный, Монетный департаменты; ранее бывшее при Министерстве внутренних дел «Отделение о управлении соляных дел», Коммерц-коллегия и Департамент министра коммерции, кроме части дел по внутренней торговле, переданных Министерству внутренних дел; Казначейство заготовления гербовой бумаги⁴¹.

Министерство финансов подразделялось на четыре департамента: государственных имуществ⁴², горных и соляных дел⁴³, внешней торговли⁴⁴, податей и сборов⁴⁵, включало также канцелярию министра финансов⁴⁶.

³⁹ Сб. РИО. Т. 45. С. 70–72.

⁴⁰ ПСЗ-1. Т. 31. № 24688. С. 728–756.

⁴¹ Учреждение Министерства финансов. СПб., 1811. Ч. 1. С. 1.

⁴² Департамент государственных имуществ состоял из пяти отделений: главного ведомства казенных крестьян, арендных и старостинских имений, корабельных лесов, казенных лесов, хозяйственных заведений (ПСЗ-1. Т. 31. № 24688. С. 728–732).

⁴³ Департамент горных и соляных дел включал также пять отделений: монетнос, казенных заводов, частных заводов, добывания солей и минералов, «продовольствия солью государства» (ПСЗ-1. Т. 31. № 24688. С. 732–740).

⁴⁴ В состав Департамента внешней торговли входило два отделения: внешних торговых сношений и таможенного управления (ПСЗ-1. Т. 31. № 24688. С. 740–741).

⁴⁵ Департамент разных податей и сборов подразделялся на три отделения: отделение податей и повинностей, отделение питейных сборов, гербовой бумаги (ПСЗ-1. Т. 31. № 24688. С. 741–743).

⁴⁶ Канцелярия министра финансов состояла из пяти отделений: первое ведало вопросами взаимодействия министра с департаментами, второе — с Го-

Распоряжаясь значительной частью государственного хозяйства, министр финансов должен был как и прежде «охранить и усилить источники государственных доходов». Согласно «Учреждению Министерства финансов» в обязанности министра входили: общее управление государственными доходами и составление их ежегодной сметы; расходование государственных средств по их назначению и составление соответствующей сметы; исполнение годовой сметы доходов и расходов⁴⁷.

Спустя 15 лет, когда новая система министерств была опробована на практике и в значительной мере изменена под ее влиянием, М.М. Сперанский на рубеже 1826–1827 гг. говорил с горечью о судьбе реформы, вдохновителем которой он был: «Не осталось почти ни одного министерства, кроме Министерства юстиции, которое бы в составных его частях не было перестроено»⁴⁸.

Министерство финансов, отвечавшее за одну из важнейших сфер государственного управления, подверглось в 1811–1825 гг. многочисленным преобразованиям. Оно, говорил М.М. Сперанский, «овладело сперва Государственным казначейством, потом установлением кредитной системы; вслед за тем привлечены к нему мануфактуры и ведомство внутренней торговли»⁴⁹. Министерство финансов получило из Министерства внутренних дел в 1811 г. управление горным и соляным делом, в 1819 г. мануфактурами и внутренней торговлей⁵⁰. В 1820 г. в Хозяйственный департамент Министерства внутренних дел были возвращены дела о ярмарках Департамента мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов⁵¹. Дальнейшее расширение Министерства финансов последовало в 1821 г. — с созданием в его составе Департамента государственного казначейства из 14 отделений, каждое из которых в свою очередь имело в своем составе распорядительную и счетную часть. Департамент государственного

сударственным казначейством, третье — кредитной частью, четвертое (счетное отделение) составляло «общие счета и росписания доходам и расходам <...> и отчетам, доставляемым из всех департаментов», пятое учреждалось «для рассмотрения финансовых проектов и учреждений по всем частям, Министерство финансов составляющим» (ПСЗ-1. Т. 31. № 24688. С. 743–744).

⁴⁷ ПСЗ-1. Т. 31. № 24686. С. 744. См. также: *Шенелёв Л.Е.* Аппарат власти в России... С. 253–263.

⁴⁸ *Сперанский М.М.* О государственных установлениях // План государственного преобразования графа М.М. Сперанского (Введение к Уложению государственных законов 1809 г.). М., 1905. С. 289.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ ПСЗ-1. Т. 31. № 24927. С. 935–936; Т. 36. № 27964. С. 367.

⁵¹ Там же. Т. 37. № 28205. С. 123.

казначейства заменил прежнюю Экспедицию о государственных доходах: ему были вверены губернские и уездные казначейства, казенные палаты по казначейским делам и главное казначейство⁵². Реформы финансового ведомства первой четверти XIX в. были вызваны двумя противоречивыми тенденциями в финансовой политике России этого периода. С одной стороны, правительство стремилось централизовать финансовое управление, сосредоточив его в одном министерстве. С другой стороны, многоотраслевой характер государственного хозяйства России диктовал специфику финансового управления и, следовательно, приводил к структурному дроблению ведомств и перераспределению функций между вновь создаваемыми частями. Проблемы финансового управления усугублялись слабой согласованностью действий центральных и местных (губернских) органов, их структурным и функциональным несоответствием друг другу. Все эти проблемы в той или иной мере отразились в предложениях Д.А. Гурьева, направленных на совершенствование работы Министерства финансов и других финансовых учреждений. Однако разрешение той или иной частной задачи не устраняло возникавших объективно проблем.

Включение Государственного казначейства в состав Министерства финансов было инициативой Д.А. Гурьева. Он, в частности, писал: «Государственное казначейство есть вторая существенная часть управления финансов, на него возложено собирание прихода и отпуск оного на расходы. Во всех государствах, исключая Францию во время императорского правления, сии два управления находятся в непосредственной связи между собою, теперь оные соединены и во Франции. Оные нераздельны были в нашем государстве до постановления, в 1811 году изданного, которое, однако ж, не приведено еще в действие. Я приемлю смелость сказать, что польза финансов необходимо требует соединения сих двух частей»⁵³. Эта же мысль прозвучала в записке от 1 декабря 1815 г. «В учреждении министерств 1811 г. — писал Д.А. Гурьев, — предположено особенное Министерство казначейства: но каким образом может оное быть отделено от Министерства финансов? Как сие последнее будет действовать, не имея ежедневного сведения о состоянии казначейств? Что бы сказали, если бы от Министерства военного отделено было и поставлено в зависимость комиссариатское или провиантское управление? И каким образом могло бы оно быть обеспечено в продовольствии и снабжении войск? Ежедневные сношения Министерства финансов с казначейством столь необходимы, что по самому учреждению

⁵² Там же. № 28542. С. 593–601; № 28710. С. 791–792.

⁵³ РГИА. Ф. 560. Оп. 10. Д. 71. Л. 111–112.

1811 года на сей конец помещено в штате Министерства особое отделение для сношения с казначейством. Пятилетний опыт показывает еще более невозможность разделить сии две части и составить из них два различные управления»⁵⁴. Так Д.А. Гурьев предлагал закрепить уже давно сложившуюся практику совмещения должности министра финансов и государственного казначея⁵⁵.

Кроме того, в плане 1817 г. Д.А. Гурьев отмечал, что два из четырех департаментов Министерства финансов «государственных имуществ и разных сборов <...> равно как и Государственное казначейство или Экспедиция о государственных доходах», в отличие от Департаментов горных и соляных дел и внешней торговли не имеют подведомственные им местные управления. Казенные палаты в губерниях — это единственное правительственное место, в ведении которого находилось «управление государственных имуществ разного наименования, кроме лесов, для которых учреждены форштмейстеры, и сборы всех податей окладных и неокладных, и прием денег и отпуск оных по другим частям государственного управления». Было ясно, что столь значительные обязанности «не выполняются с надлежащим успехом», что приводило к затруднению и медленности в ведении дел и «составлении отчетов», накоплению недоимок, неопределенности «в ответственности и другим неудобствам и злоупотреблениям». Поэтому Д.А. Гурьев предлагал казенные палаты подчинить Департаменту податей и сборов, а Департаменту имуществ создать, по примеру Департаментов горных и соляных дел и внешней торговли, «местные управления государственных имуществ»⁵⁶.

Что касается третьей части финансового управления по делению 1810 г., т. е. ревизии государственных счетов, то хотя она и получила в 1811 г. самостоятельное устройство⁵⁷ и приравнивалась по своему статусу к министерству, но до самого конца царствования императора Александра I шла борьба между государственным контролером и министерствами. Первый добивался права контроля за текущей отчетностью, вторые выступали за предоставление контролерам генеральных отчетов и за сосредоточение центра тяжести ревизионной работы в самом ведомстве. Результатом этой борьбы явилось то, что количество учреждений, освобожденных от ревизии, с каждым го-

⁵⁴ Сб. РИО. Т. 90. СПб., 1894. С. 79.

⁵⁵ Министерство финансов. 1802–1902. С. 43. См. также: *Соловьев Я.В.* Министерство финансов Российской империи в 1858–1903 гг.: организация и функционирование. Автореф. дисс. ... к.и.н. М., 2003. С. 20.

⁵⁶ РГИА. Ф. 560. Оп. 10. Д. 93. Л. 78 об.–80 об.

⁵⁷ ПСЗ-1. Т. 31. № 24502. С. 529–531.

дом увеличивалось, а в министерства со сложным и обширным счетоводством от государственного контролера стали назначать специальных контролеров для постоянной проверки счетов⁵⁸.

Характерной чертой бюджетной политики (создания бюджетов) практически всех без исключения государств было стремление исполнительной власти избежать внешнего контроля за сбором и расходованием государственных средств. Это стремление могло ограничиваться в большей или меньшей степени органами сословного представительства «старого порядка» или парламентами буржуазных государств. Однако в абсолютных монархиях самодержавная власть могла распоряжаться государственными ресурсами практически бесконтрольно. Затруднения для бюрократии в этой области могло представлять только возникавшее время от времени соперничество между различными учреждениями. Таким образом, в самодержавных государствах сведения о поступивших доходах и произведенных расходах становились государственной тайной. В полной мере это относилось и к Российской империи, где сметы государственных доходов и расходов составлялись за закрытыми дверями в кругу высшей бюрократии. Поэтому эта сфера постепенно изымалась из ведения Министерства финансов и передавалась сначала Комитету министров⁵⁹, где обсуждались росписи государственных доходов с 1803 по 1806 гг., а затем специально для этого созданным Финансовым коми-

⁵⁸ *Коняев А.И.* Финансовый контроль в дореволюционной России. С. 55–59; Министерство финансов. 1802–1902. С. 43. См. также: *Владиминова О.В.* Государственный финансовый контроль России в XVII–XIX вв. С. 20–22; *Осмишина В.А.* Становление и развитие государственного финансового контроля в России... С. 15–16.

⁵⁹ По утверждению Н.С. Мордвинова, министры взяли за правило вносить в Комитет министров «на утверждение все дела, до управления их касающиеся, сперва по важнейшим предметам, а, наконец, все без изъятия, и самые мелочные, дабы никогда и ни за что не отвечать, какие бы последствия от их предположений и представлений ни оказались, ибо каждое их действие, будучи разрешено общим сословием прочих министров и утверждено высочайшею властью, до них лично коснуться уже не может. Сему самому начали следовать и все подчиненные им лица и места, таким образом, что ни один чиновник и никакое присутственное место не могут быть законно преследуемы» (Архив графов Мордвиновых. СПб., 1903. Т. 7. С. 47). Александр I «уничтожил коллегии и учредил министерства, дозволив им отступать от законов, но только отвечать за последствия. С тех пор в правлении России не всегда следовали законам, а большею частью оно стало производиться по министерским мнениям, кои государь император утверждает, и мнения часто заменяли законы» (Там же. С. 46).

тетам. 13 октября 1806 г. по докладу тогдашнего министра финансов графа А.И. Васильева последовало высочайшее повеление об учреждении Особого комитета по части финансов, деятельность которого не ограничивалась только составлением государственной росписи на 1807 г. Здесь проектировались новые сборы, увеличение существующего обложения, новые порядки государственного хозяйства. 24 сентября 1807 г. был учрежден второй Комитет финансов, которому поручалось разработать меры к удовлетворению всех чрезвычайных расходов 1807 г. по обеспечению армии, ведущей военные действия в Европе, и составить роспись приходов и расходов на 1808 г. В этом же Комитете составлялись росписи на 1809–1810 гг. и рассматривались финансовые и общие административные вопросы⁶⁰.

Во второй половине царствования Александра I существовало два финансовых комитета. Первый из них был создан 31 марта 1812 г. для быстрого и тайного удовлетворения военных кредитов, вызванных Отечественной войной 1812 г. Здесь же были рассмотрены государственные росписи доходов и расходов на 1813–1815 гг.

Дефициты государственного бюджета привели к образованию по докладу Д.А. Гурьева в 1822 г. нового Комитета финансов, в котором, кроме росписи государственных доходов и расходов на 1822 г., были обсуждены и все последующие росписи и дела по многим отраслям финансового управления⁶¹. Однако, как полагают современные исследователи, речь идет не о нескольких, а об одном Комитете, образованном в 1806 г. по повелению Александра I. Этот комитет не имел законодательно определенного статуса вплоть до его реформы, проведенной Николаем II 28 марта 1906 г.⁶².

⁶⁰ Министерство финансов. 1802–1902. С. 38–39.

⁶¹ Там же. С. 46–47. См. также: РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 389. Л. 28–31.

⁶² *Смирнова Е.Ю.* Реформа Комитета финансов в 1906 г. // Источник. Историк. История. Сборник научных работ. Вып. 1. СПб., 2001. С. 483–508.

В указе от 28 марта 1906 г. было сказано, что «в 1806 г. блаженной памяти императором Александром I был образован из обласенных монаршим доверием лиц особый Комитет для обсуждения важнейших финансовых вопросов. За минувшее столетие Комитет сей, получивший наименование Комитета финансов, многократно призывался к рассмотрению мероприятий в области государственного хозяйства, а в последние десятилетия обсуждал преимущественно вопросы государственного кредита и денежного обращения. Ныне, за воследовавшим возложением на Государственный совет и Государственную думу рассмотрения, на основании утвержденных Нами, 8 марта сего года, правил, государственной росписи доходов и расходов, а равно не предусмотренных росписью денежных из казны ассигнований, в этих установлениях имеют впредь обсуждаться, в пределах сих правил, дела о покрытии сметных

Центральным учреждениям Министерства финансов являлись также и государственные кредитные установления⁶³. Несколько государственных банков и попечительских организаций в губерниях, которые могли пожалованные императором деньги отдавать в ссуду под проценты⁶⁴, служили экономической поддержке дворянства, выполняя роль сберегательных касс как для государства, так и для его социальной опоры⁶⁵. В царствование Александра I наряду с устрой-

или сверхсметных расходов обыкновенными поступлениями или из чрезвычайных источников, в частности из государственных займов. Что же касается ближайшего соображения времени и условий совершения означенных займов, то сии дела Мы признаем за благо, не относя их к предметам ведомства Совета министров, сохранить в ведении Комитета финансов. К занятиям Комитета относим Мы также обсуждение в порядке управления других дел, касающихся государственного кредита, а равно вопросов денежного обращения. Сверх того, Мы предоставляем Себе передавать на предварительное рассмотрение Комитета финансов дела по финансовой части, подлежащие разрешению в законодательном порядке. В сих видах постановляем следующие правила: Комитет финансов есть высшее совещательное учреждение по делам государственного кредита и финансовой политики <...> На Комитет возлагается: а) соображение времени и условий совершения государственных займов для покрытия расходов, утвержденных Нами в установленном в законе порядке; б) обсуждение в порядке управления других дел, касающихся государственного кредита, а также вопросов денежного обращения, и в) предварительное, с высочайшего соизволения, рассмотрение дел по финансовой части, подлежащих разрешению в законодательном порядке. Суждения Комитета представляются на высочайшее благоволение» (Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. СПб., 1909. Т. 26. Отд. 1. № 27632. С. 332–333).

⁶³ Министерство финансов. 1802–1902. С. 43; Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ). Ф. 484. Д. 31. Л. 2 об.—15.

⁶⁴ ПСЗ-1. Т. 14. № 10235. С. 87–94; Т. 15. № 11550. С. 1021–1023; Т. 19. № 13909. С. 631–658; Т. 20. № 14392. С. 229–304; Т. 22. № 16407. С. 614–627, № 16408. С. 627–628, № 16409. С. 628–629, № 16481. С. 754–768; Т. 24. № 18274. С. 823–833; Т. 32. № 25056. С. 242–243; Т. 34. № 26837. С. 263–274.

⁶⁵ Первым кредитным учреждением в России считалась Монетная канцелярия, которая с 1733 по 1754 г. выдавала «ссуды людям всякого состояния под залог золота и серебра по 8% в год, а под залог записей от крепостных дел на недвижимые имущества по 10%». До этого времени занимать деньги можно было не иначе как за 20% в год. В 1754 г. были созданы два государственных банка: Дворянский при Сенате, который получил право выдавать ссуды под залог золота и серебра, недвижимого имущества и «верных поручительств», и Коммерческий при Коммерц-коллегии, кредитовавший «под залог золота и серебра и под магистратские свидетельства, коими кредитованы были заемщики на известную сумму». В 1769 г. был создан Ассигнационный банк, которому с 1786 г. было разрешено производить операции по учету векселей и

ством земельного кредита было положено начало кредиту коммерческому⁶⁶. 7 мая 1817 г. в С.-Петербурге был учрежден государственный Коммерческий банк⁶⁷. В этот же день был издан манифест об объединении Комиссии погашения долгов⁶⁸, Ассигнационного,

выдавать ссуды под залог товаров. Правда, Учетные конторы были открыты только в правление Павла I. В 1786 г. начал свою деятельность Заемный банк, на который возлагались следующие операции: «прием капиталов для хранения и приращения из процентов, и возвращение оных по востребованию; производство ссуд под залог недвижимых имуществ, обращая на то как 33 млн., предназначенные ему из Ассигнационного банка, так и суммы, которые в оный поступать будут посредством частных вкладов». Через некоторое время Заемный банк стал «источником займов для Государственного казначейства», так как вклады, которые вносились в банк, «обращались на государственные расходы» и «в 1817 году Государственное казначейство должно было <...> банку более 84 млн. руб. В связи с Отечественной войной 1812 г. была приостановлена выдача ссуд из этого банка. В декабре 1797 г. временно был создан вспомогательный банк для дворянства, «который производил ссуды <...> особыми билетами, коим срок обращения назначен 25 лет». После закрытия этого банка в 1802 г. его дела были переданы в ведение 25-летней экспедиции, созданной при Заемном банке (См. также: Архив графов Мордвиновых. СПб., 1902. Т. 3. С. 226–229). Укреплению частного кредита должны были способствовать вексельный устав 1729 г. и устав о банкротах 1800 г., а также созданная в 1810 г. Комиссия погашения долгов, целью которой «было открытие публичных займов для погашения ассигнаций». Весьма ограниченная деятельность последней привела к тому, что в 1817 г. она прекратила свое существование, а вместо нее была открыта новая Комиссия погашения долгов, призванная навести порядок в выплате долгов, образовавшихся в государстве до 1816 г., включая и ассигнации. Преобразования в системе государственного кредита в 1817 г. привели к созданию государственного Коммерческого банка вместо существовавших Учетных контор при Ассигнационном банке. Коммерческий банк должен был принимать вклады «для трансферта и для обращения из процентов», производить учет векселей и выдавать ссуды под залог товаров». Банк имел конторы во многих городах Российской империи. В 1817 г. был также создан Совет государственных кредитных установлений «для ревизии счетов кредитных установлений и для предварительного рассмотрения узаконений, по кредитной части вновь издаваемых». Кроме того, кредитные операции могли осуществлять Сохранная и Ссудная казны воспитательных домов. Первая относилась к ведомству императрицы Марии Федоровны, а вторая была «в ведении Министерства внутренних дел» (ОР РНБ. Ф. 484. Д. 31. Л. 2 об.–15).

⁶⁶ Гурьев А.Н. Очерк развития кредитных учреждений в России. СПб., 1904. С. 10.

⁶⁷ ПСЗ-1. Т. 34. № 26837. С. 263–274.

⁶⁸ 16 апреля 1817 г. Комиссия погашения долгов получает новый устав (ПСЗ-1. Т. 34. № 26791. С. 192–208).

Заемного и Коммерческого банков под руководством Совета государственных кредитных установлений⁶⁹. Проверка ежегодных отчетов государственных кредитных установлений, а также строгое соблюдение устава и других узаконений являлись главной обязанностью Совета государственных кредитных установлений, который не являлся структурным подразделением Министерства финансов, но круг рассматриваемых вопросов и делопроизводство имели с этим министерством непосредственную связь⁷⁰. Кроме того, в царствование Александра I были открыты несколько частных коммерческих банков: Анфилатовский слободской, Ларинский, Осташковский городской, Эзельский крестьянский⁷¹.

Д.А. Гурьев в записке от 1 декабря 1815 г. полагал, что учреждение министерств 1811 г. мало исправило «прежнюю неопределительность». Он отмечал, что «с уничтожением коллегиального порядка уничтожилось управление департаментов вверенными им делами, ибо начальник отделения, кроме верности в изложении дел в записках и бумагах, ни за что не отвечает и ничего не разрешает; директор, избегая ответственности, сам собою также ничего не решит, но поднесит все дела министру, к которому стекаются оные из всех ему подведомственных мест и обременяют его можно сказать свыше сил человеческих. Напротив сего, — продолжал Гурьев, — при сохранении коллегиального порядка в решении дел, коллегии и департаменты, управляя на основании законов и учреждений всеми вверенными им делами, действовали собственным распоряжением, министр не был затрудняем разрешением дел маловажных и таких, на которые изданы ясные законы или правила, дела имели свой единообразный и верный ход; ему оставалось наблюдать посредством меморий за правильностью течения дел и только в случаях важных участвовал он непосредственно в управлении. Сколь много таковой распорядок управления предпочтительнее настоящего, то не требует дальнейших изъяснений <...> Невозможно достигнуть порядка и благоустройства в правлении без того, чтобы каждая главная часть государственных дел, соединенных в одном министерстве, не имела зависящих от нее средних и ниж-

⁶⁹ ПСЗ-1. Т. 34. № 26834. С. 259–262.

⁷⁰ Министерство финансов. 1802–1902. С. 45–46; *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений... С. 170.

⁷¹ ПСЗ-1. Т. 30. № 23942. С. 1233–1243; Т. 31. № 24609. С. 625; Т. 34. № 26924. С. 390–392; Т. 35. № 27603. С. 654–655; Т. 38. № 29276. С. 721–729. О деятельности этих банков см. подробнее: *Морозан В.В.* История банковского дела в России... С. 138–151; История торговли и промышленности в России. Т. 1. Вып. 2. С. 18–19.

них местных начальств в губерниях и в уездах, чрез которые могла бы она беспрепятственно действовать во всем пространстве империи <...> Министр имеет власть разрешать встречающиеся затруднения силою существующих законов и понуждать места и лица к исполнению оных; но видя при том, что сие же постановлено в обязанность и департаментов Государственного совета и Правительствующего Сената, не берет на свою ответственность такового разрешения и понуждения, и представляет о том или сим сословиям, или государю. Совет, Сенат и Комитет министров нередко рассматривают и постановляют решения в одно и то же время, по разным обстоятельствам одного и того же дела. Таковая рассеянность дел, питая пронырство, ухищрения и дух партий, производит, что ни польза казны, ни успех какого предприятия не могут постоянно быть сохраняемы; что злоупотребления укореняются и, повреждая нравственность в самых ее основаниях, обещают ненаказанность преступлений и самых явных нарушений закона. К сим замешательствам и беспорядкам, проистекающим от возложения на многие места одинаких обязанностей, присовокупляя недостатки в местном управлении, к которым принадлежит между прочим и скудость жалованья чиновникам, и потерянная подчиненность, легко уже себе представить и изъяснить, до какой степени в губерниях может достигнуть и в самом деле достигает необузданность корыстолюбия и злонамерения. Сколь ни прискорбно таковое признание, но справедливость и желание воспрепятствовать дальнейшему распространению зла внушают оное тем более, что, обнаружив причины его, легко открыть и способы исправления»⁷².

По мнению Д.А. Гурьева, «разделение государственных дел на министерства должно быть основано на строгом уважении взаимной связи их и удобства управления, дабы сколько с одной стороны не отягчить одного великим скоплением разнородных частей, столько с другой излишним раздроблением не установить малозначащих отделений, которые только умножают издержки управления и затрудняют отправление дел. Сверх сего, как всякое министерство непременно должно иметь зависящее от него местное управление в губерниях, дабы свободно могло действовать во всем пространстве империи, то ненужное раздробление государственных дел в главных их отделениях сделает и местное управление без нужды многосложным, затруднительным и многостоящим.

Настоящее число министерств и главных управлений по учреждению 1811 года есть следующее: 1) Иностранных дел. 2) Военное су-

⁷² Сб. РИО. Т. 90. С. 63–66. См. также: *Предтеченский А.В.* Очерки... С. 368–369; *Кориунова Н.В.* «Либеральная диктатура» Александра I... С. 62–69.

хопутное. 3) Морское. 4) Иностранных исповеданий. 5) Просвещения. 6) Юстиции. 7) Полиции. 8) Внутренних дел. 9) Путей сообщения. 10) Финансов. 11) Казначейства. 12) Ревизии счетов.

Разделение оных на 8 министерств соответствовало бы более настоящим нуждам и успеху управления и сократило бы значительно издержки: таким образом составились бы следующие отделения: 1) Иностранных дел. 2) Военных сухопутных. 3) Морских. 4) Исповеданий и просвещения. 5) Полиции, внутренних дел и путей сообщения. 6) Юстиции. 7) Финансов. 8) Ревизии счетов <...> Министерства, составляя вышние управления, должны иметь следующие принадлежности: 1) Составление проектов законов, вносимых в Правительствующий Сенат. 2) Составление указов. 3) Предписания о исполнении законов и указов. 4) Решение дел и затруднений, встречаемых при исполнении. 5) Надзор. 6) Исполнение <...> Поелику действия власти исполнительной заключают в себе две существенные власти: суждение или решение и исполнение, то и нужно, чтоб каждое министерство и даже всякое управление составлено было из двух частей: судящей, то есть коллегии, и исполнительной, или канцелярии. Обе они должны действовать совокупно и под одним начальством, ибо составляют одну власть. Итак, самое приличное образование министерств было бы: министр; совет или коллегия совещательная под его председательством; канцелярия для письмоводства и отправления или исполнения дел»⁷³.

Итак, первая четверть XIX в. характеризовалась сосредоточением в ведении Министерства финансов различных сфер государственного хозяйства, которые могли приносить доходы казне. По-разному можно оценивать результаты подобной консолидации. Оставаясь, по сути, приходно-расходной кассой всего государства, Министерство финансов разрасталось, увеличивался аппарат не только министра, но и всего ведомства. С одной стороны, это отражало общеевропейскую тенденцию усложнения задач государственного управления, с другой, подобный рост, не обеспеченный достаточным числом образованных чиновников, приводил к резкому увеличению количества просчетов, ошибок, увеличению некомпетентности в работе финансового ведомства. Лавинообразно нараставший объем задач финансового управления, будучи возложен на одного человека — министра финансов, оказался для него непосильным. Помощниками ему должны были стать чиновники департамента министра, наладить с которыми четкую и бесперебойную работу оказалось непросто⁷⁴.

⁷³ Сб. РИО. Т. 90. С. 77–80.

⁷⁴ *Ивановский В.В.* Русское государственное право. С. 326; См. также: *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978.

Административные реформы, проводившиеся в России в первой четверти XIX в., показали, что русские реформаторы, находящиеся под влиянием западноевропейской мысли, стремились соединить новые формы государственного устройства (каковыми были министерства) с абсолютной властью, цепко удерживавшей все нити управления⁷⁵. Это, в частности, обусловило смешение функций двух законосовещательных органов — Государственного совета и Комитета министров, а также исполнительных — Сената и министерств — и дало возможность разрастающейся бюрократии избавляться от административного контроля с помощью дублирующих друг друга учреждений. Ведущая роль того или иного учреждения⁷⁶ и его главы определялась изменениями во внутренней и внешней политике⁷⁷, личными симпатиями и антипатиями государя, соображениями практической пользы.

Совокупность проблем, возникавших в процессе создания министерств, приводила к тому, что они не сразу определили свое место среди прочих высших административных структур. Теряли свое прежнее значение Сенат, Государственный совет, Комитет министров, возрастала роль канцелярий «Е.И.В.», секретных комитетов, создававшихся для решения наиболее важных государственных проблем⁷⁸. Снижалась роль отдельных министерств как проводников основных направлений внутренней политики. Принятие того или

⁷⁵ Шмидт С.О., Гутнова Е.В., Исламов Т.М. Абсолютизм в странах Западной Европы и в России (Опыт сравнительного изучения) // Новая и новейшая история. 1985. № 3. С. 50.

⁷⁶ Сафонов М.М. Проблема реформ... С. 228–229. Архив графов Мордвиновых. Т. 5. С. 201–202.

⁷⁷ Изменение внешнеполитической ориентации от политики невмешательства в европейские дела и защиты чисто русских интересов до превращения России в активнейшего и полноправного партнера, переориентация на Францию вместо Англии в 1807 г. привели к удалению «английских министров», как их называли современники (*Бартеев П.А.* Девятнадцатый век. М., 1872. Кн. 1. С. 440. См. также: *Орлов А.А.* Союз Петербурга и Лондона... С. 30). Подобная ситуация сложилась и в 20-х гг. XIX в. Переход на международной арене от прежних обязательств Венской системы о согласованных экономических мерах к политике протекционизма и прекращения пропаганды идей Священного союза вызвал замену прежних министров новыми (*Сироткин В.Г.* Финансово-экономические последствия наполеоновских войн и Россия в 1814–1824 годы // История СССР. 1974. № 4. С. 54).

⁷⁸ ПСЗ-1. Т. 35. № 27516. С. 551, № 27475. С. 447–448, № 27439. С. 362. Т. 36, № 27901. С. 317. Т. 37, № 28353. С. 389. См. также: *Княпина Н.С.* Внутренняя политика царизма первой половины XIX века // Вопросы истории. 1968. № 9. С. 161.

иного решения зависело от личности министра, уровня его связей при дворе, степени влияния на мнение государя. Современники отмечали, что Александр I «всюду являлся Ангелом и сопровождался радостными восклицаниями, но в то же время от распоряжений правительства именем его разливались повсюду неудовольствие и ропот. Народ приписывал сие лицам: то Сперанскому, то Гурьеву, то Аракчееву и вообще думал: „Министры обманывают добро-го нашего Государя; где ему, батюшке, все знать!“»⁷⁹. По мнению Н.И. Тургенева «Министр (Д.А. Гурьев. — Л.М.), как и все министры финансов в самодержавных государствах, пользовался безграничным доверием императора; кроме того, он занимал высокое положение в том слое общества, который называется высшим светом»⁸⁰. В этом одна из причин изучения взглядов руководителей вновь созданных исполнительных ведомств, особенностей проводимой ими политики.

⁷⁹ Русский архив. 1895. № 2. С. 162.

⁸⁰ Тургенев Н.И. Россия и русские. С. 73.

Д.А. Гурьев на пути к должности министра финансов

I

По свидетельству немногочисленных источников, Д.А. Гурьев родился в 1751 г.¹ Эту дату приводят большинство исследователей². Мало кто мог предположить, что в начале XIX в. сын бригадира Александра Григорьевича Гурьева³ и Анны Михайловны Еропкиной⁴ станет действительным тайным советником, сенатором, графом⁵. Любопытные, хотя и сомнительные сведения об отце Гурьева приведены в мемуарах Ф.Ф. Вигеля, который со слов С.В. Салтыкова сообщал, что А.Г. Гурьев был крепостным. Он, писал мемуарист, «был чрезвычайно любим своим господином, которого рассказчик мой (Сергей Васильевич Салтыков. — Ф.Ф.В.) называть мне не умел, но говорил как о деле в его время всем известном. Не только отпустил он его на волю, не только доставил ему штаб-офицерский чин, но малолетнего его сына позволил воспитывать

¹ РГИА. Ф. 1343. Оп. 46. Д. 1158; Московские ведомости. 1826. № 22. С. 830; Северная пчела. 1825. № 119.

² 1751 г. как год рождения Д.А. Гурьева отмечают: *Модзалевский Б.Л.* Список членов императорской Академии наук 1725–1907. СПб., 1908; *Мурзанов Н.А.* Правительствующий Сенат (господа Сенат) 22 февраля 1711 — 22 февраля 1911. Список сенаторов. СПб., 1911; 200-летие Кабинета Его Императорского Величества 1704–1904. СПб., 1911; Министерство финансов. 1802–1902. С. 30. Другую дату рождения Д.А. Гурьева: 07.01.1758 приводит в своей работе Д.Н. Шилов (*Шилов Д.Н.* Государственные деятели Российской империи 1802–1917. СПб., 2002. С. 227).

³ Сивков К.В. в своем очерке о Гурьеве отмечал, что отец Дмитрия Александровича, бригадир Александр Григорьевич, «был внуком родоначальника Гурьевых — Кузьмы Гурьева, возведенного в дворянство Петром II» (Неопубликованные материалы в 8 т. к «Русскому биографическому словарю» подготовлены под наблюдением М.П. Лепехина // Русский биографический словарь. М., 1997. С. 591–592).

⁴ *Шилов Д.Н.* Государственные деятели... С. 227.

⁵ С 12.12.1819 (Там же).

с собственными детьми. Когда мальчик вырос, отец его имел уже хорошее состояние и мог, записав его в артиллерию, дать ему приличное содержание»⁶.

В жизни будущего министра финансов большую роль играли счастливые случайности. На службу в лейб-гвардии Измайловский полк Д.А. Гурьев поступил в ноябре 1772 г.⁷ Продвижение его по служебной лестнице ускорило сближение с графом П.М. Скавронским (двоюродным племянником императрицы Елизаветы Петровны), которое дало возможность Д.А. Гурьеву совершить трехлетнее путешествие по Европе. После возвращения в 1786 г. в Петербург он был пожалован в камер-юнкеры⁸, по-видимому, благодаря покровительству породнившегося со П.М. Скавронским князя Г.А. Потемкина, выдавшего за него свою племянницу Е.В. Энгельгардт⁹. «Не только получил он камер-юнкерство, — отмечал Ф.Ф. Вигель, — но сверх того от Скавронского три тысячи душ в знак памяти и верной дружбы. Молодость, иностранная образованность, придворный чин, богатство, все это позволяло думать ему о выгодной партии, только новость его имени все еще мешала ему получить право гражданства в аристократическом мире; он скоро приобрел их, женившись на графине Прасковье Николаевне Салтыковой¹⁰, тридцатилетней девке, уродливой и злой, на которой никто не хотел жениться, несмотря на ее три тысячи душ»¹¹. С 1794 г. камер-юнкер Гурьев получает придворную должность церемониймейстера, а 1 января 1795 г. пожалован в камергеры, через два года, 1 января 1797 г. — в гофмейстеры¹². С 20 октября 1799 г. Гурьев присутствует в Правительствующем

⁶ Записки Ф.Ф. Вигеля. Ч. 3. С. 85.

⁷ РГИА. Ф. 1343. Оп. 46. Д. 1158. Л. 5. См. также: *Шилов Д.Н.* Государственные деятели... С. 227–228.

⁸ 02.09.1786 (Там же. С. 228).

⁹ *Карнович Е.П.* Замечательные богатства частных лиц в России. СПб., 1874. С. 215–216.

¹⁰ Прасковья Николаевна Салтыкова (177–?06.1830) дочь лейб-гвардии поручика графа Николая Владимировича Салтыкова и графини Анны Сергеевны, рожденной княжны Гагариной (*Карабанов П.Ф.* Статс-дамы русского двора в XVIII и XIX столетиях. Биографические списки // Русская старина. 1871. № 3. С. 279; *Шилов Д.Н.* Государственные деятели... С. 227; См. также: Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 926. Оп. 1. Д. 368. Л. 110).

¹¹ Записки Ф.Ф. Вигеля. Ч. 3. С. 86. См. также: *Скальковский К.А.* Наши государственные и общественные деятели. С. 409–410.

¹² *Шилов Д.Н.* Государственные деятели... С. 228.

Сенате¹³. С 1 февраля 1800 г. уволен в отставку и вместе с А.Н. Голицыным сослан в Москву¹⁴.

В 1801 г. карьере Гурьева был дан новый импульс. С 26 августа 1801 г. и до последних дней жизни он управляющий кабинетом Александра I. Эта должность свидетельствовала об особом доверии императора к шефу своей канцелярии и, очевидно, с ее помощью царедворцу был открыт доступ в кружок «молодых друзей» Александра. По этому поводу Ф.Ф. Вигель писал: «При первом учреждении министерств умел он (Д.А. Гурьев. — Л.М.) как-то припутаться к партии Новосильцевых, Кочубеев, Чарторыских и попал в товарищи министра финансов. В то же время управлял он Кабинетом его величества, то есть карманными его деньгами»¹⁵. С 8 сентября 1802 по 1810 г. Д.А. Гурьев был товарищем министра финансов, а с июня 1806 г., после отставки Д.П. Трощинского, и по сентябрь 1825 г. он находился во главе Департамента уделов¹⁶. Такое положение придавало ему большую независимость и немалый вес как среди высшей бюрократии, так и при дворе. В бумагах саксонского посольства в России сохранились интересные сведения о дворе Александра I в 1804 г. Обычно хорошо информированные саксонские дипломаты доносили в Дрезден, что «Гурьев, товарищ министра финансов и директор кабинета Е. В-ва, обязан своим местом дружбою с камергером князем Александром Голицыным и гоф-маршалом графом Николаем Толстым <...> В царствование Екатерины он был церемониймейстером, а при Павле примкнул к партии Ростопчина, но это не послужило особенно к его пользе. Общественное мнение относится к нему менее благосклонно, нежели к прочим управляющим министерств, и его упрекают, так же как и его супругу, в том, что они слишком любят деньги, что, по-видимому, подтверждается их жизнью. Довольно простодушные на вид, они оказываются весьма деятельны и изобретательны, когда дело касается их интересов»¹⁷. В известной мере с этой характеристикой Гурьева согласуется относящееся к этому же времени

¹³ 200-летие Кабинета Его Императорского Величества... С. 450; Шилов Д.Н. Государственные деятели... С. 228.

¹⁴ Вяземский П.А. Допотопная, или допожарная Москва // Вяземский П.А. Стихотворения. Воспоминания. Записные книжки. М., 1988. С. 243; Шилов Д.Н. Государственные деятели... С. 228; Греч Н.И. Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 563.

¹⁵ Записки Ф.Ф. Вигеля. Ч. 3. С. 84.

¹⁶ История уделов за столетие их существования 1797–1897. СПб., 1902. Т. 1. С. 46; 200-летие Кабинета Его Императорского Величества... С. 450–451.

¹⁷ Русская старина. 1880. № 12. С. 817.

суждение Вигеля о будущем министре финансов, о стиле его с супругой поведения в чиновничьей среде и при дворе. По его словам, Гурьев и «тогда подведомственных ему чиновников в Кабинете и в Удельном департаменте подавлял тяжестью ума своего; в свете же имел все замашки величайшего аристократа <...> Прасковья Николаевна, тогда уже дама довольно пожилая, была расточительна на ласки с теми, коих почитала себе равными или с коими хотела сравняться, и раздавительно горда со всеми, кои казались ей ниже ее. Сия черта, в начале девятнадцатого века, открывала у нас торжественное шествие его финансовой знатности; в сем доме имел весь титул, но только в соединении с кредитом при дворе; одно богатство, но только самое огромное, и наконец мода, которая как из людей, так и из нарядов, не всегда самое лучшее выставляет и вводит в употребление»¹⁸.

За время руководства Департаментом уделов Гурьевым был подготовлен проект устройства ведомства, а в его обсуждении приняли участие министры внутренних дел и юстиции. С высказанными замечаниями, дополнениями и изменениями проект был утвержден императором 15 мая 1808 г. как «Положение Департамента уделов»¹⁹. Оно действовало почти без изменений до реформы удельной деревни в 1863 г. Подробным образом Гурьев разработал инструкции и правила, отчетное делопроизводство, установил единообразный и точный порядок работы подведомственных учреждений, следил, чтобы Департамент заботился о вверенных ведомству крестьянах. Для этого в неурожайные годы выдавались ссуды из хлебных магазинов и отпускались средства на покупку хлеба; оказывалось содействие в увеличении площади земель; малоземельным крестьянам предоставлялись в аренду удельные оброчные статьи. Вместе с тем попечение о крестьянском благосостоянии сочеталось в деятельности Гурьева с усилением бюрократического контроля и административного надзора над удельной деревней. Крестьянам строжайше воспрещалось выбирать для ведения дел в судах поверенных (ходоков) и лично вести там свои дела; редко выдавались паспорта, для того чтобы осуществлять строжайший контроль над возможным отходом; в несколько раз увеличился подушный оброк²⁰.

II

В 1807 г. умер первый министр финансов, по мнению современников, «очень разумный и практичный» граф А.И. Васильев, во вре-

¹⁸ Записки Ф.Ф. Вигеля. Ч. 2. С. 207–208.

¹⁹ ПСЗ-1. Т. 30. № 23020. С. 226–258.

²⁰ История уделов за столетие их существования... Т. 1. С. 59–61.

мя которого финансы «находились в прекрасном состоянии; подати были не велики, и народ преисполнен рвения»²¹. Вопрос о преемнике надеялся решить в свою пользу Д.А. Гурьев, который, как полагал Г.А. Розенкампф, сблизился с Александром I благодаря дружбе с обер-гофмаршалом графом Толстым (Н.А. — *Л.М.*)²². Однако этого не произошло. По мнению Ф.Ф. Вигеля, «всем известная, высокая, огромная его (Д.А. Гурьева — *Л.М.*) неспособность до того его не допустила». Ф.А. Голубцова «сделали управляющим министерством; а Гурьеву, старее его чином, нельзя было оставаться его товарищем. С тех пор не переставал он думать об этом министерстве и тайно интриговать о получении его»²³. В указах Александра I, увидевших свет с 26 августа по 14 сентября 1807 г., отмечалось, что «до назначения нового министра финансов» в ведение Ф.А. Голубцова поступали: государственные банки, придворные банкиры, Экспедиция заготовления листов для государственных ассигнаций и Монетный департамент, аренды, оброчные статьи, «питейная часть» (в том числе и казенные винокуренные заводы), так как «по всем сим предметам происходит непрерывная связь с банками и Государственным казначейством». Через государственного казначея должны были направлять свои представления императору или в Сенат Берг-коллегия, Лесной и Горный департаменты²⁴.

Об обстоятельствах назначения Голубцова сам Гурьев спустя два года рассказывал П.Г. Дивову. В феврале 1809 г. тот записал в дневнике: «Он сказал мне по секрету, что государь хотел назначить его министром финансов на место гр. Васильева, но что он просил его величество повременить до тех пор, пока особая комиссия, которой поручено рассмотреть дела, не представит отчета, дабы нельзя было приписать личной неприязни то, что было совершенно истинно. В комиссии гр. Завадовский и Попов восстали против него, Гурьева, так как он заикнулся о необходимости предоставить польским провинциям в Малороссии право пользоваться доходами, получаемыми от винного откупа; с этого момента они оспаривали все его планы, клонившиеся к увеличению доходов государства, и комиссия покончила свое существование, не выработав ни одной полезной меры»²⁵.

²¹ Русская старина. 1904. № 11. С. 389–390.

²² Толстой, по замечанию Г.А. Розенкампфа, видел «государя не только ежедневно, но чуть ли не ежечасно и почти никогда его» не покидал (Русская старина. 1904. № 10. С. 156–157).

²³ Записки Ф.Ф. Вигеля. Ч. 3. С. 84.

²⁴ РГИА. Ф. 559. Оп. 1. Д. 95. Л. 1–6; ОР РНБ. Ф. 484. Д. 21. Л. 13.

²⁵ Русская старина. 1903. № 7. С. 233–234.

Однако в дневнике Дивова сохранилась относящаяся к 1807 г. запись рассказа о тех же обстоятельствах самого Голубцова, которого он посетил 5 октября «и беседовал с ним о разных делах и об интригах, которые ведутся против него, не назвав однако никого. Он сказал мне по этому поводу, что ему известно, что Гурьев старается занять его место <...> Затем он сказал мне, что государь высказал в разговоре с ним желание увеличить налоги для покрытия чрезвычайных расходов; и что он представил его величеству все неудобство обременять страну налогами <...> его величество промолчал, но на другой раз снова высказал в разговоре мысль о необходимости увеличить налоги; тогда главный казначей сказал ему, что он исполнит приказание его величества, и с этой целью был учрежден комитет, в состав которого вошли: Гурьев министр уделов, гр. Румянцев министр иностранных дел, гр. Завадовский министр народного просвещения и главный казначей. Дай Бог, чтобы этот новый налог не вызвал ропота»²⁶.

1 января 1810 г. Ф.А. Голубцов был уволен. Как полагали некоторые современники, именно добродушие и слабохарактерность стали причиной отстранения его от должности²⁷. «Осторожность, робость и вместе с тем самостоятельность Голубцова, — писал Ф.Ф. Вигель, — не могли нравиться Сперанскому: он почитал его человеком, завязшим в старинной, изъезженной колее. Он все страшился чрезвычайных займов. Бессмысленный! Разве не знал он, что Англия богатеет, благоденствует в неоплатных долгах: этого рода блаженство желал Сперанский доставить России <...> от Голубцова не мог он ожидать совершенной покорности. Он даже не хотел ему дать места в новом своем Совете и в указе о его увольнении ни слова не упомянул о его просьбе»²⁸. В.Р. Марченко вспоминал, что неблагоприятную роль при отставке Голубцова сыграл Аракчеев²⁹. Сам же Голубцов, после своей отставки в январе 1810 г. признавался Дивову о том, что «он обязан отставкою канцлеру и французскому посланнику»³⁰. В декабре 1816 г. Голубцов написал приведенное у Корфа письмо, в котором, хотя совершенно в ином настроении, но все же

²⁶ Там же. № 5. С. 471–472.

²⁷ *Скальковский К.А.* Наши государственные и общественные деятели. С. 408–409.

²⁸ Записки Ф.Ф. Вигеля. Ч. 3. С. 84–85; *Корф М.А.* Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861. Т. 1. Ч. 2. С. 187; *Скальковский К.А.* Наши государственные и общественные деятели. С. 409.

²⁹ Русская старина. 1896. № 3. С. 488.

³⁰ Там же. 1903. № 7. С. 237.

повторил свои подозрения в адрес Сперанского: «Я препровождаю жизнь спокойную и безмятежную, и если бы иногда болезненные мои припадки, проистекающие от долговременной и тяжелой службы, не тревожили меня, то был бы еще спокойнее <...> В первый год моей отставки винил я в душе моей Михаила Михайловича; но по прошествии года, когда чад из головы вышел, когда мрак, отягчавший мои мысли, исчез: тогда не только не винил, но благодарил Михаила Михайловича. При всегдашней моей ретивости и заботливости к делам и по чувствительному моему характеру, не знаю, что бы со мною случилось; думаю, что меня бы давно на свете не было. Благодарение Всевышнему Создателю за спасение меня. Мне теперь 58-й год; подвигаюсь к шестидесятым, — тем летам, в которые должно обращать мысли более к вечности, нежели к мирским суетам. Меня теперь утешают священные книги, которыми занимаюсь»³¹. Кроме того, К.А. Скальковский, не раскрывая, правда, всех подробностей, отмечал, что «слабохарактерный Голубцов неосторожностью секретаря был изобличен во взятках»³². Таким образом, участниками интриг против Голубцова в 1810 г. названы Сперанский, Гурьев, Аракчеев и французский посланник. Предметом конфликта, по мнению наблюдателей, были некие чрезвычайные финансовые меры, на которые «главный казначей» не дал бы согласия. Вовлеченность в нападки на него столь влиятельных лиц и ссылки на некие особые обстоятельства свидетельствуют, что подлинной причиной его отставки, вероятнее всего, послужила не мягкость характера, а борьба придворных группировок, обострение которой было связано с проектами Сперанского.

Как полагал М.А. Корф, вначале возглавить министерство предложили В.П. Кочубею, но тот отказался³³. Поддержка М.М. Сперанского сыграла свою роль: министром стал Д.А. Гурьев³⁴. По не без иронии высказанному мнению Ф.П. Толстого, Д.А. Гурьев «сделался министром финансов за введение в счетные шнуровые книги Кабинета его величества, которого он был директором, различных

³¹ Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. Т. 1. Ч. 2. С. 188.

³² Скальковский К.А. Наши государственные и общественные деятели. С. 408.

³³ П.Г. Дивов записал в своем дневнике 25 ноября 1809 г.: «Говорят, будто император намерен назначить Кошелева министром юстиции, а гр. Кочубея министром финансов. Я нахожу, что оба к этому непригодны» (Русская старина. 1903. № 7. С. 236).

³⁴ Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. Т. 1. Ч. 2. С. 187–188; Богданович М.И. История царствования императора Александра I... Т. 2. С. 489.

цветов линейек — голубых, красных, синих, зеленых, розовых, малиновых. Насколько эти стольких красивых цветов линейки облегчают счетоводство шнуровых книг, знают бухгалтеры, но с наружного виду эти книги сделались гораздо красивее, а как у нас чрезвычайно высоко ценится наружность, то Гурьев по представлении этих книг был пожалован графом»³⁵.

III

За время тринадцатилетнего руководства Министерством финансов с 1 января 1810 г. Д.А. Гурьев дважды, в 1814 и 1822 гг., подавал прошение об отставке, ссылаясь на плохое здоровье. Увольнение от должности последовало лишь 22 апреля 1823 г.³⁶

Современники называли различные причины его отставки. Одна из них упоминалась в письме Н.М. Лонгинова к С.Р. Воронцову и состояла в недовольстве Государственного совета тем, «что, не имея возможности защищать бюджет на 1821 г. от нападения Кампенгаузена, Гурьев наговорил последнему грубостей и заставил утвердить бюджет помимо Совета. Государь, находившийся в Лейбахе, исполнил желание министра финансов, но с тех пор его предложения приказывал вносить в Государственный совет. Там оппозиция против графа Гурьева еще возросла. Желая будто бы предохранить <...> дворянство от задолженности, Гурьев внес <...> проект графа Ламберта об уничтожении Заемного банка и сохранении выдачи ссуд только из Сохранной казны, но в этом увидели лишь желание угодить Вилламову, секретарю и доверенному человеку императрицы Марии Федоровны. Проект Ламберта провалился. Окончательный удар нанесло обсуждение в Совете дела о голоде в Белоруссии. Гурьев не только взыскивал с голодающих недоимки, но из ассигнованных для раздачи пособий 1 800 000 руб. две трети удержал в казне, между тем одновременно он внес проект приобретения от А.Л. Нарышкина дачи его, около С.-Петербурга, за 700 000 руб. Это циничное предложение вызвало резкое замечание Кампенгаузена, что „человек толстый, жирный и откормленный не может понимать нужд голодного“, и заставило гр. Аракчеева, единственного подавшего голос за Гурьева по первому вопросу, просить вычеркнуть его подпись. Через неделю по-

³⁵ Записки графа Федора Петровича Толстого. С. 152.

³⁶ Министерство финансов. 1802–1902. С. 34; *Дубровин Н.Ф.* Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (1807–1829 гг.). М., 2006. С. 156–157; *Шилов Д.Н.* Государственные деятели... С. 228.

сле означенного заседания и состоялось увольнение графа Гурьева, который остался все-таки заведывать Уделами и Кабинетом»³⁷.

В записке А.И. Рибоьера приведена еще одна версия отставки министра финансов: «Не у многих государственных людей было столько врагов, как у Гурьева. Немало интриг ведено против него. Император Александр однако верил в его честность и познания и постоянно защищал его против врагов: против Сперанского, против Мордвинова (который один из первых прочитал А. Смита, вследствие чего считал себя искусным финансистом) и даже против самого Аракчеева. Только когда великий князь Константин Павлович, без оглядки защищавший польские интересы, стал заодно с Аракчеевым, графу Гурьеву пришлось оставить министерство»³⁸.

Уже первые шаги на министерском поприще показали, что между недавними союзниками — М.М. Сперанским и Д.А. Гурьевым — произошло заметное охлаждение, которое даже привело последнего в стан врагов реформатора. Очевидно, не без участия Д.А. Гурьева была осуществлена интрига против М.М. Сперанского³⁹. Однако впоследствии именно благодаря Д.А. Гурьеву назначенный губернатором М.М. Сперанский получил наивысший должностной оклад, ему была продлена аренда государственного имения. За успешные операции по винной продаже и за восстановление казенного Бриловского винокуренного завода министр финансов исходатайствовал пожалованные Сперанскому 5000 десятин земли в Саратовской губернии⁴⁰. Кроме того, большинство своих проектов Д.А. Гурьев пересылал ему для обсуждения⁴¹. При участии министра финансов рассматривались отчеты М.М. Сперанского о выполнении вверенных ему дел в качестве Сибирского генерал-губернатора⁴². Так или иначе, но в письмах М.М. Сперанский довольно высоко оценивал своего недавнего противника: «... Знаете ли, что настоящая система управления мне довольно нравится? — писал он А.А. Столыпину из Пензы 17 апреля 1817 г. — Надобно, чтоб дела были в руках у одного, а беспристрастно

³⁷ Цит. по: *Скальковский К.А.* Наши государственные и общественные деятели. С. 427–428. См. также: *Коршилов А.А.* Курс истории России XIX века. С. 438.

³⁸ Русский архив. 1877. № 5. С. 5.

³⁹ *Корф М.А.* Жизнь графа Сперанского. Т. I. Ч. 2. С. 203; Т. II. Ч. 4. С. 139; *Фатеев А.Н.* М.М. Сперанский (1809–1909). Харьков, 1910. С. 35–36.

⁴⁰ *Корф М.А.* Жизнь графа Сперанского. Т. II. Ч. 4. С. 139–140; *Середонин С.М.* Граф М.М. Сперанский. Очерк государственной деятельности. СПб., 1909. С. 135.

⁴¹ *Корф М.А.* Жизнь графа Сперанского. Т. I. Ч. 2. С. 144–145.

⁴² Там же. С. 264.

говоря, лучше, чтоб они были у Д. Александровича (Гурьева. — *Л.М.*), нежели у кого-либо другого»⁴³. Обсуждая со Столыпиным кандидатов в члены комитета по крестьянскому делу (1818 г.), М.М. Сперанский писал: «Говоря с Вами искренно и беседуя как бы лицом к лицу, скажу по истине, что Д. Александрович один может и должен быть главою сего дела. Он может потому, что к нему имеют лучшие в России люди истинное уважение; он должен первое потому, что он может; а второе потому, что часть его не есть просто министерство, но ключ и жизненная движущая сила всего управления; сила, в коей все болезненные припадки государства прежде всех других и более всех других должны обнаружиться». И далее: «С ним (Д.А. Гурьевым. — *Л.М.*) и за ним я всюду пойду. Сим обязан я не только внутреннему моему убеждению в основательности его ума и истинном достоинстве его правил, но и благодарности. Я считаю малодушием, даже подлостью видеть равнодушно людей таких, как он, и оставлять их бороться одних с невежеством или пристрастием в трудных обстоятельствах; а что обстоятельства должны быть трудны, в сем, к сожалению, нельзя иметь ни малейшего сомнения»⁴⁴.

Что касалось взаимоотношений Гурьева и Аракчеева, то последний в 1824 г. сказал начальнику округа Старорусского военного поселения Маевскому: «У меня один только остался злодей — Гурьев; да и тот, слава Богу, околевает»⁴⁵.

О взаимоотношениях Гурьева с Константином Павловичем А.И. Рибопьер писал в воспоминаниях, что, «злоупотребляя влиянием своим на государя, великий князь добился нового выгодного для Польши тарифа, который положительно разорял наших фабрикантов. Министр финансов горько жаловался; но государь, убежденный словами брата, считал жалобы Гурьева преувеличенными. Представлялся легкий и уже испробованный способ узнать правду; следовало послать верного человека, чтобы на месте изучить состояние суконных и бумажных фабрик. Граф Гурьев предложил государю отправить меня (А.И. Рибопьера. — *Л.М.*), и я поехал в Москву и село Иваново. Возвратившись, я доложил государю о том, что видел, и невыгодный для русских тариф, тормозивший нашу торговлю с Востоком, а особенно с Китаем, был отменен <...> Константин Павлович никогда не простил Гурьеву столь открытого противодействия. Преданный государю до фанатизма, Гурьев заметил с глубокою скорбью, что он теряет высочайшее доверие, и решился отказаться от Министерства финансов»⁴⁶.

⁴³ Русский архив. 1870. Ст. 1133–1134.

⁴⁴ Там же. 1869. Ст. 1699–1701.

⁴⁵ Русская старина. 1873. № 10. С. 451.

⁴⁶ Русский архив. 1877. № 5. С. 10–11.

Интересные замечания о деятельности Министерства финансов и самого Д.А. Гурьева, о причинах его отставки оставил Н.И. Тургенев, который вспоминал, что Д.А. Гурьев всегда внимательно следил за сроками платежей военной контрибуции, которую Франция выплачивала союзным державам. Столь значительный «незапланированный источник дохода; при разумном ведении хозяйства», по мнению Н.И. Тургенева, «следовало бы использовать для каких-либо экстраординарных расходов и непременно с пользой для общества или же, как поступила Австрия, направить его на возмещение военных издержек. Меж тем <...> эти дополнительные суммы тратились на покрытие текущих расходов <...> ими затыкали дыры в бюджете, проделанные по прихоти или же от безумной привычки швыряться деньгами. Значительная часть этих денег пошла на покупку в Англии сукна для обмундирования императорской гвардии, еще одна часть была истрачена на организацию, или, вернее, придание внешнего блеска армии Царства Польского и городу Варшаве. В целом русская казна ежегодно вносила на эти цели в польскую казну семнадцать миллионов. Поэтому я предвидел, сколь трудно будет министру удовлетворять все требования императора, когда из Франции перестанут притекать деньги. И я не ошибся: одной из причин падения министра была медлительность при доставке миллионов в губернии, охваченные голодом, точнее, невозможность с должной быстротой исполнить это желание императора»⁴⁷.

IV

Отзывы о графе Д.А. Гурьеве были довольно единодушны в неприятии не только его самого, но и тех мер, которые он проводил в министерстве.

Д.А. Гурьев был большим гурманом. Известны паштеты, котлеты и каша, которые носят его имя. И если как министр финансов он не пользовался «ни малейшим уважением, зато по кухмистерской части он достиг неувядаемой славы изобретением великолепной грешневой каши на мозгах из говяжьих костей, об которой не только во всем Петербурге и Москве известно, но и в самых отдаленных краях России. А любящие покушать господа утверждают, что эта каша есть важнейшее изобретение нашего века». Обеды, которые он давал своим родным и близким, считались лучшими в Петербурге⁴⁸.

⁴⁷ Тургенев Н.И. Россия и русские. С. 68.

⁴⁸ Записки графа Федора Петровича Толстого. С. 151–152; Записки Ф.Ф. Вигеля. Ч. 3. С. 86.

По воспоминаниям Н.И. Тургенева, «его дом был одним из первых в Петербурге; всякий день там собирались придворные, дипломаты, высшие чиновники. Его жена, которая всемерно поддерживала влияние мужа, была своего рода властью, не признавая которой можно было навлечь на себя опасности. Его дочь, бывшая замужем за графом Нессельроде, пользовалась влиянием не только в светском обществе, но и в иных сферах»⁴⁹.

Некоторые современники, как, например, П.А. Вяземский, в своем стихотворении, созданном между 1814 и 1817 гг., «Спасителя рождением...» посвятил Д.А. Гурьеву такие строки:

Спасителя рождением
 Встревожился народ;
 К малютке с поздравленьем
 Пустился всякий сброд:
 Монахи, рифмачи, прелестники, вельможи —
 Иной пешком, другой в санях,
 Дитя глядит на них в слезах
 И вопит: «Что за рожи!»

Совет наш именитый,
 И в лентах и в звездах,
 Приходит с шумной свитой —
 Малютку пронял страх.
 «Не бойся, — говорят, — сиди себе в покое,
 Не обижаем никого.
 Мы, право, право, ничего,
 Хоть нас число большое».

Наш Неккер, запыхаясь,
 Спасителю сквозь слез,
 У ног его валяясь,
 Молитву произнес:
 «Мой боже, сотвори ты в нашу пользу чудо!
 Оно тебе как плюнуть раз,
 А без него, боюсь, у нас
 Финансам будет худо!»

⁴⁹ Тургенев Н.И. Россия и русские. С. 73.

Склонись на просьбу нашу.
Рука твоя легка,
А для тебя я кашу
Начну варить пока.

О мастерстве моем уже днесь всякий сведал,
Я кашу лучше всех варю,
И с той поры, как взят к царю,
Я только то и делал» <...> ⁵⁰

А рассуждая о готовности русского народа принять конституцию, П.А. Вяземский воскликнул: «Прошу покорно, России созреть для конституции под солнцем Аракчеевых, Гурьевых и прочих! Если бы ждать по-вашему поры зрелости, то в самом деле пришлось бы России оправдать слово, сказанное о ней Дидеротом: „C'est un fruit pourri, avant que d'être mûr“ (Это плод, сгнивший до того, как созрел — *фр.*). Солнце Аракчеевых и Гурьевых может воспалить мозг и зажечь бешенство в народе, но не быть ему никогда Фебом, богом света и здравия!» ⁵¹

В дополнительных заметках к «Жизни графа Сперанского» М.А. Корф отмечал, что «Гурьев был человек без большого делового ума и еще менее ученого образования; но имел много доброй воли и еще более придворной тонкости». На заданный Сперанскому пермским купцом Поповым вопрос, почему именно Гурьев был выбран в министры финансов, тот отвечал: «Его считали за честного человека и устроили под руководством; но и он вздумал умничать» ⁵². Н.И. Греч называл Гурьева не иначе как ничтожество ⁵³.

В воспоминаниях Ф.В. Ростопчина о Гурьеве сказано, что он был «человек умный, весьма любезный в тесном кружке, не имеющий другого образования, кроме умения свободно объясняться по-французски, интриган и честолюбец в высшей степени, относит все к самому себе; обременен делами, которыми занимается в полудремоте; столь же грузен телом, сколько тяжел на работу; великий охотник до лакомых блюд и до новостей в административном мире; легко поддается на проекты; всем жертвует своему желанию удержаться в милости и увеличить свое состояние» ⁵⁴.

Как современники, так и исследователи писали, что «в управлении финансами Гурьев держался строгой тайны, в своих планах

⁵⁰ Вяземский П.А. Стихотворения. Л., 1958. С. 98–99.

⁵¹ Вяземский П.А. Записные книжки (1813—1848). М., 1963. С. 63.

⁵² Русская старина. 1903. № 4. С. 34.

⁵³ Греч Н.И. Записки о моей жизни. С. 338, 349.

⁵⁴ Русская старина. 1889. № 12. С. 653.

отличался темнотою, притом был недоступен и тяжел для подчиненных, покровительствовал родственникам, а его финансовые операции даже людям, не особенно расположенным к его врагам, но вникавшим в дела, казались „волшебными“ и „мало полезными в настоящем положении финансов“⁵⁵.

В одной из записок по истории российских финансов Г.А. Розенкампф⁵⁶ отмечал, что «по высылке Сперанского <...> в Государственном совете по-прежнему раздавались привычные речи. Тот профессор-путаник (М.А. Балугьянский. — *Л.М.*), который был тайным руководителем государственного секретаря по отношению к теории политической экономии, стал руководителем в этом отношении и Гурьева, заставив последнего уверовать, что он явится творцом финансовой системы, еще более совершенной, чем система 1810 г. Каждое утро он читал Гурьеву выдержки из „Монитёра“ (Moniteur) и английских газет, благодаря которым Гурьев наконец пришел к полному убеждению, что он способен на все и превзойдет своих предшественников. Вскоре однако мы увидим, что в действительности зло, причиненное Гурьевым русским финансам, гораздо серьезнее, чем зло, причиненное им реформами 1810 и 1811 годов. Приняв все эти фантастические планы за свои собственные идеи, Гурьев спокойно на них почивал, пока в 1823 г. не был разбужен государем. Впрочем, никому решительно не было дела, чтобы принятая система согласовалась с мероприятиями, проводимыми в жизнь. Общие понятия могли быть применимы ко всему. Было совершенно безразлично, нет ли противоречия между теорией и приложением ее на деле, и Государственный совет, бывший ранее орудием исполнения в руках государственного секретаря, стал машиной, направляемой еще сильнее влиянием министра финансов»⁵⁷.

О.А. Пржецлавский вспоминал: «Приехав в Петербург, я застал еще министром финансов графа Гурьева. Он вообще не был любим, в особенности за то, что интересы казны, в столкновении с интересами частных лиц, соблюдал слишком строго и в явный ущерб справедливости. Самые ясные претензии к казне испытывали нескончаемые проволочки и оканчивались отказом. Не было почти примера, чтобы в управление Гурьева кто-нибудь получил следующее ему удовлетво-

⁵⁵ Скальковский К.А. Наши государственные и общественные деятели. С. 423.

⁵⁶ М.А. Корф считал, что Розенкампф «принадлежал, в нравственном отношении, к числу тех людей, для которых нет ничего святого. Лицемерный, льстец, лгун; мстительный, исполненный коварства и желчной злобности» (Русская старина. 1903. № 4. С. 31).

⁵⁷ Там же. С. 39–40.

рение»⁵⁸. В 1818 — начале 1819 г. общественное мнение было «единогласно против министра финансов. Ропот на произвольные во многих случаях действия его весьма распространился. Говорят, что закон им только наблюдается в пользу казны, а толкуется всегда в ущерб частного человека»⁵⁹. По донесениям М.Я. Фока А.Х. Бенкендорфу от 19 июля 1826 г., министр выглядел следующим образом: «Перенеся наш взгляд на финансы, — мы видим Гурьева, отменяющего винные откупа, чтобы дать блестящее положение вице-губернаторам; употребляющего противные здравому смыслу меры, убившие торговлю и национальную промышленность; собирающего, с жестокостью, общественные подати и увеличивающего их, употребляя государственные доходы на приобретение земель и умножение, таким образом, государственных имуществ на счет дворянства. Можно ли после этого спрашивать — где и в чем причина недовольства?»⁶⁰ В письме Александру I от 6 января 1816 г. М.М. Сперанский отмечал: «Уравнительное распределение государственных податей и тяжестей требует также скорого рассмотрения. Здесь корень большей части злоупотреблений. Тщетно будут искать его в одном свойстве управляющих лиц, хотя и в них не без греха. Здесь не время распространяться о сем подробно; но нельзя умолчать, что есть подати, коих и простая языческая нравственность едва ли бы потерпела. Таковы суть винные откупы. Из всех софизм самая нелепая есть та, что заменить их нечем»⁶¹.

Об отмене винных откупов писал в своих воспоминаниях и В.И. Штенгель: «К крайнему изумлению всех, действия Министерства финансов в последние 10 лет были, можно сказать, ужасны. В 1814 году правительство убедило откупщиков винных, при главном посредстве Гурьева и Пестеля, сделать весьма важную наддачу. Естественным сего следствием была несостоятельность, и они разорены вконец, особенно Злобин, оказавший многие услуги Отечеству, и Перец. В преследовании сих откупщиков и потом поставщиков провиантских были случаи, что они представляли к расчету свои на казну претензии; но министр предписывал „с них взыскивать“, а им предоставит ведаться особо: распоряжение, имеющее характер полного насилия и несправедливости. С откупщиками многие разорились. Уничтожив откупы, Министерство финансов ввело новый образ винной продажи — источник чрезмерно-гибельного народного разврата и самого разорения. Нарушены некоторые коренные права; унижено звание вице-губернаторов, дотоле весьма

⁵⁸ Там же. 1883. № 8. С. 387.

⁵⁹ Там же. 1881. № 11. С. 672.

⁶⁰ Там же. № 9. С. 190–191.

⁶¹ Русский архив. 1867. Ст. 452–453.

почтенное, явлен пример соблазна для чиновников: ибо способы наживаться стали предпочитать понятиям о чести; и те, кои при начале за унижение считали надзирать за питейными домами, увидя, что на сих людей обращается внимание министра и вместе с обогащением даются чины и кресты, стали искателями сего рода службы. Размножены повсюду трактиры, герберги, харчевни, портерные лавочки, питейные дома, временные выставки, из коих некоторые с билльярдами, с музыкой и с другими разными для черни приманками. Возвышена на вино цена, для винооторговцев установлены стеснительные и разорительные для них правила; за то злоупотребления устранены от надзора полиции. Вице-губернаторам даны предписания стараться как можно о большей распродаже вина, под опасением ответственности! И с такими мерами первые годы принесли точно прибыль; но вскоре оказалось, что она была временна: ибо в последние годы уже недобираются многие миллионы»⁶².

По поводу отставки Д.А. Гурьева один из сотрудников Министерства финансов, прослуживший в этом ведомстве до 1826 г. А.Е. Измайлов, написал следующее стихотворение:

Старинные остроловия.

Красное яичко на день Пасхи 22-го апреля 1823 года.

Удаление министра финансов

графа Дмитрия Александровича Гурьева.

В подвалах винных, в кабаках
 Все вопиют: увы! и ах!
 Вице-губернаторы в слезах,
 И воры все по винной части
 Дрожат и ждут себе напасти.
 А Взметнева такой взял страх,
 Что не кладет и рук в карманы;
 Обресков стер с лица румяны;
 Дубенский осовел, как пьяный;
 Ждет казни Мечников Евграф⁶³;

⁶² Там же. 1895. № 2. С. 164–165. См. также: *Тургенев Н.И.* Россия и русские. С. 317.

⁶³ Опубликованное в «Русской старине» стихотворение сопровождается довольно интересными комментариями, составленными П.Н. Петровым, который и предложил редакции поместить это сочинение в журнале. Слезы вице-губернаторов были вызваны тем, что они «управляли казенными палатами и потому находились в зависимости от министра финансов — определялись им и увольнялись». Петр Алексеевич Взметнев, будучи «начальником

Моргает, делает гримасы...
Теперь бы взять его в паясы!
А граф спесивый⁶⁴, толстый граф,
Молчит и не промолвит слова;
Краснеет только и пыхтит,
Как холмогорская корова,
И сам с собою говорит:
«Не знаю как, в какие годы,
Поехать мне на теплы воды?»⁶⁵

С А.Е. Измайловым у Д.А. Гурьева были, очевидно, натянутые отношения. Один из таких эпизодов приведен в воспоминаниях Петра Ивановича Голубева, прослужившего в финансовом ведомстве 52 года с 13 июля 1811 г. по 17 мая 1863 г. 1 июля 1821 г., в день открытия Департамента государственного казначейства, состоялся торжественный молебен, по окончании которого Д.А. Гурьев «в сопровождении директора И.И. Розенберга и вице-директора А.И. Миллера, обошел все комнаты, отделанные перед тем довольно красиво. Каждый начальник отделения, — писал Голубев, — стоял у своих кресел, и каждого из них граф Дмитрий Александрович приветствовал каким-нибудь благосклонным словом, вроде фразы: „Я надеюсь, что вы усердием своим не оставите оправдать доверенность к вам начальства“ или „г. директор сделал мне о вас очень лестные отзывы, прошу заслуживать внимание начальства и на будущее время“. Чрезвычайно красивое лицо министра (хотя человека уже далеко не первой молодости), его орденские украшения, с цепью Св. Андрея

1-го отделения канцелярии министра финансов», «считался самым приближенным лицом к графу Д.А. Гурьеву», «имел привычку, в разговорах с кем бы ни было, забывшись, закладывать руки в карманы виц-мундира под фалды». Михаил Алексеевич Обресков, генерал-лейтенант, сенатор, директор Департамента внешней торговли, «любил молодиться: фабриль усы, завивался и всегда румянился». Николай Порфирьевич Дубенский — д.с.с., «был в одно время с Обресковым директором Департамента разных податей и сборов». Евграф Ильич Мечников — «овер-берг-гауптман IV класса, директор Департамента горных и соляных дел, комиссии снабжения солью государства и горного кадетского корпуса, был одним из приближенных к графу Гурьеву и в публике не пользовался репутацию бескорыстного слуги отечества. Про него рассказывали множество анекдотов, где давалась ему роль, далеко не почтенная, и примерная беззастенчивость» (Русская старина. 1873. № 7. С. 112–113).

⁶⁴ П.Н. Петров отмечал, что «Д.А. Гурьев, как известно, был человек надменный» (Русская старина. 1873. № 7. С. 113).

⁶⁵ Там же.

Первозванного, облитый золотым шитьем мундир, изящные манеры аристократа и величественный вид государственного сановника составили для всех присутствовавших приятнейшее зрелище, возмущенное только одним странным случаем. Бывшему нашим, третьего стола, начальником, сатирическому поэту и фабулисту Александру Ефимовичу Измайлову вздумалось явиться на этом торжестве не в мундире, как прочие, а в черном фраке и китайчатых панталонах; граф подошел к Измайлову, но не сказал ему ни слова, а обратясь к директору, спросил: какое это отделение, и тотчас же оборотясь к А.Е. спиной, пошел далее. Кажется, к этой странной сцене были поводом одни, впрочем, более обидные, нежели остроумные, на счет министра стихи Измайлова»⁶⁶. Демонстративное поведение Измайлова можно объяснить его обидой на министра за то, что в течение 14 лет он оставался в чине коллежского советника, даже тогда, когда был «по преобразовании экспедиции переведен в Департамент государственного казначейства начальником отделения»⁶⁷. Чиновничью службу А.Е. Измайлов совмещал с занятиями литературой. С 1816 по 1825 гг. он был председателем Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. В 1809–1810 гг. издавал журнал «Цветник», в 1812 г. — газету «Санкт-Петербургский вестник», в 1818–1826 гг. — журнал «Благонамеренный». В одном из своих писем он с горечью говорил: «Ах, не дай бог никому быть вместе подьячим и литератором, а особенно журналистом»⁶⁸.

Столь же резко звучал отзыв о Д.А. Гурьеве А.П. Ермолова в письме к П.А. Кикину из Тифлиса от 8 июня 1823 г.: «Какие у вас перемены неожиданные. Как могли вы расстаться с Гурьевым? <...> Неужели потерпят, чтобы кто с великим сим мужем вступил в одинаковые грабить права без ответственности. Это было бы неблагодарно и не признательно к великим его заслугам. Кто же после трудиться захочет?»⁶⁹

V

Лишь немногие сотрудники министерства финансов оставили благосклонные воспоминания о своем руководителе. Среди них был граф А.И. Рибопьер, посвятивший своему шефу следующие строки: «Он был далеко не гений, но имел ум склонный к порядку. С непоколебимой честностью соединял он редкие у нас познания. Министерство

⁶⁶ Русский архив. 1896. № 4. С. 523–524.

⁶⁷ Исторический вестник. 1886. № 11. С. 374.

⁶⁸ История русской литературы. М.; Л., 1941. Т. 5. Ч. 1. С. 266, 273.

⁶⁹ Русская старина. 1872. № 11. С. 514.

его стяжало ему вечную славу. Он ввел полезные реформы и вынес всю тяготу 1811, 1812 и 1813 годов, не заключая нового займа и не налагая новых налогов»⁷⁰. Другим был П.И. Голубев, который, описывая тяготы, свалившиеся на всю страну и министерство в 1812–1813 гг., вспоминал о Д.А. Гурьеве, что «он со славою вышел из величайших финансовых затруднений. Странно однако же, что этого господина все вообще сословия не любили, чтобы не сказать ненавидели»⁷¹. Далее он отмечал, что «эта незаслуженная ненависть возникла еще до войны с Наполеоном. При Гурьеве остановлены были платежи долгов военно-сухопутного и морского департаментов за разные поставки в казну и лишь незначительные суммы разрешаемы были к выдаче разным небогатым поставщикам, а удовлетворение прочих кредиторов отложено было на неопределенное время, и их претензии вносимы были, впредь до возможности уплат, в так называвшуюся тогда долговую ведомость. Потом Дмитрий Александрович не слишком-то милостиво поступал с должниками казны: он круто взыскивал с них казенные недоимки, не обращая внимания на вопли их, что казна сама не платит им огромные суммы по долговой ведомости. Вельможи недолюбливали Дмитрия Александровича за чрезвычайную скупость в распоряжениях государственными суммами. К величайшей досаде их, император Александр I, зная тягостное положение финансов, дал Гурьеву огромную власть, и он, как видно было из текущей переписки, не входил в споры с другими министрами и не тратил троп и фигур на доказательства о невозможности возложить на Государственное казначейство какой-либо иногда затейливый расход, а останавливал его одним своим могучим словом: не могу; жаловались на него государю, но безуспешно. Так, после войны 1812 года, по милосердию государя, учреждена была, под председательством известного поэта, бывшего пред тем министром юстиции, И.И. Дмитриева особая комиссия для единовременных безвозвратных пособий беднейшим жителям московской столицы. Предположено было по просьбам бедных составлять списки с назначением каждому из них выдачи по усмотрению комиссии. Списки эти препровождались при именных высочайших указах к министру финансов с повелением выдать исчисленные по ним суммы. Таких высочайших именных указов получено было Гурьевым всего 27, и требовалось по ним денег около 3 ½ миллионов: по некоторым спискам он выдал до 300 тыс. руб., а все прочие, более 20, остались без всякого исполнения. Дмитриев жаловался, и государь приказал Гурьеву немедленно донести, на каком основании

⁷⁰ Русский архив. 1877. № 5. С. 5.

⁷¹ Там же. 1896. № 4. С. 527.

эти указы остались без исполнения». Гурьев «в докладной записке Его Величеству, с одной стороны, сослался на финансовые немощи, а с другой, доказал <...> что назначенные комиссией пособия до того мелочны, что никакого никому существенного пособия доставить не могут (10, 15, 25, 50 и изредка до 100 руб.)», в общей же сложности составляют 3,5 млн. Выплата такой суммы была бы обременительна для казны «при неотложном выполнении других расходов. Дело это высочайше повелено оставить без последствий»⁷².

П.И. Голубев писал также о том, «чтобы рассуждать о положении финансов государства и достоинстве распоряжающегося ума министра, нужно очень много практики, познаний теоретических, а их в то время в наличности не имелось, так как и через 25 лет после того явился прискорбный, но совершенно правдивый стих Пушкина о нашем просвещении:

Мы все учились понемногу,
Чему-нибудь и как-нибудь.

Представители нашего в то время среднего общества, подобно всем другим странам, более всех других сословий судили и осуждали государственных людей, вовсе не зная истинного положения дел. Впрочем, несмотря на их суждения, правительство не считало нужным толковать с тогдашними умниками о своих нуждах и предположениях, им оставалась полная свобода врать в продолжении питья двух, трех, иногда и полудюжины пуншей (тогда его пили гомерически), что кому придет в голову вкривь и вкось: ведь пьяным по колено море. Так они переименовали самого деятельного и благонамеренного министра внутренних дел, Козодавлева, Цигендриккером. И вот эти-то господа позволили себе переменить ругательно первую букву имени Д.А. Гурьева»⁷³.

В заключение П.И. Голубев еще раз отметил, что он принадлежал «к небольшому кружку людей, которые чтут память графа Гурьева»⁷⁴.

Интересные воспоминания оставил Е.Ф. Комаровский, в которых если не опровергается вовсе, то, по крайней мере, ставится под сомнение версия, что проводимая Д.А. Гурьевым политика была губительна для российской промышленности. В 1822 г. Комаровский случайно посетил Охтенскую суконную фабрику, «принадлежавшую тогда барону Ралю». Тогдашний директор фабрики, увидев, что Комаровский «с любопытством входил во все подробности сего заведения, ибо

⁷² Там же. С. 527–528.

⁷³ Там же. С. 528–529.

⁷⁴ Там же. С. 530.

<...> уже имел небольшую суконную фабрику в селе Городище», предложил приобрести ее на выгодных условиях. Дела барона Раля, по мнению директора фабрики, «пришли в великое расстройство» и было бы жаль, «если такое заведение, которое может быть первым в России, придет в совершенный упадок». Отсутствие свободных значительных средств у Комаровского не позволяло ему сделать эту покупку. Через несколько дней, будучи на дежурстве при императоре, Комаровский рассказал Д.А. Гурьеву о сделанном ему предложении купить Охтенскую фабрику. Министр финансов стал уговаривать Комаровского «сделать сие приобретение, уверяя <...> что он доставит <...> все возможные к тому способы, что фабрика по расстроеным делам Раля, неминуемо придет в совершенный упадок, в то время, когда она должна быть образцовой в России». Кроме того, Д.А. Гурьев пообещал, что он на следующий день переговорит «с Ралем и будет посредником» между ним и Комаровским. Выходя после доклада от государя, Д.А. Гурьев сказал, что царь «очень доволен вашим намерением купить у Раля фабрику». А на следующий день сам император заметил Комаровскому: «Я слышал от Гурьева о намерении твоём купить суконную фабрику у Раля, мне это весьма приятно. Пора нам обратить внимание на сию важную часть и не платить столько денег иностранцам; суди, каким это будет служить поощрением для прочих, когда увидят, что приближенная ко мне особа, мой генерал-адъютант, занимается мануфактурной частью, а о пособиях ты не сомневайся». От Александра I Е.Ф. Комаровский получил 200 000, а от Николая I еще 100 000 рублей. Через несколько лет качество сукна, которое выдывалось на Охтенской фабрике, почти не уступало иностранному, и было отмечено большой золотой медалью на состоявшейся в 1829 г. в Петербурге первой промышленной выставке ⁷⁵.

О своей первой встрече с министром Н.И. Тургенев вспоминал, что тот «читал — или делал вид, что читает, — номер „Минервы“, крайне интересной в ту пору благодаря статьям Бенжамена Констана. Я считал, — отмечал далее Тургенев, — подобного рода чтение вполне естественным даже для русского министра. Теперь, вспоминая различные эпизоды тех времен, я склонен думать, что министр не столько читал „Минерву“, сколько желал показать мне, что в часы досуга читает подобные издания» ⁷⁶.

Кроме проектов, подготовленных Д.А. Гурьевым во время службы в Министерстве финансов и Кабинете, в 1815 г. он подготовил записку «Об устройстве верховных правительств в России»,

⁷⁵ Записки графа Е.Ф. Комаровского. СПб., 1914. С. 222–225.

⁷⁶ Тургенев Н.И. Россия и русские. С. 66.

а в 1817 г. высказал свое мнение о Проекте учреждения о наместниках ⁷⁷. Принимал участие в заседаниях секретных комитетов, обсуждавших проекты крестьянской реформы (в 1818–1819 и 1824 гг.) ⁷⁸, Сибирского комитета ⁷⁹.

Большую помощь в работе над финансовыми проектами Д.А. Гурьеву оказывали М.М. Сперанский, Д.А. Балугьянский ⁸⁰, возможно, и другие ученые. Н.И. Тургенев вспоминал, что Д.А. Гурьев «большую часть своего времени <...> тратил на управление вверенным ему огромным департаментом. Он мог говорить об управлении финансами в целом; если нужно, цитировал Адама Смита, Тюрго, Неккера и т.п., настаивал на идее прогресса в финансовых делах; но, как и многие другие министры, он был окружен ловкачами, прожектерами, которые переполнены новыми идеями и обладают большими возможностями; у них всегда есть секрет пополнения государственной казны путем некоторых искусных операций, известных только им одним. Но тогда, быть может, министра очаровал, воодушевил, обманул вдохновенный шарлатан, возвышенный экономический талант, какой-нибудь Лоу или по крайней мере Уввар, а груз текущих дел не позволил ему углубиться в блестящие и оболстительные иллюзии, которыми сей гений его убаюкал? Увы! Змеем-искусителем русского министра явился отнюдь не финансист-поэт, в коих авантюризм всегда сопровождается некоей одаренностью, а всего лишь бедный хорватский магистр (Д.А. Балугьянский. — *Л.М.*), прибывший в Россию для преподавания политической экономии в Петербургском университете» ⁸¹.

VI

За многолетнюю службу Д.А. Гурьев был награжден: в 1798 г. орденом Св. Анны I-й степени, 1 января 1804 г. орденом Св. Александра

⁷⁷ См.: Материалы, собранные для высочайше учрежденной комиссии о преобразовании губернских уездных учреждений. С. 46–60.

⁷⁸ См. также: *Дружину Н.М.* Государственные крестьяне и реформа П.Д. Кисевела. М.; Л., 1946. Т. 1. С. 154–164, 172–179

⁷⁹ *Корф М.А.* Жизнь графа Сперанского. Т. 1. Ч. 2. С. 264.

⁸⁰ *Фатеев А.Н.* Академическая и государственная деятельность М.И. Балудянского в России. Ужгород, 1931. С. 1931. С. 35, 39–40; *Косачевская Е.М.* Михаил Андреевич Балугьянский и Петербургский университет первой четверти XIX века. Л., 1971. С. 216–218; *Молнар Л.* Русско-венгерские культурные связи (1750–1815 гг.). Йошкар-Ола, 1993; См. также: *Tardy L.* Balugyánszky Mihály. Budapest, 1954.

⁸¹ *Тургенев Н.И.* Россия и русские. С. 325.

Невского (а 18 ноября 1806 г. алмазными знаками к этому ордену), 30 августа 1814 г. орденом Св. Владимира 1-й степени (за управление Министерством финансов во время войны). Другую версию получения этой награды приводит в своих воспоминаниях И.Б. Пестель. Был создан «комитет для розыскания причин, почему кончавшийся тогда откуп составлял долг откупщиков в 15 миллионов <...> Комитет этот состоял из следующих особ: председателя — действительного тайного советника 1-го класса князя Лопухина, графа Кочубея, министра финансов Гурьева, Василия Степановича Попова и меня. В этом комитете, после долгого рассуждения об отчетах министра финансов, доказал я по сему предмету: во 1-х, что причиною такой значительной недоимки было ничто другое, как условия самого откупа, которые содержали удобство к обману для откупщиков, что последствия оного должны быть очень невыгодны для казны; во 2-х, что как министр финансов, так и Сенат не имели права допустить недоимочную сумму до такого возрастания, так как они могли видеть, что залогов не составляли и половины цены того долга, который они должны были обеспечить. Ежели бы взяли назад откуп у откупщиков, как скоро недоимки достигли половины цены залогов, то казна бы ничего не потеряла, и эта мера была бы совершенно согласна с условиями откупа. Прежде нежели внести мое мнение в комитет, я прочел его князю Лопухину, графу Кочубею и Попову. Все они совершенно согласились со мною. Однако же, когда я прочел бумагу в полном собрании комитета, то граф Кочубей первый уговаривал меня взять ее назад, князь Лопухин тоже советовал; но я требовал, чтобы эти господа официально отдали ее мне и составили бы журнал в комитете, с означением этого возвращения. Этого они не хотели, и я не взял моей бумаги назад. Тогда Гурьев потребовал, чтобы ему отдали мою бумагу, для того чтобы он мог написать на нее возражение, для своего оправдания. Я на это согласился и сказал, что ежели министр финансов докажет мне, что я ошибся в каком-нибудь пункте моей бумаги, то я с радостью в этом сознаюсь и откажусь от своего мнения. Через несколько недель мы опять собрались, и возражение Гурьева было читано. Выслушав его, я объявил, что нахожу, что ни один пункт моей бумаги не опровергнут и что многое в самом возражении еще более придает силы моему мнению и моей бумаге. Посему просил я, чтобы мне отдали бумагу Гурьева, для возражения с моей стороны, потому что я имел такое же право этого требовать, как он, и так нельзя было бы мне в этом отказать, когда то же самое дозволили Гурьеву. Но господа комитет все воскликнули, что такая переписка между мною и Гурьевым не имела бы конца, и отказали мне решительно. Я заставил записать в журнал этого заседания, что я хотел возражение Гурьева опровергнуть до

основания, но что комитет мне этого не позволил. Очень сомневаюсь, чтобы государь все это прочел; но знаю, что все эти бумаги были рассмотрены в Государственном совете и следствием того было, что все условия к новому откупу, помещенные мною в той бумаге, которую Гурьев опровергал, были буквально и без всякого изменения приняты и утверждены государем. По этим условиям новый откуп был отдан на 4 года другим откупщикам, и в эти 4 года не было ни копейки недоимки, и казна получила причитающиеся ей 60 миллионов правильно и без остановки при конце 4-х лет, чего еще не было во все существование откупов, в течение 90 лет. Комитет этот был распущен по окончании этих дел, и члены оного были награждены следующим образом: князь Лопухин сделан был действительным тайным советником 1-го класса, граф Кочубей и Гурьев получили орден Владимира 1-й степени, а Попов табакерку с портретом императора, украшенную алмазами, а я — не получил ничего, даже никакой благодарности»⁸².

1 января 1817 г. Д.А. Гурьев был награжден орденом Св. Андрея Первозванного. Александр I пожаловал ему этот орден за «безостановочное удовлетворение государственных нужд в трудные времена благополучно оконченной войны, благоразумные действия ваши к обеспечению источников казенных доходов и оказывающийся ныне за отпуском на государственные потребности значительный остаток сумм суть явные доводы вашего попечительного усердия и понесенных трудов к пользе империи»⁸³.

В декабре 1819 г. он был пожалован в графы Российской империи, кроме того, имел прусские ордена Красного и Черного Орла⁸⁴. 10 июля 1818 избран почетным членом Российской академии; в 1820 — Императорского Московского общества сельского хозяйства; 14 марта 1821 утвержден почетным членом Императорской Академии наук⁸⁵.

На чрезвычайном собрании Академии художеств от 16 сентября 1822 г. президент академии А.Н. Оленин предложил избрать В.П. Кочубея, Д.А. Гурьева и А.А. Аракчеева Почетными любителями художеств. Это предложение «общим согласием собрания» было принято⁸⁶. Однако за рамками официальных документов осталась до-

⁸² Русский архив. 1875. № 4. С. 393–394.

⁸³ Отдел письменных источников Государственного Исторического музея. Ф. 258. Оп. 1. Д. 13. Л. 37–37 об.

⁸⁴ *Шепелёв Л.Е.* Чиновный мир России XVIII — начало XX в. СПб., 1999. С. 438–439.

⁸⁵ *Модзалевский Б.Л.* Список членов императорской Академии наук... С. 87, 342; *Шилов Д.Н.* Государственные деятели... С. 228.

⁸⁶ *Петров П.Н.* Сборник материалов для истории Императорской

вольно интересная история, рассказ о которой, правда, отличается у разных авторов как по времени, так и по числу участников описываемого события. Сходятся они в одном, что вице-президент Академии А.Ф. Лабзин возражал против кандидатуры Д.А. Гурьева, полагая, что тот не имел на это никакого права. Замечание А.Н. Оленина, что министр близок к государю, не было принято во внимание А.Ф. Лабзиным, парировавшим, что есть более близкий к государю человек — это кучер Илья⁸⁷. Разговор этот стал известен Александру I. А.Ф. Лабзин был отстранен от службы и выслан из Петербурга в город Сенгилей Симбирской губернии⁸⁸.

Жена Д.А. Гурьева Прасковья Николаевна (урожденная Салтыкова) происходила из старинного, многочисленного и богатого рода. Вслед за мужем, продвигавшимся по чиновной лестнице, она сделала придворную карьеру, получила в 1806 г. орден Св. Екатерины 2-й степени, а 22 августа 1826 г. в связи с коронацией Николая I была пожалована в статс-дамы⁸⁹.

У Д.А. Гурьева было четверо детей. Старшая дочь Мария 2 ноября 1802 г. была пожалована в фрейлины⁹⁰. Вышла замуж за К.В. Нессельроде, который назвал свой брак «37-ю годами счастья»⁹¹. Об обстоятельствах этой женитьбы графиня Эдлинг вспоминала, что когда Александру I понадобился секретарь, то на это место вместо Гагарина выбрали Нессельроде, «женили на дочери министра финансов, и в несколько недель, прежде чем он успел опознаться, у него были богатая, ловкая жена, значительное место и сильные покрови-

С.-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования. СПб., 1865. Т. 2. С. 168–169. Оленин А.Н. в своем письме к М.А. Милорадовичу от 21 сентября 1822 г. отмечал, что заседание происходило 13 сентября 1822 г. (*Дубровин Н.Ф. Письма главнейших деятелей... С. 344*).

⁸⁷ Лейб-кучером Александра I был Илья Иванович Байков (*Дубровин Н.Ф. Письма главнейших деятелей... С. 345–347; Русский архив. 1866. Ст. 837–838; Русский архив. 1871. Ст. 972; Русская старина. 1903. № 1. Приложения. С. 11; Русско-французские культурные связи с эпоху Просвещения. Материалы и исследования. М., 2001. С. 343*).

⁸⁸ Русский архив. 1866. Ст. 837–838; *Модзалевский Б.Л. Александр Федорович Лабзин. СПб., 1904. С. 31–33. См. также: Дубровин Н.Ф. Письма главнейших деятелей... С. 347–350.*

⁸⁹ *Карabanов П.Ф. Статс-дамы русского двора... С. 279; Шилов Д.Н. Государственные деятели... С. 227; См. также: ГАРФ. Ф. 926. Оп. 1. Д. 368. Л. 110.*

⁹⁰ ГАРФ. Ф. 926. Оп. 1. Д. 368. Л. 129; *Шилов Д.Н. Государственные деятели... С. 228.*

⁹¹ Русский вестник. 1865. Т. 59. № 10. С. 547.

тели»⁹². Замужество открыло путь М.Д. Нессельроде (Гурьевой) в кавалерственные дамы, а 21 апреля 1836 г. графиня Нессельроде уже статс-дама российского двора.

Старший сын Александр сделал военную карьеру, дослужившись до генерал-лейтенанта в должности киевского военного губернатора. В дальнейшем он подольский и волынский генерал-губернатор и действительный тайный советник (1835–1837 гг.). С 1839 г. А.Д. Гурьев член, а в 1848–1862 гг. — председатель Департамента государственной экономии Государственного совета⁹³.

Младший сын Д.А. Гурьева Николай служил по ведомству иностранных дел, был послом в Риме (1832–1837) и в Неаполе (1837–1841). Самая младшая из детей Гурьева — Елена была замужем за А.В. Сверчковым⁹⁴.

После смерти Д.А. Гурьева его семье досталось большое наследство. Только в имении Гурьева в селе Богородское⁹⁵ Московской

⁹² Русский архив. 1887. № 2. С. 221.

⁹³ Министерство финансов. 1802–1902. С. 34; *Шилов Д.Н.* Государственные деятели... С. 227.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Село Богородское принадлежало семье Гурьевых почти сто лет, с 1767 г., когда «лейб-гвардии секунд-майор Александр Григорьевич Гурьев» упоминался как его владелец по Генеральному межеванию Московской губернии 1766–1770 гг. и до начала 60-х гг. XIX в., когда оно было продано и поделено на части. При Д.А. Гурьеве в Богородском был построен двухэтажный каменный дом в позднеклассическом стиле, который вместе с двумя одноэтажными флигелями образовывал парадный двор. Между усадьбой и искусственным прудом с двумя островками, располагался великолепный ландшафтный парк, который «украшали многочисленные павильоны и мраморные скульптуры, в большом количестве вывезенные из Италии». Рядом с конным двором, образованным «двумя циркумференциями одноэтажных кирпичных корпусов, объединенных въездными воротами», увенчанных круглой башней, располагалась кузница, главный фасад которой был обработан «в духе классической архитектуры». В 1807 г. в усадьбе также в стиле классицизма была возведена кирпичная Покровская церковь, бесстолпный четверик которой «завершен низким, покоящимся на парусах барабаном и куполом с люкарнами». Западный притвор храма, служащий основанием колокольни, и южный фасад украшают «четырёхколонные портики ионического ордена» (*Кусов В.С.* Земли Московской губернии в XVIII веке. Карты уездов, описания землевладений. М., 2004. Т. 1. С. 100–101; *Поспелов С.А.* Веряя и окрестности. М., 1971. С. 23–24; Памятники архитектуры Московской области. М., 1975. Т. 2. С. 190–191; [*Благовещенский И.А.*]. Краткие сведения о всех церквях Московской епархии в алфавитном порядке исчисленных. М., 1874. С. 50; *В.И и Г.И Холмогоровы.* Исторические

губернии было 556 душ мужского пола. Кроме этого, наследники получили наследственное и благоприобретенное движимое и недвижимое имущество: «...денежный капитал наличный и в билетах Государственного Заемного банка всего на сумму триста пятьдесят две тысячи восемьсот рублей ассигнациями; две всемилостивейше пожалованные бриллиантовых табакерки и таковых же два перстня; погреб с разными винами, вещи, состоящие из столового серебра, различные другие домашние принадлежности, заключающиеся в посуде и скивароде, Московской губернии Верейского уезда село Богородское с деревнями: Златоустовой, Тагановой, Федоровкой, Залатьковой, Мерчаловой, Митинкой и Луниковой, дошедшие к покойному, со всеми принадлежащими к ним по крепостям землями, от родителя его гвардии майора Александра Григорьевича Гурьева <...> Симбирской губернии Булиского уезда винокуренный завод, называемой Шумовской, с принадлежащею к оному лесною дачею, заключающею три тысячи десятин и составляющую собственность покойного по всемилостивейшему Его Императорского Величества пожалованию, и наконец также всемилостивейше пожалованное в аренду на 12 лет Киевской губернии староство Чигиринское, коего владению срок окончится 20 марта 1832 года»⁹⁶.

Похоронен Д.А. Гурьев в церкви Спаса Преображения на Спасо-Преображенском или Фарфоровском кладбище. Это кладбище находилось на земле Императорского кабинета, которому подчинялась основанная при Елизавете Петровне фарфоровая мануфактура, переименованная в 1765 г. в «Императорский фарфоровый завод»⁹⁷.

материалы о церквях и селах XVI–XVIII ст. Вып. 10 (Можайская десятина). М., 1901. С. 68–69; Богородское // Столица и усадьба. 1916. № 60–61. С. 10–11; *Пэнэжко О.* Город Руза. Храмы Рузского района. [г. Ликино-Дулёво], 2002. С. 16–17).

⁹⁶ РГАДА. Ф. 1482. Оп. 1. Д. 55. Л. 1–1 об.

⁹⁷ О деятельности Д.А. Гурьева по управлению Императорским фарфоровым заводом и о выделенных средствах на ремонт Преображенской церкви см. подробнее: Императорский фарфоровый завод: 1744–1904. СПб., 1906; *Никифорова Л.Р.* Родина русского фарфора. Л., 1979. С. 96; *Сиповская Н.В.* Фарфор в России XVIII века. М., 2008. С. 228–229.

При Гурьеве на Императорском фарфоровом заводе было начато изготовление, задуманного с размахом, уникального столового сервиза, официально называемого «Русский». Однако собиратели городского петербургского фольклора отмечают, что «в кругах знатоков и специалистов он до сих пор носит фольклорное имя: «Гурьевский» (Синдаловский Н.А. Санкт-Петербург: действующие лица. Биографический словарь. СПб., 2002. С. 89).

Летом 1932 г., когда была ликвидирована Преображенская церковь «как мешавшая движению транспорта по Шлиссельбургскому проспекту и попадавшая в зону строительства Володарского моста», могила Д.А. Гурьева была уничтожена ⁹⁸.

⁹⁸ Исторические кладбища Петербурга. Справочник-путеводитель. СПб., 1993. С. 28, 555–556, 564; *Шилов Д.Н.* Государственные деятели... С. 228.

Задачи стабилизации финансовой системы в первой четверти XIX в. Обоснование финансовой программы М.М. Сперанским в плане 1810 г.

I

В начале XIX столетия Россия не только прошла период реформ и административных преобразований. В это время правительству необходимо было принимать энергичные меры для стабилизации финансов и всей экономики страны. Крупнейшие государственные деятели, министры финансов, ученые, купечество высказывали предложения по улучшению финансовой сферы государства. Было создано несколько финансовых планов — своего рода программ, авторы которых, опираясь на европейский опыт, предлагали исправить сложившееся положение и укрепить государственный кредит.

Финансовый план М.М. Сперанского был подготовлен в 1810 г. Не обладая особыми познаниями в этой области, Сперанский, как полагают исследователи, поручил всю черновую работу особому комитету, в который вошли М.А. Балугьянский, Ф.Г. Вирст, Л.Г. Якоб¹.

Вирст² был известен своими работами о банках: «Рассуждения о некоторых предметах законодательства и управления финансами и коммерциею Российской империи...»; «Об учреждении Ассигнационного и Заемного банка для споспешествования народ-

¹ Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. Т. 1. Ч. 2. С. 192–193; Фатеев А.Н. Академическая и государственная деятельность М.И. Балудянского... С. 38; Печерин Я.И. Исторический обзор росписей государственных доходов и расходов... С. 13; Уманец Ф.М. Александр и Сперанский. СПб., 1910. С. 90–91.

² Действительный статский советник Федор Христианович Вирст (нем. Friedrich Georg Würst) «служил редактором в Комиссии составления законов по части коммерции», затем в Департаменте внешней торговли. С 1821 г. был начальником С.-Петербургского таможенного округа. 29 декабря 1828 г. был избран в почетные члены Императорской Академии наук. Н.И. Греч вспоминал о нем как о человеке почтенном, добром, «о котором можно было бы сказать: „хороший человек, да жаль, что немец“» (Греч Н.И. Записки о моей жизни. С. 236. См. также: Геннади Г.Н. Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях и список русских книг с 1725 по 1825 г. Берлин, 1876. Т. 1. С. 157; Сб. РИО. Т. 60. С. 103; Модзалевский Б.Л. Список членов императорской Академии наук... С. 91).

ному богатству...»; «Собрание превосходных сочинений, до законодательства и управления государственного хозяйства, особливо же финансов и коммерции касающихся».

Что касается Якоба, то его пребывание в России было тесным образом связано со Сперанским, не без участия которого профессор тогда Харьковского университета был переведен в Петербург и принят на службу в Министерство финансов, работая в котором увидели свет его сочинения: «О деньгах»; «Политическая экономия, или наука о средствах умножать народное богатство»; «Народное хозяйство», и ряд других ³.

Роль Балугьянского в составленном проекте была также очень велика. По мнению Е.М. Косачевской, «чтобы в этом убедиться, достаточно сравнить финансовый план 1810 г. с его лекционным курсом и печатной работой» «О разделении и обороте богатства» ⁴, которая была опубликована в «Статистическом журнале» за 1808 г. ⁵.

³ Людвиг Кондратьевич Якоб (нем. Ludwig Heinrich von Jakob) — родился в Веттине (Wettin) близ Магдебурга в Пруссии. По окончании гимназии в 1777 г. поступил в Галльский университет, где изучал философию, историю, математику, филологию, педагогику и богословие. В 1785 г. был удостоен звания доктора философии, а в 1787 г. избран экстраординарным профессором того же университета. Преподавал филологические и философские науки. Так как через 10 лет после того, как он начал свою преподавательскую деятельность, стала господствовать новая система философии, не соответствовавшая его воззрениям, он начал читать лекции по истории и политике. Был ректором университета. В течение 20 лет Якоб написал 35 сочинений. После того как университет был закрыт Наполеоном, Якоб в 49-летнем возрасте перебирается в Харьковский университет, где 5 марта 1807 г. был утвержден ординарным профессором дипломатики и политической экономии. 16 августа 1809 г. университет получил следующее предписание министра: «Предлагаю сему университету уволить в С.-Петербург на шесть недель профессора Якоба, которому деньги на путевые издержки доставит д.с.с. Михаил Михайлович господин Сперанский». В октябре Якоб уехал в Петербург, где он был принят на службу в Министерство финансов. Н.И. Тургенев, изучавший его работы в Геттингене, вспоминал: «Немецкий профессор был теоретиком, великим знатоком своей науки и, несомненно, мог быть полезен своими знаниями, если бы их умели приспособить к делу» (Тургенев Н.И. Россия и русские. С. 66, 671. См. также: Багалей Д.И. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). Харьков, 1893–1898. Т. 1 (1802–1815 гг.). С. 501–502, 563, 663; Журнал Министерства народного просвещения. 1872. № 2. С. 234; Сб. РИО. Т. 62. С. 480; Allgemeine deutsche biographie. Leipzig, 1881. Bd. 13. S. 689–690).

⁴ Косачевская Е.М. Михаил Андреевич Балугьянский... С. 61.

⁵ Статистический журнал. СПб., 1808. Т. 2. Ч. 2. С. 1–76.

По утверждению М.А. Корфа, М.М. Сперанский остался недоволен их работой и «обратился к тем идеям, которые были изложены в прежней работе Балугьянского», написанной по-французски, перевел ее на русский язык, «но в другой форме и со многими переменами и дополнениями»⁶. Кроме того, по финансовым вопросам М.М. Сперанский иногда совещался «с известным в то время банкиром Перетц»⁷. В разработке финансового плана принимал уча-

⁶ Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. Т. 1. Ч. 2. С. 192.

⁷ Уманец Ф.М. Александр и Сперанский. С. 73.

Известный в Петербурге откупщик и общественный деятель Абрам Израилевич Перетц, поселился в столице Российской империи в восьмидесятых годах XVIII в. В 1801 г. Павел I пожаловал ему звание коммерции советника. Соляная поставка, винный откуп и, наконец, поставка провианта — вот основные этапы, по которым прошел Перетц на пути создания своего капитала (Архив графов Мордвиновых. СПб., 1902. Т. 5. С. 123). В петербургский городской фольклор «Перетц вошел широко известным в то время каламбуром: „Где соль, там и Перетц“», так как торговля солью для него была столь успешна, что он стал крупным поставщиком царского двора (Синдаловский Н.А. Санкт-Петербург: действующие лица. С. 199). Директор Особенной канцелярии Министерства внутренних дел М.Я. Фок в своих донесениях за апрель–июль 1812 г. отмечал, что «приехавшие из польских губерний уверяют, что коммерции советник Перец в течение двух лет провез в Венгрию до трех миллионов рублей медной монеты», а также излагал слухи о том, что «Перец получает вернейшие известия об действиях военных и что имеется множество связей, до того даже, что он в несколько лет получил из Адмиралтейства за подряды 6 миллионов рублей, которыми продолжает пользоваться, а подряденное не ставит». У себя дома А.И. Перетц принимал «весь город» и имел большие связи в высших кругах русского общества, но особенно близок был он с М.М. Сперанским. Г.Р. Державин писал по этому поводу: «Сперанский совсем был предан жидам, чрез известного откупщика Перетца, которого он открытым образом считался приятелем и жил в его доме». Падение всесильного государственного секретаря отразилось и на делах Перетца, которые сильно пошатнулись, а во время Отечественной войны 1812 г. он разорился на интендантских поставках (О банкротстве Перетца см.: Архив графов Мордвиновых. СПб., 1902. Т. 6. С. 210–219; ПСЗ-1. Т. 34. № 27161. С. 890–891, Т. 35. № 27248. С. 79–80. См. также: Еврейская энциклопедия. М., 1991. Т. 12. С. 394–395; Гессен Ю.И. История еврейского народа в России. Пг., 1916. Т. 1. С. 300–306; Он же. История евреев в России. СПб., 1914. С. 94–97; Он же. Сто лет назад (Из эпохи духовного пробуждения русских евреев. СПб., 1900. С. 8–10, 35–36; Державин Г.Р. Записки... С. 251; Дубнов Ш. Судьбы евреев в России в эпоху западной «первой эмансипации» (1789–1815) // Евреи в Российской империи XVIII–XIX веков. М., 1995. С. 296–297, 327; Декабристы. Биографический справочник. М., 1988. С. 140; Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения. Материалы и исследования. М., 2001. С. 251, 318; Скальковский К.А. Наши государственные и общественные деятели. С. 426–427).

стие и Н.С. Мордвинов⁸. Представленный М.М. Сперанским проект Ф.М. Уманец назвал по сути своей университетским курсом финансового права и разъяснением взглядов правительства по этому предмету⁹, он обсуждался за обедами в доме графа С. Потоцкого (участие в обсуждении принимали также Н.С. Мордвинов, В.П. Кочубей, Б.Б. Кампенгаузен, М.А. Балугьянский) и в особом комитете, который собирался в доме Д.А. Гурьева¹⁰. Участие в подготовке плана Сперанского людей, успешно продвигавшихся по службе и занявших ключевые посты в экономических ведомствах, способствовало тому, что поддержка плану финансов М.М. Сперанского была обеспечена¹¹. С 1 января 1810 г. С. Потоцкий стал членом Государственного совета, Н.С. Мордвинов — председателем Департамента экономии (он был одним из горячих сторонников проекта), Д.А. Гурьев — министром финансов, а Б.Б. Кампенгаузен — сначала государственным казначеем, а с 1811 г. — государственным контролером.

Таким образом, подготовка плана финансов велась группой ученых-экономистов и высокопоставленных бюрократов-практиков. Остается открытым вопрос о степени самостоятельности М.М. Сперанского в его окончательной редакции. Эти сомнения подкрепляются еще и тем, что после отставки М.М. Сперанского один из основных его помощников М.А. Балугьянский не потерял своего прежнего влияния в Министерстве финансов¹² и был одним из составителей проектов Гурьева и его неофициальным соавтором¹³. Исследовательница деятельности М.А. Балугьянского Е.М. Косачевская caracteriza-

⁸ *Левин И.И.* Акционерные коммерческие банки в России. Пг., 1917. Т. 1. С. 35.

⁹ *Уманец Ф.М.* Александр и Сперанский. С. 78.

¹⁰ *Середонин С.М.* Граф М.М. Сперанский. С. 79–81; *Фатеев А.Н.* Академическая и государственная деятельность М.И. Балудянского... С. 38; *Корф М.А.* Жизнь графа Сперанского. Т. 1. Ч. 2. С. 192–193; *Русская старина.* 1903. № 4. С. 35–36. См. также: *Штейн В.М.* Очерки развития русской общественно-экономической мысли... С. 32–33; *Власть и реформы. От самодержавной к Советской России.* С. 203.

¹¹ *Середонин С.М.* Граф М.М. Сперанский. С. 79–81; *Блюх И.С.* Финансы России XIX столетия. С. 94.

¹² Балугьянский говорил в семейном кругу: «Ежели бы я умел носить подтяжки, то давно был бы министром финансов» (*Баранов П.И.* Михаил Андреевич Балугьянский, статс-секретарь, сенатор, тайный советник (1769–1847). Биографический очерк. СПб., 1882. С. 39).

¹³ *Фатеев А.Н.* Академическая и государственная деятельность М.И. Балудянского... С. 40. См. также: *Косачевская Е.М.* Михаил Андреевич Балугьянский... С. 217.

ла его «как многостороннего ученого, обладавшего глубокими и энциклопедическими знаниями в различных областях, а также крупного деятеля в области подготовки государственных преобразований и законодательства» и указывала, что многие из его работ «вошли частично или полностью в проекты Гурьева, Сперанского, Киселева или фигурируют в качестве безымянных»¹⁴.

II

Михаил Андреевич Балугьянский (Балудянский) (1769–1847) получил превосходное образование первоначально (с 1780 по 1787 г.) в королевской академии в Кашше (Кашау, совр. Кошице в Словакии), а с 1787 по 1789 г. на юридическом факультете Венского университета. В августе 1789 г. Иосиф II назначил его профессором во вновь созданную королевскую юридическую академию в Надьвараде (Гросс-Вардейн, совр. Орадя-Маре в Румынии)¹⁵.

В сентябре 1797 г. в Пештском университете Балугьянскому была присвоена ученая степень доктора права за диссертацию «О зернохранилищах», после чего он вернулся в Надьварад, где с 1800 г. стал заместителем, а с 1802 г. — деканом юридического факультета¹⁶. В 1803 г. Балугьянский был приглашен Н.Н. Новосильцевым в Россию (вместе с П.Д. Лодием и В.Г. Кукольниковом)¹⁷. Прибыв в Петербург в конце 1803 г., Балугьянский в феврале 1804 г. «вступил в российскую службу профессором политических наук Педагогического института»¹⁸. 12 июня 1804 г. Балугьянский был назначен редактором во 2-ю экспедицию Комиссии составления законов, где он «впервые столкнулся и работал

¹⁴ Косачевская Е.М. Крестьянские проекты М.А. Балугьянского // История СССР. 1970. № 6. С. 84; См. также: Морозан В.В. История банковского дела в России... С. 126–127; Невский зритель. 1820. № 3, 5, 7, 8; Соревнователь просвещения и благотворения. 1825. № 9; Статистический журнал. 1806. Т. 1. Ч. 1; 1807. Т. 2. Ч. 1; 1808. Т. 2. Ч. 2.

¹⁵ Косачевская Е.М. Михаил Андреевич Балугьянский... С. 27–29; Молнар Л.В. Русско-венгерские культурные связи... С. 151; *Он же*. Венгерско-русские культурные связи в XVIII веке: состояние исследования и постановка проблемы // Государственность, дипломатия, культура в Центральной и Восточной Европе XI–XVIII веков. М., 2005. С. 197; Тебиев Б.К. Первый ректор Петербургского университета // Высшее образование в России. 2004. № 11. С. 139–145.

¹⁶ Косачевская Е.М. Михаил Андреевич Балугьянский... С. 33, 41.

¹⁷ Молнар Л.В. Русско-венгерские культурные связи... С. 48.

¹⁸ Косачевская Е.М. Михаил Андреевич Балугьянский... С. 44.

вместе с Розенкампом и Сперанским. Начало его сношений с князем Адамом Чарторьским <...> Новосильцевым и графом Строгановым» относилось также к этому времени ¹⁹, отмечала в своих воспоминаниях об отце дочь Балугьянского баронесса М.М. Медем. 4 марта 1809 г. он становится начальником 4-го отделения этой комиссии. Как писал в биографическом очерке о Балугьянском П.И. Баранов: «Познания и широкие воззрения на экономическое благосостояние народов сблизили его с получившим назначение министра финансов <...> Дмитрием Александровичем Гурьевым, который, с первого дня своего вступления в должность, с согласия государя императора, пригласил Михаила Андреевича, с того же 1-го января 1810 года, к занятиям по своей личной канцелярии <...> Оставаясь при министре финансов многие последующие годы, он разработал главные начала, послужившие впоследствии основами при организации <...> кредитных учреждений. Он указал порядок, на котором установлена была в России система составления государственных смет» ²⁰. 1 февраля 1812 г. Балугьянский был назначен членом 5-го отделения канцелярии министра финансов. С 20 апреля 1813 г. по 1 июля 1817 г. он преподавал политические науки великим князьям Николаю и Михаилу Павловичам. С 7 июля 1817 г. до 18 января 1829 г. он был директором Государственной Комиссии погашения долгов. 26 марта 1819 г. Балугьянский избран деканом философско-юридического факультета Петербургского университета, а 27 октября 1819 г. стал его ректором. В октябре 1821 г., в знак протеста против действий Д.П. Рунича и увольнения профессоров К.И. Арсеньева, К.Ф. Германа, Э.-Б.-С. Раупаха и других, ушел с этого поста. Официальное увольнение последовало 31 октября 1821 г., хотя Балугьянский продолжал числиться профессором до 12 апреля 1824 г. 21 апреля 1822 г. он был назначен членом совета Комиссии составления законов. В царствование Николая I Балугьянский возглавил II отделение Собственной императорской канцелярии ²¹.

П.И. Баранов отмечал, что в бумагах М.А. Балугьянского сохранилась записка на французском языке от 22 ноября 1816 г., адресованная Д.А. Гурьеву. В ней, в частности, отмечалось, что в Комиссии составления законов по финансовой части Балугьянским были составлены: «обширный теоретический труд в восьми томах по политической экономии и финансам; написан проект разных финансовых

¹⁹ Русский архив. 1885. № 11. С. 416.

²⁰ Баранов П.И. Михаил Андреевич Балугьянский... С. 9–10.

²¹ Баранов П.И. Михаил Андреевич Балугьянский... С. 10–19; Русский архив. 1885. № 11. С. 416. См. также: История русской экономической мысли. М., 1958. Т. 1. Ч. 2. С. 99–109.

мероприятий, которые с некоторыми изменениями были приняты в 1810 году и вводимы постепенно с 1810 по 1812 год; <...> представлено значительное число записок и проектов о монетной системе, о банках, о финансовом управлении перворазрядных государств Европы, о налоге поземельном (*impôt foncier*) и др.»²². По министерству финансов в 1812 г. он подготовил для представления в Государственный совет «три пространные, обстоятельные исторические записки, с подробным изложением всей финансовой администрации в России со времени Петра Великого до 1812 года, с приложением таблиц о доходах и расходах в царствование императора Александра I. В то время, — отмечал далее М.А. Балугьянский, в поданной Гурьеву записке, — как вашим превосходительством посвящено было все внимание на выполнение трудной задачи поддержания финансов на высоте необходимой для покрытия расходов, войною вызванных, мною, по поручению вашему, исподволь собирались повсюду все необходимые материалы, могущие только служить основанием для того финансового проекта, который вы желали иметь изготовленным ко времени благополучного возвращения императора с театра военных действий. Могу положительно сказать, что в течение трех лет, денно и ночью посвящено было все время мое на выполнение таковой работы. Плодом означенных трудов моих была, во-первых, записка, поднесенная вами императору в 1814 году, с изложением нового финансового плана, который удостоился вполне высочайшего одобрения. После того мною поданы были вам проекты образования кредитных учреждений, банков и вообще все то, что вам угодно было верить разработке моей. <...> Кроме того, я, по доверию вашему ко мне, изготовил не мало различных проектов по предмету обращения бумажных денег в пограничных местах империи, по отношению налогов, займов и вообще по таким вопросам, на которые правительство вызвано было современным положением дел»²³. Непосредственное участие Балугьянского в разработке основных финансовых проектов начала XIX в. не вызывает сомнений. Тогда же он опубликовал ряд статей с изложением воззрений меркантилистов, физиократов и теории А. Смита в «Статистическом журнале», который издавал К.Ф. Герман²⁴.

Современники по-разному отзывались о Балугьянском. 18 ноября 1809 г. М.М. Сперанский писал В.П. Кочевую: «Очень рад, что вам понравились идеи Балугьянского. Это весьма хорошая голова, которую всегда можно употреблять с пользой для кабинетной работы первооб-

²² Баранов П.И. Михаил Андреевич Балугьянский... С. 13.

²³ Баранов П.И. Михаил Андреевич Балугьянский... С. 13–14.

²⁴ Святловский В.В. История экономических идей в России. С. 129.

разной». Г.А. Розенкампф, напротив, называл его профессором, который не был известен «в литературном мире, но которого все в Петербурге знают за человека полуученого, обладающего сбродом поверхностных знаний и не умеющего ни на каком языке ясно излагать свои мысли»²⁵. Н.И. Тургенев отмечал, что Балугьянский «без устали работал над массой проектов; его шарлатанство решительно не понравилось мне с самого начала, и я при каждом удобном случае давал ему это понять». Кроме того, по мнению Н.И. Тургенева, все работы Балугьянского «и по содержанию, и по форме были поистине непостижимым абсурдом. Никогда не забывая о своих личных выгодах, — продолжал Тургенев, — он внес немало беспорядка в государственные финансы и в конце концов стал объектом если не ненависти, то постоянных насмешек общества, особенно просвещенных иностранцев, живших в Петербурге и стыдившихся, что такой же иностранец, как и они, отличается подобным бесстыдством»²⁶. Дашков Д.В. и Блудов Д.Н. называли Балугьянского, «по массе громадных сведений, худо, как им казалось, уложившихся в его голове, „библиотекой в беспорядке“»²⁷.

III

Финансовый план М.М. Сперанского состоит из двух частей. В первой рассматривалось временное устройство финансов на 1810 г., во второй — последующие мероприятия, начиная с 1810 г. Во введении описано состояние русских финансов в 1810 г., в который государство вступило с 577 млн. внутреннего «состоящего в ассигнациях» и около 100 млн. иностранного долга. М.М. Сперанский исходил из того, что государственные расходы на 1810 г. составляли более 193 млн., а доходы 127 млн., следовательно дефицит был более 65 млн. И если бы он был ликвидирован с помощью 100 млн. вновь выпущенных ассигнаций, то долги возросли бы тогда до 800 млн., что неизбежно привело бы к росту цен, полному расстройству финансов и кредита. Главная

²⁵ Русская старина. 1903. № 4. С. 34–35.

Что касалось знания иностранных языков, то, как отмечал П.И. Баранов: «Кроме немецкого и древних классических языков, не говоря уже о славянских наречиях, зная хорошо французский, английский и итальянский, Михаил Андреевич понемногу совладел и с русским, хотя на нем и впоследствии редко говорил, объясняясь преимущественно на французском языке» (*Баранов П.И.* Михаил Андреевич Балугьянский... С. 7. См. также: *Тургенев Н.И.* Россия и русские. С. 326).

²⁶ *Тургенев Н.И.* Россия и русские С. 66, 326.

²⁷ Русская старина. 1903. № 4. С. 35.

причина расстройств финансов, по мнению М.М. Сперанского, состояла в несоразмерности расходов с доходами. Не существовало другого способа ликвидировать это несоответствие, как путем планомерного сокращения издержек и увеличения доходов. Разрешить возникшую проблему, по его мнению, можно было только в том случае, если будет принят и последовательно претворен в жизнь финансовый план²⁸.

В первую очередь план предусматривал прекращение выплат по излишним издержкам. К ним М.М. Сперанский причислял те, которые «служат к одному великолепию, к украшению, к оказанию щедрости, все те издержки, коих польза подвержена сомнению и кои могут быть допущены единственно среди обилия доходов и некоторой роскоши, свойственной правительству большой империи». Также М.М. Сперанский предлагал отложить на некоторое время выплаты по издержкам полезным, таким, которые направлялись на развитие промышленности, без которых различные «части управления хотя и могут обойтись и не останутся в своем действии, но <...> потерпят некоторое временное затруднение и умножат заботу их начальства»; а также те, отсрочка которых «не нарушая контрактов и не причиняя частным людям разорения, может уменьшить на время выгоды, доставляемые им правительством». Сокращения расходов второй и третьей очереди позволили бы сохранить издержки необходимые, которые относились к внешней и внутренней безопасности государства, отсрочка платежа по которым могла бы нанести ущерб казне, «превышающий выгоды их отсрочки», а также те, без которых не могли полноценно функционировать различные «части управления»²⁹.

Увеличить доходы, по мнению М.М. Сперанского, можно было «лучшим распределением налогов» и развитием «экономических источников» (казенные имения, винные и соляные сборы и т. д.). Однако эти меры могли дать эффект в долгосрочной перспективе, а ликвидировать дефицит следовало немедленно, с этой целью М.М. Сперанский предлагал увеличить подати и налоги. Он считал, что «из двух зол должно избирать кратчайшее и легчайшее; а между совершенным разрушением кредита государственного и всех бедствий, от сего происходящих, и между временным, хотя и сильным приумножением податей, нет, конечно, никакого сравнения»³⁰.

Чтобы сбалансировать доходные и расходные статьи бюджета М.М. Сперанский предлагал в 1810 г. «прекратить новый выпуск ассигнаций», «сократить издержки от 15 до 25-ти миллионов», уменьшить сметы

²⁸ Сб. РИО. Т. 45. С. 1–5.

²⁹ Там же. С. 5–6.

³⁰ Там же. С. 6–7.

министерств, а также их штаты на предмет сокращения первых и уменьшения вторых, установить для каждого из разрядов государственных расходов (необходимых, полезных, излишних) свои источники доходов³¹.

Поддержать кредитную систему государства, по мнению М.М. Сперанского, должно было известие правительства, объявленное в специальном манифесте, о том, что оно изменит финансовую систему, прекратит новый выпуск ассигнаций, признав все старые государственным долгом, обеспеченным всеми богатствами государства, и определит способы к их уплате. Помимо этого, полагал он, необходимо было поручить купечеству Петербурга, Москвы и Риги избрать по одному представителю и «определить их в число директоров Ассигнационного банка». Новый выпуск ассигнаций возможен был только с одобрения Государственного совета и опубликования соответствующего манифеста с последующим его обнародованием. Кроме того, М.М. Сперанский считал необходимым «уничтожить тягостный и странный промен» крупных ассигнаций на мелкие, при котором население вынуждено было приплачивать от 10 до 20% их стоимости. Реализовать это он предлагал путем прекращения выпуска ста- и пятидесятирублевых ассигнаций, переводом «всех чиновников на подпись мелких бумаг», которые нужно было «разослать по губерниям для размена ветхих и больших на новые малые», разрешив размен «при каждой казенной палате и при казначействах». Платеж внешних долгов, считал М.М. Сперанский, должны были производить не придворные банкиры³², а необходимо было поручить это Конторе погашения долгов³³.

³¹ Там же. С. 8–10.

³² Контора придворных банкиров была учреждена по всеподданнейшему докладу государственного казначея барона А.И. Васильева 18 января 1798 г. для «внешних казенных переводов, платежей и комиссий». Эта контора существовала до 1811 г., когда она была упразднена, хотя некоторые ее операции продолжались до 1816 г. под следующими фирмами: «в 1798 г. — Вут, Велио, Раль и Роговиков; с 1798 по 1802 — Велио, Раль и Роговиков; 1802–1809 — барон Раль и барон Роговиков; 1809–1816 — барон Раль и братья Андрей и Петр Северинь». В разное время в состав конторы входили также банкиры Сутерланд, Фредерикс и Штиглиц (ПСЗ-1. Т. 25. № 18327. С. 39, № 18412. С. 114, № 18413. С. 114–119; *Левит И.И.* Акционерные коммерческие банки в России. Пг., 1917. Т. 1. С. 13; *Апаньич Б.В., Лебедев С.К.* Контора придворных банкиров в России и европейские денежные рынки (1798–1811 гг.) // Проблемы социально-экономической истории России. СПб., 1991. С. 125–144; *Морозан В.В.* История банковского дела в России... С. 68–76; *Апаньич Б.В., Беляев С.Г.* Санкт-Петербург — банковский центр Российской империи (XIX — начало XX в.) // Предпринимательство и городская культура в России, 1861–1914. М., 2002. С. 15–18).

³³ Сб. РИО. Т. 45. С. 11–12.

IV

Во второй части своего плана М.М. Сперанский рассматривал долговременные способы устройства российских финансов с 1810 г. Прежде всего, необходимо было добиться, чтобы расходы соответствовали доходам, поэтому нельзя было назначать новый расход до тех пор, пока не будет найден соответствующий ему «источник прихода». Если же расход не обеспечен доходом, то он, по его мнению, являлся бы не чем иным как новым налогом «явно или скрыто на народ налагаемый». М.М. Сперанский считал, что явный налог это тот, который вводится «публичным актом и взимается с труда или его произведений, прямо или косвенно». Под скрытым налогом он понимал такой налог, который возникал в результате выпуска ассигнаций или заключения займа, для которых не были определены особые способы уплаты.

Правильное распределение расходов должно иметь: «1) постоянное их разделение по степеням нужды, по пространству их предметов, и по движению их постоянному или чрезвычайному; 2) должны иметь правильный образ назначения, каждому разделению свойственный»³⁴.

По мнению М.М. Сперанского, существовало «пять источников разделения расходов». В первую группу вошли расходы по управлению, т. е. те, которые направлялись на содержание министерств, двора и т. д. Во вторую — расходы «по степени нужды», а именно: необходимые, полезные, избыточные, излишние и бесполезные. Пространственное распределение расходов составило третью группу, в которой были расходы общие государственные, губернские, окружные и волостные. В четвертую группу вошли расходы обыкновенные и чрезвычайные, в пятую — расходы, сумма издержек на которые может быть или «постоянная или переменная».

Согласно плану М.М. Сперанского, назначение расходов может быть «постоянное ежегодное, временное прибавочное, чрезвычайное». Чтобы избежать излишних издержек, необходимо было не допустить сверхштатного расходования сумм по всем министерствам и департаментам, чему должны служить ежемесячные проверки Министерством финансов по всем государственным учреждениям³⁵.

Для правильного учреждения расходов с 1810 г. необходимо было создать при Министерстве финансов специальный комитет, кото-

³⁴ Там же. С. 13.

³⁵ Там же. С. 14–16.

рый должен был разделить расходы на разряды следующим образом. В первый разряд вошли «расходы государственные обыкновенные: необходимые, полезные, избыточные, лишние, постоянные, переменяющиеся». Во второй — «расходы губернские: необходимые, полезные, избыточные, лишние, постоянные, переменяющиеся». В третий — «расходы окружные: необходимые, полезные, избыточные, лишние, постоянные, переменяющиеся». В четвертый — «расходы волостные: необходимые, полезные, избыточные, лишние, постоянные, переменяющиеся».

Расходы всех министерств и ведомств от центральных до волостных должны были составляться в соответствии с приведенными разрядами, затем их необходимо было рассмотреть в Государственном совете и получить на них высочайшее утверждение, после чего эта смета становилась законом и должна была служить образцом для всех последующих смет. Сметы на будущий год из всех правительственных мест должны были поступать к министру финансов не позднее 1 сентября. Министерство финансов в Финансовом совете сводило все эти сметы воедино, прибавляло к ним предварительное исчисление доходов и вносило соответствующий проект в октябре месяце на рассмотрение Государственного совета. После его утверждения императором создание финансового закона «всех приходов и расходов будущего года» было завершено. Кроме того, М.М. Сперанский полагал, что доходы и расходы с 1811 г. «во всех счетах казначейства» должны были вестись на серебро, а ассигнации поступать в доход и отпускаться в расход «по среднему курсу минувшего года». В случае введения новой расходной статьи министерство или ведомство, предлагавшее ее установить, направляло представление в Финансовый совет, где оно рассматривалось с точки зрения возможности ее покрытия без нового налога, затем свое мнение высказывал Государственный совет и только после этого император принимал окончательное решение³⁶. Этими мерами М.М. Сперанский надеялся искоренить безотчетность и произвол в расходовании государственных средств путем тщательной проработки бюджетов, что позволило бы устранить почву для злоупотреблений, нередко сокрытую в государственных сметах предшествующего периода. В работе «О финансовом законе на 1811 год», посвященной составлению сметы государственных доходов и расходов и принадлежащей, возможно, перу М.М. Сперанского, по этому поводу говорилось: «Общая годичная смета доходов и расходов во всех благоустроенных государствах составляет важный финансовый закон, соображаемый не в видах

³⁶ Там же. С. 17–19.

только внутренних прибылей или убытков, но в видах внутренней и внешней государственной политики. Мера сия везде, и почти обыкновенно сопровождается спорами и пререканиями. В Англии и во Франции министр финансов во все течение года приготавливает сей закон, и как скоро он с благоразумием и добрым расчетом учрежден, то все последующие операции суть уже простое приложение подробностей, коих исполнение обращается большей частью в местах подчиненных»³⁷.

Далее автор перешел к анализу положения дел в области финансового управления в России. «Посему неудивительно, что и у нас постановление сего закона возродило ныне споры. Не только сим не должно огорчаться, но напротив, тут должно видеть успехи того общего движения, коим все части управления из азиатского смещения приходят к европейскому порядку.

Сметы прежних лет, — продолжал он, — учреждались почти одним почерком пера. Министр финансов или государственный казначей, сосчитав доходы в своей канцелярии, ограничит, сбережет и отложит из них в сторону разные запасы и пособия, пересмотрит сметы других министров, у одних убавит, другим попустит, а тем, кои посильнее, дополнит или обещает заменить вперед; потом доходы и расходы сведет рубль в рубль, покажет даже, если то нужно, и остатки, и таким образом росписание готово, подтверждено и пушено в дело. Прошел первый месяц, настали новые требования. Тут начинают все ходить за министром. Одному отказ, другому щедрость, третьему заем, четвертому проволоочки, и таким образом всем и даже самому государю на каждом шагу он делается нужным»³⁸.

Таким образом, отсутствие как субординации расходных статей, так и координации расходов министерств и ведомств в сочетании с нарушениями периодичности и ритмичности движения расходующих государственных финансовых ресурсов порождало, по мнению автора сочинения «О финансовом законе...», не только условия для произвола министра финансов и для злоупотреблений, но и нарушало работу всего государственного механизма, препятствовало решению актуальных задач в области внутренней и внешней политики.

Оптимизацию финансовой системы М.М. Сперанский предполагал начать с упорядочения и новой регламентации государственных доходов. Поскольку эффективность любых расходов зависит от надежности источников доходов и своевременности их поступлений, он классифицировал казенные доходы по следующим категориям:

³⁷ РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 2. Л. 1–2.

³⁸ Там же.

«1. Подати и налоги» (сборы: подушный, пошлинный, за гербовую бумагу, поземельный в городах и некоторых губерниях, с купцов и мещан, с паспортов, волостные на отдачу рекрут, на содержание волостных правлений и прочие внутренние издержки, таможенный, вычет из жалованья и земские повинности). 2. Доходы с казенных капиталов, а именно: доходы с капиталов, которые казна использовала «на обработку произведений: руд, солей, рыбных ловель, звероловства»; доходы с капиталов, которые казна употребляла в промышленности и торговле: казенные фабрики, исключительная питейная продажа, почты; доходы с капиталов, которые казна употребляла на содержание разных общественных заведений: дорог, каналов, монеты, банков. 3. Доход с казенной собственности: казенные земли, разные оброчные статьи, леса. Кроме классификации доходов по источникам предлагалось разделить их на общие, которые устанавливались для общих государственных издержек; частные, назначаемые для определенных расходов; обыкновенные, употребление которых относилось «к нуждам постоянным», и чрезвычайные, которые могли быть использованы «на случай нужды» и только «на некоторое время»³⁹.

Доходы правильны, отмечал М.М. Сперанский, когда они не исходят от источников внутреннего богатства, «распределяются равномерно», «не прикасаются к капиталам, для произведения нужным, но отделяются от чистых прибытков», когда способ «взимания их для правительства дешев, а для частных людей не притеснителен». Весь 1811 г., по его замыслу, предполагалось заботиться об источниках уже существующих налогов и вводить новые.

Увеличить сборы с уже существовавших источников доходов можно было различными способами. Пошлинный сбор, полагал М.М. Сперанский, мог возрасти благодаря введению системы залогов. Он отмечал, что «во всех государствах и даже <...> в Польше, Лифляндии, Эстляндии и Финляндии» существует оценка недвижимых имений «по инвентариям, вакенибухам и закладным книгам». Таковую оценку можно было провести и в России⁴⁰. Однако введение «инвентарной системы» означало бы ограничение прав помещиков на землю и крестьян, поскольку не только регламентировало бы налоговые поступления с последних, но и их повинности по отношению к владельцу, размеры барской и крестьянской запашки и т. д. Инвентари, следовательно, противоречили сословным привилегиям дворянства в распоряжении недвижимым имуществом и в области поземельных отношений.

³⁹ Сб. РИО. Т. 45. С. 19–21.

⁴⁰ Там же. С. 21–22.

В этом же направлении шли его проекты реформ нотариата. М.М. Сперанский полагал, что существовало большое число актов, например, контракты и другие сделки, духовные завещания и прочие, которые не приносили никакого дохода. Чтобы его не только получать, но и увеличить, он считал целесообразным отделить нотариат от гражданских палат и составить из него «особенную часть полиции, соответственно тому, как сие существует во всех просвещенных государствах»⁴¹.

В вопросах податного обложения купечества М.М. Сперанский возвращался к идеям законодательства Петра I, когда на купеческие корпорации возлагалась коллективная ответственность за налоговые обязательства перед казной и одновременно предоставлялось право самим взыскивать со своих членов платежи в казну. В этом его предложения вступали в противоречие с зафиксированным в Жалованной грамоте городам праве верхушки купечества платить налоги «с объявленного капитала»⁴². В отношении мещанства Сперанский также предложил преобразовать систему подушного сбора⁴³.

«Сбор с плакатных паспортов» как сбор с рабочих людей предлагалось увеличить вдвое, разрешив «получать паспорта заочные». По мнению М.М. Сперанского, Министерство финансов должно было точно распределить денежные земские повинности, что позволило бы пресечь хищения, а средства направить на содержание почтовых лошадей и «больших почтовых дорог из подорожного сбора», лучшего устройства «земских воинских команд для провожания колодников, рекрутских партий, для поимки беглых и тому подобных полицейских должностей». Эта мера свидетельствовала о возрастании роли отходничества, ослаблении фискального и полицейского надзора со стороны помещика и усилении административного контроля государственных органов за ними.

М.М. Сперанский практически не затронул в своем плане вопросов о таможенном тарифе и поступлениях от таможенных сборов, так как полагал, что столь сложные вопросы «объяснены изысканиями лучших писателей». Он только заметил, что увеличение поступлений от таможенного сбора зависело «от лучшего распорядка тарифа и устройства таможен».

⁴¹ Там же. С. 22.

⁴² М.М. Сперанский считал, что для правильного распределения сбора с купцов необходимо было, «собрав вероятные сведения о торговых движениях каждой губернии, расположить оный по губерниям, предоставив купечеству самому чинить между собой раскладку» (Сб. РИО. Т. 45. С. 22).

⁴³ Сбор с мещан М.М. Сперанский предлагал распределить, «соображаясь с промышленностью и способами их в каждом городе» (Там же).

М.М. Сперанский предлагал полностью пересмотреть взгляды на доходы от горных заводов, предназначенных ранее только для добычи драгоценных металлов и для чеканки монеты. «По древнему предрассудку полагаемо было, — писал он, — что свое серебро и золото, чего бы оно ни стоило, все обойдется дешевле, нежели чужое». Однако в том случае, если рудники не приносили «ни дохода, какой бы можно было получить с крестьян, к ним приписанных, ни процентов с капитала, на них полагаемого, тогда, — считал М.М. Сперанский, — без всякого сомнения должно оставить их, не заботясь о приобретении 2-х или 3-х миллионов серебра, которое всегда на тот же труд и на те же капиталы дешевле можно купить на общем торжище Европы». В этом предложении содержался новый подход к казенной промышленности в целом. Со времени своего зарождения в XVIII в. она была ориентирована на потребности государства, невзирая на себестоимость продукции и издержки производства. Теперь же, по плану Сперанского, критерием эффективности казенных мануфактур становился полученный с них как с казенной собственности доход и «прибыль с капиталов, на них употребляемых».

Эти же подходы к казенным горным заводам и цветной металлургии Сперанский предполагал применить и к государственной мануфактурной промышленности в целом, что, однако, не относилось к заводам, обеспечивающим военные потребности. Убытки по этим фабрикам он предлагал относить на счет необходимых государственных расходов.

Преимущества более свободной торговли, по сравнению с казенной монополией, согласно «Плану...», следовало использовать и при получении казенных соляных доходов. Самый лучший доход с соли, писал Сперанский, это «пошлина, взимаемая при источниках или главных магазинах». Таким образом, подсчитав, сколько стоит «работа приписных крестьян и доход капиталов», необходимо было «взирать при источниках пошлину, сему соразмерную, а в губерниях — с приложением к тому цен привозных и вместе с тем разрешить соль на вольную продажу».

Важнейшей статьёй государственных доходов после подушной подати были питейные сборы. На протяжении всего XIX столетия в правящих кругах велась дискуссия об оптимальном способе пополнения казны за счет ли государственной монополии на продажу вина, откупов или акцизного сбора. В различные периоды были опробованы те или иные способы. В начале XIX в. М.М. Сперанский размышлял над выбором между откупами и акцизом и не мог решить, который из них лучше. Однако он все же склонился к тому, что нужно было постепенно заменить откуп акцизом, а с 1811 г. ввести акциз в тех губерниях, где существовала «вольная продажа питей»,

что, по его мнению, должно было «составить весьма важную статью доходов»⁴⁴. Сравнивая откупную и акцизную системы, Сперанский имел в виду степень эффективности поступления казенных доходов и уровень злоупотреблений при их взимании. В этом смысле и тот и другой способы имели как достоинства, так и недостатки.

Весьма бегло Сперанский коснулся почтового ведомства, устройство которого, по его мнению, должно было иметь две цели: «снять тяжесть, ныне народ обременяющую содержанием почтовых лошадей», и «приобрести доход». Поэтому он полагал, что лучшее устройство почтового сбора и сокращение издержек по его управлению могло привести к двойному увеличению доходов по этой статье.

Банки, по мнению М.М. Сперанского, хотя и приносили значительный доход, но основаны они были «на ложном правиле ассигнаций», поэтому и доход их был «только мнимый». Создание банка «на истинных началах», хотя и не могло значительно увеличить поступающий доход, но должно было способствовать укреплению внутреннего и внешнего кредитов⁴⁵.

V

Далее Сперанский перешел к рассмотрению способов увеличения доходов с казенных земель. Доход или оброк с казенных населенных земель, по его мнению, можно было увеличить вдвое. Правительство считало его по ревизским душам, а в деревнях он распределялся по тяглам. М.М. Сперанский считал последнее распределение правильным и предлагал сблизить «исчисления правительства с действительным его расположением». Он полагал, что «оброк есть следствие и вид права помещицы». Поэтому в казенных деревнях его следовало распределять «на тех же правилах, как у добрых помещиков». Каждое казенное имение необходимо было разделить на столько тягл, сколько существовало «по населению его и пространству земли», и каждое тягло обложить таким оброком, «какой в том же уезде или губернии взимается с земель помещицких, при самом умеренном их управлении». Распределенный таким образом оброк «без малейшего отягощения принесет вдвое против дохода, ныне собираемого».

Ненаселенные земли, как оброчные, так и безоброчные, М.М. Сперанский предлагал постепенно продавать. Оброчные «для

⁴⁴ Гурьев А.Н. Питейная монополия. СПб., 1893; Дмитриев А.Л. Винные налоги и винная монополия в России в XIX — начале XX вв. // История финансовой политики в России: Сборник статей. СПб., 2000. С. 126–139.

⁴⁵ Сб. РИО. Т. 45. С. 23–25.

составления капитала погашения», а безоброчные «для составления дохода и даже собственно для их удобрения».

Значительно увеличить доходы с лесов он полагал возможным путем их передачи «казенным селениям».

Таким образом, одна только лучшая организация распределения и взимания уже существовавших доходов могла вдвое увеличить наполняемость бюджета. Однако, по его мнению, необходимо было ввести новые налоги. Подушный сбор он предлагал заменить поземельной податью. Взимание поземельной подати М.М. Сперанский считал возможным организовать следующим образом: «1. Сравнив относительное количество земли и населения одной губернии с другою, распределить всю сумму настоящего подушного сбора на губернии по взаимному сложному их содержанию. Сим установится поземельная подать с каждой губернии. 2. Потом в каждой губернии посредством депутатов в губернском городе произведется раскладка се по уездам, в уездах по волостям, в волостях по селениям. 3. Земли усадебные не должны быть исключаемы из сего сбора, а посему и города будут в нем участвовать. 4. В поземельном сборе не допускать никакого различия по ведомствам крестьян; при равных выгодах все должны быть ему подвержены. 5. Вместе с установлением сего сбора учредить порядок, коим должны быть исправляемы могущие быть в нем неправильности или недостатки»⁴⁶.

Другим источником «нового дохода» было, по мнению М.М. Сперанского, «хозяйственное устройство казенных селений», которые он предлагал разделить в каждой губернии на хозяйства, что должно было привести к созданию казенных заповедов, винокуренных заводов, фабрик и т. д. Особой организации требовал «доход с казенных селений в Польше и в Остзейском крае». Небрежность, которая была допущена при описании польских казенных имений, привела к тому, что в 1804 г. их пришлось снова «описать и переоброчить», и даже в этом случае значительная их часть осталась неизвестна казне. М.М. Сперанский предлагал их объединить, разделить на хозяйства и организовать лучше помещичьих. Казенные имения в Лифляндии, Эстляндии и Курляндии были лучше описаны, однако получаемый с них доход был также невелик. М.М. Сперанский считал, что казна может назначить по контрактам, существовавшим на жалуемых в аренду имениях, «надлежащий и безобидный доход, а управление их принять в свое ведомство и от себя отдавать их по вольным ценам в содержание»⁴⁷.

⁴⁶ Там же. С. 25–27.

⁴⁷ Там же. С. 27–28.

В «Плане финансов...» Сперанского содержалась целая программа реформ казенной деревни, которая могла послужить прообразом довольно существенных преобразований крепостнических отношений в целом, правда, при незыблемости их основания — прикрепления крестьян к земле и дворянской монополии на землю и крепостные души.

Основой плана стало провозглашаемое обустройство крестьянского хозяйства, которое в государственной деревне должно быть организовано лучше, чем в помещичьих имениях. Каждое крестьянское хозяйство становилось «тяглом», с которого взимался поземельный налог. Отказ от формального подушного обложения должен был повысить эффективность землепользования и в то же время означал возвращение к практике поземельной подати XVI в.

Крестьянские хозяйства предполагалось объединить в «хозяйства»-имения, в которых, по аналогии с казенными мызами в Прибалтике, было бы проведено инвентарное описание со всеми источниками дохода (фабрики, винокурни и т. д.). Этим «хозяйствам» предполагалось передать и государственные леса. Сами же «хозяйства» подлежали передаче в аренду. Оставалось, правда, неясно, кто мог бы получить в аренду такие имения. Однако очевидно, что, как в случае с прибалтийскими мызами, переданные в аренду государственные земли оказались бы в руках дворянства.

В «Плане финансов...» содержался и ряд других частных мер, направленных на увеличение казенных доходов.

М.М. Сперанский считал необходимым ввести пошлины на крепостных или вольных домашних слуг «в городах или в селениях», на «лошадей в городах», а также подорожную пошлину «на содержание дорог». Он также предлагал взимать пошлины «с судоходства по рекам и каналам» и с окон, количество которых превышало «известное число».

По мнению М.М. Сперанского, очень важно было оберегать доходы от их случайного падения. Вместо расчетов доходов и расходов на ассигнации он предлагал ввести с 1811 г. «общий счет на серебряный рубль», с определением в начале каждого года среднего курса ассигнаций до тех пор, пока они не «сравняются с серебром или совершенно погаснут». М.М. Сперанский полагал, что с введением счета на серебряный рубль необходимо было запретить любой другой счет в Лифляндии и Польше, что должно было способствовать присоединению финансовых систем этих «провинций к системе российской и изгладить, наконец, ущерб и укоризну, столь давно финансы наши тяготящую»⁴⁸.

⁴⁸ Там же. С. 28–29.

Второе и третье отделения финансового плана М.М. Сперанского были посвящены денежному обращению. В начале были детально изложены теоретические основы функционирования монетной и кредитной систем⁴⁹. Затем Сперанский обратился к мерам устройства постоянной денежной и кредитной систем, которые состояли в уплате прежнего кредита или погашении ассигнаций, в устройстве нового кредита посредством создания «банка на серебре», и во введении лучшей монетной системы⁵⁰.

Погашение ассигнаций можно было, по его мнению, осуществить несколькими способами, в большинстве своем опробованными в других государствах. Во-первых, это отказ от «платежей или банкротство». Достигнуть его можно было либо «формальным отказом» от приема ассигнаций как средства платежа, либо их неограниченным выпуском в обращение до тех пор, пока они сами собой не потеряли бы «всякую цену». Во-вторых, «выкупом ассигнаций». В-третьих, «возвышением их кредита». В-четвертых, «уменьшением ассигнаций до того, чтобы они уравнились с потребностью обращения». В-пятых, «превращением ассигнаций в истинные кредитные бумаги, на серебре основанные, займом и постепенным их погашением»⁵¹.

Для России, полагал М.М. Сперанский, наиболее приемлемым являлся последний способ, предусматривающий погашение существовавшего кредита и устройство нового. Погашение ассигнаций могло быть достигнуто уменьшением массы бумажных денег. Для этого следовало прекратить выпуск новых ассигнаций и постепенно изымать из обращения старые с помощью внутренних займов, основанных на «серебре по курсу». Условия займов должны были отличаться один от другого, чтобы в случае неудачи одного его можно было заменить другим⁵².

По первому варианту открывался заем на сумму 25 млн. руб. ассигнациями (облигации не менее 500 руб. каждая) на 10 лет с уплатой 5% и капитала серебром по курсу займа⁵³. Выплата процентов должна была производиться серебром каждые шесть месяцев в специально для этого учрежденных конторах в С.-Петербурге, Москве,

⁴⁹ Там же. С. 29–55.

⁵⁰ Там же. С. 55.

⁵¹ Там же. С. 55–56.

⁵² Там же. С. 58. О внутренних займах см. также: Архив графов Мордвиновых. СПб., 1902. Т. 3. С. 663–667.

⁵³ Курсом займа М.М. Сперанский предлагал считать тот курс, который при его открытии будет существовать между ассигнациями и серебром со специальным увеличением в пользу кредиторов (Сб. РИО. Т. 45. С. 55–56).

Риге, Нижнем Новгороде и Казани. Уплата капитала начиналась бы по истечении пяти лет, и каждый год выплачивалась бы пятая часть по жребию. Выкупленные в результате размещения займа ассигнации подлежали публичному сожжению⁵⁴.

Если первый заем оказался бы удачным, то вслед за ним М.М. Сперанский предлагал выпустить второй на тех же условиях, с различием только в курсе ассигнаций и с некоторым сокращением льготных условий. В случае удачи и второго займа Сперанский считал возможным провести и третий на тех же самых основаниях, но в большей сумме, в дальнейшем — выпускать облигации до тех пор, пока ассигнации не достигнут паритета с серебром. Если же второй заем оказался бы неудачным, то было задумано учредить лотерею, по следующим правилам: «1. Каждый жребий <...> не менее 500 рублей. Первый принесет 100 000 руб. облигациями, второй 80 000 руб. и так далее до 1000 руб. 2. Ни один жребий не будет без некоторого выигрыша. 3. Облигации будут платить постоянный доход серебром, и выплачены будут все серебром в течение 10 лет на том же основании, как и в первом займе. 4. Курс ассигнаций на серебро по сим облигациям означит тот самый, который будет при открытии лотереи».

Если бы и этот замысел не привел к успеху, то в таком случае предлагалось «100 миллионов ассигнаций принять одною большою облигациею и расположить уплату всех ее купонов по срокам»⁵⁵.

⁵⁴ Сб. РИО. Т. 45. С. 58–59.

⁵⁵ Правила уплаты по купонам, по мнению М.М. Сперанского, должны были быть следующими: «1) Приискать в доходах или в казенных имениях две статьи, из коих одна должна приносить 5 млн. ассигнациями, а другая 1 500 000 руб. серебром; первая будет представлять проценты на 100 млн. облигацию, а вторая — капитал погашения. 2) Платить ассигнации — есть истреблять их. Платить проценты их — есть истреблять сумму, равную сим процентам. Следовательно, истреблением пяти миллионов бумаг будут ежегодно уплачиваемы проценты 100 млн. облигации. 3) Сила и действие капитала погашения во всех займах в том состоит, что он растет сам процентами и всем своим количеством и процентами на проценты истребляет долг. Посему 1 500 000 серебром, быв обращены под учеты векселей и металлов и даже на скуп самых ассигнаций по низкому их курсу, — легко дать могут 10% в год; то есть во втором году капитал сей составит уже 1 650 000, и, следовательно, равняться будет по крайней мере — 3 300 000 ассигнаций. Между тем к нему из ежегодного капитала прибавится еще 1 500 000 серебром, и следовательно будет во второй год 3 150 000 серебром, или 6 300 000 ассигнациями; на третий год капитал погашения будет уже составлять, с прибавкой ежегодной — 4 956 000 или 9 930 000 ассигнациями. Таким образом, в десять лет все 100 млн. рублей ассигнаций будут совершенно заплачены и истреблены» (Сб. РИО. Т. 45. С. 60–61).

М.М. Сперанский указал на источники доходов для уплаты по внутренним государственным займам: таможенный доход, продажа меди, продажа казенных оброчных статей, «продажа казенных земель тем самым крестьянам, кои на них живут». Все эти капиталы, а также «экономические капиталы», принадлежащие банкам, и капиталы учетных контор должны были поступать в специально учрежденную эсконтную контору, которая была призвана управлять средствами, предназначенными для уплаты долгов. Деятельность ее продолжалась бы до открытия нового банка, основанного на серебре⁵⁶.

В «Записке о монетном обращении» М.М. Сперанский отмечал, что банки можно разделить на три типа, «по существу их вкладов». К первому из них принадлежали «почти все банки, известные в Европе», «составленные частными лицами с участием или без участия вкладов правительства, на акциях в определенном числе капиталов». Эти акции могли быть «передаваемы от одного лица к другому; но капиталы их во все время существования банка не могут быть из него извлекаемы». Ко второму типу, по его мнению, относились банки, существующие только в России и «составляемые из вкладов неопределенных», которые представляли «собою также акции», передаваемые «от одного лица другому», но в отличие от банков первого рода, их можно было изымать из банка «по первому востребованию вкладчиков». К третьему типу М.М. Сперанский причислял Силезский и Земский банк Царства Польского. В этих «земских (Territoriales)» банках «вместо капиталов вклады состоят из недвижимых имуществ, под залог коих банк выдает в ссуду сумму, оценке их соразмерную, кредитными билетами»⁵⁷.

Опыт европейских государств, по мнению М.М. Сперанского, доказал, что «истинный государственный кредит» невозможен без создания «банка на серебре», так как «серебро, собранное в большей массе и представленное бумагами, имеет несравненно высшую степень удобства и быстроты в обращении, нежели серебро в раздроблении и в металлической монете. Бумаги, основанные на серебре, имеют такое же отношение к металлической монете, как монета к куску металла без чекана»⁵⁸.

Банк, основанный на серебре, по плану М.М. Сперанского, необходимо было создать через два года после открытия внутреннего займа. Капитал банка должен был составлять от 10 до 20 млн. руб. в се-

⁵⁶ Сб. РИО. Т. 45. С. 59–63.

⁵⁷ Записка о монетном обращении графа Сперанского... С. 7; Материалы по вопросу об устройстве денежной системы. С. 135.

⁵⁸ Сб. РИО. Т. 45. С. 63–64.

ребре в виде акций по 1000 руб. каждая. Часть этих акций, например, $\frac{1}{3}$ могла быть представлена «вкладом капиталов от правительства». Можно было, полагал М.М. Сперанский, также разрешить вкладчикам вносить $\frac{1}{4}$ часть серебром, которая составила бы оборотный капитал банка, а $\frac{1}{4}$ — ассигнациями по курсу или облигациями займа. Операции банка должны были состоять в открытии счетов, учете векселей, хранении золота, серебра и бриллиантов, уплате процентов по займам из принадлежащих банку доходов, открытии краткосрочных займов с определенными источниками. Банк прекращал выдачу ссуд под залоги недвижимых имений и не должен был кредитовать никакой торговли, кроме торговли денежными металлами. По проекту к банку присоединялась «контора погашения долгов со всеми ее заведениями». Управление банком основывалось на акциях; правительство не должно было иметь над ним «другого влияния, как только в качестве вкладчика». Существующие же к тому времени заемные банки, как полагал М.М. Сперанский, с открытием займов, постепенно упраздняются. Вместо них он предлагал создать другую систему займов — «под залоги недвижимых имений по примеру банка в Силезии». Операции Ассигнационного банка должны были сокращаться «по мере выкупа бумаг займом» и в конце концов вовсе исчезнуть⁵⁹.

Параллельно с созданием «банка на серебре» необходимо было усовершенствовать монетную систему. По мнению Сперанского, в обращении должны были находиться: серебряная банковская, серебряная разменная и медная, которая бы служила разменом серебряной монеты⁶⁰.

Особо М.М. Сперанский отмечает, что мероприятия по созданию банка, основанного на серебре, и изменения монетной системы должны идти параллельно.

VI

С 21 января 1810 г. Департамент государственной экономии и Общее собрание Государственного совета приступили к чтению первой части плана финансов и к обсуждению способов ликвидации бюджетного дефицита на 1810 г.⁶¹ Департаментом были поставлены три главных вопроса: 1) нужно ли было для ликвидации бюджетного дефицита «следовать мерам, кои доселе ежегодно были употребляемы, или же приступить к замене их возвышением налогов и податей»;

⁵⁹ Там же. С. 64–65.

⁶⁰ Там же. С. 66.

⁶¹ См. также: *Корнилов А.А.* Курс истории России XIX века. С. 88–90.

2) какой именно род податей и налогов на текущий год можно было бы увеличить; 3) что необходимо сделать, чтобы поддержать государственный кредит. По *первому вопросу* было отмечено, что «недостаток государственных доходов на текущий год» составлял 80 000 000 руб. Для его ликвидации предполагалось: заключать займы, провести «новый выпуск ассигнаций», сократить издержки или повысить подати и налоги. Заключение внутренних или внешних займов требовало времени и предварительной подготовки. Кроме того, отмечалось, что нельзя заключать ежегодно внешние займы и использовать их следовало только на погашение внутренних долгов. Что касалось внутренних займов, то если Казначейство занимало у банков, то оно тем самым занимало «у самого себя». Займы же у частных лиц ранее никогда «не существовали», а их проведение требовало времени «и многих предварительных соображений». Идея нового выпуска ассигнаций не нашла поддержки у департамента, так как эта мера представляла собой налог, который «и для частных людей, и для государства самый тягостный и разорительный». Кроме того, Департамент пришел к заключению, что необходимо продолжить пересмотр и сокращение смет министерств для изыскания средств на уплату долгов, на непредвидимые издержки и на «удовлетворение недостающих сумм»⁶².

Были рассмотрены способы «к *возвышению податей и налогов*», так как они «несравненно менее имеют неудобств, нежели новый выпуск ассигнаций». Департамент пришел к заключению, что в течение 1810 г. необходимо принять меры «к сокращению издержек введением лучшего устройства и экономии». В соответствии с планом финансов «принять самые деятельные меры к удобрению разных экономических казенных доходов и вообще введением лучшего устройства сей части». Кроме того, «все казенные экономические суммы», а также «все статьи казенных доходов», «в каком бы ведомстве они ни находились, но на кои не возложено определенных расходов, считать принадлежащими Казначейству и не иначе выдачи их учреждать, как по точному назначению министра финансов и с соблюдением тех правил, какие вообще будут приняты для назначения непредвидимых расходов из Казначейства». В Департаменте полагали, что «все чрезвычайные расходы учреждать не иначе, как по предварительном рассмотрении входящих от министров представлений в Государственном совете; для непредвидимых же расходов на текущие потребности учредить такой порядок, чтоб, производя их без остановки, представлять им срочные счета и делать новые назначения». Возражения встретил план введения нового налога на дворянские имения по 50 коп. с души.

⁶² АГС. Т. 4. Ч. 1. Ст. 1–6.

В департаменте говорили, что этот налог на дворянские имения падет в первую очередь на крестьян, и сознавали, что такой налог по своему замыслу противоречит дворянским привилегиям и Жалованной грамоте дворянству, что он вызовет недовольство благородного сословия. Очевидно было, что этот налог станет в действительности увеличением подушной подати, а не обложением дворянских доходов и что прибавление подушного сбора на 50 копеек будет означать 25%-е увеличение налогового гнета. Доходы, не полученные из-за отказа от налога на имения, предполагалось компенсировать повышением пошлин с гербовой, вексельной и заемной бумаги, а также и с паспортов, кроме того, введением «соразмерной подати на винокурение во всех губерниях без исключения»⁶³.

Меры, предлагаемые Департаментом для *поддержания кредита*, состояли в том, чтобы в манифесте, в котором будут определены налоги на 1810 г., «возвестить, что новый выпуск ассигнаций пресекается и что все производство Ассигнационного банка будет ограничиваться одним променом ветхих бумаг на новые», кроме тех, выпуск которых «назначен в минувшем году и кои находятся уже в полном их движении». Было предложено: «предоставить купечеству городов С.-Петербурга, Москвы и Риги избрать по одному члену из их сословий для определения в банк в число его директоров»; создать «во всех губерниях и других многолюдных городах различные конторы, коих обязанностью будет все ветхие бумаги принимать и выдавать новые, усиливая, сколь можно, обращение ассигнаций десяти- и пятирублевых»; остановить «существующий ныне негласный заем у частных людей по 7%, яко несходственный с пользами казны», и объявить, «что к помещению капиталов от желающих и к постепенному погашению государственных долгов правительство полагает принять другие меры». Новый внутренний заем, либо у частных лиц, либо из банков, предлагалось открывать только после издания соответствующего манифеста⁶⁴.

Таким образом, большинство членов Государственного совета признали, что вместо увеличения в обращении массы ассигнаций необходимо было повысить подати и обыкновенные налоги, а также все же ввести на 1810 г. единовременное «пособие с помещичьих и удельных имений по 50 коп. с души»⁶⁵.

В постановлении Департамента государственной экономии прозвучало требование создать «прочную систему финансов»⁶⁶.

⁶³ АГС. Т. 4. Ч. 1. Ст. 6–9.

⁶⁴ Там же. Ст. 9–11.

⁶⁵ Там же. Ст. 11–13.

⁶⁶ Там же. Ст. 22–23.

Однако многие члены департамента высказали свои мнения, не всегда совпадавшие с теми предложениями, которые были изложены в финансовом плане. Так, товарищ министра внутренних дел О.П. Козодавлев считал, что «всякий налог возвышает цену на припасы и товары». А «временный налог, а особливо подушный, сверх внезапного возвышения цены, и потому не выгоден и вреден, что по миновании времени он хотя и будет сложен, но цена, им возвышенная, не понизится до прежней степени, по крайней мере не скоро». Поэтому он не мог согласиться с введением временного налога по 50 коп. с души с дворянских имений, однако предлагал заменить его увеличением дохода с гербовой бумаги, но «не прибавлением цены на листы, но распространением обязанности употреблять ее». По поводу соляной продажи Козодавлев считал, что из нескольких губерний необходимо было «составить округа и установить в каждом округе особую цену, по которой бы казна от соляных операций не претерпевала убытков, с прибавлением в пользу казны по гривне с пуда <...> за претерпенные ею убытки». Подобная система, по его мнению, должна была существовать до тех пор, пока будет введена в России «вольная продажа соли». Таким образом, по мнению Козодавлева, можно было заменить временный налог. Если же этих налогов все же было бы недостаточно, то он считал, что лучше обратиться к дворянству, которому предложить «добровольное в пользу казны денежное пожертвование, сколько кому внести будет угодно и возможно». Этот способ мог привлечь в казну бóльшие средства, чем налог, пусть даже размер последнего будет четко определен. Козодавлев считал необходимым подати, которые собирались комитетами и другими учреждениями в пользу городов, училищ, а также дворянские и добровольные пожертвования, выделяемые на создание Приказов общественного призрения, направлять «в Государственное казначейство, которое и может, по назначению собираемых сумм, отпускать оные, куда следует, а остатки обращать в казенный доход». Из этого следовало, «что всякая подать и добровольное пожертвование, какого бы они рода ни были, должны быть не иначе приводимы в действие, как с ведома министра финансов»⁶⁷.

А. Чарторыйский считал, что вместо увеличения налогов, которое могло произвести «сильное в народе впечатление», следовало обратиться к выпуску ассигнаций. Он полагал, что в течение 1810 г. можно было «сократить расходы, умножить извлечение государственных богатств, найти средства учредить заем, и присовокупить новые отрасли доходов; словом, собрать все сведения и соединить все нужные

⁶⁷ Там же. Ст. 13–17.

материалы для учреждения прочной и непоколебимой системы финансов». Кроме того, возможно, «и мир на юге, — предполагал он, — уменьшит необходимость чрезвычайных расходов, а надежда на восстановление всеобщего мира поправит и оживит внешнюю торговлю, одним словом — правительство увидит тогда яснее все отношения сего важного предмета и в состоянии будет с большею благонадежностью увеличить налоги, показав народу решительную оных пользу и конец всех прежних затруднений и неудобств по части финансов»⁶⁸.

Барклай-де-Толли согласился с введением налога «на доходы господских имений по 50 коп. с души», однако считал, что гражданские власти должны были «иметь бдительное попечение, дабы таковое распоряжение не имело ни малейшего влияния на состояние крестьян, а относилось единственно до самих помещиков, и чтобы от сего налога освобождены были владельцы, кои имеют менее 25 душ». Введение этого налога, по его мнению, было предпочтительнее других мер⁶⁹.

Министр юстиции И.И. Дмитриев считал, что предлагаемые меры приведут к повышению цен, поэтому необходимо было придумать «средства и к умерению дороговизны»⁷⁰.

В.П. Кочубей в записке, поданной Александру I, об исправлении финансовой системы в 1810 г. высоко оценил издание манифеста от 2 февраля 1810 г. и предлагал для экономии государственных средств временно сократить армию и флот на Балтике, приблизить тыловые части и органы обеспечения войск к западным границам, что уменьшит издержки на их содержание, заменить часть войск, размещенных во внутренних губерниях, на учреждаемую жандармерию и создать военные поселения. Развивая свои соображения об уменьшении казенных затрат, Кочубей считал целесообразным «не содержать армии в полном комплекте, доколе надобность того не востребует». Благодаря этому временному сокращению, должно было, по его мнению, произойти уменьшение расходов, что способствовало бы организации складов провианта «и воинских снарядов в пунктах, наиболее приближенных к польским нашим провинциям». Кочубей считал необходимым организовать военные поселения на азиатской границе⁷¹, создать

⁶⁸ Там же. Ст. 17–21.

⁶⁹ Там же. Ст. 21–22.

⁷⁰ Там же. Ст. 22.

⁷¹ Исследования Т.Н. Кандауровой показали, что выделяемые на содержание военных поселений капиталы, которые помещали в различные кредитные учреждения для «приращения процентами», затем активно использовались Александром I и Николаем I как источники финансирования непредвиденных расходов, таких как наводнения, война с Турцией 1828–

«в губерниях особенную стражу (Gendarmerie)». Кроме того, «передвинуть некоторую часть войск, на границах в польских наших провинциях расположенных (буде сие окажется возможным), в те места, в коих продовольствуемы быть могут они на ассигнации». Также он считал целесообразным «уменьшить корабельный флот Балтийский и во всех случаях не спешить постройкой вновь кораблей», «сохранить и усилить флот на Черном море».

Большое значение в записке Кочубея придавалось сокращению расходов по всем департаментам, а также необходимости восстановления баланса внешней торговли. Подобные меры должны были привести к увеличению доходов «по крайней мере до 30 миллионов рублей». В.П. Кочубей считал, что «остатки от расходов обращать на составление некоторого денежного запаса, дабы на первое время, в случае войны, не нашлись мы в самом затруднительном положении»⁷². Эти предложения, направленные на оптимизацию военных расходов, свидетельствовали также о стремлении мобилизовать ограниченные военные ресурсы в условиях возраставшей военной угрозы. Косвенно они указывали и на то, откуда русское военное руководство ожидало нападения, планируя придвинуть войска к западным границам и усилить флот на Черном море для сдерживания Оттоманской Порты в случае открытия военных действий на западе.

VII

Несмотря на высказанные возражения, финансовый план М.М. Сперанского претворялся в жизнь⁷³. Принимались законы, предусматривавшие увеличение доходов для уменьшения дефицита. Главнейшим из них был манифест от 2 февраля 1810 г.⁷⁴ «О мерах к уменьшению государственных долгов; о прекращении выпуска в оборот новых сумм ассигнациями и о возвышении некоторых податей и пошлин», который предусматривал: подушную подать «взимать <...> со всех казенных, удельных и помещичьих крестьян, по ревизии в окладе состоящих <...> по два рубля с души⁷⁵ <...> с мешан, в окладе

1829, польские события начала 30-х гг. и т. д. (Кандаурова Т.Н. Военные поселения в России: аспекты экономической истории // Экономическая история. Ежегодник. 2000. М., 2001. С. 570–572).

⁷² Сборник сведений и материалов... С. 75.

⁷³ См. также Приложение I.

⁷⁴ ПСЗ-1. Т. 31. № 24116. С. 53–60.

⁷⁵ Кроме того, предлагалось «сверх собираемой ныне оброчной с казенных крестьян подати, взимать в губерниях первого класса по три рубля,

состоящих, по пяти рублей с каждой ревизской души», увеличение подати с крестьян, торгующих в обеих столицах ⁷⁶. Иностранные ремесленники в обеих столицах должны были платить: мастера — по сто рублей, подмастерья — по сорок рублей и ученики — по двадцать рублей. В Москве и С.-Петербурге вводился полупроцентный сбор с домов. Кроме того, предполагалось взимать: «сверх платимой ныне с купеческих капиталов подати, по одному полупроценту с рубля», «с каждого выплавленного пуда меди — по три рубля», «таможенный доход — по четыре рубля ассигнациями за каждый талер», за гербовую бумагу по пятьдесят копеек за лист, а также соль продавать каждый пуд по рублю ⁷⁷. В дополнение к этому манифесту 26 февраля 1810 г. был дан именной указ Сенату «О приведении в надлежащее исполнение всех мер, постановленных в 10 пункте манифеста 2 февраля о возвышении податей и налогов» ⁷⁸. 5 июля 1811 г. было высочайше утверждено мнение Государственного совета «О прибавке на удельных крестьян к платимой ими подати еще по одному рублю на каждую ревизскую мужеска пола душу» ⁷⁹, а 17 августа 1811 г. увидел свет сенатский указ «О приписке дворовых людей к домам и селениям для платежа податей» ⁸⁰. 29 августа 1810 г. было высочайше утверждено мнение Государственного совета, в котором говорилось, что «Правила, изображенные в плане финансов о распорядке доходов с примечанием департамента о неудобствах преложения всех счетов на серебро, препроводить к министру финансов для надлежащего его исполнения. Составление образцовой сметы начать, если не в настоящем, то по крайней мере в будущем году, и, окончив ее не позже, как в июне месяце, внести в Государственный совет на утверждение. Сим по крайней мере с 1812 года положится твердое основание всех штатных издержек <...> Вместе с утверждением сих положений, принять правилом, все подряды и поставки казенные заключать на серебро, с платежом ассигнациями по среднему курсу, на какой в

второго по два рубля пятидесяти копеек, третьего и четвертого по два рубля с ревизской души» (ПСЗ-1. Т. 31. № 24116. С. 57).

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ ПСЗ-1. Т. 31. № 24116. С. 58. См. также: АГС. Т. 4. Ч. 1. Стб. 1801–1804. Об истории паспортного сбора в России в первой четверти XIX в. см. подробнее: *Чернуха В.Г.* «Паспортный сбор» в России (1763–1897 гг.) // Страницы российской истории. Проблемы, события, люди. Сб. статей в честь Б.В. Ананьича. СПб., 2003. С. 223–228.

⁷⁸ ПСЗ-1. Т. 31. № 24132. С. 69–71.

⁷⁹ Там же. № 24708. С. 806.

⁸⁰ Там же. № 24746. С. 824–826.

течение ближайших к платежу четырех месяцев в С.-Петербурге существовать тогда будет. С 1812 года все правила, в плане финансов о учреждении расходов постановленные, привести в действие, исключая переложение счетов на серебро, что предоставить ближайшему соображению министра финансов, если откроет он возможность к исполнению»⁸¹. Как отмечал М.А. Корф, Д.А. Гурьев «долго не отвечал на это предложение»; но в начале 1812 года, когда уже был в распре со Сперанским и перестал его беречь, отозвался, что «определение ежегодно постоянного курса ассигнациям на серебро представит самые важные неудобства; что ни одно правительство не надеялось сим средством поправить достоинство своих кредитных бумаг, ни уменьшить замешательство, с упадком их сопряженное; что пресечение выпуска ассигнаций и меры к их погашению уже предохраняют их от большого падения и ведут к улучшению их достоинства; что новое, посреди сей операции, установление постоянного для них курса показало бы недоверчивость к успешности первой меры и, наконец, что как невозможно одним предписанием придать постоянство вещи, по существу своему его не имеющей, то распоряжение такого рода обратилось бы только к поощрению ажиотажа»⁸².

Увеличение налогового бремени для податных сословий не могло в полной мере удовлетворить потребности государства в деньгах. Поэтому правительство решило обратиться за помощью к дворянству, призвав по закону освобожденное от налогов благородное сословие добровольно внести свою лепту в преодоление финансовых затруднений. Для этого предполагалось со всех помещичьих имений, не исключая и тех, которые принадлежали удельному ведомству, собрать единовременно в 1810 г. по пятьдесят копеек с каждой ревизской души⁸³. Просуществовало это постановление недолго. Уже через год оно было отменено, поскольку, как и ожидалось, объектом обложения были не помещики, а их крестьяне. Однако идея привлечь привилегированное сословие к участию в пополнении доходных статей бюджета оставлена была не сразу. По манифесту от 11 февраля 1812 г.⁸⁴ каждый дворянин должен был объявлять в Дворянское собрание размер своего чистого дохода (эти сведения потом не подлежали никакой проверке), с которого взималось от 1 до 10%. Доходы менее 500 руб. не подлежали обложению. Однако

⁸¹ Там же. № 24335. С. 338.

⁸² Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. Т. 1. Ч. 2. С. 210.

⁸³ ПСЗ-1. Т. 31. № 24116. С. 59.

⁸⁴ Там же. Т. 32. № 24992. С. 181–193.

и этот побор указом от 12 декабря 1819 г. был отменен⁸⁵. В манифесте от 25 января 1811 г. «О распорядке государственных доходов на 1811 год» говорилось, что «1. До окончательного и общего образования государственных доходов взимать подати, ныне существующие, в том самом количестве, как они манифестом 2 февраля минувшего года и другими узаконениями установлены, без всякой прибавки и налога. 2. Сбор с доходов удельных и помещичьих по пятьдесят копеек с души, 11 статьею манифеста 2 февраля на 1810 год положенный, согласно силе сего манифеста отменить и с 1 января сего года оного не взимать. 3. В облегчение обывателей литовских губерний и в уравнение их с обывателями смежных губерний взимание с них податей серебром отменить, а вместо того, начиная с 1 января сего года, взимать с них оные ассигнациями и медною монетою, считая по два рубля за каждый серебряный рубль»⁸⁶. На основании манифеста от 29 января 1812 г. и указа Сенату от 20 февраля 1812 г. «Об уравнении разных податей, лежащих на поселянах и мещанах некоторых губерний» было решено: «1. Поселян разных наименований, обитающих в губерниях: Воронежской, Курской, Кавказской, Слободско-Украинской, Киевской, Полтавской, Черниговской, Екатеринославской, Таврической и Херсонской, а именно: войсковых обывателей, казаков и казачьих поддусудков, коронных, ранговых стрелков, бобровников и пташников, коронопосполитых, бывших за монастырями и прочих казенного ведомства слободских крестьян, черкас экономических и отписных, выморочных и воинских поселян, сколько оных по последней ревизии числится, уравнивать в платеже оброчной подати, установленной манифестом 2 февраля 1810 года, с прочими государственными крестьянами, в одних с ними губерниях обитающими по классам губернии. 2. Вольных людей, обитающих в остзейских и некоторых западных губерниях, в городах и на помещичьих землях, обложить, сверх платимой ныне подушной подати, по пяти рублей с каждой мужеска пола души. 3. Живущих в Таврической губернии поселян магометанского исповедания обложить подымною податью, по шести рублей с души. 4. Записанных в городах сей же губернии мещан и ремесленников, магометан и цыган обложить двухрублевой подушной податью. 5. К платимой ныне мещанами по всему государству подати, в уравнение с прочими состояниями, прибавить еще по три рубля с души»⁸⁷. На основании указа от 12 марта 1812 г. были

⁸⁵ Там же. Т. 36. № 28028. С. 416.

⁸⁶ Там же. Т. 31. № 24494. С. 525.

⁸⁷ Там же. Т. 32. № 24976. С. 164; № 24999. С. 195.

увеличены подати, которые платили колонисты, расселившиеся в Санкт-Петербургской, Саратовской, Воронежской и Черниговской губерниях ⁸⁸.

Одной из важнейших бюджетных статей оставалась винная продажа. Изданные манифесты увеличивали поступление доходов от питейных сборов. Так, на основании известий от губернаторов о стоимости производства и продажи кабацкого пива и меда ⁸⁹ были вдвое увеличены цены на напитки по сравнению с «горячим вином» ⁹⁰. Кроме того, были изменены условия винного откупа с 1811 г. ⁹¹ для всего государства и составлены особые условия с 1811 по 1814 год на откуп для трех новороссийских губерний ⁹². Вместе с тем был введен акциз с винокурения в 15 привилегированных губерниях ⁹³, вследствие чего с продаваемого вина взимали в казну сначала шесть копеек ⁹⁴, а затем один рубль за ведро ⁹⁵.

Большое внимание правительство обращало и на соляную продажу. При обсуждении в январе 1810 г. в Государственном совете доклада министра внутренних дел о введении вольной продажи соли ⁹⁶ это предложение не сразу нашло поддержку ⁹⁷. Реализовано оно было лишь в 1811 г., когда в соответствии с манифестом от 5 ноября 1811 г. открывалась свободная продажа соли с 1812 г. ⁹⁸ и определялась пошлина в сорок копеек с пуда. Последующие указы в той или иной степени развивали эти же идеи: возможность получения максимально большой прибыли от продажи соли: от 23 декабря 1811 г. — «О распоряжениях, относящихся ко введению вольной соляной продажи» ⁹⁹, от 8 июля 1812 г. — «О прибавке цены на соль, вываривае-

⁸⁸ Там же. № 25031. С. 219.

⁸⁹ Там же. Т. 31. № 24163. С. 98–99.

⁹⁰ Там же. № 24168. С. 101–102.

⁹¹ Там же. № 24181. С. 111–113.

⁹² АГС. Т. 4. Ч. 1. Стб. 1087–1089, 1108–1112. ПСЗ-1. Т. 31. № 24299. С. 262–276, № 24455. С. 476–481; Т. 32. № 25493. С. 694–695.

⁹³ АГС. Т. 4. Ч.1. Стб. 1077–1085, 1090–1098.

⁹⁴ ПСЗ-1. Т. 31. № 24361. С. 364–366, № 24442. С. 464, № 24451. С. 467–469.

⁹⁵ Там же. № 24497. С. 526–528, № 24533. С. 560, № 24571. С. 600–601, № 24908. С. 1023–1024; АГС. Т. 4. Ч. 1. Стб. 1124–1130; 1134–1136.

⁹⁶ Там же. Стб. 919–923.

⁹⁷ Там же. Стб. 967–970; ПСЗ-1. Т. 31. № 24247. С. 201–202, № 24353. С. 354–360, № 24396. С.416.

⁹⁸ Там же. № 24851. С. 899–901.

⁹⁹ Там же. № 24924. С. 931–934.

мую на соликамских варницах»¹⁰⁰, от 15 июля 1812 г. — «О правилах, на коих имеет производиться отпуск соли вольнопромышленникам с Элтонского озера»¹⁰¹. Право «о неограничении вольнопромышленников в цене продаваемой ими соли» подтвердил Сенат 8 октября 1813 г.¹⁰². Государственный совет счел возможным прибавить «содержателю Усть-Кутского солеваренного завода на каждый пуд соли по семи с половиною копеек» сверх пятнадцати, которые он уже получал¹⁰³.

Важной доходной статьей бюджета оставались таможенные пошлины. 2 декабря 1810 г. в Государственном совете было «читано положение министра финансов о распоряжениях по внешней торговле на 1811 год, при коем представлен и проект нового тарифа»¹⁰⁴. Его обсуждение в дальнейшем¹⁰⁵ привело к изданию 19 декабря 1810 г. положения «о нейтральной торговле на 1811 год в портах Белого, Балтийского, Черного и Азовского морей и по всей западной сухопутной границе»¹⁰⁶. Новый тариф запрещал ввоз большей части иностранных товаров; пошлины на ряд товаров были удвоены и даже утроены. В 1811 г. положения нового тарифа были распространены и на последующие годы¹⁰⁷.

По словам М.А. Корфа, «из числа всех предложенных Сперанским финансовых мер только тариф и торговое положение 1810-го года не вызвали нареканий от современников»¹⁰⁸.

Манифестом от 16 мая 1811 г. предусматривались меры «взыскания недоимок с селений казенных и помещичьих»¹⁰⁹. Введение новой переписи как одного из неотложных мероприятий, разработанных М.М. Сперанским, приводилось в исполнение манифестом от 18 мая 1811 г.¹¹⁰, положившим начало шестой ревизии населения России. А на основании манифеста от 18 декабря 1811 г. с первой по-

¹⁰⁰ ПСЗ-1. Т. 32. № 25182. С. 391–392.

¹⁰¹ Там же. № 25185. С. 393–396.

¹⁰² Там же. № 25465. С. 640–641.

¹⁰³ Там же. № 25467. С. 645.

¹⁰⁴ АГС. Т. 4. Ч. 2. Стб. 1138–1154.

¹⁰⁵ Там же. Стб. 1154–1157.

¹⁰⁶ ПСЗ-1. Т. 31. № 24464. С. 486–492.

¹⁰⁷ АГС. Т. 4. Ч. 2. Стб. 1246–1257; ПСЗ-1. Т. 32. № 24960. С. 17–18, № 25562. С. 769, Т. 33. № 25853. С. 128.

¹⁰⁸ Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. Т. 1. Ч. 2. С. 232.

¹⁰⁹ ПСЗ-1. Т. 31. № 24633. С. 649–651.

¹¹⁰ Там же. № 24635. С. 651–653.

ловины 1812 г. все подушные и оброчные подати взимались уже по шестой ревизии ¹¹¹.

Реализация планов Сперанского нашла отражение в новых законах о монетной системе, государственном кредите и погашении долгов. Главной монетной единицей устанавливался серебряный рубль 83¹/₂ пробы ¹¹². Разменная серебряная монета устанавливалась 72 пробы ¹¹³. Однако указом от 21 августа 1813 г. проба разменной монеты была установлена такой же, как и банковская ¹¹⁴. Были созданы Пробирные палатки, «чтобы вольноприносящим платимо было за их золото и серебро по истинной в монете цене, без всякого вычета за пробу и перечистку сих металлов» ¹¹⁵. Кроме того, «с 1811 г. не позволялось уже писать сделок, условий или векселей и т. п. иначе, как считая на российские деньги, и не считать на червонцы, ефимки, алберты-галеры, флорины (злотые) и на другие иностранные монеты, а начиная с 1812 г. выпуск билоннов совершенно запрещен» ¹¹⁶.

Для обеспечения доверия к государственным ценным бумагам и уменьшения массы ассигнаций манифестом от 6 июля 1810 г. ¹¹⁷ была учреждена Комиссия погашения долгов. На основании манифеста от 13 апреля 1810 г. суммарная номинальная стоимость обращающихся в стране ассигнаций округлялась до 570 000 000 руб., а остаток в 510 900 руб. необходимо было уничтожить ¹¹⁸. Манифестом от 27 мая 1810 г. ¹¹⁹, был открыт 100-млн. заем, разделенный «на пять частей по 20 миллионов в каждой»¹²⁰, цель которого состояла в том, чтобы консолидировать долги государственных кредитных установлений и изъять из обращения известное количество ассигнаций ¹²¹. Манифестом от 10 сентября 1810 г. были назначены казенные иму-

¹¹¹ Там же. № 24913. С. 1024–1025.

¹¹² Там же. № 24264. С. 216–217.

¹¹³ Там же. № 24334. С. 337–338.

¹¹⁴ ПСЗ-1. Т. 32. № 25437. С. 610–611.

¹¹⁵ Там же. Т. 31. № 24334. С. 337–338, № 24485. С. 516, Т. 32. № 25042. С. 234.

¹¹⁶ *Шодуар С.* Обзорение русских денег и иностранных монет, употреблявшихся в России с древних времен. СПб., 1837. Ч. I. С. 185. См. также: ПСЗ-1. Т. 31. № 24264. С. 216–217.

¹¹⁷ ПСЗ-1. Т. 31. № 24287. С. 235–240.

¹¹⁸ Там же. № 24197. С. 133–134.

¹¹⁹ Там же. № 24244. С. 197–200.

¹²⁰ Там же. № 24116. С. 53–60, № 24287. С. 235–240.

¹²¹ *Мигулин П.П.* Наша банковая политика... С. 21–22.

щества, которые предполагалось продать для составления капитала погашения долгов¹²².

Первая часть займа была реализована в 1811 г. по 2 руб. ассигнаний за рубль серебра с назначением 6% годовых и с обещанием уплатить капитал в 1817 г. серебром, или же получением бессрочного дохода по 4½ % с капитала. По данным Д.А. Гурьева, от этого займа поступило 5 миллионов ассигнациями, остальное количество было внесено банковскими билетами. «По неуспешности сей меры прочие части не были открыты»¹²³. В.Н. Твердохлебов приводил другие цифры поступления от займа — 3,3 млн. руб.¹²⁴. Д.А. Гурьев писал М.М. Сперанскому в июле 1817 г. о том, что «в 1810 году вас и меня поставляли виновниками быстрому тогда возвышению ажио на серебро; но можно ли было нам объявить, что в [1]808-м и [1]809-м годах выпущено было до 200 000 000 ассигнаний и что масса сия не могла прежде оказать вполне вредное действие, как по пресыщении, так сказать, всех каналов обращения? Все что, кажется, оставалось желать, ограничивалось тем, дабы сколь возможно сохранить достоинство ассигнаний до благоприятнейших обстоятельств, в чем довольно и успели: ибо 4-рублевая цена ассигнациям на серебряный рубль постоянно удержана в течение семи лет. Вы сему главным были виновником, споспешествовав в 1811 году к умножению налогов и усилив тем государственный доход гораздо выше моих предположений»¹²⁵.

П.П. Мигулин так объяснял неудачу внутреннего займа: «...мысль об изъятии из обращения ассигнаний посредством выпуска процентных займов была неправильна (что и доказал впоследствии опыт); сокращение количества ассигнаний само по себе без восстановления размена не могло повысить курс ассигнаний на серебро, а тем более довести этот курс до паритета с серебром (чего хотели добиться, но что навряд ли было бы полезным для народного хозяйства, так как повело бы снова к колебаниям и перетасовкам в ценах, уже приспособившихся к низким курсам ассигнаний), и то обстоятельство, что первый опыт этого изъятия оказался неудачным (в смысле непоступления по займу в сколько-нибудь значительном числе наличных ассигнаний, которые можно было бы сжечь), необходимо считать са-

¹²² ПСЗ-1. Т. 31. № 24346. С. 347–350.

¹²³ РГИА. Ф. 560. Оп. 10. Д. 71. Л. 20–20 об.; Гурьев А.Н. Очерк развития государственного долга России... С. 15.

¹²⁴ Твердохлебов В.Н. Сперанский и его деятельность в области финансов и денежного обращения // Советские финансы. 1945. № 12. С. 25.

¹²⁵ Цит. по: Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. Т. 1. Ч. 2. С. 247.

мой счастливой случайностью»¹²⁶. К.В. Сивков полагал, что неудача внутреннего займа 1809 г. объяснялась, во-первых, отсутствием свободных капиталов; во-вторых, новизной подобных операций и тяжелым положением государственных финансов, что порождало к ним недоверие; в-третьих, уплата процентов производилась исключительно в Петербурге¹²⁷.

VIII

В целом финансовую систему Российской империи в начале XIX в. отличал ряд характерных черт, в оценке которых сходятся большинство исследователей. Бюджет, основанный на принципе первичности расходов над доходами, не публиковался и не имел силы закона, поэтому «не накладывал на центральную власть никаких обязательств». Кроме того, ежегодный бюджетный дефицит был характерной особенностью финансового хозяйства в рассматриваемый период. Управление финансами осуществляли: Министерство финансов, Государственное казначейство и Государственный контроль. Вопросы государственного кредита и денежного обращения обсуждались в Комитете финансов. Не было «единства кассы, каждое министерство имело свой мини-бюджет, свои дополнительные источники дохода из специальных средств», которые не включались в общую роспись. В соответствии с финансовым планом М.М. Сперанского предполагалось провести в жизнь принцип единства бюджета, необходимости его ежегодного утверждения и контроля за его исполнением. Составление бюджета предусматривалось не только по доходным статьям, но и по расходным сметам. Он должен был стать главным финансовым законом. Однако наряду с этим бюджет по-прежнему оставался государственной тайной, а также «не было сделано реальной попытки к установлению большего единства в бюджете и подчинению ему специальных сумм, находившихся в распоряжении отдельных ведомств, не было четко установлено правило специализации кредитов»¹²⁸.

Поводом к составлению финансового плана М.М. Сперанского 1810 г. стала катастрофическая ситуация в сфере обращения ас-

¹²⁶ Мигулин П.П. Наша банковая политика... С. 22.

¹²⁷ Сивков К.В. Финансовая политика имп. Николая I // Книга для чтения по истории нового времени. М., 1914. Т. IV. Ч. II. С. 120–121.

¹²⁸ Дроздова Н.П. Проекты финансовых преобразований М.М. Сперанского и их реализация // История изучения общественных финансов в Санкт-Петербурге. СПб., 1997. С. 48–53.

сигнаций (Приложение 2), которых, по позднему признанию Д.А. Гурьева, за два предшествовавших года (1808–1809) было выпущено на сумму в 200 млн. руб. Сам план и его обсуждение в Государственном совете свидетельствовали, что оздоровление финансовой ситуации в стране требовало остановить процесс обесценивания бумажных денег, заменить их «кредитными деньгами, казначейскими билетами, основанными на серебре»¹²⁹ и прекратить финансирование расходов казны за счет дальнейшей денежной эмиссии. Необходимо было обеспечить в финансовом отношении программу весьма глубоких реформ, задуманных Александром I и автором плана.

План Сперанского предусматривал существенные изменения в податной и налоговой системе России. Он значительно отличался от принципов налоговой политики предшествовавшего времени. В основу плана в духе новейших экономических теорий было положено правило эффективности податной системы и государственного хозяйства в целом, что должно было достигаться путем частичного отказа от практики различных государственных монополий и путем ограничения некоторых сословных привилегий. Это нашло выражение в высказываниях в пользу свободной подакцизной торговли вином и солью. Авторы плана поддержали курс на рентабельность казенных предприятий и на постепенное сокращение применения на государственных заводах труда приписных крестьян.

Вместе с тем в своей основе план М.М. Сперанского носил продворянский характер. Это нашло отражение в проекте передачи в аренду дворянам государственного земельного фонда и крестьян, а также в вопросе о взимании «добровольной» подати с дворянских имений, хотя последняя мера практически так и не была осуществлена. Податные возможности населения были, в основном, исчерпаны, поэтому увеличить доходы казны, используя только те или иные финансовые инструменты, едва ли было возможно.

Сложно не согласиться с выводами исследователей о том, что одним из первых М.М. Сперанский обосновал идею «создания центрального банка», свободного от «чрезмерной зависимости от правительства», выступал за необходимость расширения вексельных оборотов и развитие кредитных операций, которые должны были в конечном итоге служить укреплению российской экономики¹³⁰.

Последовавшая в 1812 г. Отечественная война, а затем заграничные походы русской армии не способствовали тому, что-

¹²⁹ Семенкова Т.Г., Семенков А.В. Денежные реформы России... С. 22.

¹³⁰ Там же.

бы в полной мере были реализованы положения плана финансов М.М. Сперанского. Государственный секретарь не получил поддержки ни со стороны придворной дворянской группировки, ни со стороны министра финансов. Средства для проведения в жизнь намеченных мероприятий были ничтожны. Таким образом, инициатива изменить сложившуюся ситуацию и создать свои финансовые планы переходила к Д.А. Гурьеву¹³¹.

¹³¹ Блюх И.С. Финансы России XIX столетия. С. 97; Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. С. 208; Сивков К.В. Финансы России перед войной 1812 года. С. 264–267; Нольде А.Э. М.М. Сперанский. Биография. М., 2004. С. 94–100.

Вопросы экономической политики в проектах Д.А. Гурьева

I

Главной задачей Д.А. Гурьева как министра финансов, вытекавшей из финансового плана М.М. Сперанского, было остановить инфляционный процесс. Подорванное доверие к ассигнациям Д.А. Гурьев объяснял тем, «что масса их в обращении несоразмерна со звонкой монетой; круг их обращения ограничен», а кроме того «затруднен свободный обмен крупных на мелкие, а мелкие на медь»¹.

Способ справиться с все более нараставшим обесцениванием бумажных денег был узаконен манифестом от 9 апреля 1812 г.², в соответствии с которым все платежи между казной и частными лицами производились ассигнациями. Сделки между частными лицами основывались либо на серебре, либо на ассигнациях по биржевому курсу. Манифест от 9 апреля 1812 г. возвратил ассигнациям значение счетной денежной единицы, сохранив и прежнюю монетную единицу, определенную манифестом от 20 июня 1810 г.³

Курс финансовой политики, провозглашенный манифестом от 9 апреля 1812 г., по-разному оценивается исследователями истории народного хозяйства и финансов России. По их мнению, он преследовал несколько целей: во-первых, ограждал интересы казны «от чрезмерных потерь в податях при понижении курса ассигнаций (для этого должны были служить изменения податных курсов)»; во-вторых, предохранял частные капиталы «от обесценивания под влиянием колебаний валюты» (разрешив «в частных сделках свободное обращение звонкой монеты наряду с ассигнациями»); в-третьих, должен был поддержать курс ассигнаций при предстоявших крупных выпусках их на военные нужды⁴.

¹ РГИА. Ф. 560. Оп. 38. Д. 1065. Л. 90.

² ПЗС-1. Т. 32. № 25080. С. 280–282.

³ Гурьев А.Н. Реформа денежного обращения. Ч. 1. С. 115; Мигулин П.П. Русский государственный кредит... Т. 1. С. 58; Судейкин В.Т. Восстановление в России металлического обращения (1839–1843 г.). М., 1891. С. 5.

⁴ Гурьев А.Н. Денежное обращение в России в XIX столетии. С. 68–69.

Таким образом, в стране параллельно сложились две денежные системы, что позволяло смягчить сложнейшие финансовые проблемы: с одной стороны, серебряный рубль и золотая монета, с другой — ассигнации. По мнению А.Н. Гурьева, «когда одна часть налогов взимается в кредитной валюте, а другая — в металлической», это приводит к расстройству валюты и «имеет своим последствием порчу податной системы»⁵. Очевидно, что подобная система существовала и до манифеста от 9 апреля 1812 г., а правительство лишь узаконило давно сложившееся положение.

Введение двух параллельных систем денежного обращения было также связано с некоторыми особенностями экономического развития России как аграрной страны, когда при так называемых сезонных работах происходит нарушение кругооборота капитала⁶. В результате продажи сельхозпродуктов и изделий вотчинных мануфактур в руках помещиков оказывались как ассигнации, так и звонкая монета, которые не сразу расходовались или вкладывались в новое производство вследствие его прерывности. Поэтому деньги начинали существовать «временно в форме денежного запаса, предназначенного на текущее потребление, или в форме сокровища»⁷. Изымались из обращения ассигнации и звонкая монета в течение года в разное время. Первые, так как они служили при расчетах между частными лицами и государством (иными словами, бумажными деньгами платили подати), в основном начиная с сентября месяца. Обесценивание их уравновешивалось все увеличивающимся податным курсом, который защищал государство от потерь при поступлении денежных средств в бюджет. Серебряная монета перераспределялась между частными лицами начиная с января по май, когда происходили расчеты по вексялям, закладам, займам и т. д. Повышения курсов ассигнаций с сентября по декабрь и серебряной монеты с января по май приводили к тому, что выпуск большого количества бумажных денег мог некоторый период времени уравновешиваться обращающейся звонкой монетой. Пропорциональная зависимость между променом и вексельным курсом позволяет говорить о том, что ежемесячные

См. также: Вагнер А.Г.Г. Русские бумажные деньги. Киев, 1871. С. 27; Кауфман И.И. Обзор законодательных и административных мероприятий, вызванных расстройством бумажно-денежного обращения в России. С. 22–23; Гурьев А.Н. Реформа денежного обращения. Ч. 1. С. 95–115.

⁵ Гурьев А.Н. Реформа денежного обращения. Ч. 1. С. 123.

⁶ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. М., 1978. Т. 2. Кн. 2. С. 120.

⁷ Там же. С. 76.

изменения ценности русских денег по отношению к иностранной валюте спасали вексельный курс, наряду с другими благоприятными условиями, от его резкого падения.

Исследователи подметили еще одну, хотя и не столь значительную особенность параллельного обращения ассигнаций и монеты: манифест от 9 апреля 1812 г. ограничивал возможность злоупотреблений со стороны чиновников при приеме в качестве платежей отличающейся весом, пробой и степенью изношенности российской и иностранной монеты из драгоценных металлов⁸. По мнению В.Т. Судейкина, можно было с полным правом утверждать, «что последовавшее в 1812–1839 годах допущение совместного обращения металлических и бумажных денег на нашем рынке, не оказывая влияния не обесценение последних, укрепляло в то же время запасы металла в народном хозяйстве, что сделало возможным самое восстановление металлического обращения в стране. После этого становится понятным, что министр финансов (Е.Ф. Канкрин. — *Л.М.*) мог постепенно убедиться в возможности восстановления металлического обращения в России»⁹.

Огромный выпуск неразменных бумажных денег, которые имели параллельное хождение с монетой, привел к резкому колебанию их курсовых соотношений как в течение года, так и между различными районами страны. В период наибольшего падения ассигнаций (с 1811 по 1815 г.) получили распространение так называемые «простонародные лажи». При покупке товара, если расчет производился ассигнациями, то доплата к цене составляла «лаж на ассигнации», если же звонкой монетой, то — «лаж на монету»¹⁰.

⁸ Дубянский А.Н. Проблема параллельных денег в России в первой половине XIX века // Вестник Санкт-Петербургского университета. СПб., 2002. Серия 5. Экономика. Вып. 1. № 5. С. 134.

⁹ Судейкин В.Т. Восстановление в России металлического обращения... С. 39.

¹⁰ Термин «лаж» происходит от итальянского слова *aggio*, которое обозначает «превышение рыночного курса денежных средств, векселей и других видов ценных бумаг от их номинальной стоимости», а также «комиссионные за обмен „слабой“ валюты на „сильную“ <...> разница между курсами валют» (Современный финансово-кредитный словарь. С. 4–5). Суть лажей состояла в том, что курс ассигнаций изменялся по отношению к серебряному рублю. Соотношение между курсами серебра и ассигнаций устанавливалось произвольно и равнялось 4 руб. ассигнациями за 1 серебряный рубль или 1 рубль ассигнациями за ¼ серебряного рубля. Население быстро привыкло к таким ценам и пользовалось ими, несмотря на законодательное запрещение простонародных лажей, до Крымской войны. Очень часто при заключении сделок курс ассигнаций занижался до 4,20 руб. по сравнению с обычным в 3,50–3,60 руб., что приводило к обогащению

О роли Д.А. Гурьева в принятии манифеста от 9 апреля 1812 г. один из сотрудников Министерства финансов П.И. Голубев вспоминал: «Множество выпущенных в народное обращение ассигнаций не давало графу Гурьеву покоя. Наша 5-рублевая ассигнация стоила тогда только 1 руб. 25 коп. серебром. Каково было тогда людям, получавшим содержание по штатам блаженного времени, когда на пятирублевую бумажку можно было купить — что вздумал на 5 целковых? А чем можно эту беду поправить? Разумеется, производить содержание военнослужащим и гражданским чинам не бумажками, не 1 руб. 25 коп. за 5 на серебро, а 5 за 5; но на это не было средств. Однако же надобно же было сделать что-нибудь для возвышения достоинства упавших бумажек. Вот наш Дмитрий Александрович и ухитрился: испросил закон, чтобы отнюдь не принимать в казну подати звонкою монетою, и не иначе, как только собственно одними ассигнациями. Министру казалось, что народ, нуждаясь в последних для взноса податей, естественно будет ценить их дороже и что с тем вместе дороговизна сделается не столь тяжелою. Что ж вышло? Все выгоды этой нелепой меры обратились в пользу менял; явился ажиотаж: кроме высокой цены на каждый целковый, надо было порядочно приплачивать, покупая бумажки на серебро для взноса податей, а недоимки больше прежнего стали увеличиваться от затруднения получать ассигнации»¹¹.

II

В начале 1814 г. русская армия вступила в Париж. Наполеон был повержен. После окончания войны предстояло навести порядок в государственном хозяйстве России, прежде всего это касалось финансов империи, положение которых было плачевно и, по сравнению с 1810 г.,

торговых посредников. Страдали от этого крестьяне, которые продавали свою продукцию перекупщикам по более низкому, а платить налоги должны были по более высокому курсу (*Шторх П.А.* Материалы для истории денежных знаков в России... С. 833–835; *Троицкий С.М.* Из истории русского рубля // Вопросы истории. 1961. № 1. С. 70; *Кауфман И.И.* Из истории бумажных денег в России. СПб., 1909. С. 77–78; *Друян А.Д.* Очерки по истории денежного обращения России... С. 13; *Дубянский А.Н.* Проблема параллельных денег в России в первой половине XIX века. С. 134–136; *Лавичева И.Н.* Реформа Канкрин (Денежная реформа 1839–1843 гг.) // Деньги и кредит. 1993. № 4. С. 72–73). В.Т. Судейкин отмечал, что «под именем простонародных лажей разумеется такое установление цен на те и другие виды денежной монеты, которое не находится ни в каком отношении с биржевыми ценами, а устанавливается совершенно произвольно» (*Судейкин В.Т.* Восстановление в России металлического обращения... С. 31).

¹¹ Русский архив. 1896. № 4. С. 529.

отнодью не изменилось к лучшему. Доходы составляли 278 000 000 рублей ассигнациями, расходы (394 000 000) превышали доходную часть на 116 000 000. Серебряный рубль стоил 400 копеек ассигнациями, вексельный курс ежедневно понижался и был чуть больше 10 штиверов. В обращении находилось на 761 474 130 рублей бумажных денег¹².

С целью оздоровления финансовой системы страны Д.А. Гурьевым в 1814 г. был разработан новый финансовый план, сохранившийся в качестве второй части записки «Историческое обозрение финансов с 1801 по 1814 гг.»¹³. Замечание М.М. Сперанского в записке о монетном обращении, сочиненной им в конце 1830-х гг., о том, что «в 1815 г. составлен был новый план финансов. Основные начала его были те же, как и в 1810 г., но они усовершенствованы и расширены»¹⁴, позволило некоторым исследователям предположить, что существовал еще и план 1815 г.¹⁵ Возможно, М.М. Сперанский имел в виду год, когда план был ему прислан. Известно, что Д.А. Гурьев практически все свои проекты пересылал М.М. Сперанскому. Возможно, это один из вариантов, пока не обнаруженный, плана 1817 г. По нашему мнению, речь идет все-таки о 1814 году. Подтверждением этому может служить записка М.А. Балугьянского от 22 ноября 1816 г., адресованная Д.А. Гурьеву. В ней М.А. Балугьянский отмечал, что в результате его кропотливой работы появилась «записка, поднесенная вами (Д.А. Гурьевым. — Л.М.) императору в 1814 году, с изложением нового финансового плана, который удостоился вполне высочайшего одобрения»¹⁶.

В «Плане для приведения финансов в надлежащее устройство» 1814 г. Д.А. Гурьев предлагал восстановить равновесие между государственными расходами и доходами, назначить особый капитал для уменьшения количества ассигнаций. По его словам, они «составляют главнейшую после войны причину умножения расходов, возвышения налогов, понижения курса и дороговизны на все произведения»¹⁷. Меры эти должны ослабить последствия повышения цен, увеличить оклады «жалованья как для армии, так и для гражданских по губерниям чиновников»¹⁸.

¹² РГИА. Ф. 560. Оп. 10. Д. 71. Л. 47.

¹³ Там же. Д. 71. Л. 47–115.

¹⁴ Записка о монетном обращении графа Сперанского... С. 12–13.

¹⁵ Штейн В.М. Очерки развития русской общественно-экономической мысли... С. 33–34.

¹⁶ Баранов П.И. Михаил Андреевич Балугьянский... С. 14.

¹⁷ РГИА. Ф. 560. Оп. 10. Д. 71. Л. 47 об.

¹⁸ Там же. Л. 48.

Данная Гурьевым в «Плане...» 1814 г. оценка перспектив развития русских финансов не отличалась конкретностью и страдала некоторой декларативностью и нарочитым оптимизмом. Прекращение активных военных действий, обилие источников доходов и ограничение расходов — вот те резервы, которые, по мнению министра финансов, должны были помочь исправить положение. Однако в случае возникновения чрезвычайных ситуаций в мирное время возмещение издержек могло происходить за счет займов, временных или случайных доходов, а также кредитных бумаг. Д.А. Гурьев считал, что первых двух средств достаточно для покрытия чрезвычайных издержек и в Российской империи нет необходимости прибегать к новой эмиссии бумажных денег¹⁹. «Коренному улучшению финансов», по мнению Д.А. Гурьева, способствовало расширение границ империи, развитие земледелия, промышленности и торговли, которые он считал основными источниками доходов²⁰. В 1814 г. он полагал, что источники доходов «так изобильны», что можно исправить финансовую ситуацию, «не производя всеобщего потрясения и не обременяя народ новыми налогами»²¹. Для этого необходимо было «улучшить то, что уже существует», а именно: государственный кредит, государственные расходы и доходы, управление «по всем частям финансов»²².

Как следовало из «Плана...» 1814 г., главными финансовыми проблемами, стоявшими перед правительством России, были выплаты долгов и уменьшение в обращении количества ассигнаций. Устройство государственного кредита, по мнению Д.А. Гурьева, также включало в себя: создание капитала для пенсионеров и наград; создание запасного капитала на случай чрезвычайных расходов; создание вспомогательного капитала.

На выдачу пенсионеров министр финансов считал возможным определить постоянную сумму, которая должна была рассчитываться исходя из того «сколько лет может продлиться жизнь пенсионеров так, чтобы на места умерших могли поступать новые пенсионеры». Д.А. Гурьев полагал, что вместе с изданием постановления о пенсиях необходимо было пересмотреть и устав об арендных имениях²³.

Запасной капитал, который, по мнению Д.А. Гурьева, следовало употреблять только на чрезвычайные государственные потребности, сначала мог бы состоять из ежегодных остатков от расходов. Со вре-

¹⁹ Там же. Л. 48–53 об.

²⁰ Там же. Л. 66 об.–67; РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 7. Л. 23 об.

²¹ РГИА. Ф. 560. Оп. 10. Д. 71. Л. 67.

²² Там же. Л. 67 об.

²³ Там же. Л. 96–96 об.

менем, когда «приходы будут превышать издержки», на его создание можно бы было направлять также часть доходов ²⁴.

Д.А. Гурьев отмечал, что российские государи были всегда «отцами своих подданных», которые милосердно принимали их просьбы. Пособия нуждающимся, которые были разорены в результате пожара, наводнения или других бедствий, министр финансов предлагал выдавать в виде беспроцентной ссуды «на известное число лет». Кроме того, существовал также вспомогательный капитал в Заемном банке для «поощрения промышленности». Для того чтобы усилить это «благотворное установление», Д.А. Гурьев предлагал выделить на эти цели «часть долгов от частных лиц казне принадлежащих». Эта сумма могла достигать до 40 миллионов. И хотя, полагал министр финансов, платеж по этим долгам будет «производиться медленно и неисправно», но если они получают такое «богоугодное назначение», то можно бы было «употребить более строгости к скорейшему взъсканию оных» ²⁵.

III

Рассуждая о необходимости постепенного погашения государственного долга, министр финансов имел в виду как внешние (голландский) ²⁶, так и внутренние долги. К последним в первую очередь относились долги, по которым капиталы и проценты выплачивались по срокам (внутренний заем 1809 года ²⁷, заем сере-

²⁴ Там же. Л. 96 об.–97.

²⁵ Там же. Л. 97–98 об.

²⁶ Д.А. Гурьев полагал, что голландский долг необходимо было выплачивать, если правительство не сможет заключить нового соглашения, которое предусматривало бы более выгодные условия уплаты и сроки его погашения. В действительности он считал, что сумма этого долга с каждым годом уменьшится благодаря «постепенной уплате капитала и чрез поправление курса». Получаемая прибыль могла быть, по мнению министра, «обращена, или на умножение капитала для скорейшего погашения голландского долга посредством выкупа облигаций», тогда этот долг можно было бы выплатить в течение 25 или 30 лет; или «на уменьшение количества ассигнаций». От чего он предостерегал, так это от того, чтобы ежегодно выделяемая на погашение долга сумма в 12 000 000 не должна была изменяться, а тем более сокращаться до окончательной его уплаты (РГИА. Ф. 560. Оп. 10. Д. 71. Л. 68 об.–69 об.).

²⁷ По внутреннему займу 1809 г. выплачивали по 7%, следовательно, по расчетам Д.А. Гурьева он мог быть окончательно погашен к 1815 году, «если кредиторы не предпочтут отсрочить его еще на пять лет» (РГИА. Ф. 560. Оп. 10. Д. 71. Л. 70).

бра у Ломбарда ²⁸, заем у 25-летней экспедиции ²⁹, за купленные у разных лиц имения) ³⁰. Вторую группу составляли долги Заемному банку ³¹ и Удельному департаменту ³², по которым не был определен срок уплаты капитала. По этим долгам выплачивали 6% годовых, а также возвращали капиталы, если в них была необходимость ³³. Третью группу составляли долги Учетным конторам, старые долги разным местам, долги (сумма которых точно не была известна) по военным департаментам до 1811 г. ³⁴. В отличие от двух предшествующих групп, по этим долгам не были определены ни сроки «уплаты капитала, ни сумма на платеж процентов», в большинстве своем по их маловажности и незначительности, а также потому, что они не были приведены в порядок.

Подобная система долгов, полагал Д.А. Гурьев, была выгодна государству, так как по ним выплачивались умеренные проценты и вскоре должна была появиться возможность выплатить их полностью, направив назначенные на уплату долгов суммы «на новые займы или на пособия Казначейству в случаях чрезвычайных». Несмотря на выгоды этой системы, министр финансов считал, что ее нужно изменить, так как большая часть сумм, ежегодно выделяемых на платеж долгов, «обращается на уплату самого капитала, а не процентов». В результате этого в «первые годы займа требуемые в возврат суммы бывают так велики, что часто превышают возможность платить оные исправно». Таким образом, хотя весь внутренний долг не превышает 150 млн., а внешний 95 млн. гульденов, правительство должно иметь наготове до 40 млн. на их платеж. Правда, по мнению Д.А. Гурьева, эта сумма постепенно уменьшалась, но, с другой стороны, всегда могут возникнуть новые чрезвычайные расходы, что

²⁸ Д.А. Гурьев отмечал, что первые три года по каждому займу выплачивались только по 6% годовых. В течение последних пяти лет должна была «производиться уплата самого капитала». Следовательно, весь долг можно было погасить за восемь лет (Там же. Л. 70–70 об.).

²⁹ По расчетам министра финансов долг 25-летней экспедиции должен был быть окончательно выплачен в 1823 году (Там же. Л. 70 об.).

³⁰ Выплаты по этому долгу также должны были завершиться в течение восьми лет (Там же. Л. 70 об.).

³¹ Там же. Л. 71 об.–72 об.

³² Если выделить на уплату капитала и процентов в год по 2 500 000 руб., то, по расчетам Д.А. Гурьева, «весь капитальный долг будет уплачен в течение восьми лет» (Там же. Л. 72 об.).

³³ Там же. Л. 71.

³⁴ Там же. Л. 72 об.–73 об.

потребуется выпуска новых займов, а отсутствие капиталов приведет к остановке платежа старых долгов, что негативно отразится на государственном кредите³⁵.

По мнению министра финансов, необходимо было преобразовать существующую систему долгов созданием долга, обеспеченного «прочным доходом»³⁶, для которого определялся «особенный источник дохода, отдельно от всех прочих расходов, единственно на платеж процентов». Проценты должны были выплачиваться «как во время мира, так и во время войны, и дружественным и неприязненным нациям, без всякого различия». Кроме того, считал министр финансов, один вкладчик за наличные деньги по произвольной цене мог уступить другому право на свой капитал «так точно как продать какое-либо имение». Отличие состояло в том, что доходы с имущества всегда были подвержены разным изменениям, а доход с обеспеченного долга, считал Д.А. Гурьев, будет всегда постоянный и прочный. Таким образом, уверенность в получении дохода для себя и наследников, а также возможность произвольно распоряжаться капиталом составляли существенные выгоды, которые должны были привлечь вкладчиков к участию в таких займах. Необходимо было также «определить постоянный доход для ежегодного уменьшения капитального долга»³⁷.

Д.А. Гурьев отдавал себе отчет в том, что подобная система в силу своей новизны может быть негативно встречена в обществе. Поэтому он считал, что ее нужно было приводить «в действие постепенно, не разрушая вдруг порядка существующего». Управление новой системой министр финансов предлагал возложить на Комиссию погашения долгов, главные обязанности которой состояли бы в ведении Государственной книги долгов, внесении в нее займов, выдаче по ним облигаций; переводе средств за границу и т. д. Доходы, которые назначались на этот предмет, должны были быть «отделены от прочих государственных расходов» и поступать в комиссию из Государственного казначейства. Открытие нового займа должно было сопровождаться назначением особенного источника дохода для платежа процентов и капитала. Выплаты по существующим государственным долгам предлагалось осуществлять на действующих правилах до тех пор, пока обе стороны не решат, что будет лучше «обратить некоторые из них в долг обеспеченный». Перевести в

³⁵ Там же. Л. 73 об.–75 об.

³⁶ Такие долги существовали и в других странах. В Англии — *dette fondée*, а во Франции — *dette consolidée* (Там же. Л. 76).

³⁷ Там же. Л. 77–78.

разряд обеспеченных долгов и внести в Государственную долговую книгу можно было, по его мнению: голландский долг; долг Ломбарду (платеж которого необходимо было все же проводить на особых условиях); долг Заемному банку; долг Департаменту уделов; старые долги, принадлежащие разным местам; долги по военным департаментам³⁸.

Одна из важнейших задач, которую предстояло решить Комиссии погашения долгов, состояла в уменьшении количества ассигнаций. При этом Министерство финансов вынуждено было признать, что даже попытки определить оптимальное их количество для обращения оказались безрезультатными. Сохранение и даже увеличение достоинства ассигнаций при том их количестве, которое существовало в России к 1814 г., было невозможно. Д.А. Гурьев считал, что в этом случае необходимо руководствоваться одним правилом, признанным во многих странах и подтвержденным опытом, что «количество бумажных денег никогда не должно превышать нужды обращения». Этого можно было достичь путем изъятия излишних ассигнаций до тех пор, «пока достоинство их не сравняется с достоинством монеты серебряной». Уменьшить количество ассигнаций можно было либо единовременным их истреблением, например, до 300 000 000, либо постепенным уменьшением, например, от 30 до 40 млн. в год³⁹.

Первый способ министр финансов считал невозможным осуществить в Российской империи. Вторым был более приемлемым, реализация его должна была привести к такой радостной картине всеобщего благоденствия, что описание ее приводится полностью. «По мере уменьшения ассигнаций, — писал Д.А. Гурьев, — курс, промен и цены должны поправляться. Все не чувствительно переходят от дорогоvizны к ценам умеренным. Отданные в заем капиталы поправляются таким же образом. Должники в продолжение времени, которое пройдет между понижением серебряного рубля от 400 на 300, на 200 и на 125 коп., могут без затруднения уплатить долги свои. Ни заимодавец, ни должник не понесут никакого ущерба. То же самое произойдет с капиталами, внесенными в государственные установления. Богатые люди, видя постепенное возвышение курса, охотно будут вносить остатки от расходов своих в Государственную книгу долгов, быв уверены, что ассигнационные рубли их чрез несколько лет возвышают достоинство рублей серебряных. Постоянный доход, на платеж долга ассигнованный, внушит всеобщую доверенность.

³⁸ Там же. Л. 79 об.—81.

³⁹ Там же. Л. 81 об.—84.

Вся система финансов будет улучшаться, с понижением цен на вещи, возможно, будут уменьшаться и налоги, сообразно денежному курсу». Для осуществления этого плана, отмечал далее Д.А. Гурьев, «нужна твердая и постоянная решительность непременно следовать правилам, единожды постановленным как в рассуждении государственного кредита, так и расходов и доходов государственных»⁴⁰.

Постепенно уменьшить количество ассигнаций, не прибегая к насильственным мерам, можно было либо выкупив их, а затем уничтожив, с помощью капитала или дохода, специально назначенного на эти цели, либо добровольно обратив некоторое количества ассигнаций в обеспеченный долг, а также путем создания «банка на серебре»⁴¹.

Выкупать ассигнации Д.А. Гурьев предлагал с помощью дохода или капитала до тех пор, пока промен не снизится до 125 коп. Этот капитал, по его словам, должен был складываться из части окладных доходов, около двух миллионов звонкой монеты, выбиваемой ежегодно на Монетном дворе, а также суммы, вырученной от продажи имений по манифесту от 6 июня 1810 г.⁴²

Министр финансов полагал, что через два или три года действия этих мер можно будет наблюдать положительные результаты. Однако в течение этого времени нельзя увеличивать число ассигнаций, надлежит «сохранять в глубинной тайне настоящее их количество»; следует «давать выгодное направление общему мнению, возбуждая в народе доверенность мерами кроткими и благоразумными, и, наконец, приводить план государственного кредита в исполнение постепенно и с надлежащею осмотрительностью». Превратить некоторую часть ассигнаций в обеспеченный долг можно было при помощи добровольного займа, который должен был быть открыт в то время, когда система обеспеченных долгов будет принята правительством⁴³.

Другим основополагающим элементом «Плана...» 1814 г. было создание «банка на серебре», с помощью которого правительство надеялось осуществить эффективное регулирование финансовой системы. Такой банк, по мнению Д.А. Гурьева, должен был выпускать акции с тем, чтобы «часть капитала вносима была ассигнациями по курсу», что, по мнению министра финансов, привело бы к уменьшению их количества в самом начале создания банка. Если бы через некоторое время банк укрепил бы свое положение, то можно было бы

⁴⁰ Там же. Л. 85–87 об.

⁴¹ Там же. Л. 87 об.–88.

⁴² Там же. Л. 88 об.–89.

⁴³ Там же. Л. 90–91 об.

«выкупить еще часть ассигнаций». Однако, полагал министр, реализовать этот план в настоящий момент было невозможно из-за того, что, с одной стороны, билеты банка, основанные на серебре, должны были обращаться исключительно в торговле, что неизбежно привело бы к падению кредита. С другой стороны, если на билеты банка будет выменено большое количество ассигнаций или будет использована для этого значительная часть капитала банка, в этом случае будет нанесен удар по кредиту банка. Эта мера, отмечал Д.А. Гурьев, «в существе своем будет не иное что, как насильственная перемена старых бумажных денег на новые, что, — по его мнению, — совершенно неспровергнет кредит и тех и других»⁴⁴.

Таким образом, создание «банка на серебре» откладывалось на будущее. В настоящем министр финансов считал необходимым пересмотреть уставы Ассигнационного и Заемного банков, а также создать Коммерческий банк. Главная обязанность Ассигнационного банка должна была состоять в обмене существующих ассигнаций на новые. Заемный банк оставался учреждением независимым от Государственного казначейства и как прежде должен был выдавать взаем деньги под залог недвижимых имений. Часть прибыли этого банка Д.А. Гурьев предлагал направлять в Государственное казначейство, которому принадлежал капитал банка. Кроме того, Казначейство должно было определить размеры своего долга Заемному банку и выплачивать ежегодные проценты с этой суммы. Учетные конторы должны были получить новый статус и войти в состав Коммерческого банка. Необходимо было, по мнению министра финансов, укрепить также и частный кредит, «без которого и государственный существовать не может»⁴⁵.

Обращаясь к государственным расходам, Д.А. Гурьев отмечал в плане 1814 г., что если не будут приняты точные и постоянные правила в распределении расходов, то любые стремления увеличить доходы «будут тщетны». В отличие от М.М. Сперанского, министр финансов выделял только обыкновенные и чрезвычайные государственные расходы. Необходимо было соблюдать «умеренность в первых, чтобы сохранить средства к удовлетворению последних», которые практически никогда невозможно точно рассчитать. Поэтому необходимо было упорядочить обыкновенные расходы, которые состояли из: долгов, пенсионов, запасного и вспомогательного капиталов; расходов внутреннего гражданского управления (высочайший двор, духовные дела и просвещение, юстиция, полиция и внутрен-

⁴⁴ Там же. Л. 92–93.

⁴⁵ Там же. Л. 93–95 об.

ние дела, пути сообщения, финансы), а также расходов «по мирному положению для внешней безопасности» (военные сухопутные и морские силы, иностранные дела)⁴⁶. Д.А. Гурьев отмечал, что «для соблюдения необходимого порядка в финансах расходы сверх росписи должны быть вовсе воспрещены». Если же возникала необходимость в расходах сверх росписи, то утверждаться они должны были по особенному высочайшему повелению и предварительному соглашению с Министерством финансов о способах их возмещения. Кроме того, необходимо было добиться того, чтобы «ведение счетов производимо было со всей исправностью, точностью и ясностью»⁴⁷.

Доходы министр финансов разделил на две главные части: экономические, которые включали государственные имущества (казенные селения, оброчные статьи, леса, арендные имения, винокурение, горные заводы, прибыль от Заемного банка, долговые платежи и др.), продажу соли и вина и налоги, состоящие из податей: 4 $\frac{3}{4}$ -процентный сбор «с купеческого капитала, подушные (с мещан по 8 руб. с души, с крестьян по 3 руб.), разного звания в западных губерниях, с горных частных заводов, $\frac{1}{2}$ -процентных с долгов в столицах») и пошлин (таможенная, «с торгующих крестьян, с судоходства, с паспортов, гербовая бумага, купчие крепости и канцелярские сборы, почтовые, подорожные, за рекрут»). Как полагал Д.А. Гурьев, система российских доходов «проста и умеренна», и только некоторые источники ее не приносят того дохода, «какой давать они в состоянии»⁴⁸. Чтобы правильно представлять себе структуру источников бюджетных поступлений, Д.А. Гурьев еще в 1806 г. предлагал проводить статистические описания. В тех государствах, утверждал он, где подобная работа была проведена, «правительство, руководствуясь ими, распределяет налоги <...> но в России, где сии сведения совсем не основаны, гадательно только располагать можно повинности». Отсутствие необходимых статистических данных распространялось даже на государственную собственность⁴⁹. К 1814 г. ситуация кардинальным образом не изменилась, поэтому в своем плане министр финансов предлагал изменить систему взимания податей «как в отношении к образу их наложения, так и умеренности некоторых окладов». Вообще, отмечал Д.А. Гурьев, «изменение податей почти не стоит никаких расходов»⁵⁰. Однако каких-то конкретных меро-

⁴⁶ Там же. Л. 99–100.

⁴⁷ Там же. Л. 103–103 об.

⁴⁸ Там же. Л. 104—107.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 7. Л. 23–23 об.

⁵⁰ РГИА. Ф. 560. Оп. 10. Д. 71. Л. 107–108.

приятий по изменению системы доходов в целом и каждого дохода в отдельности министр финансов в этом плане не предлагал.

План 1814 г. Д.А. Гурьев завершил следующими словами: «Всемиловнейший Государь! В сем заключаются виды коренного улучшения всех частей финансов. Источники доходов наших богаты, неистощимы. Не предстоит никакой необходимости в переменах внезапных и стремительных: Установления ныне существующие могут быть доведены в немногие годы до высокой степени совершенства. Расстройство финансов началось не в Ваше Царствование. Правда, в последние годы финансы испытали необычайное потрясение, но следы оно не неизгладимы. 150 млн. внутреннего долга, которого чрез десять лет не будет, и миллионов 400 ассигнаций, которые нужно извлечь из обращения, — вот вся жертва за спасение Отечества, за искупление целой Европы принесенная. В других государствах иногда один год поглощает суммы еще важнейшие.

Подданные Вашего Императорского Величества не обременены налогами непомерными. Еще два или три года, и Ваше Величество можете исполнить многократно изъявленное Вами желание облегчить их тягости. Деятельность и твердое наблюдение однажды принятых правил, при единодушном содействии других управлений, вскоре могут поставить финансы Российской империи в столь цветущее и блистательное положение, коего, может быть, оные еще никогда не достигали»⁵¹.

Однако в конце 1814 г., вопреки показному оптимизму, Д.А. Гурьев писал А.А. Аракчееву: «Мы касаемся до столь трудной развязки финансовых оборотов, что нельзя без ужаса подумать о последних месяцах сего года и чем они кончатся»⁵². Оценивая содержание предложенной министром программы оздоровления русских финансов, М.М. Сперанский утверждал, что главная задача плана 1814 г. была та же, что и плана 1810 г.: «остановить дальнейший выпуск ассигнаций <...> и привести их в равенство с серебром». По его мнению, претворение в жизнь этого плана началось с создания Комиссии погашения долгов в 1817 г.⁵³

IV

Экономического благоденствия в 1817 г., несмотря на уверенность в этом министра финансов, так и не наступило. Не в полной

⁵¹ Там же. Л. 114–115 об.

⁵² Цит. по: *Дружинин Н.М.* Революционное движение в России в XIX в. Избранные труды. М., 1985. С. 61.

⁵³ Записка о монетном обращении графа Сперанского... С. 13; Материалы по вопросу об устройстве денежной системы. С. 141.

мере были преодолены последствия Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии, которые привели к увеличению чрезвычайных расходов и крайнему истощению государственной казны (Приложение 3). Исправить положение должен был новый финансовый план, призванный «восстановить и утвердить кредит общественный и отвратить те опасные последствия, которые обыкновенно <...> сопряжены с расстройством финансов»⁵⁴.

Д.А. Гурьев считал, что при разработке мер по укреплению государственных финансов необходимо было определить «главные правила или начала»: «Опыт доказывает, — писал он, — что те государства, которые постоянно следуют единожды обдуманному и принятым правилам, достигли высочайшей степени благоустройства», чего нельзя было сказать о государствах, которые их игнорировали⁵⁵.

Правила, какие следовало принять «по управлению всех частей, собственно к финансам относящихся»⁵⁶, были изложены в «Проекте общего плана финансов». По утверждению Я.И. Печерина 17 марта 1816 г. Д.А. Гурьев читал Александру I записку о тяжелом положении российских финансов, в ответ на которую император повелел составить общий план финансов. Через месяц, 17 апреля 1816 г. министр подготовил и представил требуемый документ⁵⁷. Однако в своих последующих работах Д.А. Гурьев будет называть его планом 1817 г. 14 августа 1823 г. уже бывший к тому времени министр, представил в Комитет финансов проект «Об окончательных мерах финансового плана 1817 года»⁵⁸.

План 1817 г. состоял из двух глав. В первой рассматривались государственные расходы, во второй — государственные доходы. В заключение были сформулированы предложения «об окончательном образовании управления финансов».

Министр финансов неоднократно утверждал, что государственные «расходы всегда были главной причиной расстройства финансов во всех государствах». Увеличение расходов зависело от внешних и внутренних обстоятельств. «Каждый новый государственный

⁵⁴ РГИА. Ф. 560. Оп. 10. Д. 93. Л. 36 об.

⁵⁵ Там же. Л. 36 об., 37 об.

⁵⁶ Там же. Л. 38.

⁵⁷ Печерин Я.И. Исторический обзор росписей государственных доходов и расходов... С. 63–64; РГИА. Ф. 560. Оп. 10. Д. 93. Л. 35–82. Записка на французском языке о приведении в исполнение плана финансов помечена 22 апреля 1816 г. (РГИА. Ф. 560. Оп. 10. Д. 93. Л. 1. См. также: Гурьев А.И. Денежное обращение в России в XIX столетии. С. 70).

⁵⁸ РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 24. Л. 56.

расход, — отмечал Д.А. Гурьев, — есть новое бремя для народа», поэтому он должен устанавливаться законом, который нельзя было преступать. Однако министр с горечью констатировал, что «когда нарушается роспись расходов, высочайшею властью утвержденная, то можно ли сказать, что закон остается в своей силе? И как сохранить порядок в финансах <...> когда пределы для расходов, законом установленные, преступаются в продолжение года почти бесперывно». Для искоренения этого порока финансовой системы Д.А. Гурьев предлагал определить «правила, по которым должна быть составлена роспись расходов и ненарушимо впоследствии наблюдаема»⁵⁹. Правительство должно было отклонять бесполезные расходы и сокращать излишние, а также разработать точные и подробные правила назначения и исполнения расходных статей⁶⁰. Требуя законодательного определения, а также неукоснительного и экономного соблюдения расходных статей бюджета, министр вместе с тем выступал против произвольного назначения государственных расходов. Он постоянно напоминал, что все расходующие средства должны быть обеспечены соответствующим поступлением доходов в бюджет, говоря о необходимости назначить «особенный и постоянный капитал или источник дохода»⁶¹.

В плане 1817 г. предлагалось выделить три группы расходов: государственные долги и кредит; общие расходы по части гражданской и военной; расходы экономические и по управлению налоговой системой. Общие расходы по всем гражданским и военным министерствам глава финансового ведомства подразделил на личные и вещественные. К личным расходам Д.А. Гурьев относил «жалованье, пенсии, награждение деньгами, землями и орденами». Необходимо было, полагал он, изменить правила по их начислению и выплатам, и, по возможности, снизить ущерб от падения курса ассигнаций «и возвышения цен на жизненные потребности». К вещественным расходам относились: «амуниция, провиант и фураж; орудия и машины; здания, поставка и перевозка». Уменьшения их, полагал Д.А. Гурьев, можно было ожидать не иначе «как с возвышением достоинства ассигнаций, уменьшением налогов и умножением богатства народного»⁶².

Особую группу составляли расходы «по взиманию разных податей и сборов». Необходимо было сократить затраты по управлению казенными хозяйственными заведениями, чтобы они «могли давать

⁵⁹ РГИА. Ф. 560. Оп. 10. Д. 93. Л. 40–41.

⁶⁰ Там же. Л. 62–62 об.

⁶¹ Там же. Л. 60.

⁶² Там же. Л. 57–58.

чистый доход». Для этого предполагалось назначить для каждого из них основной и оборотный капиталы, а также определить «точнейшие правила для пособий частной промышленности», и «учредить управление экономических заведений с большею определительностью и ответственностью». Д.А. Гурьев отмечал, что при каждом министерстве находятся хозяйственные части, которыми управляют либо особые департаменты, либо казначеи и экононы. Последних он предлагал подчинить Государственному казначейству. Благодаря установлению «таковой связи, — полагал министр финансов, — производство денежных отпусков по всем управлениям могло бы сделаться и единообразнее, и скорее»⁶³.

Задача укрепления государственного кредита была одной из важнейших в деятельности Министерства финансов, поскольку, как подчеркивал Гурьев, «недостаток или упадок кредита» приводил к расстройству финансов, а его укрепление давало возможность государству с помощью займов покрывать чрезвычайные издержки. Для восстановления государственного кредита, как отмечал министр финансов, было необходимо создать «точный и постоянный порядок для платежа государственных долгов и поддержать достоинство ассигнаций». Достижение этой цели он связывал с «установлением долгов обеспеченных» и уменьшением большого количества ассигнаций, находящихся в обращении. Государственные долги Д.А. Гурьев разделил на две группы: беспроцентные (ассигнации) и с выплатой процентов (голландский долг; внутренние долги Государственного казначейства, Заемного банка, Комиссии погашения долгов)⁶⁴.

Главная проблема состояла не столько в самом объеме государственного долга (до 332 млн.), сколько в необходимости его погашения и возврата капитала. С беспокойством Д.А. Гурьев отмечал, что сумма требований кредиторов может превышать «возможность их удовлетворения». Избежать этой ситуации он предлагал путем создания системы обеспеченных долгов. Суть ее была изложена в плане 1814 г., а в плане 1817 г. Д.А. Гурьев еще раз подтвердил, что «уверенность в получении <...> дохода для себя и наследников и право располагать произвольно самим капиталом составляют две существенные выгоды», которые могут привлечь российских или иностранных вкладчиков участвовать в этих займах⁶⁵.

В плане 1817 г. Д.А. Гурьев подробно рассуждает о новой системе обеспеченных долгов и о вытекавших из этого новых отношениях с

⁶³ Там же. Л. 59 об.—61 об.

⁶⁴ Там же. Л. 41—43 об.

⁶⁵ Там же. Л. 42—45 об.

вкладчиками государственных кредитных учреждений. Кредиторам Государственного казначейства и вкладчикам Заемного банка предоставлялась возможность самим решать, «обратить их капиталы в долг обеспеченный или оставить их на прежнем основании». Тем, кто переводил капиталы в обеспеченный долг, выплачивались 6% непрерывного дохода и единовременная премия в 20%. Министр полагал, что при таком поощрении со стороны правительства можно бы было ожидать, что значительная «часть казенных долгов будет обращена в обеспеченный долг». В случае открытия новых займов необходимо было определить «особенный и постоянный источник дохода, как на платеж капитала, так и процентов»⁶⁶.

Возвращаясь к теме уменьшения количества ассигнаций, он вновь предлагал разрешить проблему путем постепенного и ежегодного уничтожения одной их части и обращения некоторого их количества в обеспеченный долг посредством добровольного займа. Источниками для создания постоянного дохода или капитала должны были стать часть доходов с государственных имуществ (около 30 млн. ежегодно), суммы, вырученные от продажи имений, установленные манифестом от 6 июня 1810 г., а также «суммы 25-летней экспедиции, ежегодно в возврат поступающей». В результате часть изъятых из обращения ассигнаций должна была «быть ежегодно сжигается в присутствии департаментов Комиссии погашения долгов; а другая <...> обращается на платеж по займу, который предполагается открыть для погашения ассигнаций». Д.А. Гурьев отмечал, так же как и в предшествующем «Плане...», что ни в коем случае нельзя «прибавлять ассигнаций, что нужно сохранять в глубокой тайне настоящее их количество и давать выгодное направление общему мнению, возбуждая в народе доверенность мерами, краткими и благоразумными»⁶⁷.

Министр финансов выступал ярким поборником постепенных мер, направленных на нормализацию российских финансов. Он писал, что «если правительство примет твердую и непременную решительность постоянно следовать правилам единожды постановленным, как в рассуждении кредита государственного, так расходов и доходов, то без сомнения в два или три года и, может быть, еще скорее, действие мер сих обнаружится ощутительным поправлением промена, курса и цен <...> Но если вскоре не будут приняты средства к постепенному уменьшению ассигнаций, к учреждению порядка в государственных издержках и утверждению общественного кредита», то прави-

⁶⁶ Там же. Л. 47–47 об.

⁶⁷ Там же. Л. 52–53 об.

тельство вынуждено будет прибегнуть к крайним и насильственным мерам, либо сохранить достоинство ассигнаций примерно в $\frac{2}{3}$, либо ввести новые чрезвычайные налоги. Прибегать к подобным способам Д.А. Гурьев не считал целесообразным, так как полагал, что правительство располагает возможностями обойтись без крайних мер⁶⁸.

V

В начале XIX в., особенно после окончания наполеоновских войн, европейский рынок вступил в новый этап развития, связанный с бурным промышленным ростом и ускоряющимися процессами урбанизации. Начало индустриальной эпохи породило массу экономических проблем, среди которых немаловажную роль играло формирование новой системы коммерческого и промышленного кредита. В этот процесс в определенной мере оказалась вовлечена и Россия, несмотря на пока господствовавшее преобладание крепостнического уклада в экономике страны. В первую очередь это нашло выражение в финансовой политике: в требовании создания надежной и обеспеченной кредитной системы и стабильной системы денежного обращения.

Эффективным инструментом для решения обеих задач, с точки зрения правительства и руководства финансового ведомства, должен был, в частности, стать «банк на серебре». По этому поводу Н.И. Тургенев писал в 1818 г.: «В нынешнем состоянии Европы все правительства должны устремить свое внимание на поддержание и сохранение кредита государственного <...> Век бумажных денег прошел для теории — и прошел безвозвратно. Век кредита наступает для всей Европы. Усовершенствование системы кредитной пойдет наряду с усовершенствованием политического законодательства, в особенности с усовершенствованием системы представительства народного»⁶⁹.

В плане 1817 г., в отличие от плана 1814 г., среди мер, призванных уменьшить количество ассигнаций в обращении, не упоминается о создании «банка на серебре». Очевидно, в это время это была осознанная позиция министра финансов. Подтверждение этому мы находим в записке от 20 марта 1817 г. «О государственных долгах и Комиссии погашения долгов», в которой Д.А. Гурьев писал: «Некоторые полагают, что кредит ассигнаций можно утвердить на залоге государственных имуществ или посредством банка. Государственные ассигнации платятся по предъявлению, имущества же могут быть обращаемы в наличные деньги посредством продажи. Но нельзя променять сто-

⁶⁸ Там же. Л. 54–54 об.

⁶⁹ Тургенев Н.И. Опыт теории налогов. СПб., 1818. С. 367–368.

или двадцатипятирублевую ассигнацию на известную часть государственного имущества. Пример обеспечения ассигнаций имуществом представляет Франция во время революции. Подобный проект (Армфельда и Розенкампа. — *Ред.*) внесен был в апреле 1812 г. на рассмотрение Государственного совета. Учреждение банка на серебре не только не восстановит достоинства ассигнаций, но еще более унизит оное. Банку невозможно иметь капитал, равняющийся всему количеству или, по крайней мере, большей части оногo; он должен необходимо выпускать новые банковые бумаги: кредит их некоторое время может подержаться; но ассигнации, быв вытесняемы чрез них из обращения, упадут еще более. Примеры безуспешности сих и подобных сим операций представляются и в прежние, и в нынешние времена в разных государствах»⁷⁰. Эти же идеи прозвучали и в записке «Об учреждении государственного Коммерческого банка» от 14 апреля 1817 г. После того как были изложены правила, которые должны были лечь в основу создания Коммерческого банка, Д.А. Гурьев отмечал, что «при нынешнем количестве в обращении ассигнаций нельзя предполагать, чтобы можно было учредить сей банк на серебре и дать ему право выпускать свои билеты, или составить банк посредством акционеров, или же соединить его с банком Ассигнационным. Главная причина сей невозможности заключается в том, что новые билеты банка, если они платимы будут по предъявлению ассигнациями, не только не могут иметь более кредита, нежели самые ассигнации, но напротив, умножая массу бумажных денег в обращении, подвергнут еще большему колебанию кредит и собственный свой, и государственных ассигнаций. Если таковые билеты будут платимы серебряною монетою, тогда произведут зло еще вящее; ибо государственные ассигнации, быв вытесняемы ими из коммерческих оборотов, естественным образом упадут еще более. По тем же уважениям не может быть ныне составлен банк и посредством акционеров, ибо банк акционерный трудно и почти невозможно иначе учредить, какие бы впрочем выгоды ни были ему предоставляемы, как с присвоением ему права выпускать свои билеты на капиталы, в акциях его заключающиеся. Впрочем в последствии времени, когда количество ассигнаций приведено будет в соразмерность с потребностью их обращения, когда между ассигнационною и серебряною монетою не будет разности весьма ощутительной, тогда без сомнения можно будет основать капитал Коммерческого банка и на серебряной монете или передать оный от правительства компании акционеров»⁷¹. В записке 1823 г. Д.А. Гурьев объяснил это

⁷⁰ Сборник сведений и материалов... С. 81–82.

⁷¹ Сборник сведений и материалов... С. 105–106.

тем, что в 1817 г., при чрезмерном количестве ассигнаций, нельзя было найти 50 или 100 млн. серебра для создания капитала банка. А если бы даже и удалось осуществить, то «при малейшем возвышении цены серебра, оно извлечено бы было из банка по установленному курсу, и банк остался бы без капитала с одними ассигнациями». Обороты внешней торговли, по его мнению, могли иметь такое же действие⁷². Таким образом, реализация этой меры в 1817 г. была признана несвоевременной и вредной. Однако необходимость реорганизовать деятельность других кредитных учреждений оставалась. Связано это было с тем, что создание обеспеченных долгов и системы государственного кредита повлекло бы за собой изменение функций Комиссии погашения долгов, Заемного банка и Учетных контор⁷³.

Создание «банка на серебре», по замыслу Гурьева, должно было стать одним из ключевых звеньев финансовой политики правительства, призванной не только стабилизировать финансовую систему страны, но и приспособить ее к новым условиям развития народного хозяйства и европейского рынка. Эта система должна была опираться на надежное, свободное от чрезмерных конъюнктурных колебаний денежное обращение, на эффективное налогообложение и долгосрочные государственные займы. В экономическом плане такая система призвана была аккумулировать денежные средства в финансовых институтах и в государственной казне, а в социально-политическом — укреплению доверия подданных к политике государства (прежде всего, в финансовой области), к денежной системе и к государственным ценным бумагам.

В 1817 г. в проекте манифеста, посвященного системе государственного кредита, Д.А. Гурьев отмечал, что ее возможно усовершенствовать «установлением постоянного и ненарушимого порядка для платежа государственных долгов, постепенным уменьшением количества государственных ассигнаций, назначением на предметы сии при возможном сокращении других расходов достаточного и благонадежного капитала, предоставлением новых способов к поощрению промышленности, торговли, земледелия и к подкреплению частного кредита, и <...> постановлением для таковых операций правил <...> пользе, как общей, так и частной наиболее соответственных»⁷⁴.

Более подробно о государственном кредите Д.А. Гурьев рассуждал в записке от 20 марта 1817 г. «О государственных долгах и

⁷² РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 24. Л. 67–67 об.

⁷³ Там же. Оп. 10. Д. 93. Л. 54 об.–55. См. также: Демидов Н.П. Некоторые замечания на опыт теории налогов, изданный г. Тургуневым. СПб., 1830.

⁷⁴ РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 10. Л. 10 об.–11 об.

Комиссии погашения долгов». Развитие государственного кредита было напрямую связано с необходимостью выплаты долгов, так как, по утверждению Гурьева, «общественное доверие» к ним зависит не столько «от их количества, сколько от исправности их платежа». Поэтому следовало «учредить законом точные правила и постоянный порядок для платежа оных и наблюдать оные (правила платежа. — *Л.М.*) без всякого отступления, дабы государственные кредиторы были совершенно удостоверены в ненарушимости прав их и дабы правительство, утвердив к себе общее доверие на прочном основании, в чрезвычайных нуждах и особенно в случае войны могло на нем опираться; ибо неоспоримо, что в кредите общественном заключается благонадежный и даже единственный способ удовлетворять чрезвычайным государственным расходам без устранения капиталов от разных отраслей промышленности и без отягощения народа непомерными налогами, которые, впрочем, и при всевозможном их усилении никогда в подобных случаях не могут быть достаточны»⁷⁵. Также необходимо было платить проценты по долгам. Однако, задавался вопросом министр, как наладить выплату в государстве, где денег постоянно нет. Для этого, отвечал он, надлежит выделить особый источник дохода, средства которого направлялись бы на погашение задолженности.

Д.А. Гурьев отмечал, что государственный кредит есть не что иное, как «уверенность капиталистов в состоятельности правительства», которая основывается либо на «благонамеренности, справедливости и постоянстве правительственных мер», либо на «вещественном обеспечении его долгов». Поэтому кредит государственный бывает личный и вещественный. Организация срочных процентных долговых обязательств⁷⁶ в первом случае и утверждение системы долгов под назначением обеспеченного непрерывного дохода⁷⁷ во втором — вот главнейшие способы организации кредита государства. Д.А. Гурьев предлагал перевести, с согласия кредиторов, долги срочные в обеспеченные бессрочные, предоставив заимодавцам различные преимущества, с тем, чтобы сделать государственные

⁷⁵ Сборник сведений и материалов... С. 85.

⁷⁶ Там же. С. 77.

⁷⁷ Чтобы организовать платеж непрерывного дохода, необходимо было назначить особую и достаточную сумму «на безостановочный платеж процентов или непрерывных доходов», а также определить отдельную сумму «на постепенное погашение самого капитала оных». Непрерывные доходы должны были выплачиваться «до окончательного выкупа или погашения всего капитала» (Там же. С. 78).

облигации более привлекательными для кредиторов. Платеж долгов по новой системе, как ранее об этом уже говорилось в плане финансов, возлагался на Комиссию погашения долгов, которой вменялось в обязанность: составление Государственной книги долгов, внесение в нее займов и выдача по ним облигаций, заграничные переводы и уменьшение количества ассигнаций⁷⁸. В Государственную долговую книгу, по мнению Д.А. Гурьева, должны были быть вносимы в алфавитном порядке «казенные кредиторы, с обозначением капиталов их и процентов»⁷⁹. По плану 1817 г. в ведение Комиссии погашения долгов должны были поступить все обеспеченные долги, а также займы, которые предлагалось открыть для погашения ассигнаций. Она должна была составить Государственную книгу долгов, а также распоряжаться суммами, поступающими от Государственного казначейства, и производить по ним платежи⁸⁰.

В записке «О государственных долгах и Комиссии погашения долгов» Д.А. Гурьев предлагал Комиссию погашения долгов разделить на два отделения. Одно должно было производить платеж процентов и непрерывных доходов, другое — платеж и выкуп капиталов, чтобы постепенно погашать долги⁸¹. Еще манифестом от 11 февраля 1812 г.⁸² было принято решение о создании при Комиссии погашения долгов Совета для наблюдения за ее деятельностью, однако до 1817 г. подобное учреждение создано так и не было. Поэтому Д.А. Гурьев в записке «О Совете государственных кредитных установлений» от 14 апреля 1817 г. определил задачи нового учреждения. Совет должен был, во-первых, «ежегодно ревизовать положение государственных кредитных установлений во всех их частях и представлять Его Императорскому Величеству отчет в движении и успехе операций, на них возложенных, и в точном и непреложном исполнении постановленных правил». Этот отчет, по мнению Д.А. Гурьева, следовало публиковать «во всеобщее известие». Во-вторых, «если бы впоследствии представилось нужным что-либо дополнить, исправить или отменить в образовании государственных кредитных установлений <...> таковые предположения не должны быть представляемы на высочайшее утверждение без предварительного рассмотрения, сообщения и заключения Совета кредитных установлений». Совет дол-

⁷⁸ РГИА. Ф. 560. Оп. 10. Д. 71. Л. 79 об.–80; Д. 93. Л. 55. См. также: Сборник сведений и материалов... С. 92–94.

⁷⁹ Сборник сведений и материалов... С. 85.

⁸⁰ РГИА. Ф. 560. Оп. 10. Д. 93. Л. 55.

⁸¹ Сборник сведений и материалов... С. 92.

⁸² ПСЗ-1. Т. 32. № 24992. С. 181–193.

жен был состоять из: «председателя Государственного совета, министра финансов и государственного контролера, из шести депутатов от дворянства и шести от купечества»⁸³. В проекте манифеста о системе государственного кредита приводилось другое соотношение выборных участников совета. Их должно было быть одиннадцать: «четыре из дворянства и семь от купечества городов С.-Петербурга, Москвы и Риги». Выборы должны были проводиться каждые три года⁸⁴. Обязанность членов совета состояла «в посредничестве между исполнителями правил, для кредитных установлений изданных, и частными лицами, участвующими в сих установлениях по долгам, займам или вкладам»⁸⁵.

Заемный банк, по плану 1817 г., должен был выдавать ссуды под залог недвижимых имений и прекратить принимать заем суммы от частных лиц. Деятельность его направлялась на поощрение «земледелия и внутренней промышленности». Учетные конторы по плану 1817 г. Д.А. Гурьев предлагал переименовать в Коммерческий банк, призванный поддерживать торговлю и укреплять общественный кредит. Создать капитал для этого банка (в 50 млн.) могли бы казна и частные акционеры. Деятельность Ломбарда, предлагалось министром в плане 1817 г., оставить на прежних условиях⁸⁶.

О том, что обращение бумажных денег представляет собой зло для государства, Д.А. Гурьев говорил еще в самом начале своей деятельности в правительстве, будучи министром уделов. В представленной им 3 декабря 1807 г. в секретный Комитет финансов записке он рассуждал об отличии «монет бумажных» от «кредитных». Бумажные деньги, по его мнению, «имеют ход общий, доверие к ним и цена их основывается на доброй вере к правительству». Обращение же кредитных билетов «распространяется и уменьшается по мере общей к ним доверенности; каждый принимает их произвольно, и в удостоверение благонадежности их, они всегда обеспечиваются соразмерными капиталами. Ассигнации наши, — отмечал далее Д.А. Гурьев, — изображают медную монету, но цена их всегда соразмеряется с серебряною; ибо хотя система монетная у нас еще и не основана и не определена монетная единица, но серебряный рубль сам по себе сделался общим показателем цены всех вещей». Восполнить бюджетный дефицит, по примеру государств с «благоустроенными финансами», можно было, полагал Д.А. Гурьев, либо

⁸³ Сборник сведений и материалов... С. 94–95.

⁸⁴ РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 10. Л. 47 об.

⁸⁵ Сборник сведений и материалов... С. 95.

⁸⁶ РГИА. Ф. 560. Оп. 10. Д. 93. Л. 54 об.–56.

введением налогов, либо при помощи новых внешних заимствований в Голландии, Франции или других странах. Несоразмерный выпуск бумажных денег, как способ, подвергающий «пагубному потрясению собственности и состояния всех подданных», не мог быть использован, по его мнению, российским правительством⁸⁷. Однако поддержать кредит «банковых ассигнаций» было необходимо. Для этого Д.А. Гурьев еще в 1805 г. предлагал «не отлагая времени определить сумму, на какую иметь их в обращении, что и ввести в закон, который наблюдать во всю силу и с святою точностью: ибо нарушение такого положения есть нарушение всех прав собственности»⁸⁸.

Составляя финансовый план и разрабатывая меры по его осуществлению, Гурьев подчеркивал, что ситуация с государственными финансами и все финансовое положение страны носят чрезвычайный характер, что для их оздоровления требуются энергичные и кардинальные меры. Министр указывал, что состояние государственного кредита лишь тогда обратило «на себя внимание правительства, когда количество ассигнаций», увеличивающееся из года в год, «вышло из пределов соразмерности с потребностью обращения, и сравнительное достоинство их в отношении к звонкой монете унилось; когда, с возвышением цен на все вещи, подати и налоги упали», а «расходы увеличились». Обесценившиеся ассигнации влияли на государственные доходы, «на цену труда, на издержки». Чтобы восстановить утраченное равновесие «между ценою денег и труда», повышали «цены на все произведения»⁸⁹.

В 1817 г. уменьшить количество обращающихся ассигнаций призвана была Комиссия погашения долгов. «Количество бумажных денег, — полагал Д.А. Гурьев, — никогда не должно превышать нужды обращения». Эта пропорция могла быть достигнута путем уменьшения «излишнего количества ассигнаций до того, пока достоинство их не сравняется с достоинством монеты серебряной»⁹⁰.

VI

В поисках выхода из кризисной ситуации в области денежного обращения русское правительство использовало европейский опыт, имея в виду, что с проблемой значительного количества неразмнен-

⁸⁷ РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 7. Л. 38–40.

⁸⁸ Там же. Л. 19 об.

⁸⁹ Сборник сведений и материалов... С. 76, 81.

⁹⁰ РГИА. Ф. 560. Оп. 10. Д. 71. Л. 83; Д. 93. Л. 49–49 об.

ных бумажных денег столкнулись на рубеже XVIII–XIX вв. большинство европейских государств. Первой обратилась к выпуску бумажных денег для покрытия как текущих, так и чрезвычайных расходов республиканская Франция⁹¹. К началу февраля 1797 г. здесь в обращении находилось два вида бумажных денег: ассигнации и территориальные мандаты⁹². После многочисленных попыток стабилизировать ситуацию французское правительство приняло решение аннулировать бумажные деньги. В первую очередь девальвации подвергли территориальные мандаты. На основании закона от 16 плювиоза V г. (4 февраля 1797 г.) мандаты лишались законной платежной силы между частными лицами и их принимали в казну как уплату налоговых недоимок за прошедшие годы по курсу в 1% и только до 1 жерминаля текущего года (21 марта 1797 г.), после чего они признавались недействительными. Что касалось ассигнаций, то в соответствии с законом от 22 плювиоза V г. (10 февраля 1797 г.) они приравнивались к территориальным мандатам по курсу 1:30, лишались принудительного курса между частными лицами и принимались в казну в уплату податных недоимок прошлых лет до 1 жерминаля V г. (21 марта 1797 г.). К концу 1797 г., как отмечали многие исследователи, бумажные деньги уступили место металлической монете⁹³.

Помимо Франции, массовый выпуск бумажных денег проходил в Великобритании, Австрии и Пруссии. Согласно данным И.И. Кауфмана⁹⁴, вследствие революционных и наполеоновских войн в Европе было выпущено ассигнаций на сумму:

Во Франции	8 326 млн. франков
В Австрии	3 935 млн. франков
В России	3 344 млн. франков
В Англии 30 млн. ф. ст.	750 млн. франков
В других странах	2 000 млн. франков
Во всей Европе	18 355 млн. франков

⁹¹ Блос В. Бумажные деньги в эпоху французской революции. СПб., б.г. С. 3–5.

⁹² Территориальные мандаты были созданы в соответствии с законом от 17 марта 1796 г. На них можно было купить любое национальное имение по той цене, которую оно имело в 1790 г. (Там же. С. 9). См. также: Смирнов А.М. Кризис денежной системы французской революции. Пг., 1921. С. 90.

⁹³ Смирнов А.М. Кризис денежной системы французской революции. С. 92–93; Блос В. Бумажные деньги... С. 10. См. также: Фалькнер С.А. Бумажные деньги Французской революции (1789–1797). М., 1919. С. 241.

⁹⁴ Кауфман И.И. Неразменные банкноты в Англии 1797–1819. Пг., 1915. С. XVIII.

Во Франции и в Англии проблему обесцененных бумажных денег решили путем частичного государственного банкротства, когда французское правительство фактически отменило ассигнации или когда Английский банк, которому с момента его создания в 1694 г. было даровано эмиссионное право, в феврале 1797 г. объявил себя банкротом и прекратил обмен своих банкнот на золотую монету, а возобновление размена последовало с 1820 г. без всякой девальвации⁹⁵. Другой, более длительный, затянувшийся на полстолетия, способ решения проблемы бумажных денег был избран в монархии Габсбургов, которая со второй половины XVIII столетия неоднократно обращалась к выпуску бумажных денег, как чрезвычайному финансовому ресурсу. Австрийские ассигнации банкцеттели (Banco-Zettel) выпустил в обращение по указу (патенту) от 15 июня 1762 г. Венский городской банк (Wiener Stadt-Banco)⁹⁶.

В истории банкцеттелей выделяются три периода: первый до 1799 г. — «время благоразумного, умеренного и безопасного пользования ассигнациями»; второй до 1806 г., когда выпуски ассигнаций привели к возникновению лажа на серебряную монету и она исчезла из обращения⁹⁷; и третий — с 1806 г. до марта 1811 г., когда чрезмерная эмиссия привела к финансовой катастрофе. К этому времени в обращении находилось около 950 миллионов ассигнаций и они упали до 10% своей нарицательной стоимости⁹⁸. Поэтому ассигнационный гульден был подвергнут немедленной девальвации императорским патентом (указом) от 20 февраля 1811 г., в соответствии с которым происходил обмен старых ассигнаций (банкцеттелей), на новые (выкупные свидетельства, Einlosungscheine). При этом банкцеттели принимались по 20% их нарицательной стоимости: за 500 гульденов в старых ассигнациях выдавались 100 новых⁹⁹. Чрезвычайные государственные расходы 1811–1816 гг. привели к новым, но уже секретным выпускам ассигнаций, обесценивание которых достигало 60% или $\frac{3}{5}$ их нарицательной стоимости¹⁰⁰. В этих

⁹⁵ Там же. С. IX, 5, 214; *Гамбаров П.С.* По вопросу о выпуске банковых нот и о привилегированных крупных банках. Банковский акт Роберта Пиля 1844 г. СПб., 1875. С. 31–53.

⁹⁶ *Dickson P.G.M.* Finance and Government under Maria Theresia 1740–1780. New York, 1987. Vol. 2. P. 137, 377.

⁹⁷ Патентом от 15 мая 1800 г. были допущены в обращение ассигнации достоинством в 1 и 2 гульдена и им был дан принудительный курс (*Кауфман И.И.* Бумажные деньги в Австрии 1762–1911. Опыт историко-статистического исследования. СПб., 1913. С. 6).

⁹⁸ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 481. Л. 2а–23.

⁹⁹ *Кауфман И.И.* Бумажные деньги в Австрии... С. 7–8.

¹⁰⁰ Там же. С. 9–14.

условиях, после окончания наполеоновских войн, австрийское правительство вынуждено было искать наиболее рациональный способ изъятия ассигнаций из обращения и тем самым стабилизировать денежную систему. При этом венский двор не допускал и мысли о государственном банкротстве, поскольку это было недопустимо с точки зрения международного престижа страны и таило бы скрытую угрозу ее единству.

В 1816 г. было объявлено, что правительство больше не будет выпускать бумажные деньги с принудительным курсом и обязательным их приемом, а будет изымать их из обращения. Для этого предполагалось создать частный акционерный банк, который выкупил бы часть ассигнаций, выпустив в обращение собственные банковские билеты. Правительство намеревалось конвертировать ассигнации в облигации 1%-го внутреннего займа, а также частично выкупить ассигнации за звонкую монету¹⁰¹. В результате предполагалось заменить до 700 миллионов ассигнаций двумястами миллионами новых банковских билетов и пятьюстами миллионами облигаций.

Во исполнение принятых решений 1 июля 1816 г. был открыт Привилегированный Австрийский национальный банк (в 1878 г. переименованный в Австро-венгерский банк), который должен был обеспечить изъятие из обращения ассигнаций и способствовать замене их банкнотами, разменными на звонкую монету¹⁰². Ускорить изъятие ассигнаций из обращения австрийское правительство стремилось при помощи внутреннего (*arrosements*, *Arrosirungsanlehen* — с 29 октября 1816 г. до 20 мая 1818 г.) и внешних (у Париш и К^о и два у Ротшильда) займов, а также с 1818 г. принимая некоторые подати и выплачивая жалование только звонкой монетой¹⁰³. В итоге за семь лет (1816–1823 гг.) из 700 млн. ассигнаций в обращении осталось чуть больше 259 млн.¹⁰⁴. Стратегия австрийского правительства заключалась в том, чтобы изъять одну часть ассигнаций совсем, а другую при помощи замены ее банковскими билетами частного по форме и статусу, но с государственным участием в капитале Привилегированного Австрийского национального банка, который завершил обменные операции в 1857 г. На следующий год по закону от 27 апреля 1858 г. ассигнации были объявлены потерявшими курс (*Auserkurzsetzung*)¹⁰⁵.

В решении проблемы обесцененных ассигнаций русское правительство также не могло прибегнуть к государственному банкрот-

¹⁰¹ Там же. С. 15.

¹⁰² Там же. С. 15–17.

¹⁰³ Там же. С. 18–19; РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 24. Л. 126 об.–130.

¹⁰⁴ Там же. Л. 131 об.

¹⁰⁵ *Кауфман И.И.* Бумажные деньги в Австрии... С. 26, 41.

ству. Обобщая европейский опыт, Д.А. Гурьев обращался к примеру Австрии. Он указывал, что в Европе восстанавливали кредит бумажных денег или путем прекращения дальнейшего их выпуска, или полным их истреблением, или уменьшением их количества «соразмерно потребности обращения» с «назначением на выкуп оных известной части или источника государственных доходов». Последнее достигалось либо «ежегодным истреблением количества ассигнаций, соответственно количеству назначаемых на то доходов», либо принужденным или добровольным обращением определенной «части ассигнаций в обеспеченный долг, приносящий проценты»¹⁰⁶. Для Российской империи Д.А. Гурьев считал приемлемым последний способ и всячески отстаивал его в проводимой политике.

VII

Обсуждение русским правительством европейского опыта финансового оздоровления позволило выявить различие финансовой системы мирного и военного времени. Об этом отличии заговорили еще в 1813 г. в связи с проектом женевого экономиста д'Ивернуа¹⁰⁷, о котором в дальнейшем не раз упоминал Д.А. Гурьев в финансовом плане 1817 г.¹⁰⁸ Проект швейцарца объединил приемы стабилизации финансовых систем в Австрии и в Америке. Он состоял в том, что из всей массы ассигнаций, находящихся в обращении, «оставить только $\frac{2}{5}$, а $\frac{3}{5}$ обратить в бессрочный долг, приносящий пять процентов». Обмен старых ассигнаций на новые он предлагал производить в следующем соотношении: «за сто рублей выдать только сорок, а на шестьдесят рублей, записав их в Долговую книгу, дать облигацию, по которой начнется платеж процентов чрез год по заключении мира». Для выкупа облигаций необходимо было создать «особый фонд и отделить часть доходов на платеж процентов и составление фонда».

Для рассмотрения этого проекта был создан специальный комитет в составе В.П. Кочубея, Д.А. Гурьева, В.С. Попова, Н.Н. Новосильцева и Б.Б. Кампенгаузена, который 17 января 1813 г. отмечал, что «план, клонящийся к тому, чтобы мгновенно и насильственно вынуть из рук сего народа $\frac{3}{5}$ части единственных средств обмена, кои служат ему и на оплату податей и на все его обороты, встретить должен вели-

¹⁰⁶ Сборник сведений и материалов... С. 81–82. См. также: РГИА. Ф. 560. Оп. 10. Д. 71. Л. 84–91 об.; Д. 93. Л. 50–53.

¹⁰⁷ Исторический вестник. 1905. № 9. С. 903; Русский архив. 1880. Кн. 2. С. 465.

¹⁰⁸ РГИА. Ф. 560. Оп. 10. Д. 93. Л. 50 об.–54.

чайшие затруднения в исполнении и может быть более вреден, нежели полезен»¹⁰⁹. Кроме того, помимо общественного неудовольствия, по мнению комитета, реализация этого плана привела бы к затруднению «во всех отраслях промышленности и внутренних оборотов» и «вместо умножения способов на продолжение войны, ослабят и сократят оные; что польза от уменьшения ассигнаций не прежде окажется может как по истечении нескольких годов в спокойном и мирном положении государства; и что потому предложенный план при всем его достоинстве <...> не может быть приведен в исполнение»¹¹⁰.

Тем не менее, наиболее соответствующими положению государства в 1813 г. комитет нашел предложения д'Ивернуа о создании «кредитных бумаг или обязательств, приносящих проценты и выкупаемых определенным капиталом погашения». В соответствии с этим планом было необходимо: «1. Учредить на удовлетворение чрезвычайных военных издержек государственные обязательства,

¹⁰⁹ ОР РНБ. Ф. 484. Д. 106. Л. 2 об.—9.

¹¹⁰ Там же. 13 об.—14 об.

Более подробно возражения комитета были сформулированы следующим образом. Так как, по утверждению самого д'Ивернуа, улучшение финансового положения произойдет не сразу, то до тех пор, пока оставшиеся в обращении 260 млн. ассигнаций не достигнут паритета с серебром, они будут терять до 40%. Возвышение вексельного курса происходило не только от уменьшения количества ассигнаций, а оттого, что стали постепенно возрастать обороты внешней торговли, так как были ликвидированы препятствия, затрудняющие ее развитие. Опыт Австрии и Франции показал, что в результате изъятия значительного числа ассигнаций из обращения происходит рост цен. Кроме того, «мгновенное уменьшение ассигнаций» практически наполовину, по мнению комитета, нанесло бы удар по промышленности и угрожало «ущербом в годовом произведении народного богатства». Реализация плана д'Ивернуа привела бы к подрыву частного и общественного кредита, лишила бы «каждого жителя мгновенно $\frac{3}{5}$ частей наличных денег», которые у большинства населения составляли необходимые средства «на прожиток». Это привело бы к разрушению доверия «между частными людьми» и подорвало бы его к правительству, «которое за взятый таким образом <...> капитал не будет даже платить процентов прежде окончания войны; и выдаст за него обязательства, которые вдруг потеряют, как и в плане означено, более ста процентов своей цены». Если в результате уменьшения ассигнаций произойдет увеличение их достоинства по отношению к серебру, то это «возвышение причинит не меньшие потрясения в частном благосостоянии как и упадок их». Наряду с этим, государственные доходы, до тех пор пока не упадут цены, «останутся в прежнем положении, и достоинство их нимало не возвысится; равным образом и в расходах сокращения сделать будет не можно» (ОР РНБ. Ф. 484. Д. 106. Л. 11—13 об.).

приносящие шесть процентов и выпускаемые в каждый месяц на два миллиона рублей. 2. Уплату сих обязательств обеспечить облигациями, которые подписаны должны быть всеми владельцами имений в государстве, за исключением губерний, бывших театром войны, и владельцев имения менее 2000 рублей стоящего. Облигации сии должны составлять двадцатую часть цены всего имения недвижимого и движимого, с заплатаю оной в четыре года по равным частям, начиная чрез год по заключении мира. 3. Государственные обязательства вынимать из обращения как возможно скорее и для того предложить семь процентов тому, кто пожелает обратить их в бессрочный долг, внесенный в Главную книгу. 4. Облигации владельцев имений, которые останутся за выкупом государственных обязательств, обратить на погашение ассигнаций. 5. Суммы, заплаченные по облигациям, вписывать в Главную книгу долгов с платежом за оные шести процентов. 6. Обеспечить кредит государственных обязательств и долгов Главной книги, составлением особого капитала погашения, которой, ежегодно возрастая, равнялся бы процентам к платежу следующим. 7. Ежегодно учреждать новые налоги как на платеж процентов, так и на составление капитала погашения. 8. Капитал сей отделить совершенно от зависимости Казначейства». Реализация этого плана была бы возможна в том случае, если «война не продолжится более двух лет; <...> владельческие облигации составят сумму 200 млн. рублей; <...> государственные обязательства, равно и облигации, внесенные в Главную книгу, будут выкупаемы без потери в полном их капитале», и привела бы она, по мнению д'Ивернуа, к тому, что «правительство могло бы иметь ежегодно 24 млн. рублей сверх обыкновенных доходов на военные издержки; 50 млн. будут вноситься в каждый срок по облигациям владельческим; в Главную книгу внесено будет 248 млн. долгов; а в течение 14-ти лет, т. е. к 1827 году заплатится весь сей долг способом новых налогов, которые в сие время составят 327 млн. рублей». Идея выпуска кредитных обязательств, «приносящих проценты», была поддержана комитетом, как средство, способное удовлетворить государственные расходы в 1813 г. без «умножения податей» и нового выпуска ассигнаций¹¹¹.

Члены комитета, обсуждавшие предложения д'Ивернуа, подготовили манифест, на основании которого в 1813 г., для удовлетворения чрезвычайных военных расходов предполагалось выпустить на 30 млн. руб. шестипроцентных государственных обязательств «от двухсот до пятисот рублей каждое», основанных на особом капитале погашения, составлявшем «три миллиона шестьсот тысяч

¹¹¹ Там же. Л. 14 об.-24.

рублей, из таможенных доходов». Государственные обязательства должны были приниматься только «в залог и обеспечение по всем заключенным казною контрактам на подряды, поставки и откупа» и «по взаимному согласию», «во всех <...> сделках и платежах между частными людьми». Предполагалось, что государственные обязательства активнее всего должны были использоваться дворянством и купечеством. Поэтому необходимо было разрешить принимать их «при платежах долгов государственному Заемному банку и в таможенных при платеже пошлин за привозные и отвозные товары, вместо наличных денег в капитальной их цене и с процентами, если оных причитаться будет более нежели за три месяца». Кроме того, в течение 1813 и 1814 гг. можно бы было превратить государственные обязательства в бессрочный государственный долг, приносящий ежегодно 8%. Если обязательства предъявлялись в последующие годы, то выплачивалось только 7%. Однако и в том и в другом случае, выплаты процентов производилась бы ежегодно «до того времени, когда по свидетельству заплачен будет полный капитал»¹¹². Таким образом, в 1813 г. предложения комитета по поводу проекта д'Ивернуа сводились не столько к планам сокращения государственного долга и повышению надежности государственных обязательств, сколько к изысканию новых способов финансирования военных расходов.

VIII

Укрепление государственного кредита, по мнению Д.А. Гурьева, было невозможно без создания частных банков, а также банков, поддерживающих купечество и промышленность. В царствование Александра I, наряду с устройством земельного кредита, возродилась прекратившаяся в XVIII в. практика казенного кредитования торговли¹¹³. В записке от 14 апреля 1817 г. «Об учреждении государственного Коммерческого банка» Д.А. Гурьев констатировал, что в России не существовало ни банка, ни учетной конторы, которые оказывали бы поддержку купечеству и способствовали бы понижению процентов¹¹⁴. В этой связи учреждение Коммерческого банка являлось жизненно необходимой задачей, так как отсутствие краткосрочного кредитования негативно сказывалось на развитии торговли. Ни

¹¹² Там же. Л. 25–31 об.

¹¹³ Петербург. История банков. С. 98.

¹¹⁴ О банковском коммерческом кредите во второй половине XVIII в. см. подробнее: *Морозов В.В.* История банковского дела в России... С. 44–56.

правительство, «ни помещики, ни заводчики не могут иметь всегда в готовности наличные деньги, чтобы платить долги свои в весьма короткие сроки или по востребованию банка». Коммерческий банк, по мнению Д.А. Гурьева, должен был: хранить вклады «в слитках золота и серебра <...> и в иностранной монете»; осуществлять «трансферт денежных вкладов»; принимать вклады «для приращения из процентов», которые должны были вноситься «на краткие сроки или <...> на неопределенные, т. е. до востребования». Кроме того, банк должен был производить учет по векселям и выдавать «ссуды под товары».

Так как существующие правила «для учета векселей» оказались неудобными, поэтому в проект устава Коммерческого банка были внесены следующие изменения: «1) Для произведения учета по векселям не постановляется положительного правила, по скольку процентов взимать на месяц, но предоставляется назначение количества оных самому правлению банка, по соображению обстоятельств и движению коммерческих оборотов, устанавливать в каждые полмесяца, с утверждения министра финансов <...> 2) Учет векселей предполагается производить сроком не далее шести месяцев <...> 3) Учет допускается под одинакие, равно и трасированные векселя, как российских купцов, так и иностранных гостей, с тем однако ж, чтобы в числе участвующих в векселе был непременно один российский подданный и равным образом один имел постоянное пребывание в С.-Петербурге <...> 4) Куртаж, взимаемый ныне при учете векселей по $\frac{1}{4}$ и при выдаче ссуд под товары по $\frac{1}{2}$, впредь устанавливается в первом случае по $\frac{1}{8}$, а в другом по $\frac{1}{4}$ %». Выдача ссуд под залог товаров осталась на прежних условиях ¹¹⁵.

Д.А. Гурьев подчеркивал, что главная цель банка — это не увеличение «прибылей от оборотов его капитала», а оказание помощи купечеству. Кроме того, банк должен был способствовать прекращению «непомерной лихвы», то есть, предоставляя дешевые кредиты, противодействовать ростовщикам. Министр финансов отмечал, что необходимо было сохранять в тайне «частный кредит купца». Во главе управления Коммерческого банка должны были находиться директора, половина которых назначалась правительством, другая выбиралась купечеством ¹¹⁶.

¹¹⁵ Сборник сведений и материалов... С. 99–105. См. также: ОР РНБ. Ф. 484. Д. 194. Л. 1–18 об. Об учреждении и деятельности Коммерческого банка см.: Морозан В.В. Государственный коммерческий кредит в дорсформенной России. (Конец XVIII — 50-е гг. XIX в.) // Нестор. 2000. СПб.; Кишинев. № 2. С. 56–61; Петербург. История банков. С. 95–96.

¹¹⁶ Сборник сведений и материалов... С. 104–105.

В той же записке «Об учреждении государственного Коммерческого банка» Д.А. Гурьев писал и о задачах Ассигнационного банка, который должен был обменивать ассигнации на медную монету, ветхие бумажные деньги на новые, а крупные на мелкие, предотвращать подделывание практически незащищенных российских бумажных денег изменением их внешнего вида¹¹⁷. В перспективе, когда ассигнации приблизились бы по своему достоинству к серебряной монете, можно было присоединить Ассигнационный банк к Коммерческому и составить при нем особое отделение. Необходимость такого объединения, по мнению министра, состояла в том, что банк, все операции которого заключаются «в размене старых бумаг на новые или на монету», уже не банк, а «променная контора»¹¹⁸.

В плане 1817 г. Д.А. Гурьев отмечал, что Заемный банк, как и ранее, должен оставаться учреждением, независимым от Государственного казначейства, главной задачей которого было бы распространение и укрепление частного кредита, поощрение земледелия и внутренней промышленности. По-прежнему банк выдавал бы заем деньги под залог недвижимых имений, но перестал бы принимать вклады от частных лиц. Действовать он должен был таким образом, чтобы «удовлетворять требованиям своих вкладчиков, без пособия со стороны Казначейства», которое, обладая значительной частью капиталов Заемного банка, должно было получать свою долю прибыли¹¹⁹.

Новые уставы получили Ассигнационный и Заемный банки. Учетные конторы предлагалось включить в состав Коммерческого банка на новых условиях¹²⁰. Функции Ломбарда, Сохранной казны воспитательных домов оставались неизменными¹²¹. Однако, как полагал Д.А. Гурьев, недостаточно было по-новому определить задачи Заемного и вновь учреждаемого Коммерческого банков.

¹¹⁷ Внешний вид ассигнаций менялся три раза. Ассигнации первого образца находились в обращении с 1769 по 1785 г., второго — с 1786 по 1818 г., третьего — с 1819 по 1843 г. (*Кашкаров М.П.* Денежное обращение в России. СПб., 1898. Т. 1. С. 27; *Печерин Я.И.* Наши государственные ассигнации... С. 64; См. также: ОР РНБ. Ф. 484. Д. 15. Л. 1–4; Бумажные денежные знаки, вынужденные на территории бывшей Российской империи за время с 1769 по 1824 гг. / Под редакцией Ф.Г. Чучина. М., [1924]).

¹¹⁸ Сборник сведений и материалов... С. 107; РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 10. Л. 35 об.

¹¹⁹ Там же. Оп. 10. Д. 71. Л. 94–94 об. См. также: Там же. Д. 93. Л. 55–55 об.

¹²⁰ Там же. Д. 71. Л. 94 об.–95.

¹²¹ РГИА. Ф. 560. Оп. 10. Д. 93. Л. 55 об.–56 об.; Оп. 22. Д. 10. Л. 44 об.–45.

Экономическая ситуация в России настоятельно требовала претворения в жизнь одного из важнейших положений кредитной системы — прекращения использования средств банков на чрезвычайные государственные расходы. Министр финансов считал, что «долг Казначейства Заемному банку определен будет в известную сумму, за которую оно обязано будет платить проценты с того капитала ежегодно»¹²².

В плане 1817 г. Д.А. Гурьев обращал внимание на то, что «платеж долгов и погашение ассигнаций», должны были «предшествовать всем прочим расходам»¹²³. Кроме того, он отмечал, что «для каждого государственного расхода должен быть назначен особенный и постоянный капитал или источник дохода (fond)»¹²⁴. Основные источники государственных доходов в плане 1817 г. это казенная собственность («имения, леса, оброчные статьи, аренды и горные заводы») и подати («подушная, таможенная, с продажи вина, соли, гербовой бумаги, канцелярские сборы») ¹²⁵.

Д.А. Гурьев полагал, что оброк можно было преобразовать «в поземельный откуп или доход» и взимать его не по числу душ крестьянского «семейства, но по количеству произведений владеемой им земли», для этого «оклад оброка» не должен был меняться в течение десяти лет или в период между ревизиями. Охранять значительные лесные массивы, а также наладить эффективное управление ими на местах было очень трудно. Это приводило к тому, что казна недополучала доход в полном объеме. Поэтому министр финансов предлагал продать большую часть казенных земель, для того чтобы усилить «способы местного их управления и хранения» и благодаря этому увеличить доход с одной из важнейших частей государственной собственности. Оброчные статьи: земли, рыбные ловли, мельницы и проч. давали незначительный доход. Часть оброчных статей можно было «продать для погашения долгов <...> или отдавать на известное время в частное содержание». Для увеличения доходов с оставшихся в казенной собственности он считал необходимым преобразовать систему управления ими и ежегодно выделять десятую часть этого дохода «на составление капитала для производства строений и проч.». Необходимо было приступить к новой люстрации арендных имений, так как «инвентари, с давних времен остающиеся без перемены <...> не соответствуют <...> настоящим ценам на про-

¹²² РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 71. Л. 95 об.

¹²³ Там же. Д. 93. Л. 56 об.

¹²⁴ Там же. Л. 60

¹²⁵ Там же. Л. 64 об.

дукты»¹²⁶. По мнению Д.А. Гурьева, подушная подать с крестьян — это «налог на прибыли земледелия», которая платилась «как хлебопашцами, так и промышленниками другого рода. Она равна для всех лично и по сему самому неуравнительна в отношении к состоянию и способам одних или других». Далее он отмечал, что до 1775 г. были обложены подушной податью и купцы. Однако Екатерина II заменила ее налогом на капиталы, что привело к улучшению положения купечества. Поэтому министр финансов предлагал заменить подушную подать, которую платили мещане, на налог «на прибыли их промышленности». По его мнению, эта перемена «в отношении к мещанам, произведет то же действие, какое имела она в отношении к состоянию купеческому». Введение нового положения о торговле позволило бы повысить таможенный доход. А относительно того, стоило ли переходить от откупа к акцизу, Д.А. Гурьев считал, что «настоящий откуп должен продолжиться еще три года», поэтому у правительства «остается довольно времени, чтобы до истечения сего срока обдумать и принять решительные меры к устройению сей части». Хотя пошлину с соли можно было постепенно повысить, однако Д.А. Гурьев полагал, что «правительству нельзя решиться сделать предметом важного для казны прибывка такое производство, которое принадлежит к классу первых и необходимых жизненных потребностей»¹²⁷.

По каждой доходной статье, отмечал Д.А. Гурьев, государство несет издержки, связанные с их управлением. Поэтому он считал, что правительство должно было принять необходимые меры, чтобы уменьшить расходы, связанные с их взиманием. Для этого необходимо было точно определить расходы по управлению и сократить по возможности экономические издержки; обеспечить обилие источников доходов и улучшить «раскладку и образ взимания податей», а также завершить «образование высших и подведомственных мест для управления и сбора доходов»¹²⁸.

IX

Для осуществления предложенного финансового плана Д.А. Гурьев подробно разработал целый комплекс мер. Во-первых, создание общей росписи доходов и расходов. Во-вторых, «составление постоянных штатов по всем частям управления гражданского и военного,

¹²⁶ Там же. Л. 70–73.

¹²⁷ Там же. Л. 76–78 об.

¹²⁸ Там же. Л. 69–69 об.

то есть всех расходов обыкновенных по мирному положению государства»¹²⁹. К ним относилось составление правил: для пенсioнов гражданским и военным чиновникам¹³⁰; о поставках (провианта, фуража, амуниции, оружия, инструментов, канцелярских припасов и пр.); о военных и гражданских казенных зданиях; о перевозках, прогонах, «купках и патратах». Кроме того, необходимо было разобраться с движением денежных средств, ведением счетов и составлением отчетов по всем министерствам и в каждом «подчиненном им месте». Выполнить это было довольно трудно, так как окончательно еще не сформировались структурные подразделения министерств. Следовательно, полагал Д.А. Гурьев, «их штаты и сопряженные с тем расходы должны оставаться в прежнем положении»¹³¹. В этой работе министру финансов должны были помочь военное и морское министерства, государственный казначей и государственный контролер.

В-третьих, устройство учреждений и уставов, относящихся к государственному кредиту и погашению ассигнаций. Для этого необходимо было создать: Комиссию погашения и Государственную книгу долгов¹³²; уставы Заемному¹³³ и Коммерческому банкам¹³⁴;

¹²⁹ РГИА. Ф. 560. Оп. 10. Д. 93. Л. 25 об.–26.

¹³⁰ АГС. Т. 4. Ч. 1. Стб. 542. Правила «призрения заслуженных гражданских чиновников» были приняты 18 марта 1827 г., а 6 декабря того же года «устав о пенсиях и единовременных пособиях» (ПСЗ-2. Т. 2. № 969. С. 255–262, № 1592. С. 1032–1044).

¹³¹ РГИА. Ф. 560. Оп. 10. Д. 93. Л. 26–27 об.; ПСЗ-1. Т. 35. № 27476. С. 448–449; Т. 36. № 27826. С. 223–224.

¹³² ПСЗ-1. Т. 34. № 26791. С. 192–208, № 26834. С. 259–262, Т. 36. № 27871. С. 276–277.

¹³³ РГИА. Ф. 583. Оп. 4. Д. 220. Л. 42.

Проект, внесенный Д.А. Гурьевым в Государственный совет, предусматривавший закрытие Заемного банка, как не соответствующего цели его создания (по мнению министра финансов, он должен был быть земельным или закладным), и передачу внесенных в него вкладов в Коммерческий банк, создание Государственной страховой конторы, а также создание ссуд для поощрения промышленности, встретил противодействие со стороны участников заседаний и впоследствии был одной из причин увольнения Д.А. Гурьева от должности (АГС. Т. 4. Ч. 1. Стб. 319–354).

¹³⁴ РГИА. Ф. 560. Оп. 10. Д. 93. Л. 27 об.–28; ПСЗ-1. Т. 34. № 26837. С. 263–274. Открытие банка произошло 2 января 1818 г. (Петербург. История банков. С. 96; ПСЗ-1. Т. 36. № 27870. С. 274–275). О конторах Коммерческого банка см.: ПСЗ-1. Т. 37. № 28288. С. 243–245, № 28457. С. 491–493, № 28683. С. 767–769. Деятельность Заемного и Коммерческого банков во второй половине 20-х гг. регламентировалась следующими основными законами:

систему залогов; коммерческий устав и коммерческие суды ¹³⁵. 7 мая 1817 г. был издан манифест об объединении Комиссии погашения долгов ¹³⁶, Ассигнационного, Заемного и Коммерческого банков под руководством Совета государственных кредитных установлений ¹³⁷. В истории российских банковских учреждений самым характерным отличием было то, что после своего возникновения еще на протяжении столетия они «сохранялись в форме казенных учреждений», так как «частный капитал и частный почин не могли создавать банковской формы кредитного посредничества вплоть до падения крепостного права, и если существовали зародыши банкирской профессии, то они недалеко были от простого ростовщичества» ¹³⁸. Поскольку одной из главных задач создаваемой банковской системы было изъятие из обращения ассигнаций, Гурьев предлагал также в целях разрешения этой проблемы прибегнуть к внутренним и внешним займам (Приложение 4). В поисках средств для пополнения казны он рассчитывал также ввести налог на наследство, однако замысел этот был провален в Государственном совете и министр финансов вынужден был от него отказаться ¹³⁹.

В-четвертых, нужно было обратиться к разработке методов управления, правил раскладки и порядка взимания доходов. Для этого Д.А. Гурьев поручил каждому департаменту, входящему в состав Министерства финансов, собрать все необходимые материалы и в течение года завершить работу по составлению порядка управления ко-

ПСЗ-1. Т. 39. № 29940. С. 354–366, № 30147. С. 647–649; ПСЗ-2. Т. 1. № 230. С. 331–332, Т. 2. № 1067. С. 404–405, № 1070. С. 406–408, № 1416. С. 849–850, № 1424. С. 857–858, № 1532. С. 970, № 1556. С. 998–999, № 1577. С. 1018–1020, № 1620. С. 1075, Т. 3. № 1710. С. 31–36, № 1738. С. 55–56, № 2342. С. 898–900, № 2348. С. 908–909, № 2382. С. 949–950. Новые правила, относящиеся к оборотам капиталов Приказов общественного призрения и к выдаче ссуд из Сохранной казны, были приняты в 1827 и в 1829 гг. (ПСЗ-2. Т. 2. № 964. С. 244–247, № 967. С. 253–254, Т. 4. № 3262. С. 754–770). Об этом см. подробнее: *Морозан В.В.* История банковского дела в России... С. 178–371.

¹³⁵ РГИА. Ф. 560. Оп. 10. Д. 93. Л. 28 об. См. также: ПСЗ-1. Т. 36. № 27750. С. 130, Т. 37. № 28109. С. 25, Т. 39. № 29789. С. 111–113.

¹³⁶ 16 апреля 1817 г. Комиссия погашения долгов получила новый устав (ПСЗ-1. Т. 34. № 26791. С. 192–208), а 2 февраля 1821 г. (распубликовано Сенатом 14 марта) было высочайше утверждено мнение Государственного совета, в котором содержались дополнительные статьи к уставу Комиссии погашения долгов (ПСЗ-1. Т. 37. № 28541. С. 592–593).

¹³⁷ ПСЗ-1. Т. 34. № 26834. С. 259–262.

¹³⁸ Банковая энциклопедия. Киев, 1914. Т. 1. С. 270.

¹³⁹ *Сивков К.В.* Финансовая политика имп. Николая I. С. 124.

рабельными лесами, правил новой люстрации аренд, горного и соляного положений¹⁴⁰, установления акциза на вино в местах откупов¹⁴¹, азиатского тарифа и проекта управления таможен по азиатской торговле¹⁴². Через несколько лет должна была быть закончена работа над положениями об управлении казенными крестьянами, казенными винокуренными заводами¹⁴³, правилами взимания оброка и оброчных статей, сельским уставом и уставом о лесах, а также подушной подати с мещан, купечества¹⁴⁴, владельческих имений и домов. «Все сии работы, — отмечал Д.А. Гурьев, — частью уже начаты, частью начнутся в нынешнем еще году, равно как и учреждение для приведения в лучший порядок всех прочих государственных сборов»¹⁴⁵.

Одним из важнейших звеньев в цепи намеченных мер и одним из основополагающих условий реформирования финансовой системы стала проведенная новая перепись населения¹⁴⁶.

Записки о кредитной системе были высоко оценены М.М. Сперанским. В письме к Д.А. Гурьеву из Пензы от 28 мая 1817 г. он писал: «Я имел честь третьего дня получить бумаги о кредитной системе, кои угодно вашему высокопревосходительству мне сообщить. Вы поставили, милостивый государь, весьма высокую цену моей к вам приверженности, дав мне сей знак вашего доверия. Сии превосходные учреждения ставят правительство наше на такой высоте финансовых соображений, к которой и самая Англия доходила века-

¹⁴⁰ АГС. Т. 4. Ч. 1. Стб. 740.

¹⁴¹ Там же. Стб. 1196–1197, 1208–1210. Торговля вином вновь перешла в руки казенного управления в 1817 г. и, по мысли Д.А. Гурьева, должна была служить переходной мерой к акцизной системе (Краткий очерк 50-летия акцизной системы взимания налога с крепких напитков и 50-летия деятельности учреждений, заведывающих неокладными сборами. СПб., 1913. С. 11; *Мигулин П.К.* Экономический рост русского государства за 300 лет (1613–1912). М., 1913. С. 70–71).

¹⁴² АГС. Т. 4. Ч. 2. Стб. 1190–1246; ПСЗ-1. Т. 34. № 26894. С. 328–348; Т. 36. № 27988. С. 383, № 28030. С. 417–499.

¹⁴³ АГС. Т. 4. Ч. 1. Стб. 1070–1076.

¹⁴⁴ В 1806 г. Д.А. Гурьев предлагал всех иностранных купцов, торговавших в России, записать в гильдию иностранных гостей. Им разрешалось бы, кроме розничной, вести внешнюю и внутреннюю торговлю, а также банкирские дела (*Лебедев С.К.* Европейская деловая культура, кредит и банки в Петербурге // *Предпринимательство и городская культура в России.*, 1861–1914. М., 2002. С. 32).

¹⁴⁵ РГИА. Ф. 560. Оп. 10. Д. 93. Л. 30–30 об.

¹⁴⁶ ПСЗ-1. Т. 33. № 25912. С. 251–254, № 25924. С. 264–266.

ми. Если есть что-либо в предположениях человеческих достоверное, то учреждения сии неминуемо должны достигнуть своей цели, когда только с твердостью и с некоторым даже упрямством будут их держаться. Я называю упрямством сие пренебрежение мелких и временных неудобств, которое во всяком важном установлении необходимо. Чтоб возбудить доверие к правительству, оно обязано прежде всего иметь доверие к самому себе, доверие к собственным своим видам, доверие к лицам и их правилам, когда раз правила сии приняты. Всякое колебание в сем роде дел вреднее, нежели самое бездействие»¹⁴⁷.

Итоги осуществления финансового плана 1817 г. Д.А. Гурьев подвел в записке от 14 августа 1823 г. «Об окончательных мерах финансового плана 1817 года». Увеличение доходов произошло от перемены в управлении питейными сборами, от введения нового порядка в соляном управлении¹⁴⁸, от распространения сборов по гербовой бумаге, от учреждения сборов на содержание путей сообщения, от продажи меди и т. д.¹⁴⁹. Государственный кредит укрепился, что дало возможность «удовлетворять чрезвычайным нуждам без помощи ассигнаций». Д.А. Гурьев подчеркивал, что «долги прежнего времени приведены в порядок, обеспечены и постепенно приближаются к своему погашению. Целая треть всей массы ассигнаций извлечена из обращения, и дальнейший упадок их достоинства остановлен: самое опасение о возможности сего упадка совершенно исчезло. Всеобщее доверие к святости обязательств правительства и к твердости его правил распространилось внутри и вне империи. Все сие поставляет нас в возможность приступить к окончанию и довершению принятых мер таким путем, который признан будет удобнейшим и полезнейшим»¹⁵⁰.

План 1817 г. наметил основные направления, которые нужно было реализовать Министерству финансов для укрепления государственного кредита и улучшения экономической ситуации в стране. Спустя 7 лет, в 1824 г., М.М. Сперанский, оценивая план 1817 г. и опыт его осуществления, писал, что «было признано невозможным» ежегодно выделять 30 млн. из государственных доходов и производить погашение ассигнаций, «не прибегая к новым займам или налогам». Большинство государственных деятелей пришли к выводу, «что самым естественным последствием сего сильного погашения было бы возвышение ассигнаций и, следовательно, не постепенное, но быстрое возвышение

¹⁴⁷ Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. СПб., 2002. С. 591.

¹⁴⁸ ПСЗ-1. Т. 39. № 29812. С. 164–175, № 29925 С. 327–328.

¹⁴⁹ РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 24. Л. 59 об.–60.

¹⁵⁰ Там же. Л. 70 об.–71.

податей и упадок ассигнационных цен на вещи». Поэтому склонялись к тому, чтобы «оставить постепенное повышение ассигнаций собственному их движению»¹⁵¹. Это его мнение прозвучало уже после того, как 14 августа 1823 г. Д.А. Гурьев сам предложил скорректировать предусмотренный планом 1817 г. курс финансовой политики.

Х

К 1823 г., по мнению Д.А. Гурьева, состояние российских финансов упрочилось до такой степени, что можно было предпринять шаги к переводу всех финансовых операций в течение 12 лет на серебряную монету. Новый проект «Об окончательных мерах финансового плана 1817 года», представленный в Комитет финансов 14 августа 1823 г., состоял из четырех частей и охватывал «как государственные, так и частные денежные обороты». В первой рассматривалось создание «банка на серебре». Во второй — «перевод ассигнационных долгов Комиссии погашения на серебро». В третьей — «обращение государственных доходов на серебряную монету». В четвертой высказывались «общие соображения о извлечении из обращения ассигнаций и о мерах, предполагаемых к доставлению денежным оборотам достаточных способов»¹⁵².

В первой части, о «банке на серебре», Д.А. Гурьев отдавал предпочтение его акционерной форме. Однако до тех пор пока не будут полностью проведены все мероприятия, призванные укрепить финансы, он предлагал ограничиться учреждением правительственного Государственного российского банка и разработать его устав. Этот банк должен был соединить в себе Коммерческий и Заемный банки. Операции его предполагалось осуществлять серебряной монетой. Активы банка составили бы 23 млн. рублей серебром из займа Ротшильда, которые направлялись бы «на пособия земледелию, торговле и промышленности». Д.А. Гурьев полагал, что этот капитал «от непрерывных оборотов не токмо достаточен для всех операций, но размножает и усиливает действие свое. Хранящаяся в кассе банка звонкая монета нужна только для обмена на бумаги его, и ежели количество оных не превзойдет потребностей торговли, то банк никогда не встретит ни малейшего затруднения относительно обмена сих бумаг»¹⁵³.

¹⁵¹ Записка о монетном обращении графа Сперанского... С. 13; Материалы по вопросу об устройстве денежной системы. С. 141–142.

¹⁵² РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 24. Л. 77–77 об.

¹⁵³ Там же. Л. 78–79 об.

Так как создаваемый Государственный российский банк должен был производить все свои операции не ассигнациями, а серебряной монетой, то необходимо было определить: каким образом будут осуществляться операции звонкой монетой и как будут завершены операции, которые до этого времени производились ассигнациями. Операции банка состояли в выпуске в обращение банковских бумаг, по предъявлении которых немедленно выплачивали серебряную монету, а также в покупке золота и серебра.

Банк должен был выпустить в обращение свои банковские билеты достоинством в 10, 25, 50, 100, 500 и 1000 рублей. Количество их должно было соответствовать наличному капиталу банка, состоящему из звонкой монеты. Увеличить количество билетов можно было только тогда, когда все подати вносились бы серебром или банковскими билетами и когда были бы уничтожены ассигнации. Распространению банковых билетов в обращении должно было способствовать установление биржевого курса на серебряную монету; взимание в таможнях, по истечении шести месяцев с момента открытия банка, пошлины серебром или банковскими билетами; предписание всем казначействам и прочим казенным местам, чтобы они принимали банковские билеты «в равной цене с серебром». Этой же цели должно было служить объявление банка, что учет векселей и прочих кредитных бумаг, прием вкладов и трансферты, а также ссуды под залог товаров, недвижимых имений и т. д. будут производиться серебром или банковскими билетами, за которые «по востребованию тотчас выдается серебро». Курсовое соотношение банковских билетов (банкнот) и ассигнаций должно было свободно определяться на рынке до тех пор, пока существуют последние. «Таким образом, — писал Д.А. Гурьев, — билеты будут обратно поступать в банк, который опять выдаст их под учеты или другие операции, и по введении в обращение новых банковых билетов в торговле, в платежах податей и прочих счетах требование оных сделается необходимее». Главная цель выпуска банковых билетов состояла в том, чтобы сосредоточить их употребление только в больших городах, «оставляя сколько возможно в народном обращении одну звонкую монету».

Банк должен был также покупать золото и серебро. Торговля благородными металлами являлась необходимой операцией банка, выпускающего свои кредитные бумаги. Если возникала необходимость увеличить звонкую монету в кассе банка, тогда он должен был покупать серебро и чеканить рубли на Монетном дворе¹⁵⁴. Банк мог принимать на хранение под проценты, определяемые уставом

¹⁵⁴ Там же. Л. 80–83.

банка, серебро и золото в слитках, изделия из этих металлов, российскую и иностранную золотую и серебряную монету, документы и денежные обязательства. Вклады «для обращения из процентов» банк принимал бы либо серебряной монетой, либо собственными билетами. Билеты, которые выдавал банк за эти вклады, должны были приносить определенный доход и обращаться вместе с «ходячими деньгами», подавляя тем самым ассигнации. Поэтому Д.А. Гурьев предлагал запретить «передачу билетов, как по бланкам, так и по надписям» для того, «чтобы один токмо вкладчик мог истребовать свой вклад или, в случае его отсутствия, доверенный им на законном основании, который однако же не имел бы права передоверить от себя другому лицу». Подобное распоряжение, по мнению Д.А. Гурьева, «совершенно согласуется и с сущностью процентных вкладов, которые представляют собственность капиталистов, желающих пользоваться постоянным и самым верным доходом, но которые отнюдь не должны заменять ходячую монету в явный подрыв ныне учреждаемым банковым билетам». На прежних условиях происходили бы внутренние и внешние переводы из одного города в другой, но только на серебро¹⁵⁵.

Учет векселей, тратт и других краткосрочных коммерческих бумаг должны были «осуществляться на основании установленных по Коммерческому банку правил». Д.А. Гурьев отмечал, что «пятилетний опыт обнаружил некоторые неудобства учета векселей, кои, по заведенному до сего времени порядку, переходя чрез руки многих маклеров и многих чиновников, не представляют надлежащей тайны, которая есть существенная принадлежность сей операции, а потому предполагается учредить особый Учетный комитет, составленный из первейших торговых домов здешней биржи». Краткосрочные ссуды выдавались бы под залог российских товаров на основании существующих правил; под залог золота и серебра в слитках и разной иностранной звонкой монеты; под залог билетов Опекунского совета и Комиссии погашения долгов на звонкую монету; ссуды Казначейству путем учета его обязательств¹⁵⁶.

Д.А. Гурьев считал необходимым ввести практику выпуска краткосрочных обязательств Казначейства, распределив сроки обязательств таким образом, чтобы «в конце каждого года они уплачены были». Вызвано это было тем, что «когда государственные доходы поступают в 504 уездных казначейства, расположенных на пространстве многих тысяч верст, с большими затруднениями достига-

¹⁵⁵ Там же. Л. 80–84 об.

¹⁵⁶ Там же. Л. 84 об.–86.

ют мест, откуда по надобностям назначается их употребление, тем более необходимы сии предварительные меры, в особенности потому, что кроме сборов питейных, соляных и несколько других менее значащих, большая часть доходов получается в две половины года». Долгосрочные ссуды предполагалось выдавать «под залог недвижимых имений, мануфактур, фабрик и т. д.». Правила, регламентирующие эту операцию, должны были быть изложены в уставе банка¹⁵⁷.

Создание «банка на серебре» требовало завершения всех операций, которые до этого времени производились ассигнациями. Для этого Д.А. Гурьев предлагал, во-первых, ликвидировать ассигнационные вклады посредством предоставляемых ссуд. Осуществить эту операцию можно было только тогда, «когда Заемный банк получит окончательный платеж всех долгов, коих сроки довольно далеки: большая часть в 8 и 12 лет, а платеж от Комиссии погашения долгов простирается на 18 лет». Во-вторых, превратить их во вклады серебром по курсу. Проведение этой операции было «предоставлено <...> на волю каждого вкладчика». В-третьих, обратить их в фонды Комиссии погашения, приносящие непрерывный доход серебром. Для этого предлагалось открыть добровольный заем, в который принимались бы только билеты Заемного банка. Вкладчику предлагалось бы шесть процентов непрерывного дохода, вместо получаемых им пяти, что составляло премию на капитал 20%. Оставалась только одна проблема, согласятся ли на это вкладчики. В случае, если вклады по-прежнему останутся ассигнационными, то это, по мнению Д.А. Гурьева, могло привести «к большому затруднению общего преобразования». В-четвертых, заплатить их наличными деньгами, используя для этого суммы, остающиеся в собственности Коммерческого и Заемного банков. По расчетам Д.А. Гурьева на счетах Коммерческого и Заемного банков должна была поступить сумма, намного превышающая 90 млн. руб., которые необходимо было заплатить по вкладам Заемного банка. Проблему могли составить 40 млн. частных вкладов. «Впрочем, — отмечал Д.А. Гурьев, — вся сия сумма, вероятно, не будет вытребована вдруг <...> Нет сомнения, что некоторые вкладчики согласятся обратить вклады на серебро. Наконец, в случае нужды банк заплатит востребователям из общей своей кассы звонкою монетою». Сколь бы выгодным ни был этот план, но его нельзя было реализовать без «стеснения для вкладчиков», избежав при этом всевозможных потрясений «и не причинив убытка кредиторам»¹⁵⁸.

¹⁵⁷ Там же. Л. 86–87 об.

¹⁵⁸ Там же. Л. 90 об.–96.

При открытии банка, по мнению Д.А. Гурьева, необходимо было объявить, что банк будет производить «свои операции токмо серебряною монетою», принимать вклады «серебром или <...> своими билетами». Ассигнационные вклады, «поступившие в Коммерческий банк, будут возвращаемы по востребовании вкладчика ассигнациями», но впредь банк не будет их принимать. Вклады, «внесенные разными казенными местами в Заемный банк», переводятся «на серебро по биржевому курсу».

Решить проблему с вкладами частных лиц можно было тремя способами. Первый состоял в том, что открывался особый заем, в который принимались бы только билеты, выданные на эти вклады. Капитал по этим билетам переводился на серебро по биржевому курсу и его, по мнению Д.А. Гурьева, можно было перевести в обеспеченный долг, «приносящий непрерывного дохода 6% серебром». При этом назначались «2% погашения для уплаты капитала». Те из вкладчиков, которым предложенные условия не подходили, могли обменять «свои билеты в банке по курсу на билеты серебром, приносящие, как и прежде, 5%». Тем вкладчикам, которым ни один из двух предложенных способов не подходил, вклады возвращались «наличными ассигнациями в течение трех месяцев по закрытии займа». Министр ожидал перевода большей части капиталов на вклады серебром или обращения их в обеспеченный долг, «приносящий 6% непрерывного дохода»¹⁵⁹.

Во второй части плана Д.А. Гурьев рассматривал способы перевода ассигнационных долгов Комиссии погашения (до 303 миллионов) на серебро. Для этого долги, которые были записаны в Государственную долговую книгу к 1 января 1823 г., разделялись на две категории. Первую составляли долги, «записанные, или имеющие быть записанными, на счет 60 млн.», которые ежегодно отпускались Казначейством в Комиссию. К ним относились долги, сделанные до 1817 г., и те долги, которые были сделаны для погашения ассигнаций. Структура долгов до 1817 г., была довольно разветвленной. Во-первых, это 5%-ный долг Голландии, который в 1817 г. составлял 51 100 000 гульденов, в 1823 г. — 48 100 000 гульденов. Ежегодно в его уплату перечислялись 500 000 гульденов, и предполагалось погасить его в 1919 г. Во-вторых, это внутренние 6%-ные срочные долги Опекунским советам и Приказам общественного призрения. На их уплату выделялась ежегодно «десятая часть капитала». Д.А. Гурьев рассчитывал, что окончательно выплатить эти долги можно бы было в 1833 г. В-третьих, внутренние бессрочные

¹⁵⁹ Там же. Л. 97–98.

обыкновенные заимствования. К ним относились: долг Казначейства Заемному банку в 84 млн., «которые и обращены, для постепенной уплаты, в долг Комиссии, с выдачей ежегодно 6% дохода и 2% на погашение капитала»; «прежний долг Казначейства разным лицам, в том числе и иностранным державам»; «долг Военного департамента по прежним его счетам». В-четвертых, долги бессрочные неприкосновенные. Вторую категорию составляли долги записанные, или которые предполагалось внести «на особый счет Казначейства, то есть на счет особо отпускаемых им сумм, сверх 60 млн.», а именно: срочные 6%, бессрочные 6% и 2% погашения, 5% и 2% (Берингу), $\frac{3}{4}$ из 43 млн. займа у Ротшильда по 5% и 1% погашения ¹⁶⁰.

Своевременная уплата срочных долгов и постоянное погашение по долгам бессрочным, по мнению Д.А. Гурьева, должны были изменить их состояние к 1835 г. Он полагал, что в Государственной долговой книге останутся только бессрочные долги, часть которых также «будет выкуплена посредством непрерывного действия погашения» ¹⁶¹. Выкуп долгов должен был производиться в соответствии с установленными правилами ежегодно. Окончательно перевести долги на серебро Д.А. Гурьев предлагал в 1833 г. посредством займа с 20% премией и 5% непрерывного дохода, в который должны были принимать «одни только ассигнационные фонды Комиссии погашения». Те «из капиталистов», которые не согласятся на эти условия, могли получить наличные деньги. Таким образом, все ассигнационные долги можно было либо выплатить, либо обратиться на серебро ¹⁶².

В третьей части плана рассматривался перевод государственных доходов и расходов на серебряную монету. Вначале Д.А. Гурьев предлагал «определить и исчислить расходы», чтобы знать, «сколько нужно иметь доходов и изыскать способ к обращению их на серебро». Государственные расходы в 1821 и 1822 гг. доходили до 470 млн. рублей ассигнациями или 128 млн. рублей серебром. По некоторым частям управления они могли быть уменьшены, по другим же, напротив, увеличены. Реализация плана финансов должна была происходить в течение 12 лет, поэтому «при определении расходов на будущее время, — считал Д.А. Гурьев, — не следует их назначать в меньшей сумме противу текущего года; напротив, должно предположить их с некоторым возвышением» ¹⁶³, а именно до 150 млн. серебром в год. В эту сумму министр включил три категории расходов:

¹⁶⁰ Там же. Л. 101–104.

¹⁶¹ Там же. Л. 105 об.–106.

¹⁶² Там же. Л. 109–109 об.

¹⁶³ Там же. Л. 109 об.–111.

во-первых, государственный долг. Суммы, назначенные на платеж долгов, должны были быть не меньше существующих на тот момент. Во-вторых, расходы личные: жалованье, пенсии. Уменьшение достоинства ассигнаций привело к тому, что чиновники стали получать на $\frac{3}{4}$ меньше жалованья, чем прежде. Так как «возвышение окладов по некоторым родам службы не вознаградило сей потери», то Д.А. Гурьев полагал, что «обращение всей массы, на жалованье определяемой, рубль в рубль на серебряную монету, отяготит финансы: ибо на сие потребовалось бы до 63 млн. серебром, а назначение по нынешнему курсу было бы очевидно убавкою жалованья». Поэтому, по его мнению, необходимо было пересмотреть размер жалованья и пенсий по всем частям управления. В-третьих, вещественные расходы: поставки, провиант, строения и т. д. Д.А. Гурьев предлагал по мере перевода всех счетов на серебро изменять размер суммы, выделяемой на эти расходы ¹⁶⁴.

Годичные расходы в 150 млн. рублей серебром следовало обеспечить соответствующим поступлением податей. Однако изыскать такую сумму было довольно трудно. Гурьев призывал «вникнуть в каждый род податей и <...> рассмотреть, какое можно сделать прибавление, как отдельно в некоторых налогах, так и во всех вообще». Он также рекомендовал изыскать доходы «не столько возвышением налогов, сколько переменою образа сбора и раскладки их» ¹⁶⁵.

На третий или четвертый год, отмечал Д.А. Гурьев, после создания «банка на серебре», когда «в обращении будет достаточно банковых бумаг и серебряной монеты», можно было бы приступить к переводу государственных доходов и расходов на серебряную монету, на что потребовалось бы пять или шесть лет. За это время ассигнации не допускались бы в платеж податей, а оставались «в обращении только между частными людьми», что неизбежно привело бы к их обесцениванию. Противодействовать этому могло только ежегодное изъятие значительного количества бумажных денег из обращения. Таким образом, ассигнации становились «новым родом счетной монеты». Д.А. Гурьев не исключал, что «весь порядок обращения податей на серебряную монету» может быть изменен «сообразно обстоятельствам времени и успехам операции». На пятый год, считал он, «может быть начато и обращение жалованья на серебро» ¹⁶⁶.

В четвертой части плана Д.А. Гурьев обратился в целом к проблеме извлечения ассигнаций из обращения. В 1823 г. количество об-

¹⁶⁴ Там же. Л. 112–114.

¹⁶⁵ Там же. Л. 114–114 об.

¹⁶⁶ Там же. Л. 114 об.–116.

рашающихся ассигнаций составляло 563 526 525 рублей. Изъять их одновременно целиком без расстройств финансов было практически невозможно. Поэтому Д.А. Гурьев предлагал в течение 12 лет выменивать ассигнации на билеты нового банка. Билеты Российского банка, «имея ход непринужденный, должны служить пособием для значительных только оборотов, как по счетам Государственного казначейства, так и по коммерции и промышленности, а не так, как ассигнации, во всех платежах имеющие ход принужденный: следовательно, масса звонкой монеты, обращающейся в государстве, даст движение всем прочим счетам и платежам. Примеры удостоверяют, что бумажная монета всегда вытесняет звонкую монету из обращения. Напротив, где она уничтожается, там появляется и заступает ее место золото и серебро». Д.А. Гурьев отмечал, что все государства, использовавшие значительное количество ассигнаций, различными способами освободились от них. В заключении плана 1823 г. он писал, что если «представляемые меры удостоены будут одобрения и приведутся в исполнение, тогда Россия, без насильственных средств и без всякого потрясения, освободится от общественного зла, столь долгое время ее тяготившего»¹⁶⁷.

XI

Несмотря на отставку Д.А. Гурьева в апреле 1823 г., подготовленный план обсуждался в Комитете финансов. 16 декабря 1823 г. свои замечания высказал новый министр финансов Е.Ф. Канкрин. Он начал с того, что «все те государства, кои занимались поправлением своих бумажных денег, более или менее ошиблись в своих расчетах. Можно сказать, что некоторые народы были похожи на больного в клинике, над которым испытывают силу разных предположительных лекарств». Ситуация в Австрии, которую многие рассматривали как положительный пример окончательного решения проблем, связанных с обращением бумажных денег, только внешне благополучна. Он отмечал, что австрийское правительство вновь было вынуждено заключать займы, чтобы удовлетворять требования «о расчете бумаги на металл». В отношении России Е.Ф. Канкрин полагал, что «без самой крайней необходимости не должно входить в большие операции по бумажным деньгам, остерегаясь особливо крутых, требующих больших пожертвований». К такого рода мерам можно было прибегнуть только в том случае, «если выпущенная масса ассигнаций весьма велика и доверие к ним совершенно исчезло». Как было,

¹⁶⁷ Там же. Л. 116 об.-124.

например, с бывшими французскими ассигнациями и венскими шейнами. Если же доверие сохранилось, тогда уже только «прекращение дальнейших выпусков бумаги служит достаточным обеспечением достоинству оных». Не следовало, по мнению Е.Ф. Канкрина, прибегать и к дорогим способам уничтожения ассигнаций. Любое «крупное уменьшение ассигнаций», полагал он, хотя и «стремилось к поправлению ассигнаций», вместе с тем «производит страх в народе, унижает мнение людей об ассигнациях и сим нравственным действием противоборствует действию расцвета, особливо в народах хлебопахотных»¹⁶⁸.

Из этого следовало, констатировал Е.Ф. Канкрин, что по возможности необходимо было поддерживать «ассигнации в циркуляции, уничтожая или убавляя их мало-помалу, из настоящих остатков государственных доходов; ибо сим способом отвращается для потомства несносная тягость процентов на фондирование ассигнаций. Вообще же, — отмечал он далее, — трудно решить вопрос, что было, есть и будет гибельнее для европейских народов, прежняя ли система бумажных денег, или нынешняя система займов, или, другими словами, сильная болезнь, которая скоро проходит, или долговременный недуг, который мало-помалу съедает жизненные силы?»¹⁶⁹ Кроме того, Е.Ф. Канкрин полагал, что «ценность ассигнаций или лаж уже многие годы остается без чувствительных перемен и внутренняя торговля от оных нисколько не расстраивается. Даже удобность общежития доведена до того, что лаж придается на ассигнации, полагая серебряный рубль умственно в 4 рубля»¹⁷⁰.

Вместе с тем, до тех пор, пока «обстоятельства не откроют других выгод», Е.Ф. Канкрин предлагал, во-первых, отказаться от практики заключения займов, «для уменьшения ассигнаций»; во-вторых, не проводить никаких «новых операций с ассигнациями <...> а уменьшение их делать постепенно и не чувствительно»; в-третьих, поддержать «систему государственного кредита <...> примерною честностью и удалением всяких насильственных мер». Кроме того, Е.Ф. Канкрин высказывался в пользу опыта Англии и считал, что со временем следовало «подумать о превращении 6% ассигнаций в долг на серебро, и об уменьшении процентов прочих займов». В-четвертых, он полагал, что ежегодно часть суммы от 30 миллионов, которые предназначались на погашение ассигнаций, «употребить по совещанию с Советом кредитных установлений на

¹⁶⁸ Там же. Л. 12–17.

¹⁶⁹ Там же. Л. 17–17 об.

¹⁷⁰ Там же. Л. 19.

уменьшение долгов» и только «несколько миллионов на сожжение». В-пятых, для уменьшения долгов Е.Ф. Канкрин считал необходимым «стараться покрывать государственную роспись сбережениями и внутренними способами», а «не заимствовать из займов». С уже имеющимися займами, по его мнению, следовало поступить следующим образом. 7 миллионов серебра, которые оставались по последнему займу в Лондоне, Е.Ф. Канкрин предлагал направить «на погашение долгов, по ближайшему соображению Комиссии погашения, заграничных или банковых. Деньги банковые обращать на верные займы, от сего последнего казна будет терять на процентах, но сего избежать нельзя, ибо скорый выкуп заграничных долгов может слишком поднимать фонды». Другую часть от этого и остатки от других займов до 15 млн. серебром «оставить на время государственным сокровищем на случай войны. А коль скоро обстоятельства того позволят, употребить и сей капитал на уменьшение долгов». 30 миллионов ассигнационных рублей, которые оставались в Комиссии погашения, Е.Ф. Канкрин считал необходимым обратить, по усмотрению Совета кредитных установлений, «на выкуп долгов» или уничтожить. В случае, «если капитал выкупа» увеличится до такой степени, «что фонды слишком поднимутся, а усиленная заплата долгов банковых также неудобна, так по необходимости должно действовать медленнее, хотя бы потерей от процентов».

Е.Ф. Канкрин считал, что разрешение таким способом проблемы ассигнаций и государственного долга приведет к укреплению Казначейства и будет способствовать тому, что «государство сохранит себя, на случай войны, без ослабления его главных ресурсов: займы на выгодных условиях». Если же этому будут препятствовать Англия и Голландия, как основные кредиторы русского правительства за рубежом, тогда «временные налоги и некоторое временное же усиление числа ассигнаций» помогут исправить положение. По мнению Е.Ф. Канкринина, эта система «конечно проста, не блистательна, не удавит людей, не славит Министерство финансов, не обещает чрезвычайных ресурсов на счет потомства», но она казалась ему «полезна и не опасна»¹⁷¹.

Комитет финансов, рассмотревший план Д.А. Гурьева, представил отрицательный отзыв 20 февраля 1824 г. В нем, в частности, отмечалось, что этот проект «не есть окончание или довершение плана 1817 года, но начинание новое и первому во многих отношениях противоположное». Сущность нового плана к тому времени уже бывшего министра финансов состояла в том, говорилось в заклю-

¹⁷¹ Там же. Л. 20 об.–23 об.

чении Комитета финансов, «чтобы достигать возвышения цены ассигнаций чрез постепенное уменьшение их количества в обращении посредством назначенных на предмет сей 30 млн. рублей. На счет сих 30 млн. открываемы были займы ассигнациями и серебром. Государство обременилось новою массою долгов, курс наш страдает от перевода денег за границу на платеж процентов, но со всем тем ассигнации не возвысились. При недействительности прежних операций (какие бы ни были тому причины) к уравниванию ассигнаций с звонкою монетою, предполагается ныне принужденное переложение оных на серебро, посредством банка, учреждаемого на серебре, который в плане 1817 года почитался бесполезным и даже вредным, а ныне представляется главным и единственным средством к окончательному устройству финансов». Проект создания банка, констатировалось далее в заключении, предусматривал «выпуск банковых серебряных билетов и уничтожение в настоящих банках вкладов ассигнационных превращением оных в серебряные или платеж наличных денег»¹⁷².

Комитет пришел к выводу, что введение в обращение серебряных билетов «крайне опасно; ибо оное может сильно повредить государственному кредиту, поселив <...> в массе народа мысль, что правительство, по невозможности вновь выпускать ныне существующие ассигнации за обнародованным о том обещанием, прибегло к сему извороту под другим токмо наименованием». Кроме того, обращали внимание члены Комитета финансов, «билеты сии имеют не столько натуру бумажных денег как сущность облигации, что должно затруднять их ход», а также «количество их впоследствии может быть умножаемо по необходимости, но правило сие <...> весьма неопределительно». Следовательно, велика была вероятность того, что «народ, испугавшись новых бумажных операций, бросится выменивать серебро. Но если бы сего и не случилось, то переменная в Европе на серебро цена может поощрить к ажиотажным спекуляциям на вымен серебра и высылку за границу. Коль же скоро серебряный фонд в банке станет истощаться, то и новые билеты сделаются тоже, что прежние ассигнации»¹⁷³.

Комитет предлагал для уничтожения в банках ассигнационных вкладов ликвидировать или постепенно уплатить их «по мере поступления в банк денег», которые были розданы «большей частью на отдаленные сроки». Превратить вклады в серебряные, по мнению Комитета, являлось «признанием недействительности си-

¹⁷² Там же. Л. 29 об.–31 об.

¹⁷³ Там же. Л. 32 об.–33 об.

стемы 1817 г.». Не целесообразно было и «фондирование банковых вкладов в Комиссии погашения», так как казна была бы отягощена выплатой «лишних процентов», а 20%-ная премия не могла бы компенсировать потери вкладчиков, которые вносили деньги в банк, ожидая от «свободного обращения их капиталов» большие прибыли. Бесперспективной и опасной считал Комитет возможность возвращения «за вклады наличных денег». Комитет финансов полагал также, что невозможно точно рассчитать какова будет через девять лет сумма ассигнационных долгов Комиссии при переводе их на серебро «по нынешнему курсу ассигнаций». Поэтому члены Комитета считали, что успешность подобных планов, исполнение которых откладывалось на столь «отдаленное время, по неизбежным переменам лиц и обстоятельств, весьма сомнительна, и <...> виды погашения долгов часто бывают обманчивы, как уже неоднократно было замечено в Англии, ибо система вести финансы долгами всегда ведет к новым долгам»¹⁷⁴.

Сравнив два предложения плана о повышении податей до 555 миллионов и переложении их на серебро, Комитет пришел к выводу, что они между собой совершенно несовместимы. Члены Комитета полагали, что «в теперешнем положении государства <...> никакая напряженность внимания, никакое преобразование податей» не приведет к их повышению на 145 миллионов. Если такое повышение налогов было невозможно, то затруднительно и переложить расходы и доходы на серебро. Кроме того, по плану Д.А. Гурьева в течение нескольких лет предполагалось одну часть доходов взимать ассигнациями, другую серебром. По мнению Комитета, это привело бы к тому, «что вся соразмерность потеряется между ценами, расходами и доходами; что по Министерству финансов произойдет запутанность в счетах и что оно поставлено будет в крайнее затруднение и при составлении и при выполнении бюджетов»¹⁷⁵.

Не поддержали члены Комитета предложение Д.А. Гурьева о сжигании в течение 12 лет ассигнаций на 328 миллионов. Во-первых, это привело бы к «отягощению в течение 12 лет народа», так как 194 миллиона должны были быть собраны «посредством налогов». Во-вторых, это не способствовало бы развитию торговли и промышленности, потому что капиталы Заемного и Коммерческого банков, которые ранее направлялись на эти цели, теперь должны были быть использованы для изъятия из обращения ассигнаций. В-третьих, ухудшилось бы положение Государственного казначейства, так как

¹⁷⁴ Там же. Л. 33 об.—36 об.

¹⁷⁵ Там же. Л. 36 об.—39.

прибыли банков, ранее сюда поступавшие, теперь направлялись бы на другие цели ¹⁷⁶.

Комитет не согласился с расчетами, изложенными в проекте Д.А. Гурьева, полагавшего, что после окончательного через 12 лет истребления ассигнаций «для народного обращения» будет достаточно 90 миллионов банковых билетов. Не убедили членов Комитета и расчеты, сопровождавшие изложение основных операций проекта. Как отмечалось в журнале, «при ближайшем рассмотрении» открылось, «что вычисления сии большею частью гадательны; ибо оные основываются на посылках токмо возможных или вероятных, но неточных. Но в деле толикой важности необходима определительность ясная и несомнительная» ¹⁷⁷.

Таким образом, члены Комитета пришли к заключению, «что при затруднительности <...> внутренних вексельных переводов, при неудобствах, сопряженных с перевозкою звонкой монеты по дальности расстояний, при неуверенности в постоянстве цены новых банковых билетов и при опасениях, которые выпуск оных может возбудить в народе, — что при всех сих обстоятельствах благоразумное сохранение настоящих <...> ассигнаций благонадежнее, нежели принятие предполагаемого нового плана; и посему обязанностью почитает присовокупить, что в случае приведения оного в исполнение Комитет никак не может на себя принять ни ручательства, ни ответственности в успехе оного» ¹⁷⁸.

XII

В итоге Комитет сформулировал главные правила, на которых должна была основываться «система финансов». В первую очередь не следовало «делать новых займов для погашения ассигнаций и вообще не тревожить народ новыми операциями по сему предмету», напротив, надо было придерживаться того правила, «что дальнейший выпуск ассигнаций прекращен», а уменьшать их количество в будущем «постепенно и <...> нечувствительно», с тем, чтобы избежать «новых потрясений». Исключением из этого постулата могли быть «особые события и обстоятельства», требующие «каких-либо чрезвычайных мер».

В мирное время надлежало больше заботиться «о скорейшей уплате и уменьшении государственных долгов», не заключать зай-

¹⁷⁶ Там же. Л. 39–40.

¹⁷⁷ Там же. Л. 40–41.

¹⁷⁸ Там же. Л. 41–41 об.

мов, а государственную роспись покрывать «сбережениями и внутренними способами». Сумму около 6 500 000 руб., «остающуюся ежегодно от 30 миллионов, на погашение ассигнаций отпускаемых», направлять после предварительного обсуждения с «Советом кредитных установлений, преимущественно на усиление капитала выкупа, и разве токмо некоторую часть на сожжение, особенно когда количество долгов уменьшается».

Совет государственных кредитных установлений должен был решить судьбу 32 миллионов ассигнаций, оставшихся для сожжения в Комиссии погашения долгов от 1822 г. Если Совет признал бы целесообразным присоединить их к капиталу выкупа, тогда по решению министра финансов эту сумму можно было бы употребить «на уменьшение внутренних и внешних долгов». На это же следовало направить оставшуюся в Лондоне «последнюю часть займа Ротшильда <...> с предоставлением министру финансов заимствовать из сей суммы (как уже отчасти сделано) на заграничные платежи, с возвратом здесь; или по ближайшем соображении обстоятельств употребить оную всю за границею». Распоряжения по двум частям займа Ротшильда, которые поступили «металлами» и составили «свыше 15 млн. серебром, отложить <...> впредь до усмотрения, не нужно ли будет из оных составить неприкосновенный запасный государственный капитал или же употребить и оные на уменьшение долгов <...> Если капитал погашения долгов, — говорилось далее в постановлении Комитета, — сими мерами возратить до такой степени, что при усилении выкупа фонды слишком возвысятся, то (также по предварительном соглашении с Советом кредитных установлений) имеет в виду употребление излишних по сему капиталу сумм: а) на платеж долгов фондируемых независимо от 60 миллионов, ежегодно Комиссии погашения ассигнуемых, равно и долгов не фондируемых Государственного казначейства; в) на общепользные предприятия в пользу торговли и с) в крайних случаях на покрытие других государственных нужд во избежание новых долгов».

Комитет полагал, «если время и обстоятельства укажут удобность уменьшить (по примеру Англии) проценты по нашим долгам, особливо ж шестипроцентным ассигнационным, то к оному приступить по особому представлению министра финансов». Кроме того, «с ускорением уплаты долгов» должны были поступить значительные суммы в Заемный и Коммерческий банки из Комиссии погашения. В этом случае предлагалось их «обратить <...> в ссуду с достаточным обеспечением». Министр финансов должен был подготовить свои предложения о «назначении рода ссуд». Комитет считал, что «неизвестность могла б быть вредна для государственного кре-

дита», поэтому «публику» необходимо было информировать «о принятой хозяйственной системе». Министр финансов должен был объяснить ее суть «в речи, при открытии собрания Совета для ревизии отчетов кредитных установлений за 1823 год». По мнению Комитета, эта система «проста, удобоисполнительна и может постепенно поправить финансы»¹⁷⁹.

А.Б. Куракин представил по проекту Гурьева особое мнение. Признавая необходимость принятия дополнительных мер к плану 1817 г., он полагал, что преобразование существовавших ассигнаций в серебряные будет не чем иным, как увеличением «бумажной монеты под другим только наименованием». Капитал в звонкой монете, предназначенный для поддержания достоинства ассигнаций в результате влияния многих факторов, например, повышения цен на серебро за границей, отрицательного баланса внешней торговли или каких-либо иных политических обстоятельств, может значительно уменьшиться, что «потрясет кредит серебряных ассигнаций, обратит их в то же <...> положение, в каком находятся <...> ассигнации, не имеющие определенного им достоинства, и <...> затруднит все вообще расчеты, во всех денежных оборотах». Куракин выступал против заключения новых внешних «металлических займов», полагая, что таковые, сделанные в предыдущий период, обременительны для государства и Казначейства. Кроме того, он считал, что правительству не удастся удержать установленный курс серебряного рубля к ассигнационному, а в этом случае Министерству финансов будет очень тяжело оплачивать расходы в период, когда взимание государственных доходов, выплата жалования и пенсий будет производиться серебром. Куракин пришел к заключению, что не нужно «расстраивать» существующее положение ассигнаций, со сложившимся в течение многих лет «без чувствительных перемен» курсом, к которому все привыкли, и на котором основаны все казенные и частные «по государству обороты»¹⁸⁰.

1 марта 1824 г. Александр I утвердил объединенное мнение Комитета, однако отметил, что графа Гурьева «уведомлять не нужно, ибо, не быв призван в заседании Комитета финансов, он сам может вывести заключение, что дело сие отложено до другого времени»¹⁸¹. 10 марта того же года император распорядился «повременить» с рассмотрением предложения Д.А. Гурьева¹⁸². Таким образом, проект Д.А. Гурьева до времени был похоронен.

¹⁷⁹ Там же. Л. 41 об.–45.

¹⁸⁰ Там же. Л. 188 об.–193.

¹⁸¹ Там же. Л. 24.

¹⁸² Там же. Л. 47.

XIII

В деятельности Д.А. Гурьева во главе Министерства финансов и в его проектах в области финансовой политики особое место принадлежало обеспечению военных расходов, что очевидно вытекало из характера международного положения России в первой четверти XIX в. и стало следствием практически непрерывных военных кампаний русской армии в этот период, не говоря уже об Отечественной войне 1812 г. Согласно данным Министерства финансов, военные расходы с 1804 по 1830 г. составляли от 42% (1805 г.) до 62–63% (1813–1814 гг.) от общих казенных затрат. В отдельные годы военные расходы государственного бюджета равнялись: в 1804 г. — 46,5%, 1805 — 42%, 1806 — 49%, 1807 — 47%, 1808 — 52%, 1809 — 46%, 1810 — 58%, 1811 — 47%, 1812 — 55%, 1813 — 62%, 1814 — 63%, 1815 — 53%, 1816 — 58%, 1817 — 46%, 1818 — 48%, 1819 — 44%, 1820 — 47%, 1821 — 51%, 1822 — 47%, 1823 — 48%, 1824 — 44%, 1825 — 37%, 1826 — 42,7%, 1827 — 45,6%, 1828 — 43,6%, 1829 — 46,2%, 1830 — 43,6%¹⁸³. Такие затраты были непомерным грузом для государственного бюджета, разрушительны для финансовой системы страны и непосильной тяготой для народного хозяйства России. Казна с огромным напряжением могла выдерживать столь значительные траты (Приложение 3).

Наиболее тяжелая финансовая ситуация возникла в период Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии. В записке от 20 марта 1817 г. «О государственных долгах и Комиссии погашения долгов» Д.А. Гурьев писал об этом времени, что «все способы, все усилия устремлены были на удовлетворение чрезвычайных военных издержек для защиты государства; подати и налоги, учрежденные для усиления государственного кредита, по настоятельной необходимости обращены были на тот же предмет»¹⁸⁴. С какими трудностями пришлось столкнуться Министерству финансов в связи с началом военных действий в 1812 г., вспоминал П.И. Голубев: «По вторжении неприятелей дела умножились чрезвычайно: при быстром движении наполеоновских полчищ, 16 губерний прекратили высылку сумм в главные (тогда С.-Петербургские для штатных и остаточных сумм) казначейства; требовались каждый день миллионы для непредвиденных

¹⁸³ Министерство финансов. 1802–1902. С. 620–621, 624–629. См. также: *Кожневников А.А.* Армия в 1805–1814 гг. С. 81; *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XIX в. Военно-экономический потенциал России. М., 1973; *Латин В.В.* Военные расходы России в XIX в. // Проблемы социально-экономической истории России. СПб., 1991. С. 148–159.

¹⁸⁴ Сборник сведений и материалов... С. 76.

военных надобностей, наличные деньги отправлялись губернаторами из одной губернии в другую, чтоб не достались военным грабителям; толпы несчастных жителей бежали перед массами врагов, требуя от своего правительства пристанище и хлеба; надобно было вооружать народ, так как числительная сила русских далеко не равнялась армиям Наполеона <...> Продовольствие и снабжение сотен тысяч военнопленных, призрение людей, удалившихся из мест, занятых неприятелем, заготовление теплой одежды и обуви для наших войск, при жестоких морозах во время преследования французов, необходимость сожжения человеческих и конских трупов, которыми завалены были дороги от Москвы до границы, во избежание заразительных болезней, потребовали больших сумм на такие надобности, которых не только нельзя было предвидеть, но и трудно вообразить. С наступлением 1813 года император Александр I пожаловал в ссуду жителям: Смоленской губернии 6 млн., Московской 15 млн. и сверх того, повелев учредить в Москве Строительную комиссию, пожаловал на действия ее 5 млн. рублей. При переходе русских войск за границу жалование им стали производить по заграничному положению, т. е. вчетверо и не одними ассигнациями, а преимущественно звонкою монетою <...> Министру финансов оставалось в подобном кризисе избрать из многих зол меньшее, и он поставлен был в необходимость покрывать, по крайней мере, внутренние чрезвычайные расходы выпуском государственных ассигнаций. Мера плачевная, но тогда единственная и неизбежная, так как в противном случае надо было бы вовсе оставить начатое великое дело спасения России и Европы. Одна из труднейших финансовых задач того времени состояла в приискании средств к снабжению наших заграничных армий звонкою монетою. Для этого, по распоряжению бывшего тогда министром Гурьева <...> открыты были во многих губерниях вымены золота и серебра на ассигнации, конечно с предоставлением некоторой выгоды продавцам монет к ущербу казны <...> открыт на С.-Петербургском монетном дворе прием металлов от вольноприносителей также с платою за золото и серебро ассигнациями»¹⁸⁵.

Определенно ответить на вопрос, сколько стоили государственной казне Отечественная война и заграничные походы русской армии, не просто. По сведениям Д.А. Гурьева, кампания 1812–1814 гг. обошлась российскому государству в 239 млн. руб., а военные действия 1805–1809 гг. — 412 млн. руб.¹⁸⁶. Согласно отчету Барклая-де-Толли

¹⁸⁵ Русский архив. 1896. № 4. С. 524–527.

¹⁸⁶ Злотников М.Ф. Континентальная блокада... С. 339. См. также: Бесов А.Г. О хронологии и финансовых издержках Отечественной войны 1812 года // Вопросы истории. 2003. № 12. С. 167–169.

Александрю I от 24 марта 1815 г. по основным статьям расходов на войну с французами в 1812–1814 гг. было истрачено 157 450 710 руб. 59 коп. ассигнациями¹⁸⁷.

Кроме того, издержки кампании 1812–1814 гг., по мнению ряда исследователей, можно разделить на две части. Первую составляют расходы Государственного казначейства, определить которые можно с известной степенью приближения, вторую — потери всего населения, которые практически не поддаются учету. Правительство простило крестьянам числившиеся на них недоимки и сложило все подати за вторую половину 1812 и за 1813 год. Одновременно от платежа процентов с капиталов за 1813 год были освобождены купцы, приписанные к городам, занятым неприятелем. Отменено было взыскание недоимок и штрафов по процентному сбору с помещичьих доходов за 1812–1814 гг., а также всякого рода начеты по казенным делам, продолжавшимся более 10 лет, или неумышленные потери не более двух тысяч рублей¹⁸⁸. К военным издержкам 1812 г. исследователи также причисляли расходы по уплате за фальшивые ассигнации, ввезенные в Россию наполеоновскими армиями и предъявленные потом в казну, а также расходы, связанные с присоединением к Российской империи разоренного «войнами и реквизициями при Наполеоне»¹⁸⁹ Царства Польского.

Столь значительные затраты казны покрывали за счет пожертвований (до 100 млн. рублей ассигнациями), приостановлением по всей стране отпуска сумм на возведение строений и на другие гражданские цели, кроме самых необходимых. Сэкономленные средства были переданы в Государственное казначейство¹⁹⁰. 25 июня 1812 г. Синод принял решение направить 1 500 000 руб., получаемых от продажи свечей в церквях, на борьбу с неприятелем, а также призвал духовенство пожертвовать на эти цели деньги, золотые и серебряные вещи. Синод предложил также увольнять «причетников, детей священно- и церковнослужителей и семинаристов не выше риторического класса для поступления по желанию в ополчение»¹⁹¹.

¹⁸⁷ Русский архив. 1874. № 9. С. 735.

¹⁸⁸ Сивков К.В. Финансы России после войны с Наполеоном. С. 124–137. См. также: Савелов Л.М. Московское дворянство в 1812 году. М., 1912.

¹⁸⁹ Сивков К.В. Финансы России после войны с Наполеоном. С. 129, 137.

¹⁹⁰ ПСЗ-1. Т. 32. № 25186. С. 396.

¹⁹¹ Там же. № 25191. С. 398–399.

4 августа 1813 г. по высочайшему повелению из Синода была дана грамота «всему православному духовенству российскому», которое отличилось «усердием к святой церкви и отечеству, во время неприятельского нашествия на Россию» (Там же. № 25431. С. 605–606).

По ходатайству императрицы Марии Федоровны в Казначейство поступили капиталы Приказов общественного призрения, за исключением средств воспитательных домов обеих столиц, оставленных за ними¹⁹². Были использованы доходы Комиссии погашения долгов, а из Заемного банка и Ломбарда были сделаны займы. На основании манифеста от 2 апреля 1812 г. были отсрочены выплаты по восьмилетним займам из Заемного банка на 12 лет¹⁹³. Ситуация крайне осложнилась, когда большая часть вкладчиков Заемного банка, Ломбарда и других кредитных казенных учреждений затребовала обратно свои капиталы. Чтобы остановить панику и удовлетворить все требования, министр финансов был вынужден испрашивать высочайшего повеления на отпуск Заемному банку и Ломбарду сумм из Ассигнационного банка¹⁹⁴. В поисках средств на военные расходы были приостановлены выплаты по голландскому долгу.

Режим строжайшей экономии государственных средств распространился и на вооруженные силы, содержание которых правительство стремилось частично переложить непосредственно на население. Из-за недостатка фабричного сукна было разрешено делать солдатам панталоны, шинели и плащи из простого крестьянского. Жалованье войскам как внутри государства, так и за границей выплачивалось ассигнациями, а не звонкой монетой¹⁹⁵. Ополчение содержалось за дворянский счет. Сбор провианта и фуража с жителей губерний, в которых происходили военные действия или занятых войсками, производился или в виде ссуды, или по реквизиции. За них платили не наличными деньгами, а облигациями Казначейства, приносившими 6% годовых. Через год эти обязательства можно было обменять на ассигнации или уплатить ими подати как наличными деньгами. Для разбора этих квитанций и уплаты по ним денег были учреждены в 1816 году в этих губерниях ликвидационные комиссии¹⁹⁶.

XIV

Борьба с Францией, создание антинаполеоновских коалиций потребовали от их участников значительных денежных средств,

¹⁹² Там же. № 25254. С. 446–448.

¹⁹³ Там же. № 25072. С. 274–276.

¹⁹⁴ *Сивков К.В.* Финансы России после войны с Наполеоном. С. 129–130.

¹⁹⁵ ПСЗ-1. Т. 32. № 25514. С. 715–716.

¹⁹⁶ Там же. Т. 33. № 26060. С. 429–430. См. также: *Журавский Д.П.* Статистическое обозрение расходов на военные потребности с 1711 по 1825 год. СПб., 1859. С. 215–217.

что поставило экономику большинства стран на грань катастрофы и заставило правительства европейских государств, в том числе и России, в условиях продолжающихся военных действий искать выход из создавшегося положения. В результате этих поисков возникло несколько финансовых проектов, суть которых сводилась к размещению чрезвычайного принудительного военного займа, который имел бы форму параллельной денежной системы. В одном случае такая система действовала бы в рамках одной страны (проект Н.И. Тургенева), в другом — был предложен замысел «европейских денег» (проект Г. Штейна — Д.А. Гурьева).

Бедственное положение населения, которое находилось на территории, занятой неприятелем в 1812 г., натолкнуло Н.И. Тургенева в конце 1813 г. или в начале 1814 г. создать проект о вспомогательных ассигнациях¹⁹⁷. Суть его состояла в том, что он предлагал выпустить в обращение созданной для этого особой комиссией в виде займа (без процентов и без залогов) 2 или 3 млн., а если потребуется, то и больше, бумажных денег, которые должны были «служить для вспоможения разоренным от войны». Н.И. Тургенев понимал, что «предсудительна» сама мысль об увеличении в обращении бумажных денег, однако при соблюдении определенных условий, полагал он, «новые ассигнации нисколько не повредят старым и нимало не потрясут государственного кредита». По мнению Н.И. Тургенева, правительство должно было «дать новым бумажным деньгам характер, совершенно отличный от ассигнаций <...> а именно: а) правительство должно объявить, что сии новые бумажные деньги выдаются единственно для пособия разоренным и что бытие их прекратится вместе с поправлением, хотя некоторым, состояния потерпевших от войны; б) дать новым бумажным деньгам совершенно новый вид, отличный от настоящих ассигнаций, и объявить на самих листах цель выпуска оных, что оные суть вспомогательные ассигнации». Правительство должно было следить за тем, чтобы вспомогательные ассигнации обращались точно так же, как и существующие бумажные деньги, т. е. ими можно было заплатить подати. Вместе с тем, он полагал, что «частные люди не должны быть принуждаемы принимать их, хотя сии вспомогательные ассигнации и могут переходить из одних рук в другие без ведома правительства». По убеждению Н.И. Тургенева «мнение есть главное основание кредита; а если мнение, что ассигнации выданы для пособия, вкоренится, то народ отделит их в понятии своем от теперешних ассигнаций и, уверен будучи в благой цели новых бумажных денег,

¹⁹⁷ Архив братьев Тургеневых. Вып. 3. Дневники Николая Ивановича Тургенева за 1811–1816 годы. СПб., 1913. Т. 2. С. 453.

будет невольно способствовать к сохранению кредита оных». Однако он не закрывал глаза на то, что может упасть ценность новых ассигнаций и тогда они «не произведут предполагаемого действия, или что некоторые из тех, кои оными снабжены будут, не будут в состоянии заплатить занятой суммы». Действительный же вред, отмечал он далее, состоял в том, «что капитал будет служить без процентов». Между тем плюсы этого проекта, по мнению автора, были очевидны: «Сколько полей будет обработано посредством сих вспомогательных ассигнаций! Сколько денежных капиталов будет возвращено торговле! Проценты и потеря капиталов будут сторицею вознаграждены произведениями земли и промышленности торговой». Кроме того, Н.И. Тургенев подчеркивал, что «г.г. практики или ложные теоретики почитают бумажные деньги каким-то орудием в руках правительства или регалиею правительства. Они думают, что недвижимые имущества правительства могут <...> отвечать за бумажные деньги — вот источник всех сих ложных мнений о бумажных деньгах; между тем как оные суть не что иное, как средство обращения, служащее вместо чистых денег, и коего судьба зависит единственно от промышленности народной, а не от богатства правительства. Если я имею, — отмечал он далее, — на 10 000 руб. ассигнаций и употребляю капитал сей в торговле, то из сего еще не следует, что для меня столь же прибыльно и удобно будет получить за сие землю ценою в 10 000 руб.»¹⁹⁸

Второй проект содержался в докладе министра финансов Д.А. Гурьева «Об учреждении заграничных кредитных бумаг», которые «могли бы заменить наличную звонкую монету», направленном Александру I 3 января 1813 г. При его подготовке Д.А. Гурьев учитывал тяжелое состояние финансов Российской империи и опирался на предоставленные бароном Г. Штейном сведения.

Необходимость выпуска такого рода денег обосновывалась министром тем, что реквизиции фуража и продовольствия на нужды армии разоряли население, а последнее в свою очередь было не в состоянии обеспечить потребности войск. Использовать реквизиции продолжительное время было нецелесообразно еще и потому, что это вызывало опасное недовольство и протесты жителей по отношению к новой администрации. Выдаваемые за конфискованное продовольствие всевозможные расписки и квитанции также не пользовались доверием у населения «по причине бесконечных расчетов», которым они были «подвержены, и злоупотреблений, которых предугадать невозможно»¹⁹⁹.

¹⁹⁸ Архив братьев Тургеневых. Вып. 3. Т. 2. С. 259–262.

¹⁹⁹ ОР РНБ. Ф. 484. Д. 50. Л. 2–2 об.

Дабы избежать всего этого, авторы проекта предлагали в занятых русскими войсками областях выпустить в обращение специальные бумажные деньги «под названием Кригс-Трезор-Шейне (Kriegs-Tresor Scheine)», которые должны были иметь если не «полный кредит, то по крайней мере достаточный к облегчению продовольствия и содержания армий во все продолжение войны». Новые бумажные деньги учреждались «на монетной системе Пруссии» и должны были обращаться за пределами России «во всех землях, которые будут заняты российскими армиями». Кроме того, кредит их предполагалось укрепить следующими мерами: «ручательством» российского императора, а после того как Пруссия присоединится к союзу — гарантиями прусского правительства, а также «других союзных держав»; «ограничением их выпуска на одно содержание и продовольствие армий»; «обещанием выкупа всех бумажных денег в течение трех лет по заключении мира, способом ли добровольного займа, который открыт будет Россиею, или вообще союзными державами; или же выменном их на государственные облигации, или на наличную звонкую монету»; «дозволением всякому, кто пожелает, ныне же вносить их в государственный бессрочный заем, который открыт будет для приема сих денег, с платежом за внесенный оными капитал, переведенный на российскую серебряную монету, по пяти процентов на сто; и сверх того для погашения капитала обращать ежегодно по два процента»; «дозволением принимать их ныне же внутри империи в платеж за продаваемые государственные недвижимые имущества». Кроме того, барон Штейн считал необходимым в том случае, если Австрия присоединится к союзу, договориться с ней «о назначении черты для отделения тех областей Южной Германии, в которых австрийские бумажные деньги должны иметь исключительный ход»²⁰⁰.

Еще один подобный проект 11 января 1813 г. был представлен Александру I Н.Н. Новосильцевым. Озаглавлен он был: «Проект федеративной системы финансов и торговли с учреждением соответствующего банка». Согласно ему торговые операции между союзниками должны были вестись на бумажные деньги. Для этого в С.-Петербурге предлагалось создать центральный торговый банк с отделениями в Москве и Риге. Он должен был выпускать «билеты для уплаты таможенных пошлин на общую сумму, соответствующую размерам русского вывоза, и принимать в обмен русскую и иностранную звонкую монету и бумажные деньги». Билеты банка должны были быть «обязательны к приему по нарицательной стоимости на всей территории Российской империи». Вслед за создани-

²⁰⁰ Там же. Л. 2 об.—5. См. также: Исторический вестник. 1905. № 9. С. 903.

ем банка необходимо было отменить все запрещения на ввозимые в Россию товары тех стран, которые становились участниками федеративной системы²⁰¹. Проект Новосильцева не мог быть реализован, так как обеспечением билетов банка в 50, 100, 200, 300, 500 и 1000 рублей должен был стать, по мнению автора, российский серебряный рубль достоинством в 4 золотника и 21 долю чистого серебра²⁰². Маловероятно, что эта идея получила бы поддержку со стороны Д.А. Гурьева, который всеми правдами и неправдами стремился не выпускать российские деньги за пределы империи.

В мае 1813 г. Д.А. Гурьев подготовил новый доклад, согласно которому для покрытия расходов на содержание за границей русских войск предлагалось выпустить в обращение «федеративные деньги». Впоследствии их можно бы было обменивать на серебряные. Выпуск таких специальных бумажных денег производился бы «по согласованию с правительством той страны, на территории которой ведутся военные действия». Эмиссию и все операции с «федеративными деньгами» Д.А. Гурьев предлагал проводить под руководством союзнической комиссии. Кроме того, необходимо было «договориться с союзными державами об их участии в выпуске и о способах коллективного изъятия этих денег, которое можно было бы осуществлять или при помощи займа в пропорциях, обусловленных договором, или по заключении мира путем обмена на деньги каждой из держав». Одновременно с этим в докладе отмечалось, «что Россия без промедления должна ввести в обращение в Пруссии „федеративные деньги“ и договориться с Англией, какую часть всей суммы „федеративных денег“, пущенных в обращение, она пожелает изъять после заключения мира за счет своей казны». В случае, «если Пруссия примкнет к России и Англии, то она сможет присоединиться и к этому соглашению». В том случае, если бы Австрия пожелала присоединиться к антинаполеоновской коалиции, с ней также необходимо было договориться о «демаркационной линии распространения ее денег, которые будут иметь хождение на юге Германии и в Италии»²⁰³. Однако Д.А. Гурьев в записке на имя К.В. Нессельроде от 21 августа 1813 г. настаивал на всемерном ограничении обращения «федеративных денег» в России, чтобы они не оказали влияния на вексельный курс. Министр финансов полагал, что их можно бы было принимать в качестве пошлин на таможне, и если правительство будет соблю-

²⁰¹ ВПР. Т. 7. Серия 1. С. 23.

²⁰² *Pertz G.H. Das Leben des Ministers Freiherrn vom Stein. Berlin, 1851. Bd. 3. S. 634–640.*

²⁰³ ВПР. Т. 7. Серия 1. Прим. 29. С. 709.

дать эти условия, то «федеративные деньги» не могут быть в тягость Казначейству, так как оно всегда может перевести их за границу на расходы армии. Аналогичные предложения Д.А. Гурьев направил в депеше от 20 августа 1813 г. послу в Лондоне Х.А. Ливену²⁰⁴.

О выпуске особых кредитных билетов говорилось и в конвенции о субсидиях и союзной помощи между Россией и Великобританией, подписанной в Рейхенбахе 15 июня 1813 г., и в англо-русской конвенции о выпуске английским правительством особых кредитных билетов для покрытия военных расходов России и Пруссии, заключенной 18 сентября 1813 г. в Лондоне. Согласно им, король Великобритании «для облегчения недостатка в звонкой монете, который <...> дает себя чувствовать в денежных оборотах на континенте», должен был предложить парламенту выпустить особые кредитные билеты, сумма которых в первой конвенции определялась не более как в 5 млн. ф. ст., а во второй — в 2,5 млн. ф. ст., или 15 млн. прусских галеров. Федеративные бумаги, выпускаемые от имени трех держав (Англии, России и Пруссии), предназначались «исключительно на расходы военные и на содержание действующих войск» в следующей пропорции: $\frac{2}{3}$ передавались России, а $\frac{1}{3}$ Пруссии. Предусматривалось, что Великобритания будет проводить ежемесячное погашение кредитных билетов после ратификации общего мирного договора²⁰⁵.

Исследователи по-разному оценивают этот проект. Л.А. Зак полагал, что Англия организовала эту финансовую схему, чтобы найти способ «уклониться от передачи настоящих золотых фунтов и изобрести какую-нибудь замену», а также обезопасить себя от заключения сепаратного мира между континентальными союзниками и Францией²⁰⁶.

XV

В России одна из главных проблем состояла в том, что правительство не могло быстро покрывать чрезвычайные расходы. Ликвидировать недостаток денежных средств должны были все новые

²⁰⁴ Там же. Прим. 224. С. 758. См. также: Док. 55. С. 132–137; Док. 171. С. 429–431.

²⁰⁵ *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1895. Т. 11. С. 165–173, 189–195. См. также: ВПР. Т. 7. Серия 1. Док. 105. С. 250–254. Аннотация. С. 386.

²⁰⁶ *Зак Л.А.* Англия и германская проблема (Из дипломатической истории наполеоновских войн). М., 1963. С. 120–124.

выпуски ассигнаций²⁰⁷, повлекшие за собой падение курса бумажных денег, на которых, как справедливо полагал Д.А. Гурьев, была «основана вся система государственных финансов»²⁰⁸. Поэтому нужно было всеми способами сохранить хрупкое равновесие, а не подвергать финансы все новым испытаниям, тем более ни в коем случае не следовало допускать оттока денег за границы империи. Однако энергичные протесты министра финансов учтены не были, и 13 января 1813 г. последовал рескрипт на имя фельдмаршала М.И. Кутузова об обращении ассигнаций в Пруссии и Княжестве Варшавском 25, 10 и 5-рублевого достоинства. В соответствии с этим рескриптом, серебряный рубль был приравнен к 4 руб. ассигнациями. Для обмена ассигнаций «высшего достоинства на мелкие» создавались две променные конторы — при главной квартире М.И. Кутузова и при армии П.В. Чичагова²⁰⁹.

Однако определенные в рескрипте меры вскоре потребовали некоторой корректировки. В докладе Александру I от 4 февраля 1813 г. Д.А. Гурьев отмечал, что если в январе предлагалось для укрепления доверия к «российским государственным ассигнациям и для облегчения их хода в местах, занимаемых войсками», разрешить свободно провозить их в империю, «или обнародовать обещание о вымене их на звонкую монету по заключении мира», то теперь ситуация изменилась. Министр финансов считал необходимым «объявить всем заграничным жителям», что «пропуск в Россию государственных ассигнаций запрещен». Однако для «облегчения свободного их обращения желающие перевести их в пределы России» могли «представлять их во всякое время в одну из учрежденных при армиях променную контору с объявлением, в котором из пограничных городов — в Гродне, Вильне, Риге или же в С.-Петербурге» желали «они получить вносимую ими сумму». Контора должна была выдавать предъявителю квитанцию по установленной форме, а казенная плата по представлении этой квитанции, означенную в ней сумму. Таким образом, отмечал далее Д.А. Гурьев, «все суммы в наших ассигнациях из-за границы могут быть переводимы в Россию во всякое время и без малейшего затруднения. Заграничным жителям облегчится возможность сбывать ассигнации без всякой потери, а пути к вывозу

²⁰⁷ Сивков К.В. Финансы России после войны с Наполеоном. С. 128–129; Ляхов А.Н. Основные черты социальных и экономических отношений в России... С. 56.

²⁰⁸ Сборник исторических материалов... СПб., 1876. Вып. 1. Второй отдел. С. 59.

²⁰⁹ ПСЗ-1. Т. 32. № 25315. С. 505–506. См. также: РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Ч. 1. Л. 8; Сборник исторических материалов... СПб., 1890. Вып. 3. С. 11.

фальшивых будут по-прежнему преграждены». Император одобрил предложения министра финансов²¹⁰.

Однако этим проблемы не исчерпывались. В докладе Александру I от 13 февраля 1814 г. «О вымене в Пруссии и Германии российских ассигнаций» Д.А. Гурьев отмечал, что необходимо было «установить единообразный ход их в соседственных областях, поддержать их кредит удобностью перевода в Россию и воспрепятствовать провозу в границы наши фальшивых бумаг»²¹¹. Введение ассигнаций за границей «затруднительно и неприятно» для простых жителей, — писал Д.А. Гурьев, — потому, что «надписи о достоинстве ассигнаций» написаны на неизвестном для них языке, их неудобно считать, так как «каждая ассигнация представляет не круглую сумму, но в дробях, как например, синяя (пятирублевого достоинства. — Л.М.) 1 талер 31 грош $3\frac{3}{32}$ долей и так далее», а также и потому, что были установлены «таксы или *taximum* на съестные припасы», которые местные жители могли считать «следствием введения ассигнаций». Далее Д.А. Гурьев отмечал, что иностранцы стремились бы «променять их на деньги переводом в Россию». Этому также способствовало установление официального курса в 4 рубля ассигнациями за 1 серебряный рубль. Для предотвращения пагубных последствий Д.А. Гурьев предлагал прекратить дальнейший выпуск ассигнаций «за границу, ибо чем более будет их выпущено по цене 4-х рублей, тем более появится их на нашей бирже, и тем более насильственная покупка векселей для перевода за границу будет унижать их достоинство»²¹². На эту проблему Д.А. Гурьев обращал внимание импера-

²¹⁰ ВПР. Т. 7. Серия 1. С. 55. Об этом см. также: *Гурьев А.Н.* Денежное обращение в России в XIX столетии. С. 64; *Сивков К.В.* Финансы России после войны с Наполеоном. С. 132; *Дубровин Н.Ф.* Письма главнейших деятелей... С. 77–79.

²¹¹ ВПР. Т. 7. Серия 1. С. 578. О фальшивых ассигнациях накануне Отечественной войны 1812 г. см.: *Сироткин В.Г.* Наполеон и Россия. М., 2000. С. 150–152.

²¹² РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Ч. 1. Л. 18 об.–22 об.

Д.А. Гурьев разъяснял смысл этой операции: «Постановление цены серебряного рубля в четыре рубля ассигнационных сравнивает ассигнационный наш рубль с $8\frac{1}{2}$ шиллингов гамбургских; ибо серебряный рубль равняется 34 шиллингам. Таковое определение, изданное самим правительством, унижает его ниже действительной настоящей цены на 33 процента; ибо по вексельному курсу на бирже С.-Петербургской, ассигнационный рубль стоит теперь $11\frac{1}{2}$ шиллингов и за 3 рубля ассигнационных можно получить в Лондоне, в Гамбурге и во всей Европе достоинство нашего серебряного рубля. Хотя же внутри государства промен на серебро и существует около 4 рублей, но сие про-

тора в записке от 13 февраля 1814 г.: «В течение 1813 года на расходы заграничных армий, — писал он, — выслано из Государственного казначейства и Военного министерства, независимо от золота и серебра, ассигнациями более 70 млн. руб. Из сего числа переведено в Россию только 20 млн. в восемь месяцев <...> Сии деньги в каждый почтовый день появлялись на биржах наших иногда по 500 тыс. и 700 тыс. для покупки векселей, которых таким образом никогда не доставало для обыкновенных коммерческих оборотов. Сие было причиною, что, невзирая на выгодные обстоятельства для нашей торговли, невзирая на помощь субсидий от Англии, вексельный курс не только не мог поправиться, но еще упадая от 16 до 13, теперь колеблется на 14 пенсах <...> Что последует, если в кратчайшее время все оставшиеся 50 млн. появятся на биржах наших? Какие усилия могут тогда отвратить еще стремительнейшее падение курса и, наконец, совершенное его подавление? Последствия сего ужасны, и потери, как частные, так и собственно казны, неисчислимы»²¹³.

В самом начале обращения ассигнаций за границей их немедленно начали переводить в Ригу и С.-Петербург²¹⁴. Говорящие

исходит от причин не зависящих от сношений наших с иностранцами, как то: от временно умножающейся потребности серебра или золота внутри государства; от уловок и спекуляций ажиотерами; и от того, что внутри государства не во всех еще губерниях производятся счета и платежи на ассигнации, хотя сие и постановлено манифестом 9 апреля 1812 года; таким образом, промен на серебро, превышающий цену рубля на иностранные деньги по курсу, сколько ни тягостен для небольшого числа тех, кто имеет в нем нужду внутри государства, был, однако, причиною, что иностранцы находили выгоду привозить в Россию золото и серебро, от того в последнее время ввезено к нам значительное количество. Теперь же, когда в Пруссии установлен курс на серебро в 4 рубля ассигнационных и ассигнационный рубль унижен в 8 ½ шиллингов, очевидно, что жители Пруссии на каждом рубле выигрывают 33 процента и более, если ассигнации переведут в Россию. Столь чрезвычайный выигрыш побудит их непременно собирать все выпускаемые там ассигнации и переводить их к нам для покупки на бирже векселей, по которым получать они будут в Кенигсберге или другом заграничном городе за три рубля тот серебряный рубль, за который наши войска дают им четыре. Таковая операция, производя прилив ассигнаций из-за границы, подавлять будет на бирже наш вексельный курс до того, что в самом скором времени может унизить его до 8 ½ шиллингов, а напоследок еще и менее. Упадок курса затруднит все денежные переводы за границу, возвысит промен или цену серебра на ассигнации, подымет цены и дороговизну на товары и причинит величайшие потери и убытки для государства в производстве заграничной торговли» (РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Ч. 1. Л. 19 об.—21 об.).

²¹³ ВПР. Т. 7. Серия 1. Док. 229. С. 578–579.

²¹⁴ См. также: ОР РНБ. Ф. 484. Д. 53. Л. 3–3 об.

сами за себя примеры не заставили долго ждать. Один из них привел Д.А. Гурьев в своей записке от 24 апреля 1813 г., поданной в секретный Комитет финансов. «Из числа отправленных в Кенигсберг к генерал-лейтенанту графу Сиверсу двух миллионов двухсот тысяч тот же самый курьер, который их отвозил, привез обратно девятьсот тысяч рублей здешнему торговому дому, за теми же печатями, за которые они отосланы были, и за сию одну пересылку, где они отданы были Кенигсбергскому купцу по курсу 4 руб., или за 8 ½ шиллингов, то есть за 225 000 руб., получит он прибытка 75 000 рублей серебром, на которые в Кенигсберге можно опять иметь 300 000 руб. ассигнациями, которые казна явно теряет оттого только, что заплатила там ассигнациями, а не векселями»²¹⁵.

Обесценивание бумажных денег, возвращавшихся в Россию в большом количестве, Д.А. Гурьев предлагал остановить путем обмена всей суммы ассигнаций, находящихся в Пруссии и Германии, «на новые кредитные бумаги, которые были бы писаны на монету прусскую, и определить выкупить их по равным частям в 6 лет с платежом пяти процентов в год». Таким способом правительство надеялось изъять из обращения и уничтожить 50 млн. руб. ассигнаций. За эту сумму в течение 6 лет предполагалось заплатить 13 000 000, а «с процентами до 15 000 000 прусских талеров, которые при поправлении курса, может, не дороже станут 30 000 000 руб. ассигнациями»²¹⁶. Обмен кредитных бумаг предлагалось производить в специально созданном для этих целей Центральном бюро в Лейпциге и в филиалах на местах. В письме к Гурьеву от 2 мая 1814 г. К.В. Нессельроде писал, что не видит в плане «смысла, и что преимущества проекта не компенсируют его недостатков». Кроме того, он «осторожно заметил министру, что Александр I недоволен его планами, которые не в состоянии упорядочить расстроенные финансы России»²¹⁷.

26 июня 1814 г. Д.А. Гурьев внес в Комитет министров проект распоряжений, направленных на предотвращение ввоза в Россию запрещенных товаров и фальшивых ассигнаций. Министр финансов отмечал, что во время войны были приняты ряд мер, чтобы обеспечить удобное обращение ассигнаций за границей и создать условия для перевода их в Россию. Так, за границы империи первоначально были

²¹⁵ Сборник исторических материалов... СПб., 1876. Вып. 1. Второй отдел. С. 56–57.

²¹⁶ Сборник исторических материалов... СПб., 1889. Вып. 2. С. 421–423; ВПР. Т. 7. Серия 1. Док. 229. С. 578–581. См. также: РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Л. 22 об.–24 об.

²¹⁷ ВПР. Т. 7. Серия 1. Прим. 309. С. 784.

выпущены только ассигнации двадцатипяти-, десяти- и пятирублевого достоинства ²¹⁸, для того, чтобы облегчить «жителям тамошним различать достоинство оных по ценам», а также чтобы предотвратить обращение фальшивых ассигнаций сто- и пятидесятирублевого достоинства, выпущенных французским правительством. Однако это положение не было выполнено. Протесты министра финансов не учли, и ассигнации сто- и пятидесятирублевого достоинства «вошли в обращение за границу». Для перевода ассигнаций в Россию и для проверки их подлинности были созданы четыре банковские конторы. Д.А. Гурьев настаивал на строжайшем запрещении провозить «в Россию ассигнаций иными способами, кроме перевода чрез конторы, каковое запрещение распространено и на курьеров с тем, чтобы они ни от кого не брали и не имели при себе, проезжая <...> в Россию, ассигнаций более того числа, сколько выдается на прогоны и на необходимое в пути содержание; в противном случае если обнаружится, что кто-либо под каким бы то предлогом ни было ввез в Россию ассигнации, то не только оные будут конфискованы и взяты в казну безвозвратно, но и самые провозители, яко нарушающие постановления законные, преданы будут военному суду». Если же фальшивые ассигнации были бы обнаружены «у чинов армий», тогда министр финансов предлагал платить по ним только с разрешения главнокомандующего и когда будет принято решение, что «фальшивая ассигнация принята независимо и не с намерением, и что лишение оной было бы отяготительно по состоянию предъавителя». Так как в Пруссии и Княжестве Варшавском выпускались только двадцатипяти-, десяти- и пятирублевого достоинства ассигнации, то, по мнению Д.А. Гурьева, сто- и пятидесятирублевые ассигнации не следовало признавать и, соответственно, не производить по ним никаких платежей ²¹⁹. Строгое соблюдение законов должно было, по мнению Д.А. Гурьева, «обеспечить каждого благомыслящего сохранением принадлежащей ему собственности, а злонамеренных удержать сколь возможно от поползновения к тайному ввозу фальшивых ассигнаций» ²²⁰.

Не сложно понять опасения российского министра финансов, настаивавшего на том, что нельзя пропускать ассигнации, обращающиеся в Пруссии и Княжестве Варшавском, обратно в Россию. С проблемой фальшивых бумажных денег столкнулись в то время многие европейские государства. После Лейпцигской битвы генерал-губернатором Саксонии был назначен князь Н.Г. Репнин. Одна из его неотложных

²¹⁸ ПСЗ-1. Т. 32. № 25315. С. 505.

²¹⁹ РГИА. Ф. 560. Оп. 4. Д. 50. Л. 8 об.-12.

²²⁰ Там же. Л. 14 об.-15 об.

задач состояла в том, что в саксонской казне насчитывалось «немного более миллиона талеров, т. е. ровно ничего». Помощь «в таких трудных обстоятельствах» оказали лейпцигские и дрезденские банкиры Фреге, Рейхенбах и Басанж. Другая проблема заключалась в том, чтоб необходимо было как можно быстрее изъять миллион фальшивых ассигнаций, кроме обнаруженных уже шести. В начале своего управления Н.Г. Репнин «сделал публикацию», что те, кто «в течение назначенного срока» не предъявят фальшивые ассигнации, будут подвергнуты военному суду, ссылке в Сибирь и штрафу, в пять раз превышающему сокрытую сумму. В причастности к укрывательству миллиона фальшивых ассигнаций подозревали королевского банкира Фреге.

Воспоминания обер-аудитора А.О. Имберга сохранили интересные подробности этой истории. Положение осложнялось тем, что «подозрения хотя были и убедительные, но весьма было затруднительно и рискованно (в случае неверности сведений) <...> поколебать доверие такого банкира, как Фреге». В дальнейшем интрига развивалась стремительно. В 9 часов утра А.О. Имберг направился «в контору Фреге», спрятав «около дома двух гусар». Сначала он обратился к сыновьям банкира, чтобы «не испугать старика». А.О. Имберг откровенно объяснил им, по какой причине он оказался в доме, и просил объяснить ему «без всяких изворотов, когда и от кого они получили фальшивые <...> ассигнации и почему, согласно публикации, не представили их правительству? Разумеется, — вспоминал далее А.О. Имберг, — они упорствовали и уверяли меня в ложности этого подозрения, и я вынужден был обратиться к отцу. Та же была история; но во всех их заметил я какое-то замешательство и наконец потребовал Gross-Buch. Просматривая ее, я заметил одну статью; записано: Friedrich-August Winter — миллион; имя короля, и к нему прибавлено Winter. Потребовав у них по этой статье все документы, я этим заставил их сознаться. Фреге был банкир короля и сумму эту получил от него, и потому Фреге, из привязанности к королю, не хотел открыть этих денег, дабы не выставить неблаговидное действие его из слепой преданности к Наполеону, а потом боялся уже того наказания, которому он подвергался согласно публикации. Он предложил мне 400 тыс. рублей ассигнациями, дабы я скрыл это дело <...> но я, разумеется, отвергнул это предложение и потребовал бумажки. Из сих денег выпущено было только 22 тыс. рублей, а остальными набили два мешка, которые понесли за мною два гусара, и я в таком торжестве отправился к князю». Искусно выполненные фальшивые ассигнации «отправлены были в Петербург для уничтожения <...> В Вену к государю с донесением послан был адъютант Перовский, а до возвращения его Фреге подвергнут был домашнему секретному

аресту». Вскоре «Перовский привез совершенное прощение Фреге со взысканием только тех выпущенных им 22 тыс.рублей»²²¹.

Громкая история с фальшивыми русскими ассигнациями в Саксонии была отнюдь не единственной. Согласно данным волынского губернатора, французские власти, при содействии банкира Френкеля, выпустили в Княжестве Варшавском до 20 млн. рублей фальшивых ассигнаций 100, 50, 25 и 5-рублевого достоинства²²². Однако проблемы создавали не только наполеоновский монетный двор в Варшаве, но и русские «мастера», искусно подделывающие бумажные деньги. Крестьяне были так напуганы фальшивыми ассигнациями, что боялись принимать купюры. Правительство вынуждено было в связи с этим прибегнуть к специальным мерам. В 1817 г. Министерство финансов распорядилось выдавать настоящие билеты в обмен на поддельные в тех случаях, когда удавалось выявить фальшивомонетчиков²²³.

XVI

За время руководства Д.А. Гурьева Министерством финансов он стремился обеспечить государственные расходы, в том числе и чрезвычайные, без введения новых налогов. Однако в экстренных ситуациях он предлагал отступать от этого правила. Еще в январе 1806 г., правда тогда не будучи главой финансового ведомства, в записке о государственных доходах и расходах за 1805 г. Д.А. Гурьев писал, что «государственные расходы необходимы; ограничение их более зависит от стечения политических обстоятельств, нежели от самого правительства, которое одними только доходами удовлетворять может свои надобности: следовательно, налоги неизбежны»²²⁴. Так, например, для ликвидации недостатка в доходах на 1815 г. министр финансов предлагал в записке от 8 мая 1815 г., внесенной в Государственный совет, ввести временную военную подать²²⁵, распространяющуюся на «все состояния в государстве единообразно», а также «на некоторые предметы, которые с меньшим затруднением могут быть оной подвержены». Необходимость ее введения была вызвана тем, что «расстройство финансовой системы России не позволило своевременно высылать средства, предназначенные на содержание

²²¹ Русский архив. 1870. Ст. 390–392.

²²² ВПР. Т. 7. Серия 1. Док. 20. С. 54–55; Прим. 40–41. С. 710–711. См. также: РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Ч. 1. Л. 3–4 об.

²²³ *Боголепов М.И.* Финансы, правительство и общественные интересы. СПб., 1907. С. 242.

²²⁴ РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 7. Л. 31 об.

²²⁵ РГИА. Ф. 560. Оп. 11. Д. 7. Л. 33 об.–34.

польских войск в 1815 г.», что поставило командование «перед необходимостью заимствовать из кассы фельдмаршала М.Б. Барклая-де-Толли». И хотя необходимые суммы вскоре были направлены, Д.А. Гурьев смог осуществить это, «остановив другие расходы». В записке Александру I от 20 августа 1815 г. он писал, что без утверждения дополнительной «временной военной подати» Министерство финансов не в состоянии удовлетворить не только новым, «но даже и определенным по сие число расходам»²²⁶. Учреждение временной военной подати, по мнению Д.А. Гурьева, было одним из немногих средств, оставшихся министру финансов, для того чтобы по возможности покрыть недостаток обыкновенных государственных расходов и обеспечить растущие расходы на 1815 г. Эта подать должна была взиматься:

1. С дворянских и удельных имений всего с 11 027 314 душ по 2 руб.	22 054 628
2. С купечества	11 199 526
3. С мещан и людей вольного состояния всего с 880 273 душ по 2 руб.	1 760 546
4. С казенных поселян разных именованний и приписных к фабрикам и заводам и разным местам всего 6 485 350 душ по 2 руб.	12 970 700
Итого	47 985 400
5. С выкуриваемого на частных заводах вина до 25 т. ведер по 10 коп. с ведра	2 500 000
6. С водок и ликеров до	300 000
7. С частных горных заводов до	600 000
8. С мельниц до	2 000 000
9. С земель внаем или оброк отдаваемых	1 000 000
10. С лесов продаваемых подесятинно на сруб	500 000
11. С рыбных ловель	300 000
12. С заводов салотопенных до	1 500 000
13. С денежных капиталов	500 000
Итого до	9 200 000
Всего до	57 185 400

Кроме того, Д.А. Гурьев считал необходимым выпустить государственные облигации на сумму от 5 до 10 миллионов из 6% годовых до окончательной выплаты капитала. Одну десятую часть этих облигаций можно было бы выдавать при всех платежах по поставкам и подрядам в военных министерствах в счет наличных денег, т. е. при платеже 100 тыс.

²²⁶ ВПР. Т. 8. Серия 1. Прим. 231. С. 686. См. также: ВПР. Т. 8. Серия 1. Док. 201. С. 446–447.

рублей выдавать 90 тыс. ассигнациями и 10 тыс. облигациями. Такая незначительная сумма, полагал он, не отнимет у поставщика или подрядчика возможности производить закупки на наличные деньги. Выплата же капитала по этим облигациям могла быть осуществлена в мирное время в результате выделения соответствующей суммы из обыкновенных государственных доходов на постепенный и ежегодный их выкуп.

Реализация предложенных мероприятий должна была столкнуться с некоторыми трудностями. Например, введение временной военной подати, половину которой должен был составлять сбор с дворянских и удельных имений, противоречило предшествующему законодательству, а именно манифесту от 11 февраля 1812 г. о сборе с помещичьих доходов. Так как взимание этого сбора оказалось «неудобным и затруднительным», вследствие того, что было предоставлено «на добрую волю плательщиков», то получаемый доход не составлял и 2 млн. рублей. Таким образом, министр финансов предлагал ее отменить со второй половины 1814 г., компенсировав введением военной подати, которая должна была обеспечить «приращение в доходах до 55 млн.»²²⁷. А предложенные Гурьевым меры по принудительному размещению займа означали на деле конфискацию у поставщиков по казенным заказам и подрядам 10% согласованной суммы договора. Поэтому эти проекты были отвергнуты.

В 1815 г. Д.А. Гурьевым был составлен целый ряд записок, содержащих различные варианты проектов изыскания средств для чрезвычайных расходов казны и экономии бюджетных денег в условиях экстраординарных затрат на содержание вооруженных сил за границей. В целом их концепция сводилась к уже рассмотренным предложениям министра финансов, однако в деталях эти проекты имели некоторые примечательные отличия. Так, предложения Д.А. Гурьева о способах содержания войск за границей были внесены в секретный Комитет финансов 2 апреля 1815 г., где и были одобрены. Суть их состояла в следующем:

1. Звонкой монетой оплачивать чрезвычайные расходы на содержание армий и выдачу жалованья войскам. Расходы по «провиантской и комиссариатской» частям покрывать за счет выпуска облигаций из 6% годовых сроком на 2 года.

2. Содержание войск вместо Военного министерства возложить на финансовое ведомство, которое назначит для этого при армии специальных комиссаров.

3. Платить войскам, находящимся за границей, вместо четвертого двойной оклад по курсу 4 руб. ассигнациями за 1 серебряный рубль, а

²²⁷ РГИА. Ф. 560. Оп. 11. Д. 7. Л. 34–35 об.

на другую половину жалованья выдавать облигации Государственного казначейства с обязательством оплатить их при возвращении на территорию империи «из первой пограничной казенной палаты»²²⁸.

Наибольший интерес здесь представлял второй пункт, содержащий идею принципиального изменения системы финансового обеспечения армии и ее денежного довольствия, что, хотя и было одобрено, но не нашло претворения в жизнь, тем более не оказало существенного влияния на практику как военного, так и финансового ведомства.

Обращался в 1815 г. Гурьев и к вопросам внутренних государственных займов и внешних заимствований. Недостаток доходов на 1815 г. мог бы быть ликвидирован выпуском государственных облигаций на 25 млн., обеспеченных особым капиталом погашения из общих государственных доходов и приносящих 6% годовых. В записке от 20 июля 1815 г. Д.А. Гурьев подробно изложил суть предлагаемой меры. Облигации достоинством в 500 и 1000 рублей, «как капитал приносящий проценты и имеющий определенную уплату или погашение», не должны были приниматься в уплату податей, налогов, недоимок, долгов, а должны были использоваться исключительно «в залог и обеспечение по всем заключаемым казною контрактам на подряды, поставки и откупа». Они могли использоваться «по взаимному согласию», в частных сделках и платежах «с надписью передачи»²²⁹.

Для разрешения текущих финансовых проблем и для финансирования чрезвычайных расходов, связанных с ведением войн, русское правительство еще в XVIII веке нередко прибегало к иностранным займам, которые были как текущие, так и долгосрочные. Наиболее значительные военные субсидии Россия получала от Австрии в 1757–1761 гг., в годы Семилетней войны, и от Пруссии — во время Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Тогда же, в 1773 г., русское правительство получило первый заем в Голландии, прибегая к таким способам и в дальнейшем. В годы Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. при посредничестве Австрии кредитором правительства Екатерины II выступила Генуэзская республика, предоставившая три займа в общем объеме в 3 млн. пиастров²³⁰. Эти субсидии и заимствования были предназначены для ведения войн и обусловливались международной ситуацией в Европе. Они стали одним из инструментов оформления военно-политических коалиций. Заметной роли в экономике России они не играли и не влияли существенно на состояние русских финансов. Однако их история перешагнула в век XIX,

²²⁸ РГИА. Ф. 560. Оп. 11. Д. 7. Л. 27–28. См. также: ВПР. Т. 8. Серия 1. Док. 117. С. 268–270. Прим. 145. С. 668–669.

²²⁹ ОР РНБ. Ф. 484. Д. 54. Л. 2 об.—4 об.

²³⁰ ВПР. Т. 5. Серия 1. Прим. 150. С. 673.

когда они, не играя по-прежнему существенной роли в экономике, поскольку не служили источником финансирования народного хозяйства, в то же время стали оказывать на русскую финансовую систему гораздо более серьезное воздействие.

Львиная доля иностранных субсидий на ведение Россией наполеоновских войн приходилась на долю Англии. По данным российского Министерства финансов, от Лондона было получено с 1805 по 1807 г. 1,3 млн. ф.ст. Всего же с 1792 по 1816 г. Англия предоставила России субсидий на сумму 9 533 329 ф.ст., что соответствовало 5,93 млн. рублей серебром или 210 млн. ассигнациями²³¹.

Иностранная задолженность российской казны также стала формой субсидирования участия царского правительства в войнах против революционной Франции и Наполеона. Сравнительно небольшой генуэзский долг был погашен Петербургом в 1808 г.²³² после заключения Тильзитского мира и поражения Австрии в войне с Наполеоном, когда Вена полностью оказалась в орбите французской политики, а Италия — практически во власти императора французов. Задолженность Петербурга перед Голландией была в 1798 г. реструктурирована: долги по различным займам были объединены в единый «голландский долг», составивший 88,3 млн. голландских гульденов (с учетом 5% в год), что было весьма значительной суммой даже в сопоставлении с английскими субсидиями. Первоначально было согласовано, что погашение долга должно было производиться с 1 января 1811 до 1 января 1830 г. В 1810 г. уплата «голландского долга» была вновь отложена, на этот раз на 71 год и 11 месяцев. А по указу от 14 октября 1815 г. к его общей сумме были прибавлены еще 18 млн. гульденов, то есть сумма процентов по займу, не уплаченных Россией за 1812–1815 годы. По конвенции от 7 мая 1815 г. Англия и Голландия должны были выплатить России «часть капитала и невыплаченных по 1 января 1816 г. процентов» в счет голландского долга по 25 000 000 гульденов каждая²³³.

²³¹ ПСЗ-1. Т. 33. № 25823. С. 63–64; *Кауфман И.И.* Государственные долги России // Вестник Европы. 1885. № 1. С. 193. См. также: ВПР. Т. 3. Серия 1. Прим. 28. С. 657; ОР РНБ. Ф. 484. Д. 67. Л. 1–6 об.; *Злотников М.Ф.* Континентальная блокада... С. 338–339; *Орлов А.А.* Союз Петербурга и Лондона... С. 28–45, 253–275.

²³² ВПР. Т. 5. Серия 1. Прим. 150. С. 673.

²³³ *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций... Т. 11. С. 222–237. ПСЗ-1. Т. 33. № 25840. С. 108–110; ВПР. Т. 7. Серия 1. Прим. 305. С. 782–783; ВПР. Т. 5. Серия 1. Прим. 149. С. 673; *Гейлер И.К.* Сборник сведений о процентных бумагах России. С. 24–25; *Бржеский Н.К.* Государственные долги России. С. 180–181; *Мигулин П.П.* Русский государственный кредит. Т. 1. С. 63–64.

Таким образом, после окончания наполеоновских войн иностранная задолженность не была для российской казны чрезмерно обременительной. Министерство финансов было гораздо более обеспокоено опасностью вывоза денег из России и было готово для решения внутренних финансовых проблем прибегнуть к новым иностранным займам. В целом финансовая программа Гурьева, изложенная им в финансовых планах и записках 1814–1823 г., не простиралась так далеко, как программа М.М. Сперанского. Этому были свои причины. Перед Гурьевым как перед министром финансов стояли задачи восстановления финансовой системы России после тяжелейших военных испытаний. При этом требовалось разрешить их без кардинальных реформ в сфере государственного хозяйства и без увеличения налогового бремени. Разрабатывая свою программу, министр финансов опирался на европейский опыт, что не только свидетельствовало о знакомстве верхов российской дворянской бюрократии с передовыми достижениями европейской экономической мысли, но и о сопряженности российской денежной и кредитной системы с уже во многом интегрированным финансовым механизмом европейских стран. Программа Гурьева состояла из трех основных элементов. Во-первых, создание надежной системы денежного обращения на основе серебряной монеты и привязанных к ней посредством стабильного обменного курса ассигнаций, во-вторых, реструктуризация внутреннего государственного долга и, в-третьих, создание надежной системы смешанного государственного и частного коммерческого кредита. Заметное место в этой программе принадлежало предложениям министра, направленным на выкуп и изъятие из обращения обесцененных ассигнаций. Проекты Гурьева не были полностью свободны от прожектерства, поскольку не учитывали, да и не могли учесть в полной мере, несоответствия между уровнем экономического развития страны и социальной природой ее экономического строя, степенью развития товарно-денежных отношений в России, с одной стороны, и потребностями императорской казны в деньгах для финансирования армии, чиновничьего аппарата и великодержавной внешней политики — с другой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Финансовые планы Д.А. Гурьева и денежная реформа Е.Ф. Канкрин

I

В 1823 г. Егор Францевич Канкрин, заступая на пост министра финансов, отмечал, что состояние «финансов <...> представляло многие неблагоприятные виды, и самое внутреннее благосостояние государства было в колеблющемся положении. Не все еще раны 1812 года зажили. Тариф 1819 года убил многие фабрики, кои потом с 1822 года едва мало-помалу стали оживать; обороты денег шли медленно; Коммерческий банк вредил правильной торговле; хлеб сделался очень дешев; поступление податей было слабо; казенные места имели в публике мало доверия, по неаккуратности платежей, а отчасти и по строгости принятых в отношении частных людей правил, особливо по Министерству финансов»¹. Не были реализованы основные положения плана 1817 г., не удалось достичь паритета ассигнаций и звонкой монеты, государство, как и прежде, отягощала уплата большой суммы процентов. Поэтому проект 1823 г. «Об окончательных мерах по введению новой финансовой системы по плану гр. Д.А. Гурьева 1817 г.», в котором предусматривалось «принужденное переложение ассигнаций на серебро» как главное средство окончательного устройства финансов, негативно оценивался Е.Ф. Канкриным². В это время новый министр финансов считал, что его реализация была нецелесообразна. Е.Ф. Канкрин отмечал, что создание «банка на серебре прежде почиталось (и справедливо) бесполезным и даже вредным»³ и он не видел при-

¹ Двадцатилетие Министерства финансов под управлением графа Канкрин (1823–1843) // Сборник сведений и материалов по ведомству Министерства финансов. СПб., 1865. Т. 1. № 2. С. 137. См. также: Отчет Е.Ф. Канкрин о деятельности Министерства финансов за 1823–1843 гг. // Судьбы России. Проблемы экономического развития страны в XIX — начале XX вв. Документы и мемуары государственных деятелей / Подготовил Л.Е. Шепелёв. СПб., 2007. С. 17–18.

² РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 24. Л. 148.

³ Там же. Л. 148–149.

чин, по которым нужно было бы претворять в жизнь этот проект. Необходимо отметить, что за несколько лет до Д.А. Гурьева проект создания «банка на серебре» предложил в своем финансовом плане 1810 г. М.М. Сперанский, в соответствии с которым этот банк создавался через два года после открытия внутреннего займа⁴. План этот, как известно, реализован не был. Однако многие его положения, в той или иной форме, использовались Д.А. Гурьевым в последующих проектах.

Е.Ф. Канкрин считал, что главная цель финансового плана 1823 г. состояла «в переложении ассигнаций на серебро», другие операции являлись ее следствием. Так как Д.А. Гурьев предлагал перевести обращающиеся ассигнации не только на металлическое, но большей частью на бумажное серебро, то есть на билеты банка, то Е.Ф. Канкрин подробно проанализировал основные операции, которые предлагал провести бывший министр финансов⁵.

Выпуск билетов банка, полагал Е.Ф. Канкрин, был не выгоден по двум причинам. Во-первых, они по своей сущности были бы не чем иным как облигациями, поэтому их нельзя было употреблять «в сделках всякого рода». Во-вторых, их выпуск не был ограничен, что при неконтролируемой эмиссии могло привести к понижению их достоинства так же, как в свое время произошло и с ассигнациями. Он выступил против того, чтобы банк производил учет билетов Казначейства, полагая, что Казначейство «при некотором авансе в суммах теперь не имеет надобности в подобных билетах». Что касалось ссуд под залог недвижимых имений, то эта операция выполнялась ранее Заемным банком и в течение последних 10 лет, отмечал Е.Ф. Канкрин, вообще не производилась, за исключением некоторых случаев «по особенным высочайшим указам». В 1822 г., замечал он далее, было предложено закрыть Заемный банк, а его капитал использовать для создания Страховой конторы, главная задача которой должна была состоять в выдаче ссуд для фабрик и заводов, которые Д.А. Гурьев в плане 1823 г. предлагал «распространить <...> и в пособие поземельной промышленности». Эту меру Е.Ф. Канкрин считал выгодной и полагал, что ее можно было принять⁶ (Приложение 5).

После создания «банка на серебре» предполагалось уничтожить сделанные в ассигнациях вклады в Заемном и Коммерческом банках при помощи сумм, розданных банком в ссуды; путем превращения

⁴ Сб. РИО. Т. 45. С. 63–65.

⁵ РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 24. Л. 153 об.

⁶ Там же. Л. 154 об.–157.

вкладов в серебряные по курсу, обращением их в фонды Комиссии погашения или же выплатой по ним наличных денег. Все эти предложения не получили поддержки Е.Ф. Канкрина ⁷.

Идея переложить долги Комиссии погашения долгов на серебро путем заключения займа с премией в 20% и с выплатой 5% непрерывного дохода также не нашла отклик у нового министра финансов, который полагал, что «система вести финансы долгами ведет всегда к новым долгам». Главная же цель управления финансами, считал Е.Ф. Канкрин, «должна быть обращена к искоренению дефицитов естественными способами, при наблюдении крайней бережливости и если сие будет удаваться постепенно, тогда состояние финансов существенно может поправиться, в отношении долгов, денежного обращения и во всех других отношениях» ⁸.

Расчеты Д.А. Гурьева в обоснование перевода операций казны на серебро Канкрин считал не вполне корректными. Сумма в 470 миллионов государственных расходов была явно завышена. Следовательно, добиться поступления доходов до 150 миллионов серебром (по курсу 370 коп. до 555 миллионов ассигнаций) было, по мнению Канкрина, практически невозможно ⁹. Кроме того, Д.А. Гурьев предлагал начать взимание доходов и произведение расходов серебром на третьем или четвертом году после создания банка в течение пяти или шести лет. «Нетрудно себе вообразить, — писал Е.Ф. Канкрин, — что сие смешение денежного обращения, поступления доходов и распределения расходов, частью серебром и частью ассигнациями неминуемо произведет великую запутанность и в счетах и в самих расходах. Цены на вещи (как полагается в самом проекте) не должны понизиться в надлежащей с серебром пропорции; между тем часть доходов еще в продолжение девяти лет должна быть взимаема ассигнациями, необходимым последствием сего будет, что вся соразмерность потеряется между ценами, доходами и расходами» ¹⁰.

Основная цель финансового плана 1823 г. состояла в использовании билетов банка только в больших городах, «оставляя сколько возможно в обращении одну звонкую монету». В этом случае, отмечал Е.Ф. Канкрин, подати «должны будут поступать серебром и медью». Однако именно «трудность перевозки больших масс серебра» привела к тому, что в России появились ассигнации. «Кроме

⁷ Там же. Л. 157 об.—164.

⁸ Там же. Л. 166 об.

⁹ Там же. Л. 168 об.—170 об.

¹⁰ Там же. Л. 173 об.—174.

того, — отмечал он далее, — в России внутренние вексельные обороты так маловажны и затруднительны, что, если бы взять в помощь и новый банк, пересылка наличных денег большими массами была бы неизбежна, как то можно заключить и из настоящих трансфертных оборотов Коммерческого банка»¹¹. Следовательно, выполнить эту задачу, по мнению нового министра финансов, было невозможно. Не поддержал Е.Ф. Канкрин и изложенные в плане Д.А. Гурьева способы изъятия из обращения ассигнаций.

В заключение замечаний на план 1823 г. Е.Ф. Канкрин писал, что «при затруднительности внутренних <...> вексельных переводов, при неудобствах, с перевозкою звонкой монеты сопряженных, и при неуверенности в постоянстве цены новых банковых билетов» благоразумнее всего было бы сохранить в обращении ассигнации, чем реализовать предлагаемую Д.А. Гурьевым систему. «Главное и самое полезное искусство, — писал министр, — состоит в том, чтобы не противодействовать общему мнению, чтобы поддерживать ассигнации в обращении без сильных жертвований, без банкротства и других потрясений и чтобы достигать самого возвышения их достоинства не иначе, как с наблюдением величайшей осторожности и постепенности. Россия находится еще в столь счастливом положении, что поддержание наших ассигнаций, по мнению моему, весьма возможно»¹².

Е.Ф. Канкрин после вступления в должность министра финансов воплотил свои негативные оценки плана Д.А. Гурьева 1823 г. Был прекращен выпуск новых займов, так как «тягость прежних» и «принесенные по оным жертвы» не привели, по его мнению, к «поправлению» курса ассигнаций. Поэтому было принято решение «не приступать к новым займам без крайней государственной нужды в чрезвычайных обстоятельствах». Кроме того, приостановлено сожжение ассигнаций, а суммы, выделенные для этих целей, Е.Ф. Канкрин предлагал направить на «уменьшение долгов», так как «напряженное погашение ассигнаций не приносило ожидаемой пользы, наиболее потому, что слишком поспешный ход подобных операций иногда противодействует самой цели их». Новый министр финансов считал необходимым «сокращение издержек по платежу долгов».

Из других, наиболее значительных, мер первых лет министерства Е.Ф. Канкрин следует отметить, что с 1823 г. сократился штат Ассигнационного банка и Экспедиции заготовления государственных бумаг. Последняя кроме ассигнаций должна была

¹¹ Там же. Л. 175–176.

¹² Там же. Л. 185 об.–187.

выпускать гербовую, паспортную и другие бумаги. Променные конторы Ассигнационного банка, «занимавшиеся разменом ассигнаций ветхих на новые и крупных на мелкие и на медную монету», с 1823 г. были закрыты, а их операции были переданы в ведение Коммерческого банка. 4 июня 1824 г. было принято положение «об открытии вновь ссуд из Заемного банка», при этом отмечалось, что «при представлении в залог дом должен быть застрахован в Страховой экспедиции, впредь до издания новых правил относительно страхования»¹³. Вместо существовавшей при банке Страховой экспедиции было принято решение об учреждении Страховой конторы¹⁴ (Приложение 5).

II

Дальнейшие события показали, что многие мероприятия, которые Е.Ф. Канкрин отверг в 1823 г., были в той или иной степени реализованы в конце 30-х — начале 40-х гг. XIX столетия. И прежде всего, разрешить проблему обесцененных ассигнаций. Впервые бумажные деньги, обеспеченные разменом на ходячую, т. е. медную монету, были введены в России в 1769 г. По мере увеличения количества обращающихся ассигнаций, которое в 1810 г. достигло 577 млн. руб., курс их постепенно падал, дойдя до 33½ коп. серебром. Для его стабилизации, по плану М.М. Сперанского, предполагалось изъять из обращения 377 млн. руб. ассигнаций при помощи заключения займов и продажи государственных имуществ. Наряду с этим по манифесту от 20 июня 1810 г.¹⁵ серебряный рубль был объявлен главной неизменяемой и законной мерой (монетной единицей) всех монет, обращающихся в государстве, и было принято постановление, согласно которому все акты и сделки с 1811 г. писались только на российскую монету. Однако осуществить этот план не удалось. Надвигавшееся военное противостояние с Наполеоном и особенно чрезвычайные военные расходы 1812–1814 гг. требовали мобилизации всех ресурсов российской казны, чего финансовое ведомство достигало, в частности, путем новых эмиссий бумажных денег. Был издан манифест от 9 апреля 1812 г.¹⁶, по которому все расчеты и платежи между казной и частными лицами производились ассигнациями. Сделки же между частными лицами заключались либо на серебро,

¹³ ПСЗ-1. Т. 39. № 29940. С. 354–366.

¹⁴ ОР РНБ. Ф. 484. Д. 31. Л. 10–13.

¹⁵ ПСЗ-1. Т. 31. № 24264. С. 216–217.

¹⁶ Там же. Т. 32. № 25080. С. 280–282.

либо по биржевому курсу на ассигнации, количество которых постоянно возрастало и к 1817 г. составило 836 млн. руб., при этом цена ассигнационного рубля упала до 24 коп. серебром¹⁷.

После окончания войны Д.А. Гурьев вернулся к основным положениям плана 1810 г. В соответствии с манифестом от 16 апреля 1817 г.¹⁸ ассигнации должны были скупаться до тех пор, пока не будет достигнут паритет со звонкой монетой. Однако новый министр финансов Е.Ф. Канкрин отказался от идеи выкупа ассигнаций, количество которых до 1843 г. оставалось неизменным и составляло 595 млн. руб., и в начале своей деятельности стремился обеспечить беспрепятственное хождение бумажных денег. Когда в обращении появилась и звонкая монета, то при регулировании обменного курса ассигнаций монету постепенно начинали принимать в казенные платежи наравне с бумажными деньгами.

Впервые вопрос об этом был поставлен еще при Д.А. Гурьеве. Введение в России в качестве основного платежного средства ассигнаций с принудительным курсом на основании манифеста от 9 апреля 1812 г.¹⁹ привело тогда к исчезновению серебра из обращения. Однако вскоре ситуация изменилась. В письме военным и гражданским губернаторам за подписью Д.А. Гурьева в апреле 1818 г., в частности, говорилось, что «с некоторого времени в народном обращении, как по городам, так и по селениям, умножилось серебряной и золотой монеты до такой степени, что чувствуется недостаток в ассигнациях», что затрудняло сбор государственных податей и приводило к накоплению недоимок. Причину этого министр финансов видел в том, что «закупщики сельских произведений, пользуясь простотою поселян, платят им звонкою монетою, отдавая рубль за четыре рубля ассигнациями» несмотря на то, что в Петербурге и Москве курс на серебро давно уже снизился до 3 руб. 80 коп., и, как полагал министр финансов, будет снижаться и впредь. С другой стороны, сельские жители, не осведомленные «о переменах курса на серебро» и в течение многих лет «привыкшие к четырехрублевой цене серебряного рубля», стремясь избежать потерь «при размене серебряных рублей на ассигнации, когда им не дают уже за оные четырех рублей, медлят разменом сколько возможно», тем самым остаются «без ассигнаций нужных на платеж», следовательно, накапливают недоимки. И хотя Д.А. Гурьев подтвердил, что на основании манифеста от

¹⁷ Очерк хода дела об устройстве денежной системы в Государственном совете в 1837–1839 гг. СПб., 1896. С. 1–2.

¹⁸ ПСЗ-1. Т. 34. № 26791. С. 202–203.

¹⁹ Там же. Т. 32. № 25080. С. 280–282.

9 апреля 1812 г. все государственные подати и сборы принимаются только государственными ассигнациями и медной монетой²⁰, тем не менее 5 декабря 1818 г. он обратился в Государственный совет с представлением «о расширении обращения звонкой монеты»²¹. Министр предлагал взимать ею питейный сбор. Предложение это получило большинство голосов, однако допущение серебра в уплату даже половины податей неизбежно привело бы к падению промена ассигнаций. Поэтому в феврале 1819 г. Д.А. Гурьев через Комитет министров испросил высочайшего разрешения на отклонение ходатайства губернаторов о возможной уплате податей серебром²².

Курс финансовой политики министерства Е.Ф. Канкрин в 1824–1834 гг. был нацелен на смягчение принятых в 1812 г. правил и всячески способствовал расширению приема звонкой монеты в казенные платежи. Так, в 1827 г. некоторым казенным палатам было разрешено принимать серебряную монету на сумму до 500 тыс. руб. в уплату податей²³. Однако законодательного оформления эта мера не получила. Тогда же указом от 11 ноября 1827 г.²⁴ было разрешено принимать в казну деньги за паспорта и гербовую бумагу «сверх ассигнаций или меди» серебром по курсу 3 руб. 70 коп. ассигнациями за серебряный рубль. В дальнейшем последовали указы: от 5 апреля 1829 г., распространивший эту меру на прием податей и откупных сборов, но уже по курсу 3 руб. 65 коп.; от 11 декабря 1830 г., предписавший казенным палатам в 27 губерниях принимать в уплату всех податей и сборов серебряную и платиновую монету по курсу 3 руб. 60 коп. ассигнациями за один серебряный рубль²⁵. Потом это разрешение было распространено на другие губернии и просуществовало в неизменном виде вплоть до реформы денежной системы.

В начале 1830-х гг. М.М. Сперанский отмечал, что в губерниях появились «значительные массы серебра и золота, и своего и иностранного, особливо с 1831 г., на всех ярмарках везде было серебро и золото и весьма мало ассигнаций»²⁶. Указом от 10 мая 1833 г. все

²⁰ РГИА. Ф. 560. Оп. 6. Д. 100. Л. 12–14.

²¹ АГС. Т. IV. Ч. I. Ст. 579–594; *Кауфман И.И.* Из истории бумажных денег в России. С. 50; *Он же.* Кредитные билеты, их упадок и восстановление. С. 76–77.

²² *Гурьев А.Н.* Денежное обращение в России в XIX столетии. С. 74–75; *Судейкин В.Т.* Восстановление в России металлического обращения... С. 6–8.

²³ Министерство финансов. 1802–1902. С. 233.

²⁴ ПСЗ-2. Т. 2. № 1528. С. 965–966.

²⁵ Там же. Т. 6. Отд. 1. № 4241. С. 9–10.

²⁶ Записка о монетном обращении графа Сперанского... С. 25; Материалы по вопросу об устройстве денежной системы. С. 152.

подати и сборы, которые разрешалось вносить серебром, должны были принимать и золотой монетой по курсу 3 руб. 75 коп. ассигнациями за золотой рубль, пониженному затем, согласно высочайше утвержденному мнению Государственного совета от 23 июля 1834 г., до 3 руб. 65 коп. ассигнациями²⁷. Соответственно и казенные расходы могли производиться любой из этих монет по тому же курсу. И, наконец, временно и на определенных условиях с 1 сентября 1834 г. по 1 сентября 1835 г. было разрешено принимать даже иностранную монету²⁸. Таким образом, в казенные платежи постепенно был допущен прием звонкой монеты, которую предполагалось использовать на государственные расходы²⁹. В результате принятых мер биржевой курс ассигнаций увеличился до 28 коп. серебром за ассигнационный рубль, «так что серебряный рубль оценивался на бирже уже всего в 3 руб. 57 коп. ассигнациями»³⁰.

Однако во внутренней торговле курс оставался произвольным. Возникали так называемые простонародные курсы, то есть серебро и ассигнации стали приниматься при покупке товаров с некоторою надбавкою (лажем) к нарицательному их достоинству. Ситуация усугублялась еще и тем, что величина простонародного лажа постоянно колебалась. Непрекращающиеся жалобы со стороны купечества привели к тому, что 8 октября 1834 г.³¹ правительство издало указ, запрещающий заключать все письменные сделки „по счету на монету“, т. е. с условием платежа серебром или ассигнациями по простонародному курсу»³². В конце 1836 г. правительство из-за усилившегося притока звонкой монеты предписало казенным палатам «производить все выдачи, определенные серебряной или золотой монетой, непременно звонкой монетой, ибо получатели «не имеют права отказываться от принятия оной и требовать, вместо того, ассигнаций». Кроме того, были посланы секретные предписания начальникам губерний остановить повышение лажа на ярмарках, пристанях и в других местах, где производилась закупка товаров. Они должны были также доносить министру финансов о

²⁷ ПСЗ-2. Т. 3. Отд. 1. № 6194. С. 262–263. См. также: РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 186. Л. 126–131.

²⁸ ПСЗ-2. Т. 9. Отд. 1. № 7221. С. 655–656.

²⁹ Министерство финансов. 1802–1902. С. 234–236; Русский рубль. Два века истории. С. 40.

³⁰ Министерство финансов. 1802–1902. С. 236.

³¹ ПСЗ-2. Т. 9. Отд. 2. № 7442. С. 57–58.

³² Очерк хода дела об устройстве денежной системы... С. 3.

виновниках возвышения лажей³³. Все эти меры не дали желаемого результата. Неэффективность этого указа объяснялась тем, что он не охватывал устных сделок.

М.М. Сперанский отмечал, что вопрос об устранении разнообразных простонародных курсов возник еще в 1834 г. на совещаниях в Комитете финансов. Тогда было решено «ограничиться на первый раз тем, чтобы запретить счет на монету во всех письменных обязательствах; но в то же время было положено вникнуть впоследствии точнее в коренные причины появления сих курсов и промыслить способы к их прекращению». Один из способов, который мог поправить ситуацию, состоял в «запрещении лажа не только в обязательствах письменных, но и при наличной покупке и продаже и во всех вообще торговых оборотах», не получил поддержки Государственного совета.

28 июля 1837 г. Е.Ф. Канкрин внес на рассмотрение Государственного совета два представления, в одном из которых он предлагал «запретить всякие сделки, не только письменные, но и словесные, и всякие платежи по счету на монету, с тем, чтобы они производились на золото, серебро и ассигнации в условленных случаях по биржевому курсу, а когда нет особого условия — по курсу податному, и установить карательные правила за нарушение указанного запрещения» (вплоть до судебного преследования). Министр считал, что главная причина появления простонародного курса крылась не в недостатках «денежной системы», требующих «неотложной перемены», а в стремлении «воспользоваться простотою и невежеством простого народа». В этой ситуации на смену малоэффективным систематическим, полагал он, приходят запретительные меры. Реализация принятых постановлений привела к приливу серебряной монеты в Казначейство. Меры по уменьшению массы серебряных денег в обращении были изложены Е.Ф. Канкриным во втором представлении от 29 июля 1837 г., в котором предлагалось создать при Коммерческом банке депозитную кассу для приема серебряной монеты «на бесплатное хранение, без права банка расходовать внесенные деньги, и с выдачей квитанций на предъявителя», вместо которых она должна была выпускать билеты депозитной кассы достоинством в 5, 10, 25, 50 и 100 руб. Эти билеты вводились в обращение по всей империи наравне с серебряной монетой, без всякого лажа, принимались в казенные платежи (кроме таможенных пошлин) и выдавались из казны (кроме кредитных учреждений). На внесенные в кассу депозитные билеты банк должен был немедленно выдавать «надлежащее

³³ Министерство финансов. 1802–1902. С. 236–237.

количество непременно серебряной монетой без всякого вычета». Е.Ф. Канкрин отмечал, что свойства билетов депозитной кассы отличны от бумажных денег, основанных «на одном кредите». Кроме того, он считал, что создание депозитных билетов поможет ввести новые «серебряные ассигнации»³⁴.

11 мая 1839 г. Е.Ф. Канкрин представил вариант плана устройства денежной системы, в соответствии с которым в 1839 г. было необходимо «приготовить депозитные билеты», «исчислить доходы и расходы на серебро», приготовить перевод «банковых вкладов и ссуд, фондов и билетов Государственного казначейства на серебро», до ноября месяца «устроить отделение депозитной кассы», «сделать заем 20 000 000 руб. серебром». В 1840 г. предполагалось выпустить в обращение депозитные билеты, «объявить серебро государственной платежной монетой», «назначить вексельный курс на серебро и чтобы все сделки были впредь на оное», взимать все государственные доходы и расходы серебром, перевести банковские ссуды и вклады на серебро, назначить ассигнациям постоянный курс и разрешить «размены из казначейств, по мере наличных сумм», «прежние частные обязательства» должны были выплачиваться «по утвержденному курсу», необходимо было также «сделать распоряжения о фондах и билетах Государственного казначейства», «приготовить особый запас билетов депозитных к 1841 году, в том числе и трехрублевых, ниже коих не представляется удобным оные допустить», «воспретить, как обмен, прибавку процентов на серебро и ассигнации». С 1 июля 1841 г. предусматривалось запрещение всех сделок на ассигнации, которые в течение года необходимо было обменять на депозитные билеты «по назначенному курсу», и создание в С.-Петербурге обеспечивавшего их фонда «в звонкой монете». За депозитные билеты отвечала казна, их надлежало принимать «во все платежи», «и по требованию <...> Казначейства» за них должны были выдавать серебро, если оно имелось в наличности. Ассигнации имели бы «предназначенный постоянный курс» и постепенно обменивались на депозитные билеты. Для частных лиц «в столицах и главнейших городах» предоставлялась бы возможность размена «депозитных билетов на прежние ассигнации». С 1842 г. запрещались «все частные платежи ассигнациями», только казна могла «принимать их по 1843 г.».

³⁴ Очерк хода дела об устройстве денежной системы... С. 5–6; См. также: Материалы по вопросу об устройстве денежной системы. С. 3–14; Русский рубль. Два века истории. С. 44; Лавичева И.Н. Реформа Канкрин... С. 72–74.

Депозитные билеты обращались бы наравне с серебром, а «всякое же покушение надбавить проценты на целковые и по соразмерности на билеты, — отмечал Е.Ф. Канкрин, — подлежит законному взысканию, как за обман»³⁵.

III

1 июля 1839 г. был обнародован манифест «Об устройстве денежной системы»³⁶, в котором, как и в манифесте от 20 июня 1810 г., государственной платежной монетой устанавливалась серебряная монета российской чеканки, а неизменяемой монетной единицей — серебряный рубль. В связи с этим государственные ассигнации, «согласно первоначальному их назначению», становились вспомогательными знаками ценности, и для них устанавливался обязательный и неизменный курс на серебро — «серебряный рубль, как в крупной, так и в мелкой монете» считался «в три рубля пятьдесят копеек ассигнациями»³⁷. Фиксировался также курс золотой и медной монеты. Золотая монета должна была обращаться «3% выше нарицательной ее ценности»: империял (10 руб.) — по 10 руб. 30 коп. и полуимпериял (5 руб.) — по 5 руб. 15 коп. на серебро. Медная монета до ее передела «по счету на серебро» могла приниматься в казну в качестве податей, повинностей и прочих платежей по курсу три с половиной копейки медью за одну копейку серебром³⁸. Все сделки, как с казной, так и с частными лицами, должны были заключаться только в серебряной монете. Из-за обширности империи это правило вводилось с отсрочкой до 1 января 1840 г. В серебре пересчитывались все государственные доходы и расходы, обороты кредитных учреждений и т. д. Но сами платежи могли производиться как серебром, так и ассигнациями по твердому курсу. Строжайше воспрещалось делать на серебро и на ассигнации надбавку «какого-либо лажа» или употреблять, «при новых сделках, так называемого счета на монету». Уездные казначейства должны были обменивать ассигнации на серебро и серебро на ассигнации до 100 руб. серебром или 350 руб. ассигнациями в одни руки³⁹.

³⁵ Материалы по вопросу об устройстве денежной системы. С. 229–231. См. также: Министерство финансов. 1802–1902. С. 243; Очерк хода дела об устройстве денежной системы... С. 27–28.

³⁶ ПСЗ-2. Т. 14. Отд. 1. № 12497. С. 600–602. См. также: Материалы по вопросу об устройстве денежной системы. С. 261–264.

³⁷ Там же. С. 262.

³⁸ Там же. С. 264.

³⁹ Там же. С. 263. См. также: Русский рубль. Два века истории. С. 50–51.

Одновременно с манифестом от 1 июля 1839 г. был опубликован также указ о создании с 1 января 1840 г. при Коммерческом банке «депозитной кассы серебряной монеты», принимавшей на хранение, «отдельно от сумм Коммерческого банка», «вклады серебряной монетой российского чекана». Взамен серебра вкладчики получали изготовленные по особой форме билеты депозитной кассы, которые можно было использовать для любых платежей по всей Российской империи наравне с серебряной монетой и в любое время без задержек обменять их на серебро⁴⁰. В первый год существования депозитной кассы спрос на депозитные билеты был небольшой, поэтому 10 февраля 1841 г. последовало высочайшее разрешение принимать слитки золота «не ниже 72 пробы и весом не менее 5 фунтов, а серебра — не ниже 84 пробы и весом не менее 1 пуда»⁴¹.

После издания указа о депозитной кассе и введении в обращение депозитных билетов было утверждено мнение Государственного совета, согласно которому предполагалось с 1 января 1841 г., а «смотря по обстоятельствам», и позже, провести окончательный обмен ассигнаций на депозитные билеты. Для обеспечения депозитных билетов и «утверждения их кредита» предписывалось создать «особый фонд серебряной и золотой монеты», достаточный для обмена любой суммы этих билетов, а казна гарантировала бы безостановочную выдачу за них «серебра и золота в натуре». Поступавшие в Казначейство ассигнации следовало изымать из обращения и «обменивать по установленному постоянному курсу» на депозитные билеты, а для обмена ассигнаций частными людьми, независимо от депозитной кассы, назначить также и другие места, по усмотрению министра финансов. Медную монету

В Царстве Польском реализация манифеста от 1 июля 1839 г. была задержана, так как Административный совет Царства считал, что количество обращающегося серебра недостаточно для поддержания постоянного курса ассигнаций, поэтому временно была сохранена прежняя особая монетная система. Положение изменилось после указа от 21 января (2 февраля) 1841 г., установившего в Царстве монетной и счетной единицей русский серебряный рубль, что было закреплено в указе от 3(15) сентября того же года (Очерк хода дела об устройстве денежной системы... С. 28–29; См. также: Сборник административных постановлений Царства Польского. Ведомство финансов. Варшава, 1867. Т. 10. С. 668–684).

⁴⁰ ПСЗ-2. Т. 14. Отд. 1. № 12498. С. 602–603. См. также: Материалы по вопросу об устройстве денежной системы. С. 264–266; Русский рубль. Два века истории. С. 51.

⁴¹ Министерство финансов. 1802–1902. С. 251.

предлагалось чеканить «в грошах или двухкопеечниках, копейках, деньгах и полушках»⁴².

1 июля 1841 г. был обнародован манифест о выпуске в обращение кредитных билетов на 30 млн. рублей серебром «для облегчения оборотов государственных кредитных установлений» и увеличения в «обращении массы легкоподвижных денежных знаков». Из этого количества 15 млн. руб. серебром были выделены для Московской сохранной казны, 8 для С.-Петербургской и 7 для Заемного банка. Через шесть недель после публикации этого манифеста Сохранные казны воспитательных домов и Заемный банк могли выдавать ссуды кредитными билетами по 50 руб. серебром под залог недвижимых имений. Билетам присваивалось «хождение по всей империи наравне с серебряной монетой». Их обеспечение гарантировалось «всем достоянием государственных кредитных установлений и, сверх того, безостановочным во всякое время разменом оных на звонкую монету», для осуществления которого «Сохранные казны и Заемный банк при каждой выдаче билетов» должны были откладывать в звонкой монете в особую кассу сумму «соответственную не менее шестой части выпускаемых билетов»⁴³.

В дальнейшем на основании манифеста от 1 июня 1843 г. ассигнации и другие денежные представители должны были быть заменены, «без напряжения и без замешательства в обращении», «одним знаком». Таким образом, на смену ассигнациям «соразмерно» их количеству (595 776 310 руб., что по курсу 350 коп. составляло 170 221 802 руб. 85⁵/₇ коп. серебром) приходили государственные кредитные билеты пятидесяти-, двадцатипяти-, десяти-, трех- и рублевого достоинства. Эти билеты обеспечивались «всем достоянием государства и безостановочным во всякое время <...> разменом на звонкую монету», для обеспечения которого создавался постоянный фонд золотой и серебряной монеты «не менее шестой части всей выпущенной взамен ассигнаций суммы кредитных билетов». Постепенно должны были быть извлечены из обращения и депозитные билеты. В соответствии с манифестом, обмен кредитных билетов на серебряную и золотую монеты, «с соблюдением указного между ними деньгами соотношения», осуществлялся в Петербурге

⁴² Материалы по вопросу об устройстве денежной системы. С. 267–268; Министерство финансов. 1802–1902. С. 249–250; Русский рубль. Два века истории. С. 51.

⁴³ ПСЗ-2. Т. 16. Отд. 1. № 14700. С. 683–684. См. также: Материалы по вопросу об устройстве денежной системы. С. 269–271; Очерк хода дела об устройстве денежной системы... С. 27–28.

«без ограничения суммы» и в Москве «до 3000 руб. в одни руки». Кредитные билеты, поступающие в обмен на металлическую монету, предполагалось хранить в разменной кассе при Экспедиции кредитных билетов до того момента, пока на них не будет приобретена золотая и серебряная монета и тем самым вновь пополнен разменный фонд⁴⁴.

Согласно манифесту от 1 июня 1843 г.⁴⁵, депозитные билеты можно было обменять на государственные кредитные билеты с 1 сентября 1843 г., а с 1 ноября — поступающие в казенные и банковские платежи ассигнации. 14 ноября 1844 г.⁴⁶ был разрешен «обмен ассигнаций на кредитные билеты и всем частным лицам». Однако эти мероприятия проходили уже при новом министре финансов — Ф.П. Вронченко⁴⁷.

IV

Основные начала реформы денежной системы России конца 1830-х — начала 1840-х гг. формировались несколькими десятилетиями ранее. Некоторые из реализованных Е.Ф. Канкриним положений его предшественники пытались претворить в жизнь еще в первой четверти XIX в. Среди них видное место принадлежало Д.А. Гурьеву. Вступив в должность министра финансов уже далеко не молодым человеком, он ни по жизненному опыту, ни по складу характера, ни по своей служебной карьере не принадлежал к кругу «молодых реформаторов». Курс проводимой им финансовой политики был подчинен задаче стабилизации финансовой системы России и отличался, по сравнению с воззрениями раннего Сперанского, умеренным консерватизмом. Однако высказанные Гурьевым идеи и сформулированная им финансовая программа создавали конструктивную основу улучшения финансовой ситуации в будущем. Уменьшение количества ассигнаций в обращении, даже при отсутствии разветвленной сети кредитных учреждений и плохих путях сообщения, способствовало увеличению в обращении металлической монеты, что позволило Е.Ф. Канкрину устано-

⁴⁴ ПСЗ-2. Т. 18. Отд. 1. № 16903. С. 360–363; Материалы по вопросу об устройстве денежной системы. С. 271–275.

⁴⁵ ПСЗ-2. Т. 18. Отд. 1. № 16903. С. 360–363.

⁴⁶ Там же. Т. 19. Отд. 1. № 18426. С. 767–769.

⁴⁷ Министерство финансов. 1802–1902. С. 256–257; Русский рубль. Два века истории. С. 54; Морозан В.В. История банковского дела в России... С. 135–137.

вить в России систему серебряного монометаллизма и тем самым на определенный период стабилизировать денежное обращение ⁴⁸. Можно предположить, что устойчивое мнение о том, что становление и укрепление российских финансов произошло с момента, когда во главе министерства стал Е.Ф. Канкрин, сложилось еще в 40-е гг. XIX в. В нравственно-политическом отчете за 1843 г., который читал Николай I, отмечалось, что «память графа Канкринна останется незабвенною в истории финансов, в особенности после системы графа Гурьева. Он утвердил кредит России за границей, дал правильный ход администрации и возвел на высшую степень учебные и ученые заведения. Ему обязаны Технологической школой, рисовальной школой, Училищем мореплавания и усовершенствованием Горного корпуса, учреждением коммерческих судов, коммерческих банков — вот славные дела, которые дают самый светлый блеск нынешнему славному царствованию» ⁴⁹. Трудно согласиться с утверждением современников о том, что коммерческие банки и суды были созданы именно при Е.Ф. Канкрине (Приложение 6).

В первые десятилетия XIX в. шел процесс формирования финансовой сферы как одной из важнейших отраслей государственного хозяйства. Не случайно именно в этот период в русском языке, возможно и стараниями Д.А. Гурьева, получают общее употребление слова «финансы», «финансовый», «финансировать» ⁵⁰. Практическая деятельность министра была базой, которая давала ему возможность формировать представления о сути вверенной ему части государственного управления. Хотя современники негативно оценивали его стремления улучшить финансовую ситуацию в России, следует отметить, что, находясь во главе министерства, Гурьев вынес все финансовые тяготы войны 1812 г. и заграничных походов русской армии. В мирное время он ратовал за совершенствование кредитных учреждений, за более четкую организацию структуры финансового ведомства в целом. Творчески используя опыт как М.М. Сперанского, так и своих сотрудников, он стремился возвести в ранг закона составление ежегодных смет, а также наладить контроль за их исполнением. Упорядочение отчетности было первым шагом на пути формирования государственного бюджета европейского образца, соединившего в себе ежегодную смету о доходах и расходах и реально отражавшего движение средств

⁴⁸ Лавичева И.Н. Реформа Канкринна... С. 73.

⁴⁹ Россия под надзором. Отчеты III отделения 1827–1869. М., 2006. С. 331.

⁵⁰ Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 2001. Т. 2. С. 314.

удовлетворения потребностей государства. Д.А. Гурьев пытался сбалансировать бюджет без введения новых налогов. Он стремился включить в сферу деятельности вверенного ему ведомства все учреждения, способные расширить возможности получения доходов. По его мнению, казенная собственность и подати ⁵¹ должны были стать основными источниками наполнения государственной казны. Д.А. Гурьев отмечал, что «обязанности Министерства финансов есть удовлетворять государственным нуждам из источников, наиболее к тому удобных. Главное <...> правило есть изыскать сии источники и почерпать из них все, что нужно для расходов» ⁵².

Жизненный путь, карьера чиновника и государственная деятельность Д.А. Гурьева наглядно свидетельствуют, как порой несправедливо мнение современников. Соперничество различных учреждений, борьба между собой бюрократических кланов, интриги в чиновничьей и придворной среде служили почвой предвзятых оценок деятельности Гурьева-министра. В этих условиях получило хождение субъективное мнение о нем как о бездарном бюрократе и порочном человеке. Гурьев был деятелем своего времени, и, как всякому человеку, ему были свойственны как положительные, так и негативные черты, свои слабости, симпатии и антипатии. Однако в своей государственной деятельности он стремился в меру сил и способностей служить России. В сложнейших внутриэкономических и внешнеполитических ситуациях ему приходилось принимать крайне непопулярные решения, что, конечно же, не могло не повлиять на формирование достаточно одностороннего представления о нем окружающих и последующих исследователей. Он часто менял «свое отношение к той или иной проблеме в области финансовой и кредитной политики и способам ее реализации», что, как отмечают современные исследователи, во многом осложняло «и без того трудное финансовое положение империи» ⁵³. Тем не менее во главе финансовой политики России Д.А. Гурьев был одним из первых. И его опыт вольно или невольно учитывался последующими государственными деятелями. Стараниями первых министров, в том числе и его трудами, была заложена основа, на которой практики и теоретики финансовой науки продолжали совершенствовать представление об одной из важнейших отраслей государственного хозяйства. Сохранившиеся проекты, многие из которых так и

⁵¹ РГИА. Ф. 560. Оп. 10. Д. 93. Л. 64 об.

⁵² Там же. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 389. Л. 12–12 об.

⁵³ Морозан В.В. История банковского дела в России... С. 129.

остались на бумаге, позволяют говорить, что Д.А. Гурьев являлся достойным предшественником Е.Ф. Канкрин (хотя бы в том, что активно выступал за развитие торгово-промышленного кредита, к которому весьма недружелюбно относился Е.Ф. Канкрин)⁵⁴ и немало сделал для заложения фундамента реформ, проводимых последним в конце 30-х гг. XIX в.

⁵⁴ Банковая энциклопедия. Киев, 1914. Т. 1. С. 274.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение I

Труды Государственного совета ¹ по финансовой системе ²

В плане финансов, предложенном в руководство Департаменту государственной экономии, заключаются 4 главные части.

I. Устройство расходов.

II. Устройство доходов.

III. Монетная и кредитная системы, и

IV. Управление финансов с принадлежащими к тому отчетами.

I

По устройству расходов примечательнейшие постановления Государственного совета состоялись следующие:

1) Употреблять все возможные усилия к сокращению издержек введением лучшего устройства и экономии.

2) Все то, что из годовых расходов сбережено быть может, отлагать на уплату государственных долгов и на непредвидимые издержки.

3) Все чрезвычайные расходы учреждать не иначе, как по предварительном рассмотрении входящих от министров представлений в Государственном совете; для непредвидимых же расходов на текущие потребности учредить такой порядок, чтобы, производя их без остановки, представлять им срочные счета и делать новые назначения ³.

4) Сметы по всем министерствам должны приведены быть в порядок, положениями Государственного совета для них установ-

¹ В журнале от 5 июня 1812 г. соединенных департаментов государственной экономии и законов, за подписью исправляющего должность государственного секретаря Оленина, записано, что «во исполнение высочайшего указа от 3 апреля 1812 г. (ПСЗ-1. Т. 32. № 25073. С. 276–277) соединенные департаменты постановили заняться обозрением рассуждений и постановлений Государственного совета с начала 1810 г. по финансовой системе» (Журналы. Т. 9. № 46. Л. 214). Эта канцелярская справка озаглавлена так: «Краткое изложение постановлений Государственного совета в отношении устройства финансов, с 21 января 1810 г. по 29 января 1812 г. состоявшихся».

² Архив графов Мордвиновых. СПб., 1902. Т. 6. С. 166–179.

³ Журнал 21 января 1810 г.

ленный, и должны представляемы быть для них сроки; ибо в общих расчетах экономии и особенно в видах государственного хозяйства, все зависит от порядка сроков, от благовременности смет и от верности отчетов ⁴.

5) Правила о соблюдении строгой экономии в издержках должны быть, сколь можно, более по всем частям усилены, и ни одна из них не должна себе представлять, что понеже открыт ей в Казначействе кредит на определенную сумму, то и можно употреблять оный без строгого рассмотрения. Министру финансов должно быть предоставлено право и обязанность располагать кредиты сии по возможности и не иначе чинить отпуски, как применяясь к необходимости и отсекая все то, что только оберечь будет можно ⁵.

6) Если сохранены будут постановленные правила о непрерывном своде и сокращении министерских кредитов, то можно с основательностью ожидать остатков по всем почти департаментам.

7) Должно принять правилом, чтобы все остатки от расходов обращать на погашение ассигнаций. Сего требует не только связь истинных финансовых видов, в Государственном совете принятых, но и самые издержки будущих лет, кои ничем надежнее не могут быть унижены, как возвышением достоинства ассигнаций ⁶.

Из расходов 1812 года отделить все долги, а все действительные издержки наполнить доходами, без всяких налогов новых ⁷.

II

По части доходов значатся в разновременных журналах Государственного совета следующие рассуждения и положения:

⁴ Журнал 31 декабря 1810 г. Причем Совет не преминул приметить, что нельзя, конечно, будет удержать смет в назначаемом для них порядке, если не будут с точностью наблюдаемы правила, постановленные о чрезвычайных издержках и о порядке расходов вообще по всем министерствам. Сколь бы министр финансов ни старался удерживать сметы в их пределах, но если все другие министерства не будут ему в том содействовать, если во всех издержках не будут с ним сохраняемы предварительные и непрерывные сношения, тогда, при всей деятельности и усердии его, будет он в звании своем встречать единые только затруднения и препятствия.

⁵ Журнал 19 января 1811 г.

⁶ Журнал 20 января 1811 г.

⁷ Журнал 31 декабря 1811 г.

1) Поелику, при внимательном рассмотрении действий ассигнаций, Государственный совет удостоверился, что из всех налогов выпуск новых ассигнаций есть и для частных людей, и для государства самый тягостный и разорительный; что с понижением достоинства ассигнационной монеты казна получает ныне менее, нежели половину тех доходов, кои получала она 10 лет тому назад; что приумножение выпуска новых бумаг хотя и представляет временное пособие к удовлетворению недостатков, но из самого пособия сего возникают новые недостатки, так что Казначейство не успеет окончить и сравнить сметы возложенных на него издержек, как по возвышению цен сметы сии уже переменяются, все части требуют прибавок и, таким образом, из долгов рождаются новые долги и, обращаясь в сем круге, целый год проходит в непрерывном почти приумножении оных и, наконец, что налог сей приводит все казенные и частные имущества в неизвестность и самое разорительное смешение, так что никто не может определить и расчесть, что сегодня он имеет и что завтра иметь будет — для того Государственный совет за благо признал предпочесть новому приумножению ассигнаций меры возвышения податей и обыкновенных налогов, располагая оные со всевозможною умеренностью и уравнением ⁸.

2) Согласно видам, в плане финансов изображенным, предположено принять самые деятельные меры к удобрению разных частей казенной экономии лучшим устройством казенных заводов и тому подобным.

3) Все казенные экономические суммы, в каком бы ведомстве они ни находились, но на кои не возложено определенных расходов, считать принадлежащими Казначейству и не иначе выдачи их учреждать, как по точному назначению министра финансов и с соблюдением тех правил, какие вообще будут приняты для назначения непредвидимых расходов из Казначейства.

4) Все статьи казенных доходов, в каком бы отдельном управлении они ни состояли и из каких бы источников ни поступали, считать принадлежащими Казначейству точно так же, как бы

⁸ В рассуждении возвышения налогов Совет писал: «что одна крайность обстоятельств может оправдать сию меру. Хотя по опасным и бедственным последствиям приумножения ассигнаций нельзя сравнить с ними никакого другого налога, но нельзя вместе с тем не признать, что чрезмерное возвышение податей само по себе есть великое, без сомнения, бремя и что оное, при стесненном положении нашей торговли и при закрытии многих источников, необходимых для движения народной промышленности и труда, иссушит, конечно, самые их источники и обратится в существенный ущерб и ослабление сил государственных».

действительно в Казначействе они находились. Никакая выдача, никакое сверхштатное назначение из них не должно быть производимо иначе, как с предварительным согласием министра финансов и по тем же правилам, по коим чиниться имеют все расходы Казначейства.

Причем Государственный совет имел и то в соображении своем, что, хотя по обилию наших источников многие ветви доходов, без всякого налога на обывателей, могут быть усовершенны и усилены, но сие требует многих предварительных мер, продолжительного времени и подробного распорядка, равномерно как и новые источники неокладных налогов или внутренних, так и пошлин, требуют предварительного устройства, не могут быть с точностью исчислены и по непривычке к ним народа произведут более тягости ему, нежели прибыли казне⁹.

5) Для достижения прочных и необременительных доходов по соляной части нужно приуготовлять и склонять все ее движения ко введению вольной продажи.

6) Народные подати, при настоящем положении государства, не могут иначе возвышены быть, как лучшим их устройством, то есть обращением в казну того, что теперь расточается от неуравнительного и стеснительного их взимания¹⁰.

⁹ В журнале 21 января 1810 г.

¹⁰ В журнале 31 декабря 1810 г. По предмету налогов Совет при сем случае рассуждал следующее: «Подати и налоги, существующие ныне в России, в сравнении с другими государствами, при первом воззрении кажутся весьма умеренны; но при подробнейшем их рассмотрении открывается, что весьма трудно в настоящем их положении возвысить нарочитым количеством. Хотя окладные подати, т. е. подушный и оброчный сборы сами по себе, особливо по упадку ассигнаций и по высоким ценам сельских произведений, и не весьма суть значительны; но быв основаны на ревизии, коей прошло уже 15 лет, они, каждый год удаляясь от прежней своей соразмерности, ныне в распределении их по губерниям, уездам и особливо по деревням соделались весьма обременительны; а особливо если принять в соображение все личные и вещественные тяжести, на народе лежащие, положение рекрутских наших наборов, земские повинности, образ распределения и взимания сих сборов и их безотчетность. Что же принадлежит до акцизов, пошлин и всех других неокладных или косвенных сборов, то о доходах сего рода вообще приметить должно, что в государстве, коего искусственная промышленность еще не укоренилась и во многих важных частях едва только возникает в государстве, коего население пространству земель несоразмерно, коего коренное и естественное богатство состоит наиболее в земледелии и в отраслях труда, близко с ними смежных, никогда косвенные налоги не могут произвести важного

7) Должно, не теряя времени, приступить к прочному образованию государственных доходов и предложить способы к лучшему составу особенно подушной и оброчной подати, посредством новой ревизии и удобнейшим распределением оброчного сбора, т. е. по пространству земель или по их качеству.

8) Нужно, чтобы Министерство внутренних дел занялось изготовлением потребных сведений, видов и расчетов к лучшему устройству почтовой повинности и в виде доходов, и в виде народного облегчения.

9) Пересмотрев существующие ныне о недоимках правила, нужно постановить лучшие и удобнейшие меры к усилению взыскания, к рассрочке и сложению оных. Лучше часть их и даже целую половину, по рассмотрении безнадежности, вовсе сложить, нежели бесполезным переводом их из счетов одного года в другой подавать случай и причину к напрасному угнетению поселян разными временными частными взысканиями и к другим разорительным для них злоупотреблениям ¹¹.

В облегчение налагаемых податей приуготовить в течение 1812 года все соображения к преобразованию двух тягостных земских повинностей: дорожной и почтовой, и если на предварительные распоряжения по сему преобразованию представить нужным оборотный капитал, то открыть для сего обоим управлениям сих повинностей кредит в банке или в Учетных конторах ¹².

Совет, признавая общее сложение недоимок неудобным, заблагорассудил, что справедливее будет слагать оные по частному и особенному каждой из них рассмотрению ¹³.

III

По устройству кредитной и монетной системы состоялись в разные времена нижеследующие постановления:

Не прикасаясь к дальнейшим и постоянным способам поддержания государственного кредита, Совет за благо признал принять в самом начале следующие меры:

прибытка; напротив того, они могут только истинить и истребить в самом корне слабые начатки трудолюбия. Все теории, заимствуемые от чужеземных примеров, не могут здесь иметь никакого правильного на самом деле приложения».

¹¹ В журнале 19 января 1811 г.

¹² В журнале 31 декабря 1811 г.

¹³ В журналах 3, 9 и 12 января 1812 г.

1) Поелику общественное доверие в финансах возрождается всегда от правильного и публичного действия правительства, когда, напротив, скрытность в финансах заставляет предполагать более запутанности и опасности, нежели сколько ее есть на самом деле, и поелику государство, которое, признавая свои долги, останавливает их приумножение и приемлет меры к их уплате, тем самым дает самое сильное доказательство твердости своих намерений и уверенности в своих источниках; для того и нужно возвестить манифестом, что новый выпуск ассигнаций пресекается и что все производство Ассигнационного банка будет ограничиваться одним променом ветхих бумаг на новые, за выпуском, однако же, всех, до сего изготовленных (всего 43 060 000 руб.).

2) Предоставить купечеству городов С.-Петербурга, Москвы и Риги избрать по одному члену из их сословий для определения в банк в число его директоров.

3) Для удобства обращения ассигнаций и для вящего сохранения их доверия учредить в разных городах разменные конторы ¹⁴.

К восстановлению же кредитного достоинства ассигнаций три разных способа представлялись уважению Совета:

Первый, чтобы приумножением металлической монеты в государстве привести ассигнации в равновесие с оною;

Второй, чтобы расширить круг обращения ассигнаций, и

Третий, чтобы уменьшить массу оных.

Государственный совет, утвердясь в тех мыслях, что последний способ есть самый предпочтительнейший, и удостоверясь, что весь избыток ассигнаций составляет не более 286 миллионов, занимался притом избранием выгоднейшего пути к производству оного в действо.

Три пути здесь представлялись:

1) Чтобы избыток ассигнаций уничтожить властью правительства, т. е. часть их исключить из числа монет государственных, без всякого частным людям возмездия.

2) Чтобы избыток сей, исключив из числа монет государственных, превратить в бессрочный государственный долг, приносящий ежегодно известную и определенную частным лицам прибыль.

3) Чтобы принять способы к постепенному ассигнаций погашению.

Из сих трех путей Совет избрал последний, яко сообразнейший с достоинством государственного кредита и с пользою частных лю-

¹⁴ Журнал 21 января 1810 г.

дей, и первоначальные средства к производству погашения заключил в следующем:

1. Для погашения сего избытка составить особенный капитал продажей государственных имуществ, по примерной оценке на 183 млн.

2. А чтобы ускорить движение сего капитала к облегчению государства от тяготящих его долгов, то открыть публичный заем на ассигнации, положа сумму одного до 100 млн., но открывая его постепенно.

3. По учреждении нового займа, в отношении к прежним заемным банкам, на ассигнациях основанным, принять правилом, чтобы, не прерывая действия их никаким публичным актом, предоставить министру финансов учреждать ссуды и прием вкладов по соображению того движения, какое будут иметь новые займы, в которые притом дозволяется помещать и банковые билеты.

4. Приступить к рассмотрению и учреждению системы нового кредита, а как учреждение сие предполагает твердую монетную систему, то и вникнуть предварительно в настоящее положение сей системы и определить меры к ее исправлению¹⁵.

Приступив к устройению монетной системы, Государственный совет усмотрел, что три разные монеты: серебро, медь и ассигнации признаны у нас государственными, ходячими и законными, и что они с давнего времени потеряли бывшее между ними единство и, сходствуя в одном их наименовании, каждая получила свою цену и отдельное значение; почему, для восстановления взаимных между ними отношений, надлежало прежде всего определить, какая именно из них должна быть признаваема законною единицею и мерою всем прочим.

Для сего избран серебряный рубль настоящего царствования $83\frac{1}{3}$ пробы и в $4^{68/79}$ золотн. весом.

Определив таким образом монетную единицу, надлежало определить и отношения к ней меди. А поелику медная монета имела у нас всегда свойство ассигнационное, т. е. именовательное ее достоинство всегда превышало истинную ее цену на серебро, для того, полагая у нас два рода ассигнаций, медные и бумажные, и постановив правила в рассуждении последних, надлежало согласить с оными и учреждение о медных.

К сему три разные представлялись средства:

а) приблизить медь к серебру,

¹⁵ Журналы марта и апреля 1810 г.

б) приблизить ее к ассигнациям бумажным,

в) исключить ее из монет государственных, обратить в биллон или такую монету, которая бы не имела хода, кроме мелких разменов.

Первое из сих средств оказалось неудобноисполнительным потому, что цена меди слишком непостоянна. Дать ей сие постоянство иначе невозможно, как усилив кредитное ее достоинство; но сего сделать иначе нельзя, как стесня круг обращения ассигнаций, чрез что они и более унизиться должны. К тому же медная монета в достоинстве, равном серебру, была бы слишком тяжела для обращения и, быв столь ценною, весьма дорого стоила бы казне.

Равномерно и приближение меди к ассигнациям бумажным не сочтено вменным потому, что они и сами постоянной цены не имеют. Сверх того, каким образом приблизить медь к ассигнациям, когда принято правилом уменьшать самые ассигнации и приводить их посредством сего уменьшения к серебру?

Итак, осталось избрать последнее предположение, т. е. чтобы обратить медную монету в биллон.

К сему два способа представлялись:

1. Чтобы всю массу медной монеты, переименовав в низшее достоинство, объявить вдруг биллоном.

2. Приводя ее постепенно, посредством передела в низшее достоинство, часть ее обращать в серебро, а другую, и самую меньшую, выпускать в дробной медной монете, которая сама собою нечувствительно обратится в биллон.

Последний способ предпочтен первому, яко сообразнейший с пользами казны.

Таким образом, монетная система составила из следующих начал:

1. Ввести в обращение одну постоянную серебряную монету, в двух разных видах: в виде банкового рубля и в виде мелкой разменной серебряной монеты.

2. Старую медную монету, выводя постепенно из обращения, часть ее, посредством перелива и продажи, превращать в разменное серебро, а другую, выпуская в виде дробной разменной монеты, приводить в биллон.

3. Монета серебряная банковая (рубли и полтина) должна в обоих видах одинакового быть достоинства в пробе и весе.

4. Монета разменная серебряная (в 20, 10 и 5 коп.) должна также быть с торговою в достоинстве одинакова; но в весе должна содержать некоторую прибавку меди.

5. Все прочие серебряные монеты других проб и веса, как равно и всякая золотая монета, оставляются в относительном их достоинстве к истинной монетной единице и в свободном обращении, как предмет торговли, коего цена определяется количеством его и потребностью.

6. Монета разменная медная (в 2, 1, $\frac{1}{2}$ копейки) должна быть вдвое ценою против средней цены меди на серебро.

На основании сих начал утверждены были следующие первоначальные о монетной системе распоряжения:

а) Постановлено, чтобы, так как главная нужда состоит в монете разменной, то в течение первых двух лет чекан банковской или торговой серебряной монеты остановить, а все серебро обратить на разменную, для замены оною медной.

б) Чекан сей последней производить, если то представится возможным, в разных местах, в отвращение издержек перевоза.

в) Разменную серебряную монету пустить в обращение по действительному курсу серебра, производя ею все платежи, серебром назначаемые, и также, по возможности, заменяя ассигнации и медные пятикопеечники.

г) принято правилом, на основании представленного от министра финансов исчисления, чтобы медной монеты, в виде биллона, не выпускать более как от 8 до 10 миллионов рублей.

д) Утвержден изложенный министром финансов порядок, каким образом, собирая в казну медь, превращать ее, посредством продажи внутри и вне государства, в серебро¹⁶.

е) Наконец, постановлены правила против перелива старой медной монеты частными людьми.

Государственный совет, обзрев в подробности начала, принятые им в кредитной и монетной системе, также их последствия, настоящее ее положение и дальнейшие меры, постановил:

По предмету капитала погашения:

1. Все долги государственные, соединив в одну массу, перевести в Комиссию погашения и, оставив из сего отдельное управление, дать одному приличное образование.

2. Капитал погашения составить: а) из недвижимых имуществ; б) из определенного количества временных податей и пошлин.

¹⁶ Журнал 23 мая 1810 г.

3. Недвижимые имущества, к продаже назначенные, отделить от прочих и передать в ведомство Комиссии погашения.

4. Способы продажи усилить: а) отменю переторжек и утверждений, когда цены равняются оценке; б) продавать прежде оброчные статьи, въезжие леса и земли, допуская населенные имения единственно в пособие прочим; в) сроки платежей сравнивать на 5 лет; г) определить местным комиссиям несколько процентов в возмездие из тех сумм, коими продажа превышать будет оценку.

5. Присвоить комиссии в доход на погашение долгов подати и пошлины, подробно в журнале поименованные.

6. В доходах сих, так как и во всем обороте сумм, продаж и погашения, комиссия будет отдавать ежегодный публичный отчет.

7. К доходам комиссии присовокупить: а) всю прибыль от заключения контрактов на серебро; б) всю прибыль от преобразований старой медной монеты.

8. К возвышению общественного кредита составить особенное учреждение о разборе спорных дел между казною и частными людьми.

9. Долги военных департаментов уплачивать из капитала погашения и для сего уполномочить комиссию выдавать облигации на правилах, в журнале подробно изображенных.

10. Предоставить Департаменту государственной экономии окончательно сообразить пользы и возможность расширения круга ассигнаций и установления законного им курса.

По предмету системы монетной:

1) Три четверти медной монеты, в доход поступающей, продавая на ассигнации, превращать в серебряную разменную монету и выпускать ее по курсу.

2) Штыковую медь также продавать на ассигнации или променивать на серебро и пускать в обращение по курсу.

3) Держаться с точностью того правила, на коем вся настоящая монетная система основана, т. е. что монета государственная и законная металлическая должна быть одна, и посему:

4) Медь приводить постепенно в биллон и выпускать ее в одних дробных количествах, не допуская ни переименования, ни сравнения, ни усиления ее передела.

По части банков:

- 1) Составить окончательные между банками и Казначейством в долгах их расчеты.
- 2) Не принимать сумм от казенных мест.
- 3) Рассмотреть, до какой степени и частные вклады принимать, и займы чинить можно, при настоящем положении кредитной системы.
- 4) Рассмотреть положение Учетных контор, и не полезнее ли будет обратить капиталы их к погашению.

Все сии соображения предоставляются Министерству финансов ¹⁷.

Май 1812 г.

¹⁷ Журнал 31 декабря 1811 г.

Выпуск и курс российских ассигнаций 1769—1836 гг.
 (таблица из записки о монетном обращении М.М. Сперанского) ¹

Годы	Выпуск ассигнаций по годам	Сумма всех ассигнаций	Достоинство ассигнационного рубля против рубля серебряного (по С.-Петербургскому курсу)	Достоинство всей суммы ассигнаций против серебряной монеты
1769	40 000 000	} 40 000 000	99	39 600 000
1770			99	39 600 000
1771			98	39 200 000
1772			97	38 800 000
1773			98	39 200 000
1774			100	40 000 000
1775			99	39 600 000
1776			99	39 600 000
1777			99	39 600 000
1778			99	39 600 000
1779			99	39 600 000
1780			99	39 600 000
1781			99	39 600 000
1782			99	39 600 000
1783			99	39 600 000
1784			98	39 200 000
1785			98	39 200 000
1786		98	39 200 000	
1787	60 000 000	} 100 000 000	97	97 000 000
1788			92½	92 600 000
1789			91¼	91 750 000
1790	11 000 000	111 000 000	87	96 570 000
1791	6 000 000	117 000 000	81½	95 160 000
1792	3 000 000	120 000 000	79½	95 200 000
1793	4 000 000	124 000 000	74	91 760 000
1794	21 550 000	145 000 000	71	102 950 000
1795	4 450 000	150 000 000	68½	102 750 000
1796	7 703 640	157 703 640	70½	111 181 066
1797	5 871 200	163 574 840	79½	129 769 372
1798	31 356 765	194 931 605	73	142 300 071

¹ Записка о монетном обращении графа Сперанского с замечаниями графа Канкринна. СПб., 1895. С. 39–45.

Чего стоил ассигнационный рубль в голландских штиверах	Курс на Амстердам	Разность между ценою ассигнационного рубля и курсом	
		Курс выше, т. е. в пользу России	Курс ниже, т. е. не в пользу России
36 штив. 14 ф.	43 штив.	19 на 100	
36 " 14 "	40 "	10 ² / ₅ "	
35 " 78 "	42 "	17 ² / ₅ "	
35 " 42 "	42 "	18 ³ / ₅ "	
35 " 78 "	40 "	17 ⁴ / ₅ "	
36 " 50 "	40 "	9 ³ / ₅ "	
36 " 14 "	43 "	19 "	
36 " 14 "	43 "	19 "	
36 " 14 "	43 "	19 "	
36 " 14 "	42 "	16 ¹ / ₅ "	
36 " 14 "	41 "	13 ¹ / ₂ "	
36 " 14 "	36 "		2 ¹ / ₅ на 100
36 " 14 "	39 "	7 ⁹ / ₁₀ "	
36 " 14 "	39 "	7 ⁹ / ₁₀ "	
36 " 14 "	38 "	5 ¹ / ₄ "	
35 " 78 "	37 ¹ / ₂ "	4 ⁴ / ₅ "	
35 " 78 "	39 "	9 "	
35 " 78 "	39 "	9 "	
35 " 42 "	39 "	10 ¹ / ₉ "	
33 " 80 "	34 "	3 ³ / ₅ "	
33 " 48 "	30 "		10 ² / ₅ "
31 " 74 "	30 "		5 ¹ / ₂ "
29 " 67 "	27 ¹ / ₂ "		7 ¹ / ₃ "
28 " 97 "	27 "		6 ⁴ / ₅ "
27 " 4 "	24 ¹ / ₂ "		9 ² / ₅ "
25 " 89 "	27 "	4 ¹ / ₃ "	
25 " 1 "	28 "	12 "	
25 " 70 "	29 "	12 ⁵ / ₆ "	
28 " 97 "	30 "	3 ¹ / ₂ "	
26 " 65 "	27 "	1 ¹ / ₃ "	

1799	15 068 395	210 000 000	67½	141 750 000	
1800	2 689 335	212 689 335	65⅓	138 957 031	
1801	8 799 000	221 488 335	66¼	146 736 021	
1802	8 976 090	230 464 425	71⅔ ₅	164 551 598	
1803	17 160 240	247 624 665	80	198 099 732	
1804	13 033 885	260 628 550	79⅓	206 789 115	
1805	31 540 560	292 199 110	77	224 993 314	
1806	27 040 850	319 239 960	73	233 045 170	
1807	63 089 545	382 329 505	67½	258 072 415	
1808	95 039 075	477 368 580	53¾	256 585 611	
1809	45 832 720	533 201 300	44⅓	238 163 247	
1810	43 798 700	577 000 000	33⅓	192 333 333	
1811	184 000 000	761 000 000	25 ² / ₅	24 ³ / ₅	187 206 000
1812					
1813					
1814					
1815	Прекращение выпуска ассигнаций с уменьшением их количества по 166 млн.	Осталось в обращении 595 776 310 рублей	20		
1816			25⅓	150 929 998	
1817			25⅓ ₆	149 937 037	
1818			25¼	150 433 517	
1819			26⅓	156 887 761	
1820			26⅓	156 887 761	
1821			25⅓	152 915 919	
1822			26¼	156 391 280	
1823			26 ² / ₅	157 284 945	
1824			26½	157 880 721	
1825			26 ² / ₅	157 284 945	
1826			26⅓	158 873 682	
1827			26 ² / ₆	159 866 642	
1828			26 ² / ₆	159 866 642	
1829			27 ² / ₇	162 561 821	
1830	26⅓	156 887 761			
1831	26 ⁸ / ₉	160 197 629			
1832	27⅓ ₆	161 852 563			
1833	27¼	162 349 043			
1834	166 000 000				
1835					
1836					

24	"	66	"	25	"	$1\frac{2}{5}$	"	
23	"	86	"	$24\frac{1}{2}$	"	$2\frac{2}{3}$	"	
24	"	17	"	$25\frac{1}{4}$	"	$4\frac{1}{2}$	"	
26	"	7	"	$28\frac{1}{8}$	"	$7\frac{1}{8}$	"	
29	"	20	"	$31\frac{1}{2}$	"	$7\frac{7}{8}$	"	
28	"	97	"	$30\frac{3}{4}$	"	$6\frac{1}{4}$	"	
28	"	7	"	$30\frac{1}{2}$	"	$8\frac{2}{3}$	"	
26	"	65	"	$26\frac{3}{4}$	"	$\frac{2}{5}$	"	
24	"	66	"	$23\frac{1}{2}$	"			$4\frac{7}{10}$ "
19	"	62	"	$17\frac{1}{10}$	"			$12\frac{4}{5}$ "
16	"	29	"	$15\frac{9}{10}$	"			$2\frac{2}{5}$ "
12	"	17	"	11	"			$9\frac{3}{5}$ "
9	"	26	"	$10\frac{1}{4}$	"			
						Курс высший		
9	"	63	"	$11\frac{4}{5}$	"	$16\frac{1}{2}$	$22\frac{4}{5}$	"
9	"	19	"	$11\frac{3}{8}$	"	$12\frac{3}{4}$	$23\frac{7}{8}$	"
9	"	19	"	$10\frac{3}{8}$	"	$10\frac{1}{2}$	$12\frac{5}{6}$	"
9	"			$9\frac{1}{16}$	"	$10\frac{1}{4}$	$\frac{3}{4}$	"
				$11\frac{1}{2}$	"			
				$11\frac{7}{16}$	"			
				$12\frac{1}{8}$	"			
				$11\frac{31}{32}$	"			
				$10\frac{1}{16}$	"			
				$10\frac{1}{8}$	"			
				$10\frac{1}{4}$	"			
				$9\frac{15}{16}$	"			
				$9\frac{1}{2}$	"			
				$10\frac{1}{2}$	"			
				$50\frac{1}{2}$	ценс.			
				52	"			
				$54\frac{1}{4}$	"			
				$54\frac{1}{2}$	"			
				55	"			
				54	"			
				54	"			
				$54\frac{1}{4}$	"			

Баланс доходов и расходов по государству с 1800 по 1831 г. ¹

	Баланс доходам и расходам, назначенным по рописи	Действительный приход с долгами, ассигнациями и случайными доходами	Действительный расход
1800	78.000.000	91.940.242.43 ¼	88.381.649. 15 ½
1801	81.081.671.59 ½	90.854.728.43 ¼	91.729.535.98 ¾
1802	77.163.555.93	92.056.437.21 ¼	90.096.504.36 ¾
1803	97.815.446.62	110.935.974.53 ¾	109.412.378.5 ¾
1804	101.256.790.77	113.399.213.16 ¼	122.163.559.97
1805	112.341.332.64	136.868.081.8 ¾	125.448.927.89
1806	108.529.460.95 ¾	121.022.519.75 ½	122.458.880.25 ¾
1807	125.437.467.71 ¼	172.122.343.15 ¼	159.020.922.9 ½
1808	136.405.470.71 ¼	266.687.610.68 ¼	239.979.070.54
1809	148.134.116.77 ¼	296.758.998.96	278.454.608.13 ¼
1810	209.291.316.30 ¾	256.751.760.72	278.982.537.20
1811	280.845.749.5	292.277.794.17 ½	272.154.985.36 ¾
1812	302.949.458.47 ½	331.984.378.45 ¾	342.192.564.19
1813	320.529.986.91	457.860.622.6	423.380.572.60
1814	312.444.273.1 ¼	480.138.670.60 ½	457.213.949.2
1815	316.031.900.94 ½	432.736.410.96	391.276.180.54
1816	344.719.467.85 ¾	436.837.852.63	428.105.004.61 ¼
1817	362.996.222.54 ½	437.102.602.16 ¼	438.423.984.19 ¼
1818	406.919.199.54 ½	407.552.976.50 ½	443.285.569.16
1819	438.485.836.60 ½	483.681.939.7	475.949.810.66 ½
1820	458.068.395.76 ½	478.537.948.3 ½	499.804.043.89 ½
1821	454.567.253.77 ½	453.290.128.52 ¾	482.319.283.39 ¾
1822	452.202.934	450.154.364.61 ¼	456.471.199.37 ¾
1823	443.566.846.26 ¼	463.425.785.60 ½	479.148.147.47 ¼
1824	419.412.276.46 ½	407.809.705.19	417.026.925.51 ¼
1825	392.997.615.59	418.680.747.45 ¾	413.459.847.11
1826	384.736.564.62	414.980.618.89 ½	403.915.697.5 ¾
1827	378.760.406.54 ¾	414.883.001 .55 ½	421.617.318.79
1828	383.063.566.31 ¾		
1829	392.347.965.92		
1830	403.161.558.55		
	8.924.264.108.78	9.017.333.456.69 ¾	8.951.873.656.61 ¼

¹ РГИА. Ф. 565. Оп. 13. Д. 2962. Л. 1—9.

Годовые долговые платежи

По росписи назначено	Действительно отпущено
7.059.972.55 ¼	13.625.241.18
8.660.277.51	13.618.547.47 ½
11.056.206.77	8.803.282.40 ¼
8.648.897.26 ¼	8.992.365.35 ¼
3.678.835.70	4.492.875.44
7.133.742.4	10.379.414.29 ½
4.611.535.21 ¾	8.716.675.93 ¼
9.496.669.51	9.454.094.80
4.701.976.4	21.103.348.99 ½
10.575.324.83 ¾	30.420.845.13 ¼
3.425.500	23.784.034.59 ¼
14.668.222.34 ¾	22.828.925.37 ¾
74.137.53 ¾	28.825.888.6
26.477.637.24 ¾	19.910.751.69 ¼
16.770.092.91 ¼	19.448.761.50 ¾
30.409.515.42	18.975.965.98 ¾
22.816.294.96 ¾	26.399.593.77 ¼
40.000.000	43.833.019.92 ½
60.000.000	57.335.973.11 ½
63.088.400	57.824.628.13 ¼
60.947.580	66.142.995.29 ½
61.408.495	58.188.009.8 ½
64.747.495	62.128.631.65 ¼
67.663.223	68.147.506.56 ¾
72.902.558.30	61.345.447.88 ¾
54.000.574.60	57.523.891.92
52.242.137.68	48.697.963.30
52.574.540.6	63.189.724.25 ¼
53.012.114.87	
58.119.506.96	
66.500.740.9	
1.017.472.203.43 ¾	934.138.403.12 ¾

Внутренние и внешние займы Комиссии погашения долгов (1817–1822 гг.)

Для сокращения количества ассигнаций, находящихся в обращении, Комиссия погашения долгов заключила два внутренних 6%-ных и два внешних 5%-ных займа. Условия их, изложенные в записке «Обозрение займов с учреждения Государственной комиссии погашения долгов», состояли в следующем:

Первый Ассигнационный заем

При учреждении Комиссии погашения долгов издано было положение о приеме вкладов в оную с 1 июля по 20 декабря 1817 г. ¹ на следующем основании:

1. Вклады принимались как от российских, так и иностранных подданных ассигнациями, билетами Заемного банка и звонкою российской монетою, токмо круглыми числами.

2. На каждый вносимый капитал присовокуплялась в премию пятая часть оногo и сверх того, взамен издержек вычитался единовременно один процент со всего капитала в пользу вкладчика.

3. Вклады сии поступали в разряд долгов бессрочных с непрерывным доходом по 6 на сто и составили по Государственной долговой книге I заем. Суммы, по оному поступившие, 28 252 237 руб. 82 $\frac{1}{4}$ коп. обращены на уменьшение количества ассигнаций и преданы сожжению.

Второй Ассигнационный заем

Вследствие высочайше подтвержденного положения от 16 июня 1818 г. ², открыт был в Комиссии погашения долгов прием вкладов с 1 июля по 31 декабря 1818 г. на основании, подобном предыдущему, с тою токмо разностью, что премию назначено было по 15% на 85 и непрерывный доход в первый полугодный срок считался с 1 числа того месяца, в котором вклад был внесен в Комиссию, хотя бы то было в половине или последних числах месяца.

Поступившие по сему вклады 68 052 786 руб. ассигнациями, 26 150 руб. серебром и 2805 золотом составили IV заем и сумма, от оногo происшедшая, предана сожжению ³ <...>.

¹ ПСЗ-1. Т. 34. № 26851. С. 292–293.

² Там же. Т. 35. № 27385. С. 317–318.

³ В конце записки условия первого и четвертого 6%-ных займов были рассмотрены еще раз:

Первый серебряный заем

По именному указу от 16 августа 1820 г.⁴ для погашения ассигнаций открыт заем в 40 млн. руб. серебром⁵ посредством банкиров Беринг и Гоппе с платежом непрерывного дохода по 5 на сто в год в два срока, 1 марта и 1 сентября, и с назначением 2% на капитал погашения на следующих главных условиях:

1. За вписанные в Государственную долговую книгу 1 сентября 1820 г. 13 250 000 руб., 1 марта 1821 г. 13 500 000 руб. и 1 сентября того же года 13 250 000 руб. серебром банкиры Беринг и Гоппе обязались заплатить в 18 сроков, а именно 1 числа каждого месяца, начи-

«1-й 6% заем открыт был на основании высочайше утвержденного в 10 день мая 1817 г. (ПСЗ-1. Т. 34. № 26851. С. 292–293) положения, и составился из добровольных вкладов, внесенных на следующем главном основании:

1. Вклады были принимаемы ассигнациями, билетами Заемного банка, равно серебряною и золотою российскою монетою.

2. На каждый внесенный капитал предоставлена была в премию пятая часть оного. т. е. на каждые 100 рублей присовокуплялось 20 процентов к капиталу.

3. Взамен издержек, сопряженных с присылкою денег по почте или с переводом по комиссиям, предоставлен был в пользу вкладчиков один процент со всего внесенного капитала.

4. Все таковые вклады со времени вписания в Государственную долговую книгу приносят 6% со всего капитала.

4-й 6% заем составился на основании высочайше утвержденного положения 16 июня 1818 г. (ПСЗ-1. Т. 35. № 27385. С. 317–318), также из добровольных вкладов.

1. Вкладчикам оного было предоставлено вносить свои капиталы серебряною и золотою российскою монетою и государственными ассигнациями, также билетами банков Коммерческого и Заемного.

2. За каждые 85 рублей звонкою монетою или ассигнациями было записываемо на имя вкладчика 100 руб. тою же монетою.

3. На внесенные вклады выданы бессрочные билеты, приносящие по 6% со всего капитала.

4. Для выкупа капитала обоих сих займов постановлено отделять ежегодно, на всю сумму оных, два процента из 30 млн руб. на погашение ассигнаций определенных» (РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 32. Л. 65–66. См. также: *Гурьев А.Н.* Очерк развития государственного долга... С. 20–21; *Ламанский Е.И.* Статистический обзор операций государственных кредитных установлений с 1817 года до настоящего времени // Сборник статистических сведений о России. СПб., 1854. Кн. II. С. 177; *Гейлер И.К.* Сборник сведений о процентных бумагах России. С. 48–50).

⁴ ПСЗ-1. Т. 37. № 28381. С. 412.

⁵ В Государственную долговую книгу по этому займу было записано: 40 106 000 серебром (ОР РНБ. Ф. 484. Д. 31. Л. 7 об.).

ная с октября 1820 по март 1822 г., по 1 600 000 руб. серебром, всего же 28 800 000 руб. с учетом 3% за комиссию и другие расходы, что составляет 864 000 руб.

2. В число ежемесячного платежа четвертая часть вносима была в Комиссию погашения долгов ассигнациями или билетами банков Заемного и Коммерческого по курсу, на Амстердам бывшему в предшествовавший срок платежа биржевой день, и по приведении голландских гульденов в серебряные рубли, считая каждый в 36 ½ штиверов. В случае преждевременного взноса сей части предоставлены были в пользу оных банкиров с заплаченных прежде сроков сумм проценты по расчету времени, считая по 5% в год.

3. На прочие три четверти ежемесячного платежа Комиссия погашения долгов кредитовалась частью в Амстердаме у банкиров Гоппе и частью в Лондоне у банкиров братьев Беринг.

Сии последние обязаны были платить по 4% в год за те суммы, которые в срок Комиссиею от них востребованы не были. Обязанность сия на Гоппе не распространялась.

Из сего займа впоследствии именными указами 7 октября 1821 и 7 февраля 1822 г. 13 250 000 руб. серебром отнесены на счет Государственного казначейства, которое отпускает в Комиссию особые суммы как на платеж непрерывных доходов, так и на выкуп сей части капитала.

Второй серебряный заем

На основании именного указа от 23 июня 1822 г. ⁶ учинен заем 43 млн. руб. серебром посредством банкира Н.М. Ротшильда в Лондоне с платежом непрерывного дохода по 5% на год в два срока, 1 марта и 1 сентября, на погашение коего назначен 1% ежегодно с причислением к оному непрерывного дохода, который будет оставаться свободным после выкупленных капиталов. По сему займу выданы свидетельства по особой форме на следующие капитальные суммы, на 720, на 960, на 3360 и на 6720 руб. серебром с 24 купонами для каждого на получение непрерывного дохода: здесь в Комиссии или в Лондоне от банкира Ротшильда полагали 37 пенсов за рубль; чрез 12 лет купоны сии имеют быть возобновляемы, самые же свидетельства могут быть обращаемы в бессрочный долг.

Существо условий суть следующее:

1. Заем сей разделен на две части. За первую часть, состоящую из 23 млн., он обязался заплатить по 77% 17 710 000 с 1 мая

⁶ ПСЗ-1. Т. 38. № 29073. С. 234–235.

по 1 февраля 1823 г. по 1 771 000 руб. ежемесячно; за вторую же из 20 000 000 — по 77½ % 15 500 000 руб. с 1 марта по 1 декабря 1823 г., по 1 550 000 ежемесячно. Непрерывный доход на первую часть займа определен с 1 марта 1822 г., на вторую же с 1 марта 1823 г., сверх того из 23 млн. руб. правительство обязалось заплатить Ротшильду ½% комиссии.

2. Сумму, на основании сего условия происходящую, Ротшильд обязался доставить слитками золота, полагая 3 ф. 19 ш. на унцию стандарт в 22 карата, и ¼ слитками серебра, полагая 60 пенсов на унцию стандарт в 11⅓ унций на фунт; за доставление металлов назначено в пользу его ¾ % с первой части займа и ¼ % со второй части; в течение 1822 г. Ротшильд должен был выслать слитков на 8 855 000 руб. серебром.

3. Правительство вправе оставить в Лондоне у банкира Н.М. Ротшильда часть фондов по сему займу, не обращая в слитки.

На остающиеся суммы у Ротшильда он обязан платить 4% в год за все время со дня оставления оных у него до истечения срока тратт, со стороны Министерства финансов сделанных.

4. За все суммы, назначенные к высылке в Петербург слитками из первой части займа, которые не будут высланы до 1 января 1823 н.ст., Ротшильд обязан платить 5% в год с того числа по день отправления оных.

5. В случае надобности Ротшильд соглашается производить сам платежи за 6 месяцев непрерывных доходов, получая на таковую сумму по 5% в год.

Из сего займа на основании именного указа от 6 апреля 1823 г. на счет Казначейства отнесены 11 500 000 руб., за которые непрерывный доход и один процент на выкуп капитала ассигнуется сверх 30 млн. руб. на погашение ассигнаций определенных; прочие же 31 500 000 руб. предоставлены указом от 6 апреля 1823 г. Комиссии для дальнейших операций к возвышению достоинства государственных ассигнаций ⁷.

По расчетам А.Н. Гурьева, всего по четырем займам (первому, четвертому и двум серебряным) было изъято около 302 млн. руб. ассигнаций ⁸.

Е.Ф. Зябловский, опираясь на отчет министра финансов за 1830 г., отмечал, что «состояние Государственной долговой книги к 1 января 1831 года было следующее: I. Срочные долги: а) внеш-

⁷ РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 32. Л. 55–60 об.

⁸ Гурьев А.Н. Денежное обращение в России в XIX столетии. С. 71.

ний голландский 58 491 000 гульденов: в) внутренние: серебром 2 016 000 руб., ассигнациями 36 532 826 руб. 58 коп. II. Бессрочные: а) золотом 14 220 руб., серебром 75 102 012 руб. 93 ½ коп., ассигнациями 230 330 171 руб.». 14 мая 1831 г. в Амстердаме у банкиров Гоге и К^о был заключен новый заем до 20 млн. руб. серебром (72 млн. руб. ассигнациями). Итак, с учетом этой суммы все срочные и бессрочные долги в пересчете на ассигнации составили 795 234 259 руб. 24 коп. ⁹.

⁹ Зябловский Е.Ф. Российская статистика. СПб., 1832. Ч. 1. С. 164–165.

К истории зарождения страхового дела в России

История страхования в Российской империи начинается со второй половины XVIII в., когда успешное его развитие, в первую очередь в Англии, Гамбурге, а затем во Франции и во многих городах Германии, побудило правительство российского государства обратиться к этому виду деятельности. В это время «в Остзейском крае» вводилось страхование от пожаров, причем возмещение убытков по страховым случаям происходило в основном строительными материалами. Первые общества взаимного страхования возникли в 1765 г. в Риге и в 1797 г. в Либаве ¹. А в 1798–1799 гг. в соответствии с уставами столичного города С.-Петербурга и столичного города Москвы при Камеральном департаменте должны были быть созданы «для пожарных случаев Ассекуранц-контора или Фейер-кадастр». Эта контора должна была иметь у себя книгу, в которую бесплатно записывали тех, кто хотел «каменные дома, фабрики и прочие строения ассекурировать, с объявлением от хозяев таковым их собственностям цен; но дабы при том сохранена была надлежащая справедливость, то Камеральный департамент обязан принимаемые в Ассекуранц-контору строения свидетельствовать, подлинно ли они объявленных цен стоят и безопасно ли от пожарных случаев выстроены. Если же из числа таковых ассекурированных каменных строений какое-либо сгорит, то департамент свидетельствует и оценивает оставшееся строение, и наконец за исключением того платит претерпевшему убытки, собирая во удовлетворение такового со всех записывавшихся по мере объявленных их строениям цен, по расчислению, что каждому на рубль заплатить придется; но дабы не было неблагонамеренным людям какого-либо поводу к умышленному сожжению строения, для скорейшего обращения оногo чрез то в наличные деньги: то контора не принимает в ассекуранс строение ценою более как в три четверти того капитала, в которой оно оценено, и таким же размером и плату производит. Для деревянных же строений учреждается особливая Ассекуранц-контора, в которой также желающие записываются, но не иначе как со взносом ежегодно положенных процентов с капитала, во что дом оценен, наблюдая впрочем те же правила, какие для каменных строений выше уже означены» ². Это начинание даль-

¹ Воблый К.Г. Основы экономики страхования. Киев, 1915. С. 248; История торговли и промышленности в России. Т. 1. Вып. 4. С. 33.

² ПСЗ-1. Т. 25. № 18663. С. 375–376, № 18822. С. 533–534.

нейшего развития не получило, так как уставы столиц остались на бумаге³.

23 ноября 1781 г. в 10 главе второй части Устава купеческого водоходства суть страхования объяснялась следующим образом: «Застрахование есть: буде кто корабль или судно, или товар или груз, или иное что для предохранения несчастливого случая или опасности, или истребления или разорения, за некоторую плату, соразмерно долготе и свойству пути или времени года, или иным обстоятельством, отдаст обществу, учрежденному для предохранения несчастливых случаев, и получит от оногo письменное обязательство во уверение, что страховое общество обязуется платить полную цену отданного на страх корабля или судна, или товара, или груза, или иного чего»⁴. Таким образом, еще в 1781 г. Екатерина II предприняла попытку организации страхования морских судов и перевозимых ими товаров.

Так как ни в городах, ни в деревнях никаких следов страховой деятельности российских обществ не обнаруживалось, то жители С.-Петербурга во второй половине XVIII в. предпочитали страховаться в Англии, что не радовало правительство. Поэтому Екатерина II стремилась «освободить Россию от иностранных страховщиков»⁵. С этой целью в манифесте о создании Заемного банка от 28 июня 1786 г.⁶ отмечалось, чтобы он «в обеих столицах <...> и во всех городах, состоящие каменные дома принимал на свой страх, также каменные заводы и фабрики от всех их хозяев, которые бы о том восхотели просить, ценою в три четверти против того, как городскими оценятся ценощиками, в чем их оценку подлинником должно подать Городовой думе, а от оной по тому имеет представление в банк. Во всех несчастных приключениях, если бы дом, фабрика или завод сгорели, или тому подобным случаем истребились, банк заплатит хозяину той суммы, в которой оные приняты на страх; а всякой хозяин, за таковое от банка на его имение верное обеспечение, платить банку должен в начале каждого года по полтора процента с таковой суммы, в которой застраховано в оном его имение. Введу сию полезную выгоду, которой доселе не было <...> запрещаем всякому в чужие государства, дома или фабрики здешние отдавать на

³ Ляхов А.Н. Две основные формы огневого страхования в России в их историческом развитии. М., 1914. С. 3.

⁴ ПСЗ-1. Т. 21. № 15285. С. 312.

⁵ Воблый К.Г. Основы экономики страхования. С. 249.

⁶ ПСЗ-1. Т. 22. № 16407. С. 614–627; № 16408. С. 627–628; № 16409. С. 628–629; № 16481. С. 754–768.

страх и тем выводить деньги во вред или убыток государственный»⁷. 23 декабря 1786 г. был издан манифест, на основании которого при Заемном банке создавалась Страховая экспедиция, «для приема в оной каменных домов, заводов и фабрик». В этом документе еще раз подтверждалось «запрещение отдавать на страх в чужие государства дома или фабрики здешние, а потому тот, кто отныне на застрахованные каменные дома, фабрики или завода в чужих государствах поступит, не токмо лишится Нашего покровительства в случае ему от тамошних страховых контор обиды, но и да взыщется с него в пользу Приказа общественного призрения по полтора процента с той суммы, в коликкой он каменное здание в чужих государствах застраховал, и за столько лет, сколько бы оное застрахование продолжилось»⁸. Таким образом, страхование носило вспомогательный характер при ссудной операции. Цель приема на страх состояла в том, чтобы удерживать денежные средства в России. Страхование создавалось «на системе премий, одинаковых для всех категорий и разрядов (1½ % или 15 руб. с 1000 руб. страховой суммы), при очень сложной процедуре оценки, при максимуме страхования в ¼ оценки и приеме на страх только избранных рисков»⁹. В 1822 г. деятельность страховой экспедиции так оценивалась Государственным советом: «Экспедиция сия не имела расширения своих операций в рассуждении застрахования кораблей и товаров и сделалась впоследствии собственно банковую, а не общею страховою, как ей быть надлежало по манифесту 28 июня 1786 г., и хотя правило, воспрещающее отдавать дома и фабрики на страх в чужие государства, не отменено прямым законом, но потеряло силу свою с изданием 1798 г. манифеста о Вспомогательном банке, которому дозволено было принимать в залог заводы и фабрики, застрахованные в здешних или иных государствах страховых конторах»¹⁰. К 1822 г. в Страховой экспедиции было застраховано 95 каменных домов на сумму 1 660 000 руб.¹¹.

В начале XIX в. активную деятельность в С.-Петербурге развернуло агентство английского общества «Феникс». В компании страховали свое имущество большое число «весьма влиятельных лиц

⁷ Там же. № 16407. С. 621–622.

⁸ Там же. № 16478. С. 737–738. См. также: Там же. № 16481. С. 764. О страховых операциях Заемного банка с 1787 по 1800 г. см.: Морозан В.В. История банковского дела в России... С. 87–91.

⁹ Ляхов А.Н. Две основные формы огневого страхования... С. 2.

¹⁰ АГС. Т. 4. Ч. 1. Ст. 320.

¹¹ Там же. Ст. 320; История торговли и промышленности в России. Т. 1. Вып. 4. С. 1.

столицы». На страх принимались не только строения, товары, но и корабли, которые могли находиться в гавани или на стапелях. Как отмечал А.Н. Ляхов: «Идея страхования была понятна в высших слоях петербургского общества. В тех же кругах была понятна выгода страхового предпринимательства»¹².

Непродолжительные период (1797–1805)¹³ страхование товаров осуществляла Страховая контора при Ассигнационном банке, которая создавалась «для приема тех товаров, под которые хозяева от Учетной конторы, при том же банке учрежденной, получить могут в учет товаров деньги». Поэтому для предотвращения «подлога или обмана» Страховая контора каждый раз, когда кто-либо хотел застраховать свои товары, должна была уведомлять об этом Учетную контору «с изъяснением качества, количества и хозяина оных. Товары сии не иные могут быть, как действительно российских продуктов, заводов, фабрик и изделий»¹⁴. В 1800 г. был обнародован указ об учреждении «страховой компании для кораблей и товаров», однако «за неимением акционеров» он не был реализован¹⁵. 19 января 1812 г. был утвержден доклад министра внутренних дел о создании Страхового общества в Феодосии¹⁶.

Поощрить купцов к страхованию должен был указ от 14 июня 1817 г., по которому в качестве залога при заключении контрактов на поставку в казну вина принимали застрахованную недвижимость «в полных суммах» и незастрахованную «с уменьшением 4 части из оценки, в свидетельстве показанной»¹⁷.

Отток за границу миллионов рублей в виде страховых премий и «неудачи первых попыток введения страхования», вызванные фи-

¹² Ляхов А.Н. Две основные формы огневого страхования... С. 4.

¹³ Воблый К.Г. Основы экономии страхования. С. 249; Ляхов А.Н. Две основные формы огневого страхования... С. 3–4.

¹⁴ ПСЗ-1. Т. 24. № 18275. С. 839; Т. 25. № 18436. С. 162–163 ; Т. 26. № 19246. С. 11–13; Т. 29. № 22042. С. 120. См. также: ОР РНБ. Ф. 484. Д. 193. Л. 1–10.

¹⁵ АГС. Т. 4. Ч. 1. Ст. 344; Крюков В.П. Исторический очерк развития страхования. Покровск, 1915. С. 24. Очевидно, речь идет об указе от 17 августа 1800 г. о создании Страховой конторы в С.-Петербурге (ПСЗ-1. Т. 26. № 19516. С. 261–264).

¹⁶ ПСЗ-1. Т. 32. № 24956. С. 14–15. См. также: Шепелёв Л.Е. Акционерные компании в России: XIX — начало XX века. СПб., 2006. С. 32–33.

¹⁷ ПСЗ-1. Т. 34. № 26927. С. 395–397. См. также: Носова Г.В. О становлении страхового дела в России в первой половине XIX в. // Финансы. 2008. № 3. С. 52.

скальным характером упраздненных контор¹⁸, заставили российское правительство обратить внимание на развитие отечественных страховых учреждений.

В июне 1822 г. Д.А. Гурьев представил проект создания государственной страховой конторы «вместо Страховой экспедиции Заемного банка». Появление этого учреждения имело «целью распространение в России застрахования, которого спасительное действие объемлет разного рода собственность, промышленность, торговлю и оные оживляет». Государственную страховую контору предполагалось создать «на следующих правилах: 1) для облегчения страховых операций присвоится страховой конторе капитал, Государственному казначейству принадлежащий и обращавшийся доселе в Заемном банке. Капитал сей имеет быть храним в Коммерческом банке. Но дабы не лежал оный праздно, предполагается обращать оный <...> в ссуду для поощрения промышленности. 2) Страхование предполагается распространить: а) на каменные и деревянные всякого рода строения, равно на товары и всякую движимость в столицах; б) на каменные строения в губернских и уездных городах; в) на фабрики каменные и деревянные в городах и уездах. Застрахование может впредь распространено быть на корабли и другие предметы, по дальнейшему усмотрению правительства. 3) Товары предполагается страховать не менее как на три месяца; дома и другие строения не менее как на год и не более как на пять лет. При истечении сроков, страхование может быть возобновлено. 4) Платеж страховых денег не может быть установлен равный для всех предметов, но соответственно большей или меньшей опасности, какой оный подвержен от огня. Для сего составлена примерная таблица. Взимание страховых денег в оной определяется не менее $\frac{3}{8}$ и не свыше 3% в год. 5) В случае истребления пожаром застрахованного предмета касса платит убыток, по объявлении оного и надлежащем удостоверении в количестве оного. б) С учреждением страховой конторы должен быть возобновлен и приведен в действие закон, воспрещающий страховать в иностранных государствах те предметы, кои могут быть принимаемы на страх государственную конторою. 7) Если бы наличность кассы оказалась недостаточною к платежу убытков, причиненных пожаром, то деньги, на то потребные, заимствуются из государственной казны, которая во всем за оную отвечает»¹⁹.

21 августа 1822 г., во время обсуждения в Государственном совете проекта создания страховой конторы, некоторые из участников

¹⁸ Ефимов С.Л., Акимов В.В., Борзых В.Н. Страховое дело в России: веки истории. М., 1997. С. 70.

¹⁹ АГС. Т. 4. Ч. 1. Ст. 325–326.

заседания пришли к заключению, что российские граждане могли страховать свое имущество в иностранных конторах. Однако, по мнению Д.А. Гурьева, это разрушало одно из главных положений предложенного им проекта. Поэтому министр финансов посчитал необходимым еще раз объяснить свою позицию по данному вопросу. 4 сентября 1822 г. он представил в Государственный совет мнение, вначале которого изложил основные причины, побудившие Министерство финансов разработать проект создания страховой конторы. Во-первых, это «недостаток правил в настоящем образовании страховой Заемного банка экспедиции, несоответственность оных ни настоящему порядку вещей, ни пользе как страховщика, так и застрахователей и происшедшее оттого бездействие сей экспедиции». Во-вторых, «невозможность в настоящее время завести в России частные страховые конторы, по примеру других государств». В-третьих, «напрасный и бесплодный перевод за границу денег, платимых за страх», что было одной из главных причин создания Страховой экспедиции. В-четвертых, «приличное и общепольное употребление государственного капитала, в Заемном банке обращавшегося, который, по закрытии оного, делается свободным, присвоением оного государственной страховой конторе и вместе обращением оного на подкрепление промышленности и мануфактурных заведений».

Исходя из этого, Д.А. Гурьев полагал, что при создании страховой конторы, следовало принять меры, чтобы оградить ее «от явного подрыва и противодействия». Для этого необходимо было запретить, чтобы «предметы, принимаемые на страх государственной конторой», отдавались «на страх в конторы иностранные». Кроме того, надлежало должным образом обеспечить выгоды страхователей: «а именно: премию определено умеренное и сколь возможно уравнительное, по соображению с количеством премии, взимаемым иностранными конторами; оценка предоставлена самим хозяевам с тем дополнением, что если контора не примет на страх чего-либо в полной цене, то им предоставляется право на остальную часть страховать в других конторах; для вознаграждения за ущерб, пожаром причиненный, положен срок гораздо кратчайший, нежели какой нужен на получение подобного вознаграждения из Лондона или Гамбурга; наконец, чтобы, в случае споров по застрахованию, не подвергнуть страхователя разбирательству судебным формальным порядком, всегда и везде более или менее продолжительным, допущен суд медиаторский».

Таким образом, «если со стороны правительства приняты все меры к неприкосновенному соблюдению частных выгод, если оные

ограждаются не самовольными правилами, но свойственными существованию самого дела», тогда, по мнению Д.А. Гурьева, запрет на страхование в иностранных компаниях не может быть «стеснительным». Это правило, отмечал он далее, «необходимо для прочного существования государственной страховой конторы», так как «известно, что страховые иностранные конторы, особливо английские, издерживают там ежегодно почти половину получаемых ими страховых денег на содержание пожарных инструментов и работников, которое лежит большею частью на их обязанности. Но у нас, особенно в столицах, где сии конторы наиболее страхуют, пожарные команды доведены почти до совершенной исправности, содержатся на счет общественный и стоят больших сумм. Итак, для сих контор ничего не значит убавить премию, чтобы подорвать операции государственной страховой конторы, и тогда еще оные останутся в большом выигрыше; ибо пожарная предосторожность не требует со стороны их никаких издержек, никакой заботливости. Что же останется для страхования в государственной конторе? Фабрики, в залог по ссуде представляемые, и такие предметы, которые, по видимой опасности от огня и по расчету сопряженных с тем рисков, иностранцы на страх свой взять не желают; но и самые фабрики также принадлежат к предметам, большой опасности подверженным; ибо ценность оных составляют не столько строения, сколько фабричные орудия, сырые продукты и отделанные товары, большей частью легко загорающиеся. А как прямую и необходимую выгоду страховых учреждений составляет соединение больших и малых по застрахованию рисков то очевидно, что контора, быв принуждена ограничиться одними большими рисками, по необходимости должна понести будет важные убытки, которые не токмо поглотят страховые деньги, но и собственный ее капитал». Кроме того, замечал далее Д.А. Гурьев, «в последние годы, с умножением в иностранных государствах страховых обществ, весьма распространилось страхование и в России, что весьма естественно, ибо общества сии повсюду имеют своих агентов, действующих к расширению их операций. Уверяют, что сумма цены застрахованных в России предметов простирается уже далее 300 000 000 и что она возрастает постепенно. Положим, что половина взимаемого с сей массы премию возвращается за убыток, пожарами причиненный, но другая, в явный ущерб государственный, остается навсегда за границею. Если Екатерина II рассудила за благо положить преграду таковому напрасному переводу денег в то время, когда страхование в России было весьма незначительно, тем более нужна сия мера в настоящих обстоятельствах».

Д.А. Гурьев еще раз подробно остановился на рассмотрении основных причин, по которым следовало запретить страхование

иностранным конторам, в первую очередь английским. Во-первых, потому, что именно английские конторы «наиболее страхуют в России», однако они «имеют общим правилом преимущественно удовлетворять страхователей, коих застрахованные имущества находятся в самой Англии, а потом уже иноземных. Итак, в случае больших пожаров в Англии, легко статья может, что российский страхователь или ничего, или весьма мало получит за свой убыток, тем более, что общества сии действуют капиталом ограниченным и далее сего капитала не отвечают». Во-вторых, «иностранные конторы вообще страхуют не на российскую, но иностранную монету, что впоследствии при переводе денег, в случае платежа за убытки от пожара, навлекает российским страхователям значительные издержки, происходящие от курсовых и других расчетов». В-третьих, «агенты контор английских, как то означаетя в самих полисах, ничем не отвечают страхователям; следственно, в случае каких-либо споров по застрахованию, российскому подданному надобно иметь дело с самою конторою и иметь там поверенного. Но сие подвергает его новым убыткам. Вообще обстоятельства сии, весьма неблагоприятные для здешних страхователей, большей части нашей публики неизвестны»²⁰.

Несмотря на то, «что в общем собрании Государственного совета» 28 августа 1822 г. были высказаны замечания по предложенному проекту, тем не менее сама идея создания страховой компании была принята единогласно. Однако у Д.А. Гурьева возникли, очевидно, новые обстоятельства, о которых он докладывал Александру I, и в январе 1823 г. в Государственном совете было принято решение приостановить представление проекта создания государственной страховой компании на высочайшее рассмотрение «впредь до дальнейшего о том распоряжения»²¹.

Наряду с Д.А. Гурьевым владельцы крупнейших купеческих компаний «„Штиглиц и К^о“, „Томсон Бонар и К^о“, „Мейер, Брюкснер и К^о“, „Блессиг и К^о“ и „Сыновья Алексея Жадимеровского“²², изъявили желание, по взаимному согласию, составить <...> страховую компанию, основав капитал ее на акциях». Александр I предложил Д.А. Гурьеву обсудить проект создания частной страховой компании с представителями указанных торговых домов и внести его на

²⁰ АГС. Т. 4. Ч. 1. Ст. 344–348. См. также: ОР РНБ. Ф. 484. Д. 144. Л. 1–27 об.; *Морозан В.В.* История банковского дела в России... С. 218.

²¹ АГС. Т. 4. Ч. 1. Ст. 357.

²² См. также: *Ефимов С.Л., Акимов В.В., Борзых В.Н.* Страховое дело в России... С. 70.

утверждение в установленном порядке, что и было им сделано. Суть составленного положения о С.-Петербургской страховой компании состояла «в том: 1) что означенные купеческие дома учреждают, под названием „С.-Петербургского феникса“, компанию для вознаграждения убытков от пожара, с обязательством взаимной друг за друга ответственности. 2) Капитал компании составит 10 000 000 руб. ассигнациями, и на сумму сию определяется 10 000 акций, из коих половина будет принадлежать основателям компании, 1000 акций Коммерческому банку, а остальные 4000 акций могут быть приобретаемы каждым с платежом 1000 руб. за акцию. Основатели компании и банк вносят однако за свои акции по 10% только с обязательством немедленно представить следующую по расчету сумму, когда вознаграждение за вред, причиненный пожаром, составит более 10%, а самые их акции останутся в хранении правительства. 3) Основатели присвоят себе право выходить из компании, заменяя одно лицо другим. 4) Деньги, в компанию поступающие, будут вносимы в Коммерческий банк для обращения из процентов. 5) Управление компании предназначается из представителей вышепомянутых пяти купеческих домов, одного директора от банка и трех акционеров; ежегодные отчеты представляются общему собранию акционеров, а после публикуются чрез напечатание. 6) Из чистой прибыли по отчету отлагается до половины в запасной капитал, а достальная разделяется по акциям. 7) Компания учреждается на 15 лет и пользуется исключительною привилегиею застраховать от пожаров имущества в С.-Петербургской, Московской, Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губерниях, с воспрещением заводить в сих местах другие страховые общества (кроме уже существующих). Впрочем, компания не возбраняет себе страховать имущества и по всему пространству империи, но вне упомянутых 5 губерний позволяет решительно всякому застрахование в чужих краях и установление других компаний или обществ. 8) По упомянутым 5 округам оставляется сделанное за границею застрахование до истечения срока страховым билетам, но впредь запрещается оно под штрафом 5% всей цены застрахованного предмета в пользу компании. 9) Компания освобождается от всякого налога, за исключением гербового сбора по 50 коп. с тысячи руб. страха, которые получаемы будут от страхователей. 10) Тяжбы, могущие возродиться между страхующими и компаниею, решатся окончательно третейским судом. 11) Директоры и комиссионеры их никому не дают отчета, кроме правления компании, в розысканиях после пожара и никогда не отвечают собственным имуществом. 12) Уничтожение компании до истечения срока предопределяется в двух случаях: а) если капитал уменьшится до поло-

вины; б) когда уничтожение сие будет требуемо и доказано всеми 9 директорами, составляющими правление компании. 13) Компания состоит под покровительством министра финансов, и ежели сочтет нужным делать какие изменения в правилах для пользы своей, то вносит на дальнейшее утверждение. 14) Затем о предметах, принимаемых на страх, о порядке страхования и о удовлетворении за убытки, причиненные пожаром, изложены особые статьи в положении, а премии определяются по мере опасности от $\frac{3}{8}$ до 3% в год»²³.

Однако предложенный проект создания С.-Петербургской частной страховой компании в ноябре 1823 г. не был одобрен Департаментом государственной экономии. Министр финансов, в свою очередь, согласившись с этим решением, главное препятствие на пути создания частной страховой компании видел в том, что ее деятельность напрямую была бы связана с операциями государственных кредитных учреждений, в том числе и Заемного банка, преобразование которого к тому времени еще не было завершено. Поэтому Департамент государственной экономии проект создания С.-Петербургской страховой компании направил министру финансов, для того чтобы он определил, «лучше ли учредить страховую контору от одной казны, или с соучастием акционеров, или же посредством соединения разных капиталов в одну общую частную компанию». Кроме того, Государственный совет считал, что было бы «желательно <...> чтобы дело сие, два года в движении находящееся, получило окончание в непродолжительном времени; почему и поставить на вид министру, что чем скорее положит он на мере основание таковому заведению в России, тем ощутительнее будет польза оногo»²⁴.

В январе 1825 г. Е.Ф. Канкрин подал в Государственный совет предложения о создании страховой компании, в котором изложил основные правила страхования с учетом замечаний, высказанных в Государственном совете при рассмотрении прежних проектов. Так как вопрос о создании страховой компании уже неоднократно обсуждался в течение двух последних лет, то министр финансов счел необходимым сделать только «некоторые отступления, неотяготительные для страхователя, но необходимые для охранения конторы от злоупотреблений» по сравнению с обсуждавшимися проектами. О том, что страховая контора в России необходима, Е.Ф. Канкрин прекрасно понимал. Страховая экспедиция при Заемном банке больше не соответствовала цели ее учреждения, а «иностранные страховые

²³ АГС. Т. 4. Ч. 1. Ст. 355–357.

²⁴ ОР РНБ Ф. 484. Д. 144. Л. 2–10; АГС. Т. 4. Ч. 1. Ст. 357–365.

компании, выводя деньги за границу и не делая никаких издержек на содержание пожарных команд и орудий, — отмечал он в своем проекте, — навлекают ущерб государственному богатству». Необходимо было только ответить на один вопрос: «кому предоставить право страхования? Казне ли одной, частной ли компании, или же казне с соучастием частных акционеров?» Е.Ф. Канкрин считал наиболее подходящим «учредить страхование от казны с допущением к участию в оном и акционеров на следующих основаниях: 1. Контору страховую учредить при Заемном банке вместо существующей при оном Страховой экспедиции. 2. На страхование назначить 15 000 000 руб. ассигнациями; сумма сия должна быть достаточна для операции в том круге, какой для оных в настоящем проекте предначертан. Можно возвысить капитал и до 25 000 000 (отнеся 15 000 000 на часть банка, а 10 000 000 на часть Сохранной казны, городских дум и частных акционеров); но тогда дивиденд сравнительно с числом акций будет весьма малозначителен. 3. Капитал сей 15 000 000 составляется посредством акций, каждая в 1000. 4. 4000 акций возьмут Заемный и Коммерческий банки, 2000 акций предоставляется взять Опекунским советам, 2000 акций городским думами и 3000 акций предназначаются для российских подданных всякого состояния. 5. Получающий акцию вносит наличные деньги и на оные, по прошествии каждого года, получает по 5% и дивиденд, составляемый из чистой прибыли страховой конторы, за отчислением всех расходов, вознаграждений за сгоревшие имущества и части прибыли в запасный капитал. 6. Убытки от пожаров вознаграждаются конторою сперва на счет страховых премий, буде же их неостанет из запасного капитала, если же и оный весь употребится — из процентов, на акции платимых, а затем уже из самого капитала акций. 7. Если бы от беспрепятственных несчастий капитал страховой акции уменьшился до половины, то созывается страховою конторою, по получении разрешения от высшего правительства, общее собрание акционеров, которому предлагается или дополнить недостающий капитал акций, или прекратить страховые операции. 8. Контора в настоящем виде ее учреждается на 12 лет. 9. По истечении сего срока от усмотрения правительства будет зависеть продолжить ее существование на сих или других правилах. 10. Что касается до круга действий страховой конторы, то признано удобным и капиталу конторы соразмерным распространить оный токмо на те предметы, которые наиболее застрахования у нас могут требовать, хотя некоторые из них сопряжены с вящим для конторы риском. Предметы сии суть: в столицах — движимое и недвижимое, в строениях всякого рода заключающееся, имущество. В окрестностях столиц: на расстоянии от оных 60 верст, каменные и деревянные

дома, исключая крестьянских изб и строений. В губернских городах: каменные всякого рода и деревянные строения. В уездных городах: каменные дома, фабрики и мануфактуры, таковые же фабрики и дома, имеющие деревянные пристройки. В уездах: каменные фабрики и заводы (кроме винокуренных), таковые же фабрики, имеющие деревянные пристройки. Из сего исключаются: сибирские губернии, кавказская область, Грузия и Бессарабия; первые — по отдаленности, а последние по новости ее устройства.

Представляя проект в Государственный совет, министр финансов отметил, что императрица Мария Федоровна выразила согласие, «чтоб Опекунские советы участвовали на вышеизложенном основании в предполагаемом страховом установлении»²⁵.

Проекты министров финансов Д.А. Гурьева и Е.Ф. Канкрина не получили поддержки Государственного совета. Поэтому 4 января 1826 г. Николай I поручил Е.Ф. Канкрину «обсудить с частными лицами — „нельзя ли учредить частную компанию на тех началах, кои более соответствовали предложениям Государственного совета“»²⁶. Е.Ф. Канкрин, в свою очередь, обратился к барону Л.И. Штиглицу с предложением разработать проект акционерной страховой компании, который, очевидно, не без помощи Н.С. Мордвинова²⁷, был подготовлен и вскоре утвержден императором. 27 июля 1827 г.²⁸ был обнародован указ о создании Российского страхового от огня общества, получившего монополию на 20 лет на страхование в обеих столицах и г. Одессе, С.-Петербургской, Московской, Лифляндской, Эстляндской, Курляндской губерниях. Оно освобождалось на этот период от платежа налогов, за исключением пошлин в казну по 25 коп. с 1000 руб. страховой суммы. Разрешалось застрахованное в обществе имущество принимать в залог во всех казенных и кредитных учреждениях. Тариф премий был заимствован у иностранных компаний, однако он был повышен в связи с тем, что в России существовала большая опасность возникновения пожаров²⁹.

²⁵ АГС. Т. 4. Ч. 1. Ст. 376–379.

²⁶ *Воблый К.Г.* Основы экономии страхования. С. 250; *Ляхов А.Н.* Две основные формы огневого страхования... С. 4–5; *История торговли и промышленности в России.* Т. 1. Вып. 4. С. 1–2.

²⁷ Воспоминания об адмирале графе Николае Семеновиче Мордвинове и о семье его. Записки дочери его, графини Н.Н. Мордвиновой. СПб., 1873. С. 84

²⁸ ПСЗ-2. Т. 2. № 1202. С. 551–570.

²⁹ *Воблый К.Г.* Основы экономии страхования. С. 248–252; *История торговли и промышленности в России.* Т. 1. Вып. 4. С. 7–11. *Шенелёв Л.Е.*

Таким образом, дискуссия о том, частными или государственными должны быть страховые компании при поддержке идеолога организации первой российской акционерной страховой компании Н.С. Мордвинова и самого Николая I, склонила чашу весов в пользу создания частных обществ³⁰.

Успешная деятельность Первого страхового от огня общества привела к тому, что в 1835 г. было создано Второе страховое от огня общество³¹ и «Российское общество для застрахования пожизненных и других срочных доходов и денежных капиталов»³², а в 1846 и

Акционерные компании... С. 33–35. См. также: Первый отчет Первого страхового общества; Дополнение к уставу Первого страхового общества; Избрание директора Первого страхового общества (Архив графов Мордвиновых. СПб., 1903. Т. 8. С. 146–149; 379–380; 571–573); Проект для предполагаемых патриотических страховых от пожарных случаев заведений; Правила для Патриотического страхового от пожарных случаев заведения в С.-Петербурге, под всемилостивейшим покровительством Его Императорского Величества; Императорский страховой банк; Проект Российского Императорского страхового банка (Там же. Т. 10. С. 87–112).

³⁰ В своем мнении, поданном в ноябре 1826 г. в Комитет министров, Н.С. Мордвинов отмечал, что «всякое соучастование в учреждении контор со стороны правительства, коего все дела, до имуществ казенных относящиеся, подвержены бывают медленным, затруднительным и не терпящим никаких потерь обрядам, в самом основании своем положит начало к скорому их разрушению. Если же, сверх того, как и предполагается, препоручено будет управление страховыми конторами казенным чиновникам, то, наверно, никаких нельзя ожидать от оных благотворных успехов, ибо чиновники сии, не участвуя ни в прибылях, ни в ушербах и служа только временно, не могут иметь в той степени попечительности, которая соделывала бы благосостояние контор прочным и утвержденным на неизменной доверенности лиц, застраховывающих свое имущество. Они притом, будучи подвержены строгой казенной ответственности, не могут быть столько снисходительны к удовлетворению потерпевших от пожара, сколько частные контор учредители, и тем самым уменьшать число желающих застраховывать». На этом журнале Комитета министров Николай I поставил следующую резолюцию: «Я совершенно разделяю мнение адмирала Мордвинова касательно большей пользы предполагаемых им контор; желаю знать, на чем остановилось дело в Государственном совете?» (Там же. Т. 8. С. 60–62. См. также: *Ефимов С.Л., Акимов В.В., Борзых В.Н.* Страховое дело в России... С. 32).

³¹ ПСЗ-2. Т. 10. Отд. 1. № 7930. С. 200–210. История торговли и промышленности в России. Т. 1. Вып. 4. С. 11–14.

³² ПСЗ-2. Т. 10. Отд. 2. № 8391. С. 944–945; № 8392. С. 945–958. Впоследствии это название было изменено на «Российское общество застрахования капиталов и доходов, учрежденное в 1835 г.», а с 1910 г. — Российское

1847 г. — акционерные компании «Саламандра»³³ и «Надежда»³⁴. 26 августа 1844 г. был утвержден устав Российского морского и речного страхового общества³⁵.

Таким образом, в отличие от Западной Европы, где развитие страхования напрямую было связано с инициативой торгово-промышленных кругов, в Российской империи оно в исследуемый период развивалось при непосредственном участии и по инициативе государства.

общество застрахования капиталов и доходов «Жизнь» (История торговли и промышленности в России. Т. 1. Вып. 4. С. 14).

³³ ПСЗ-2. Т. 21. Отд. 1. № 19661. С. 188–198.

³⁴ Там же. Т. 22. Отд. 1. № 21009. С. 215–219. *Ефимов С.Л., Акимов В.В., Борzych В.Н.* Страховое дело в России... С. 74–75; О страховом деле в России см. также: *Ильин С.В.* Страховое дело в России (XIX — начало XX вв.). М., 2001.

³⁵ ПСЗ-2. Т. 19. Отд. 1. № 18174. С. 519–530. См. также: *Крюков В.П.* Исторический очерк развития страхования. С. 26; История торговли и промышленности в России. Т. 1. Вып. 4. С. 17.

Ошибки графа Канкрин¹

Худые финансовые меры, следуемые нынешним министром финансов:

- 1) Отмена уменьшения числа ассигнаций и остановка в приведении единства в цене находящихся в обращении монет.
- 2) Постоянство, продолжающееся несколько лет, в курсе серебряной монеты на 3 руб. 75 коп. серебряного рубля на ассигнации.
- 3) Постоянство иностранного курса от 9 до 10 штиверов.
- 4) Дополнительные статьи коммерческие и промышленные.
- 5) Уменьшение в государственных доходах от 450 миллионов до 400 миллионов.
- 6) Возрастание недоимок в податях.
- 7) Недостаточные меры по казенным долгам уменьшением одного процента.
- 8) Незнание доныне правительству финансовой системы, которой следует Министерство финансов.
- 9) Дополнение итога доходов усечением от правительственных мест, потребных для правильного хода дел и благосостояния народных сумм.
- 10) Нарушение манифеста 1826 г. при коронации по ссудам для прокормления в голодное время крестьян.
- 11) При переводе долгов на должайшее время уплаты употребляемы способы — переводят 14 тыс. рублей, а с должника требуют проценты с 20 тыс. рублей <...>
- 12) Финансовые меры, доныне приемлемые, состоят из частных, и ни одной нет общественной.
- 13) На чрезвычайные расходы не было других мер, кроме займа и денег, полученных от персиян и турок.
- 14) Мелочные меры для внешнего мореплавания, как по построению судов, так и по заведению мореплавательной школы.
- 15) Препятствия к распространению на русских кораблях плавания и открытия новых портов для сбыта российских произведений, по проекту американских компаний.
- 16) Жестокость и несправедливость, введенные вновь в устав нового образования Заемного банка.
- 17) Отнятие у вкладчиков из пяти — одного процента и тем оста-

¹ В 1841 г. Н.С. Мордвинов составил целый перечень ошибок Е.Ф. Канкрин как министра финансов (Архив графов Мордвиновых. СПб., 1903. Т. 8. С. 702–705).

новка выкупа долгов и возвышения в цене долгов наших, при выкупе коих казна должна будет делать великие потери.

18) Отказ по губерниям, которые добровольно вводили в роспись земских сборов суммы на прививание оспы.

19) Отказ Вольному экономическому обществу в требовании оным из оброчных статей 50 тыс. рублей дохода в год.

20) Выпуск на 30 млн. рублей новых бумаг с платимыми процентами.

21) Займы, делаемые в чужих краях, когда внутри в России лежат до 800 млн. рублей из 4% и когда одного инвалидного капитала там же лежит до 11 млн. рублей и удельного.

22) Прибавка примечания в указе о взыскании новых пошлин таможенных за товары, находящиеся уже в России и в казенных амбарах, и принуждения по явной таковой несправедливости чрез несколько дней переменить указ, изданный от лица государя императора, и настояние министра финансов об удержании таковой несправедливости, нарушающей кредит к государству.

23) Для укрепления кредита никакой меры доньше от министра финансов не было еще представляемо.

24) Продолжение винной, пагубной для государства, продажи из казны горячих напитков.

25) Отделение казенных волостей от зависимости губернатора и земской полиции.

26) Никакой существенно пользой для государства меры доньше не было предъявлено министром финансов, и если некоторые и были, но столь недостаточны, что никакого успеха для блага не могли и не могут произвести. Сопротивление же его к предлагаемым от других лиц было всегда упорное.

27) Неосновательное присвоение себе увеличения таможенных доходов, когда причина оного есть быстрая деятельность в мануфактурных произведениях Англии, Франции и других земель, коим для сего потребны в большом количестве наши сырые произведения, кои составляют отпуск из России по внешней торговле.

28) Доведение всех сословий народа до получения меньших доходов, нежели каковые прежде они получали, почему на всех частных людях долги приумножились, и всеобщее стеснение распространилось, что доказывает уменьшение в деятельности народной, остановка в движении капиталов, уменьшение внутренней торговли и промышленности, увеличение скудости и страдания всеобщего.

29) Отказ денег на благополезные заведения и представления от министров просвещения и внутренних дел, также и лиц посторонних.

30) Мнение, что единство монеты есть обветшалая мысль, везде отвергнуто.

31) Отчуждение от всякого звания прямых и коренных начал и истории финансовой науки, будто глубокомысленные писатели утвердили, что первая для народов пагуба есть приумножение числа оного, что акт навигационный не способствует заведению купеческого флота в Англии, что знание усовершенствованного в России земледелия не нужно и не благополезно, и что для сего он не имеет денег, в то время, когда испрашивает для себя Чигиринскую область, и прочие его мнения, доказывающие его невежество и неспособность управлять государственным хозяйством.

32) Пособия его для распространения овчарных заводов, уже размножавшихся до той степени, что более производится шерсти, нежели требований на оную. Доказательство тому — упадок чрезвычайной цены на шерсть и предложение его по сему же предмету Вольному экономическому обществу.

33) Ложные внушения, что Россия процветает, что все другие народы погибают, что долги, лежащие на дворянах, произошли от мотовства и расточительности.

34) Непринятие, по неспособности, никаких финансовых мер для выведения России из стесненного положения и нераскрытие источников богатства, коими Россия от природы богато одарена, о чем я часто упоминал.

35) Сочиняет огромные уставы, не ведущие ни к какой существенной пользе.

36) Прибыли банковые помещает в росписи доходов и расходов государственных, вместо составления, как было прежде, банку капитала.

37) Сводит итоги доходов из отнятых у министерств нужных для управления сумм.

38) Занимает у Гопа в чужих краях 30 млн. рублей, когда лежат в России, в банках, значительные капиталы, принадлежащие инвалидам, уделам, военным поселениям, духовным училищам, приносящие по 4%, а мы платим иностранным по 6%.

39) Капитал погашения лежит в крепости и в руках Ротшильда без всякого обращения для уплаты процентов за занятые капиталы.

1841 г.

Использованные архивные фонды

Государственный архив Российской Федерации

Ф. 926 — Есипов Г.В.

Российский государственный архив древних актов

Ф. 11 — Переписка разных лиц

Ф. 19 — Финансы

Ф. 1482 — Гурьевы

Российский государственный исторический архив

Ф. 14 — Канцелярия Н.Н. Новосильцева

Ф. 19 — Департамент внешней торговли

Ф. 557 — Экспедиция о государственных доходах Сената

Ф. 559 — Департамент министра финансов

Ф. 560 — Общая канцелярия министра финансов

Ф. 561 — Особенная канцелярия министра финансов по секретной части

Ф. 565 — Департамент государственного казначейства Министерства финансов

Ф. 643 — Государственная комиссия погашения долгов

Ф. 994 — Мордвиновы

Ф. 1040 — Рибопьер А.И.

Ф. 1152 — Департамент экономии Государственного совета

Ф. 1162 — Государственная канцелярия Государственного совета

Ф. 1343 — Департамент герольдии Сената

Ф. 1409 — Собственная Его Императорского Величества канцелярия

Отдел письменных источников

Государственного Исторического музея

Ф. 33 — Малиновский А.Ф.

Ф. 258 — Материалы семьи Гурьевых

Ф. 278 — Бибииков Д.Г.

Ф. 426 — Московская экспедиция. Банки

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки

Ф. 484 — Собрание материалов по истории финансов России

Именной указатель

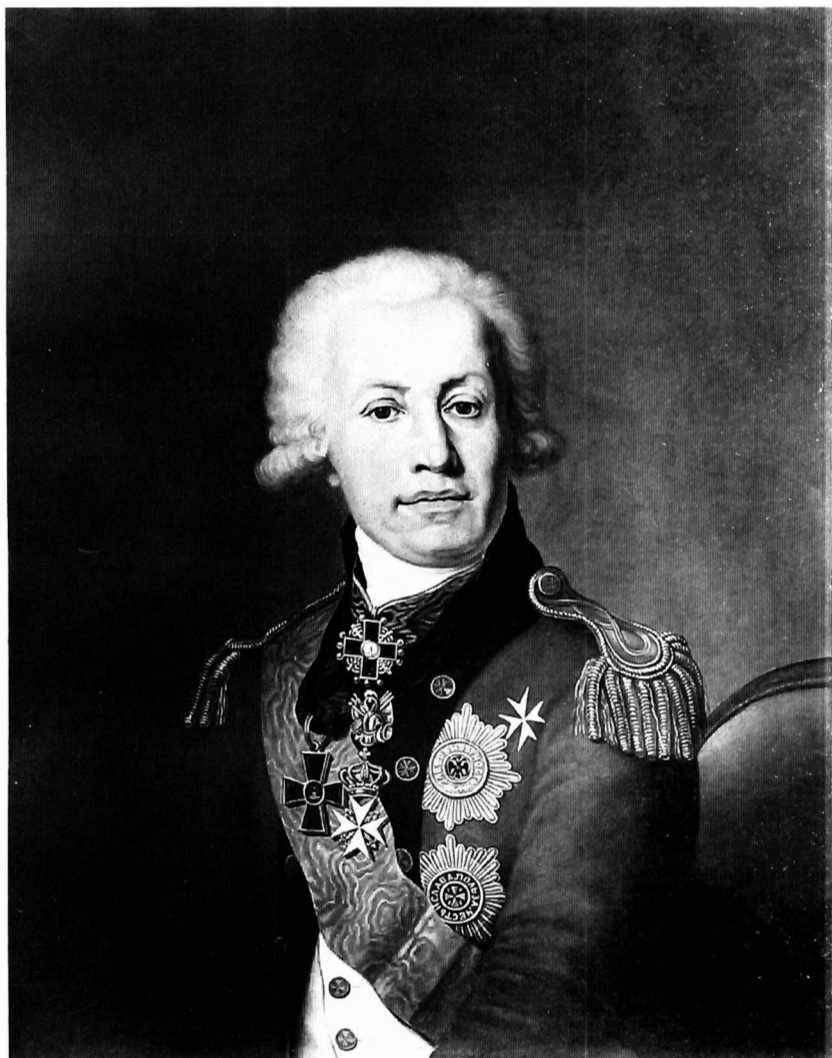
- Александр I (1777–1825) — 8, 10, 12, 13, 17, 42, 57, 58–60, 62, 66, 69, 71, 75, 76, 77, 80, 81, 85, 87, 90, 91, 101, 121, 131, 147, 164, 187, 189, 190, 193, 194, 197, 198, 200, 204, 256
- Анна Иоанновна (1693–1740) — 51
- Аракчеев Алексей Андреевич (1769–1834) — 50, 66, 72–76, 79, 90, 146
- Армфельдт (Армфельт) Густав Максимович (1757–1814) — 152
- Арсеньев Константин Иванович* — 29, 100
- Балугьянский (Балудянский) Михаил Андреевич (1769–1847) — 80, 88, 95, 97–102, 137
- Баранов Платон Иванович* — 100, 102
- Барклай-де-Толли Михаил Богданович (1757–1818) — 121, 189, 204
- Бенкендорф Александр Христофорович (1783–1844) — 81
- Бибииков Дмитрий Гаврилович (1791–1870) — 266
- Блюх Иван Станиславович* — 18
- Блудов Дмитрий Николаевич (1785–1864) — 102
- Бунге Николай Христианович* — 19
- Васильев Алексей Иванович (1742–1807) — 9, 59, 70, 71, 104
- Взметнев Петр Алексеевич (1790–1877) — 82, 83
- Вигель Филипп Филиппович (1786–1856) — 67–72
- Вилламов Григорий Иванович (1771–1842) — 74
- Вирст Федор Христианович (1762–1831) — 95
- Витте Сергей Юльевич (1849–1915) — 18
- Воронцов Семен Романович (1744–1832) — 74
- Вронченко Федор Павлович (1779–1852) — 222
- Вяземский Петр Андреевич (1792–1878) — 78, 79
- Гагарин Павел Гаврилович (1777–1850) — 91
- Герман Карл Федорович* — 29, 100, 101
- Голицын Александр Николаевич (1773–1844) — 69
- Голубев Петр Иванович (1797–1869) — 83, 85, 86, 136, 188
- Голубцов Федор Александрович (1758–1829) — 9, 71, 72
- Греч Николай Иванович (1787–1867) — 79
- Гурьев Александр Григорьевич — 67, 92, 93
- Гурьев Александр Дмитриевич (1786–1865) — 92
- Гурьев Александр Николаевич* — 19, 134, 247
- Гурьев Дмитрий Александрович (1751–1825) — 9, 14, 25, 28–30, 35, 36, 42, 45, 49, 50, 56, 57, 59, 62, 63, 66–94, 98–101, 124, 129, 131–133, 136–157, 161, 164–180,

- 182, 184, 185, 187–189, 192, 193, 195–201, 203–206, 208–212, 214, 215, 222–225, 253–256, 260
- Гурьев Николай Дмитриевич (1789–1849) — 92
- Гурьева (Салтыкова) Прасковья Николаевна (17?–1830) — 68, 70, 91
- Гурьева Елена Дмитриевна (179?–1834) — 92
- Гурьева Мария Дмитриевна (1785–1849) — 91, 92
- Дашков Дмитрий Васильевич (1788–1839) — 102
- Державин Гаврила Романович (1743–1816) — 43, 97
- Дивов Павел Гаврилович (1763–1841) — 71, 72
- Дидро Дени (1713–1784) — 79
- Дмитриев Иван Иванович (1760–1837) — 85, 121
- Дубенский Николай Порфирьевич (? — 1841) — 82, 83
- Екатерина II (1729–1796) — 32, 41, 43, 69, 168, 206, 250, 255
- Елизавета Петровна (1709–1761) — 68, 93
- Ермолов Алексей Петрович (1777–1861) — 84
- Еропкина Анна Михайловна — 67
- Журавский Дмитрий Петрович* — 29
- Завадовский Петр Васильевич (1738–1812) — 71, 72
- Зак Леонид Абрамович* — 196
- Зябловский Евдоким Филиппович* — 29, 247
- Ивернуа Френсис де (1757–1842) — 161–164
- Измайлов Александр Ефимович (1779–1831) — 82–84
- Имберг Алексей Осипович (1790–1864) — 202
- Иосиф II (1741–1790) — 99
- Кабузан Владимир Максимович* — 34
- Кампенгаузен Бальтазар Бальтазарович (1772–1823) — 74, 98, 161
- Канкрин Егор Францевич (1774–1845) — 9, 37, 38, 135, 180–182, 209–215, 217, 219, 222, 223, 225, 258–260, 263, 264
- Кауфман Илларион Игнатьевич* — 158
- Кикин Петр Андреевич (1772–1834) — 84
- Киселев Павел Дмитриевич (1788–1872) — 99
- Козодавлев Осип Петрович (1754–1819) — 86, 120
- Комаровский Евграф Федотович (1769–1843) — 86, 87
- Константин Павлович (1779–1831) — 75, 76
- Корф Модест Андреевич (1800–1876) — 72, 73, 79, 80, 97, 124, 127
- Косачевская Евдокия Марковна* — 96, 98
- Кочубей Виктор Павлович (1768–1834) — 69, 73, 89, 90, 98, 101, 121, 122, 161
- Кукольник Василий Григорьевич (1765–1821) — 99
- Куракин Алексей Борисович (1759–1829) — 187
- Кутузов Михаил Илларионович (1745–1813) — 197
- Лабзин Александр Федорович (1766–1825) — 91
- Ламанский Евгений Иванович* — 19
- Ламберт Яков Осипович (1773–1849) — 74
- Ливен Христофор Андреевич (1774–1838) — 196
- Лизунов Павел Владимирович* — 24
- Лю Джон (1671–1729) — 88
- Лодий Петр Дмитриевич (1764–1829) — 99

- Локоть Тимофей Васильевич* — 20
Лонгинов Николай Михайлович (1779–1853) — 74
Лопухин Петр Васильевич (1753–1827) — 89, 90
Ляхов Арсений Николаевич — 252
Малиновский Алексей Федорович (1762–1840) — 266
Мария Федоровна (1759–1828) — 74, 191, 260
Марченко Василий Романович (1782–1841) — 72
Медем (Балугьянская) Мария Михайловна — 100
Мечников Евграф Ильич (1770–1836) — 82, 83
Мигулин Петр Петрович — 129
Миллер Антон Иванович — 83
Михаил Павлович (1798–1848) — 100
Мордвинов Николай Семенович (1754–1845) — 58, 75, 98, 260, 261, 263
Наполеон I (1769–1821) — 85, 96, 213, 261
Нарышкин Александр Львович (1760–1826) — 74
Неккер Жак Франсуа (1732–1804) — 88
Нессельроде Карл Васильевич (1780–1862) — 78, 91, 195, 200
Николай I (1796–1855) — 87, 91, 100, 121, 223, 260
Николай II (1868–1918) — 59
Новосильцев Николай Николаевич (1762–1838) — 69, 99, 100, 161, 194, 195
Обресков Михаил Алексеевич (1759–1842) — 82, 83
Оленин Алексей Николаевич (1763–1843) — 90, 91
Павел I (1754–1801) — 10, 61, 69
Перетц Абрам Израилевич (1771–1833) — 81, 97
Перовский Василий Алексеевич (1795–1857) — 202, 203
Пестель Иван Борисович (1765–1843) — 81, 89, 90
Петр I (1672–1725) — 43, 46, 109
Печерин Яков Иванович — 20, 147
Попов Василий Степанович (1745–1822) — 71, 89, 90, 161
Потемкин Григорий Александрович (1739–1791) — 68
Потоцкий Северин Осипович (1762–1829) — 98
Пржецлавский Осип Антонович (1799–1879) — 80
Раупах Эрнст Вениамин Соломон (1784–1852) — 100
Репнин-Волконский Николай Григорьевич (1778–1845) — 201
Рибопьер Александр Иванович (1781–1865) — 75, 76, 84
Розенберг Иван Иванович (1766–1829) — 83
Розенкампф Густав Андреевич (1762–1832) — 71, 80, 100, 102, 152
Ростопчин (Растопчин) Федор Васильевич (1763–1826) — 69, 79
Румянцев Николай Петрович (1754–1826) — 72
Рунич Дмитрий Павлович (1778–1860) — 100
Салтыков Сергей Васильевич (1726–1813) — 67
Сверчков Алексей Васильевич (ок. 1791–1828) — 92
Сивков Константин Васильевич — 130
Скавронский Павел Мартынович (1757–1793) — 68
Скальковский Константин Аполлонович — 73
Смит Адам (1723–1790) — 75, 88, 101
Сперанский Михаил Михайлович (1772–1839) — 14, 25, 36, 46, 47

- 50, 52–55, 66, 72, 73, 75, 76, 80, 81, 88, 95–117, 122, 124, 127, 129–133, 137, 144, 146, 171, 172, 208, 210, 213, 215, 217, 222, 223, 238
- Столыпин Аркадий Алексеевич (1778–1825) — 75
- Строганов Павел Александрович (1779–1817) — 100
- Судейкин Власий Тимофеевич* — 135, 136
- Твердохлебов Владимир Николаевич* — 129
- Толстой Николай Александрович (1765–1816) — 69, 71
- Толстой Федор Петрович (1783–1873) — 39, 40, 73
- Трощинский Дмитрий Прокофьевич (1749–1829) — 69
- Туган-Барановский Михаил Иванович* — 41
- Тургенев Николай Иванович (1789–1871) — 49, 66, 77, 78, 87, 88, 96, 102, 151, 192, 193
- Тюрго Анн Робер Жак (1727–1781) — 88
- Уврар Габриэль Жюльен (1770–1848) — 88
- Уманец Федор Михайлович* — 98
- Фок Максим Яковлевич (1777–1831) — 81, 97
- Чарторьский (Чарторыйский) Адам Адамович (1770–1861) — 69, 100, 120, 121
- Чичагов Павел Васильевич (1767–1849) — 197
- Штейн Генрих Фридрих Карл (1757–1831) — 192–194
- Штенгель Владимир Иванович (1783–1862) — 37, 38, 81
- Шторх Платон Андреевич* — 19
- Эдлинг Роксандра Скарлатовна (1786–1844) — 91
- Энгельгардт (Скавронская) Екатерина Васильевна (1761–1829) — 68
- Якоб (Якоби) Людвиг Генрих (Людвиг Кондратьевич) (1759–1827) — 95, 96

ИЛЛЮСТРАЦИИ

А.И. ВАСИЛЬЕВ

Ф.А. ГОЛУБЦОВ

Д.А. ГУРЬЕВ

М.М. СПЕРАНСКИЙ

М.А. Балугьянский

Е.Ф. КАНКРИН

Н.С. Морозов

№787214

25

ОБЪЯВИТЕЛЮ СЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АССИГНАЦИИ ПЛАТИТЬ АССИГНАЦИОННЫЙ БАНКЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ РУБЛЕЙ ХОДЯЧЕЮ МОНЕТОЮ

1807 ГОДА.

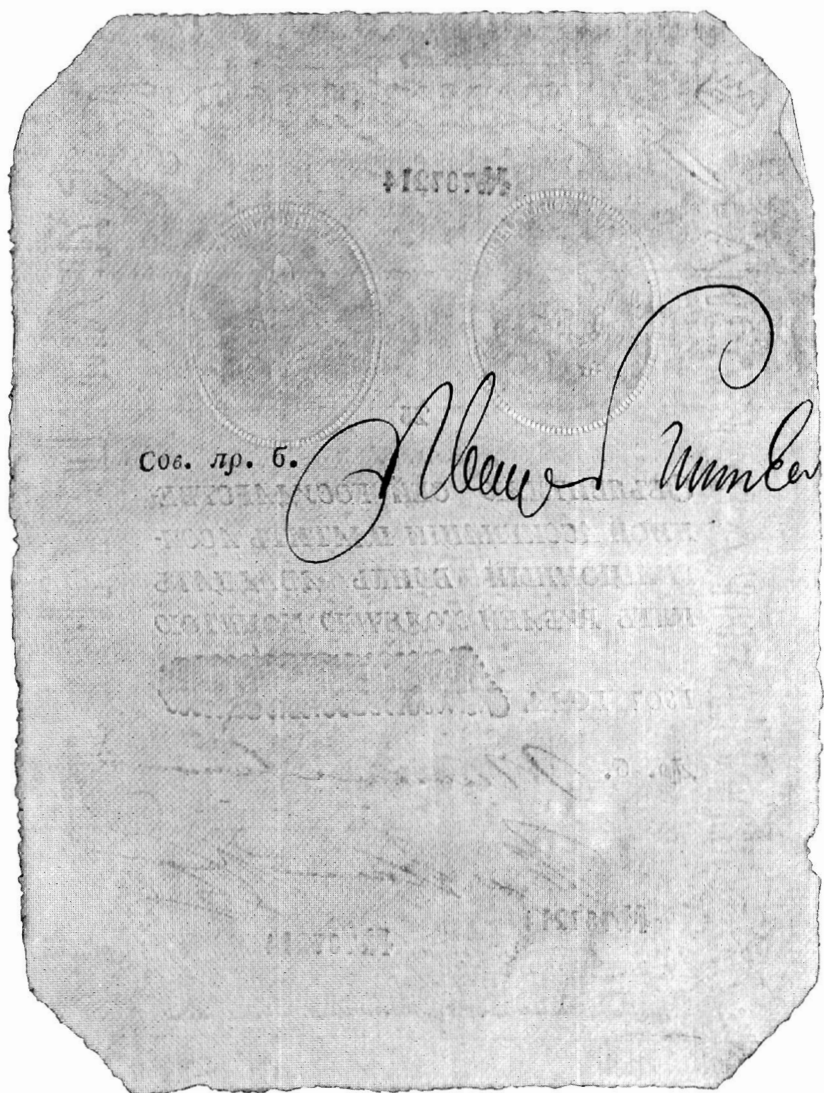
ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ

Др. 6.

№787214

№787214

Ассигнация 1807 г.

Ассигнация 1807 г., оборот

ОБЕЩАЮЩАЯ СЕБЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КАЗНАЧЕЙ
АССИГНАЦИЯ НА ДЕСЯТЬ РУБЛЕЙ

ДЕСЯТЬ РУБЛЕЙ

КРАМНОЕ КОШЕЛЕЧКО

Управляющий Банком императорским
П. П. Ершовъ

№ 6576074

№ 6576074

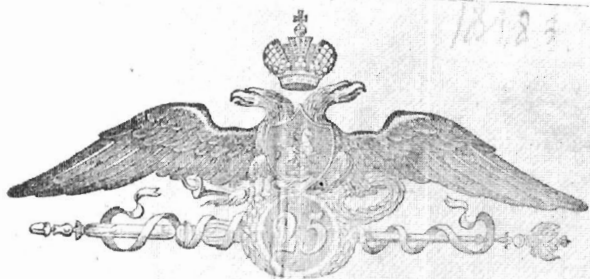
1819

1819

АССИГНАЦИЯ 1819 г.

АССИГНАЦИЯ 1819 Г., ОБОРОТ

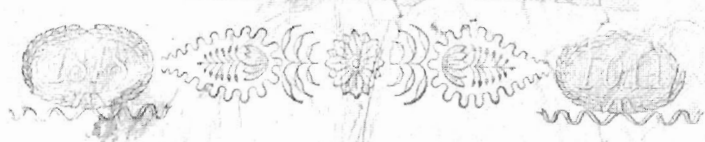
ОБЪЯВИТЕЛЮ СЕИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
АССИГНАЦИИ ПЛАТИТЬ
АССИГНАЦИОННЫЙ БАНКЪ
АВАДЦАТЬЯТЬ РУБЛЕИ
ХОДЯЧЕЮ МОНЕТОЮ.

Управляющий Кавказской

Кассы Валков

№ 8075096

№ 8075096

С. Богородское. Усадьба Гурьевых. Фото конца XIX — начала XX в.

Научное издание

Людмила Петровна Марней

**Д.А. Гурьев и финансовая политика России
в начале XIX в.**

Издательство «Индрик»

Корректор *Т. И. Томашевская*
Оригинал-макет *Г.А. Шпэт*

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside
Russia
and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications
may be ordered by
e-mail: nina_dom@mtu-net.ru

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
(ОКП) — 95 3800 5

Формат 60×90¹/₁₆. Печать офсетная.
18,0 п. л. Тираж 800 экз. Заказ № 1197

Отпечатано с оригинал-макета
в ППП «Типография „Наука“».
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., д. 6

